

Татьяна Устименко
Дважды невезучие

Пасынки удачи – 2

Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7068397
«Дважды невезучие: Фантастический роман»: Альфа-книга; Москва; 2014
ISBN 978-5-9922-1771-1

Аннотация

Если кто забыл, то мы – невезучие! Вернее, теперь уже Воины Судьбы, прибывшие на

остров богов, дабы попасть в их величайшее святилище, обрести счастье и спасти мир от надвигающейся гибели. Мы уже знаем, какую цену придется заплатить за исполнение своих желаний, и скупиться не собираемся! Но, вместо того чтобы смиренно проходить уготованные нам испытания, мы помогли Речной невесте, сняли проклятие с беззубых упырей, устроили свадьбу королевы орков, усмирили снежного демона и почти победили мстительного чернокнижника. Да чего там, мы и сами практически умерли! И все это ради единственной возможности переправиться через реку Забвения, вступить на земли мертвых, встретиться с хитроумными гидрами и даже попробовать договориться со Смертью... Ничего себе задачка, ага?

Татьяна Устименко **Дважды невезучие**

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

*Когда жизнь дает уроки – не пропускай занятия.
Народная мудрость*

Пролог

– Давай попробуем еще разочек, а? – Зорган прижимался к моему плечу, жарко дыша мне прямо в ухо и пользуясь запрещенным приемом – умоляющей, донельзя жалобной интонацией своего красивого голоса. – Вдруг да получится?

– Прошлой ночью пробовали, – разочарованно буркнула я, отпихивая надоедливую эмпирю и с головой укрываясь пестрым лоскутным одеялом, – и позাপрошлой, и позапозапрошлой... Так ни гоблина ведь не вышло...

– Рогнеда, – сильная рука любимого мужчины настырно стягивала мое защитное укрытие, а его горячие губы нашли мой вспотевший от волнения лоб и запечатлели на нем нежный поцелуй, – признайся, ты ведь хочешь этого ничуть не меньше меня...

– Хочется – перехочется! – сварливо парировала я, стараясь с помощью своего привычного нахальства скрыть овладевшее мною отчаяние. – Зачем себе и мне зря душу рвешь? Не проще ли принять как данность – ну не получается это у нас, хоть тресни...

– Попытка не пытка! – почти весело откликнулся Зорган, приподнимаясь на локте и заглядывая мне в глаза. – Я вроде как не слабак криворукий и не пессимист, а поэтому знаю четко: что не получилось на третий или пятый раз – получится в сотый...

– Мне столько не вытерпеть, – честно призналась я. – Больно же! Может, ты и не слабак, но садист тот еще...

Краем уха я услышала, как на печке заинтересованно завозился хозяин избы, раздраженный нашим спором. «Вот, мешаем мужику отдыхать!» – виновато подумала я, закрывая глаза и пытаясь уснуть. Но не тут-то было...

– Рогнеда! – Голос эмпирю повысился на полтона, приобретая требовательную окраску. – Давай попробуем снова, или я решу, будто ты меня не любишь!

«Ладно, демоны с тобой, уговорил!» – в сердцах плюнула я, откидывая одеяло и садясь.

– Давай! Только быстро!

Виконт белозубо улыбнулся, отшвырнул подушку и схватил меня за руку...

Мы топали целый день без передышки, но река Забвения так и не показалась. Наконец, полумертвые от усталости, мы еле добрались до какой-то крохотной, полузаметенной снегом деревушки и попросились на ночлег. Местные жители ютились в небольших домишках, поэтому нам пришлось разделиться. Нас с Зорганом впустил к себе угрюмый золотушный мужичок, до самых глаз заросший рыжей нечесаной бородежкой, более смахивающей на вонючий козлиный хвост. Казалось бы, подобная характеристика не предвещала ничего обнадеживающего, но в избе у него оказалось неожиданно тепло и чисто. Умяв предложенные хозяином горшок простокваши, кольцо колбасы и полковриги хлеба, мы с эмпиром критически обозрели шаткие лавки и комфортно разместились прямо на полу, расстелив выданные хозяином одеяла и подушки. Сам мужик протяжно зевнул, помолился королеве Смерти и с кряхтением забрался на печку, вежливо пожелав нам спокойной ночи. И я совсем уже задремала, когда Зоргана нехотят пробил еще на одну попытку...

– Давай стоя! – нетерпеливо командовал Зорган.

– Давай!

– Эх, не получается! – Эмпир взбешенно скрипнул зубами. – Садись на лавку и упрись спиной в печку...

– О-о-ох!.. Ты мне чуть руку не оторвал, – окрысилась я. – И печка как-то подозрительно поскрипывает...

– Прости, но и так ничего не выходит! – повинился любимый. – Вставай на колени...

...На печке послышалось заинтригованное шебаршение, и вниз свесилась лохматая голова хозяина, похоже разбуженного нашими бесплодными попытками.

– Да не напрягайся ты так! – с рычанием потребовал Зорган, его красивое лицо побагровело от тщетных усилий, на челюсти вздулись желваки.

– А ты меня не дергай резко! – парировала я, прикусив губу от нестерпимой боли. – Ой!

...Голова хозяина свесилась еще ниже...

– Есть хоть какое-то движение? – Зорган сорвался на крик.

– Нет!

– Эх!

– Ах!

Но тут раздался жуткий грохот, и на наши упревшие от тщетных усилий головы поочередно свалились сначала дубовый ушат, к счастью – пустой, потом железный котелок, затем – связка вяленых лещей, а напоследок – и сам хозяин...

– Мужик, ты чего? – оторопело спросила я, потирая ушибленный нос.

Зорган смачно ругался, стаскивая с головы гулкий котелок...

– Да ничего! – Разочарованно почесывая отбитый бок, явно обиженный нами хозяин полез обратно на печку. – Просто любиться надо проще, по-людски, а не с таким извращенным переподвыподвертом – как вы...

Я растерянно хлопала ресницами, не понимая – о чем это он? Мой распухший, посиневший палец отзывался острой, пульсирующей болью. Зорган виновато подул на мою истерзанную руку, нашептывая слова извинения и утешения. Мы повторяли свои безуспешные попытки ночь за ночью, но пока, увы, так и не сумели снять с моего пальца треклятое волшебное обручальное кольцо...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

– Княжна! – Дикий, призывный вопль, донесшийся с палубы, вырвал меня из объятий сладкого послеполюденного сна, чуть не оглушив и едва не превратив в заику.

– Какого рожна? – возмущенно спросила я, непроизвольно дернулась и выпала из корабельного гамака, окончательно просыпаясь. Помнится, красногорский воевода Нелюд – и по совместительству мой воспитатель в ратном деле – любит вворачивать в свои речи одну занятную фразу, звучащую так: хорошо сказанное слово действует куда лучше, чем метко брошенный топор. И то верно, ибо такое слово если и не убивает, то с ног сносит мгновенно. Вот так и со мной, я уже привыкла – если меня кто-то зовет, причем таким вот, как сейчас, истеричным голосом, значит, случилось что-то нехорошее. Всенепременно и бесповоротно, ибо наше обычное невезение почему-то не пожелало остаться на берегу и тоже отправилось в плавание к острову Ледница. За компанию с нами, так сказать. Интересно, а ему-то какого гоблина там понадобилось?

Предаваясь таким безрадостным мыслям, я довольно неуклюже вскарабкалась по ведущей из трюма лестнице и выбралась на палубу «Мавиэль-дес-Наорт», легкой бригадины, принадлежащей Слепому стрелку, нелюбезно согласившемуся доставить нас на возжеленный остров. Нелюбезно, потому что я буквально вынудила его отправиться в это путешествие, выполнив поставленное мне условие, изначально казавшееся совершенно невыполнимым. Подозреваю, Стрелок уже неоднократно пожалел о данной мне клятве, но не решился запятнать свою честь, отказавшись от прилюдно брошенного обещания. Как всем известно: не давши слово – крепись, а давши – держись. Его ведь никто за язык не тянул, не так ли? А возможно, и тянули – сама судьба, и именно поэтому мы очутились на борту «Мавиэли».

Мы – это шестеро Воинов Судьбы, вознамерившихся спасти наш мир от грядущей гибели, как бы пафосно ни звучало подобное заявление. Честно говоря, сама не понимаю, как нас угораздило вляпаться в череду самых невероятных приключений, приведших в итоге к столь печальному концу – походу на зачарованный остров. Ведь если рассуждать объективно, нужно быть законченным идиотом или же безмерно самоуверенным храбрецом, чтобы отважиться на такое – добровольно отправиться во владения королевы Смерти, откуда никто еще не возвращался целым и невредимым. И я еще совсем не определилась, к какой из этих двух категорий следует относить всех нас!

Но так или иначе, а против фактов не попрешь, и поэтому приходится констатировать очевидное: в данный момент мы все находимся на борту бригадины и продвигаемся в сторону Ледницы. Причем каждого из нас помимо избитой мечты о мире во всем мире ведет еще и сугубо индивидуальное, заветное стремление. Лично мне очень хочется внести хоть какую-то конкретику в свое туманное, нет – даже устрашающее будущее, напророченное Раскладом Судьбы. Двум аристократам-эмпирам – Зоргану и Вольдемару из дворянского рода дер-Сольен – нужно определиться: кто из них унаследует корону и станет править маркграфством Эйсен. Дракон Трей жаждет доказать всем, и в первую очередь самому себе, что он отнюдь не трус и не слабак. Эльфийский принц Тайлериан избрал участь бродячего менестреля, отрекшись от трона, а юная ведьма Лизелотта – чудом избегшая гибели на костре, пытается утвердиться в дарованных ей магических способностях. И при этом все мы настолько очевидно не уверены в своих силах, настолько нуждаемся в помощи и подсказке, что готовы искать их даже за тремя морями. Или на острове Ледница, на худой конец. Ведь кто еще кроме владычицы Смерти способен разобраться в окружающих нас загадках?

– Наши дела очень плохи, княжна! – мрачно сообщил Слепой стрелок, занявший наблюдательный пост возле борта бригадины. – И неминуемо станут еще хуже!

Мне вовсе не нужно было обладать какой-то особенной прозорливостью, чтобы немедленно догадаться – наш сварливый слепец и явился источником того дикого вопля, который совсем недавно вырвал меня из сонного забытья. Эльф стоял, небрежно возложив руки на планшир, а его безглазое лицо выглядело настолько сосредоточенным, будто он уж если и не видел, то, во всяком случае, как-то по-другому чувствовал приближение грядущей опасности. Возможно – интуитивно, а интуиция – это вам не берестяная свистулька, ее просто так со счетов не сбросишь.

– Не каркай, – сердито пробурчала я, пошире расставляя ноги и пытаюсь приноровиться

к бурному плеску волн, всю раскачивающих корабль. – И прошу, не увлекайся пророчествами. Не твоя они стихия.

– Это отнюдь не пророчества, – саркастически усмехнулся слепец, – это всего лишь закономерное следствие твоего упрямства. Вспомни, я ведь отговаривал тебя от принятия одного скоропалительного решения. Тогда мы еще имели возможность отступить. А сейчас... Видишь, – он устремил вперед костлявый палец, указывая на белые буруны волн, – мы вошли в воды Холодного моря. Здесь всегда штормит, а течение несет льдины и комья снега. С каждым днем воздух будет становиться все холоднее, пищи тут не найти, а ближайшая возможная суша – сам остров Ледница, если, конечно, мы сумеем его достичь... – Теперь улыбка Стрелка из предостерегающей превратилась в откровенно язвительную. – К тому же скоро ваш дракон выдохнется, упадет в воду, ведь отдыхать ему негде, и тогда...

Я обеспокоенно подняла глаза, вглядываясь в очертания фигуры Трея, парящего в небе над кораблем. Усталые взмахи его крыльев действительно не внушали оптимизма. В затеянном мною походе дракону приходилось тяжелее всех. Правда, иногда он все-таки опускался на мачты бригантины, но его немалый вес тут же нарушал осадку легкого корабля, заставляя судно погружаться в воду значительно ниже уровня ватерлинии. Поэтому каждый отдых дракона продолжался недолго, угрожая потоплением хрупкой «Мавизли». Я озабоченно нахмурилась. М-да, Стрелок прав – дракон не может лететь вечно. И выходит, если я не придумаю что-то действенное, то...

– Тогда дракон умрет! – убежденно произнес неслышно подошедший к нам Зорган, сочувственно сжимая ладонью мое плечо. – И ты ничего не сможешь с этим поделать...

– Еще чего! – возмущенно зашипела я, оборачиваясь и сверля прекрасного эмпиря негодующим взглядом. – Обещаю, я что-нибудь придумаю.

– Ну-ну... – недоверчиво хмыкнул виконт. – Рогнеда, скажи, когда ты избавишься от этого дурацкого комплекса ответственности за всех нас? Клянусь демонами, ты похожа на курицу-наседку, беспрестанно трясушуюся над своими цыплятами. Каждый из нас добровольно избрал свою судьбу, а посему тебе не пристало сдуть с нас пылинки и пытаться грудью закрыть от подстерегающих впереди бед. Кстати, это совершенно невозможно!

– Именно так, – отчетливо прилетело сверху.

Оказалось, что дракон отлично расслышал сию печальную, абсолютно не предназначенную для его ушей беседу и поторопился выразить свое мнение. К слову, совсем меня не устраивающее. И потом, понятия не имею, чем и как он слышит вообще, но приходится признать: слух у дракона отменный, характер – поистине железный, а норов упрямее, чем у моего коня Орешка, оставленного на берегу под присмотром местного трактирщика. Короче, Трей – настоящий мужчина, со всеми полагающимися от природы достоинствами и недостатками. Жаль только, что он не человек.

Не вступая в пререкания, я в ответ лишь гневно прикусила губу и строптиво покачала головой. Я все равно не отдам Трея смерти. Он мне нравится. Наш дракон честный, смелый и добрый. Я не допущу, чтобы он умер. Еще чего! Это... это же нечестно!

В глубине души я отлично осознавала всю беспочвенность своей самонадеянности. Судьбой не поспоришь... Но разве не этим я занимаюсь последнюю пару месяцев – и даже достигла кое-каких заметных результатов? Да, все обстоит именно так! Хотя некий крохотный закоулок моего сознания, обычно именуемый здравым рассудком, уже неоднократно подсказывал – рано или поздно судьба все равно возьмет реванш и сполна оплатит за отвоеванные у нее очки. Кто знает, какие козыри припрятаны у нее в рукаве? А не намерена ли она смухлевать?..

На этой аккордной мысли я запуталась в собственных выводах и утратила нить размышлений. Честно говоря, выпендривание философствования о заумных высших материях никогда не являлись сильной стороной моей натуры. Вот если нужно в морду кому дать, нахамить или пакость какую придумать – это запросто. А все прочее... Наверное, я неправильно расставляю приоритеты. Наверное, не нужно пытаться препарировать свою

жизнь. Ведь ты появляешься в ней неожиданно-негаданно и делаешь ровно столько, сколько успеваешь. И не стоит забивать себе голову всякой ерундой.

– А вы чем тут занимаетесь? – спросила я у Зоргана, стремясь сменить тему разговора.

Эмпиρ насмешливо прищурился, отлично разгадав мой дипломатический маневр. Его черные глаза немного припухли, на скулах залегли темные тени, элегантное кружевное жабо оказалось расстегнуто и теперь небрежно болталось поверх воротника камзола.

– У тебя лицо опухшее, – с подозрением уточнила я. – Ты пил?

– Ни-ни, просто мы вчера всю ночь со злом боролись! – с вызовом хохотнул мой любимый мужчина. – А чем еще тут заниматься прикажешь?

– Победили? – желчно поинтересовалась я.

– Нет, еще осталось. – В качестве аргумента он выпростал из-за спины доселе спрятанную там руку, предъявляя мне квадратную бутылку, до половины наполненную мутным самогоном. – Будешь?

– С кем пил? – Я брезгливо принялась к неаппетитному сивушному запаху, исходящему от предложенной мне тары.

– С Вольдемаром и Таем, – не стал скрывать эмпиρ. – От безысходности. А посему не занудничай, милая!

Я озадаченно вздохнула. Оказывается, враг не всегда является врагом, а друг – другом. Нет, здорово, конечно, что мои спутники позабыли о своей прежней вражде, плохо другое – они пали духом и пытаются любым способом избавиться от гнетущего чувства обреченности. Не то чтобы я причисляла себя к убежденным абстинентам¹, но зачем же впадать в наивность и пытаться утопить свой страх в самогоне? Ибо дрянь, как известно, не тонет. К тому же мне очень горестно осознавать, что мои друзья так рано сдались на волю злодейки судьбы, ведь мы еще даже не достигли Ледницы!.. А что тогда будет дальше?

– Помнится, ты никогда не испытывал особенно теплых чувств ни к своему двоюродному братцу, ни к моему потенциальному жениху, – напомнила я, пристально всматриваясь в лицо Зоргана. – С чего вдруг ты пошел на сближение с ними?

– Ну да, – эмпиρ критически улыбнулся, иронизируя над самим собой, – как я мог забыть, что люблю только казни, поножовщину, интриги и удары в спину... Вроде бы все... – Он демонстративно напустил на себя задумчивый вид. – А-а-а, нет! Еще тебя! Еще котят и прянички...

После этой реплики я невольно рассмеялась, обезоруженная его лукавством. Зорган придвинулся поближе, наклонился к моему уху и прошептал уже с совершенно серьезными интонациями:

– Рогнеда, мне страшно!

Я воззрилась на эмпира с недоумением. Что за чушь? Да ведь он не боится ничего и никого, даже демонов с Нижнего уровня!

– Поверь, мне действительно страшно! – повторил Зорган, ничуть не стыдясь подобного проявления вопиющей немужественности. – Признаюсь, я видел и сделал много чего плохого в жизни, я предавал и убивал, дорогая. И у меня ни разу не екнуло сердце. Но теперь, – виконт печально вздохнул, – мы плывем навстречу смерти, причем она способна настигнуть нас гораздо раньше, чем мы окажемся к тому готовы. Рогнеда, пойми, мы никогда не сумеем обыграть смерть. Кого угодно и где угодно, но только не ее! Рогнеда, давай повернем обратно. Умоляю тебя, повернем – пока еще не поздно, пока еще можно спасти хоть кого-то из нас...

Я ошеломленно хлопала ресницами, онемев от ужаса. Внутренний голос подсказывал: Зорган прав – сто, тысячу раз прав! Только теперь до меня начало доходить, в какую безнадежную авантюру мы ввязались! Мы ищем смерти... Ищем по своей воле, по моей вине и инициативе!

Я беспомощно огляделась, надеясь найти ответ на лицах окружающих меня друзей.

¹ Абстиненция – здесь : полное воздержание от употребления спиртных напитков.

Кайра лениво полировала свою рапиру, устроившись на юте. Бледная Витка, страдающая от очередного приступа морской болезни, держалась поближе к борту – справедливо не доверяя слабому желудку. Михась невозмутимо дрых, удобно развалившись на бухте каната, а крыса Грымза свернулась в комочек у него на животе и ритмично покачивалась в такт равномерному дыханию моего оруженосца. Лиззи и Вольдемар вполголоса обсуждали дрянную погоду, иногда как бы случайно косясь на меня. Слепой стрелок усиленно делал вид, будто его абсолютно не касается затеянный Зорганом разговор, хотя, бесспорно, не упустил ни одного произнесенного нами слова. Все они производили впечатление таких невинных, таких беспомощных существ, что в мою душу невольно закралось сомнение, касающееся адекватности принятого мною решения. А не много ли я на себя взяла? Имею ли я право рисковать жизнями своих друзей?

Каюсь, именно в этот самый миг я едва не проявила малодушие, уже почти готовая скомандовать отступление. Ведь это же так просто – взмахнуть рукой и выкрикнуть: живо разворачиваемся назад и плывем домой! И я уже приоткрыла губы, готовая признаться в собственной трусости, как вдруг сидящий на ступеньке трапа принц Тайлериан взялся за гитару и, словно угадав терзающие меня мысли, бравадно запел:

Не бойся препятствий, не бойся преград,
Судьбы не страшись понапрасну,
Отметься ты в жизни словами баллад,
Порою пропетых совсем невпопад —
Но чувствам не давших погаснуть.

Пусть ветер и вьюга сковали нам кровь,
С прямой не свернем мы дороги,
Упрямо сквозь снег пробираемся вновь,
На сердце лелеем тоску и любовь —
Ведь так завещали нам боги.

Коль в замысел высший вмешаться посмел,
Поверь, что проверки достоин,
Отныне борьба – твой зарок и удел,
Ты нынче для дел и свершений созрел —
Как каждый решительный воин...¹

Ветер, подхвативший последний куплет этой песни, рывком надул паруса бригаантины, швырнув мне в лицо пригоршню отрезвляющих брызг. Я до боли прикусила нижнюю губу и сумела выдавить бледное подобие дерзкой улыбки, ощущая на языке вкус крови. Зорган понимающе подмигнул и отпил из бутылки, спеша отметить принятое мною решение – теперь уже окончательное и бесповоротное. Кайра одарила меня хмурой улыбкой и еще громче застучала точильным бруском. Витка тяжело сглотнула и помахала рукой, показывая: я в порядке. Похоже, все мы немного приободрились и поверили в удачу, всегда благоволящую к героям. Ну, или к дуракам, что в принципе и есть то же самое. Я заставила себя максимально распрямить спину и принялась пристально вглядываться в даль, надеясь увидеть долгожданный остров. Я знаю – мы на него непременно попадем, я это нутром чувую. Попадем назло всем и вся, вопреки проишкам судьбы и собственному невезению. А что касается моих недавних колебаний и плохих предчувствий, то спишу-ка я их на плохое настроение и минутную слабость... Да-да, я поступлю именно так, ибо любую депрессию нужно встречать с улыбкой. Тогда она подумает, что ты идиот, – и сбежит... А я пошлю прощальный поцелуй ей вслед и уже больше никогда не поддамся сомнениям.

¹ Здесь и далее стихи автора.

И будь что будет!

Чернокнижник Гедрон лла-Аррастиг растерянно поковырялся в ухе, извлек кусочек серы и столь же произвольно бросил его в волшебный котел, вновь наполненный свежим варевом и опять установленный над огнем. Колдун пребывал в медитативной задумчивости, размышляя над сутью и природой явления, называемого «невезение». Возможно, оно заразно и передается воздушно-капельным путем, преодолевая огромные расстояния? Возможно, оно сродни проклятию и обладает эффектом обратного отката, переходя на того, кто желает зла другому? Возможно, его вообще невозможно понять и укротить?

Гедрон поболтал опущенным в котел пальцем, совершенно не ощущая жара, исходящего от бурно кипящего магического состава. Его уже не интересовали страдания плоти, ибо он стремился постичь силу духа, движущую теми, кто принял на себя обет спасения мира и стал Воинами Судьбы. Недавняя зависть к ним практически прошла, сменившись откровенным недоумением. Ему бы только узнать: откуда черпают они свое вдохновение и возможно ли их победить? А если возможно, то как? Он был готов поклясться собственной душой, что испробовал все известные ему способы! Гедрон поворошил шесть лежащих на столе кукол-вольтов и недоуменно хмыкнул. Он почти признал их непобедимыми, почти смирился со своим поражением, почти уже сдался... Но разве можно отказаться от желания отомстить равнодушным богам, искалечившим его душу и тело, загубившим молодую, едва начавшуюся жизнь наивного юноши? Зачем тогда продлевать свои нынешние мучения?

Чернокнижник склонился над котлом, испытывая непреодолимое желание утопиться в кипящем вареве. Горе ему, ибо он забыт всеми, он один – сидит словно сыч в своей башне и никому уже не нужен. Король Халлагизель готовится к войне с кланом Белой розы, пользуясь удобным моментом – состоянием разброда и шатания, наступившим в Эльсиле после смерти короля Рагнара и бегства принца Тайлериана. Гранд-мастер тоже позабыл о своем верном слуге, увлеченный подкинутым Гедроном планом. Сестрица принца демонов – чернокудрая Ринецея сумела втереться в доверие к Пресветлой богине Аоле и теперь пребывает в статусе ее любимой ученицы. О, отныне перед демонами открылись захватывающие перспективы – возможность покинуть давно опостылевший Нижний уровень, насквозь пропитанный запахом пепла и серы, а гранд-мастер так и рвется на свободу. Зря люди считают, будто самые страшные наказания – это боль, унижения и клевета. Они ошибаются. На самом деле в мире нет ничего ужаснее одиночества, забвения и равнодушия. Ибо если боль можно превозмочь, унижение смыть кровью, а клевету опровергнуть вескими аргументами, то перед одиночеством, забвением и равнодушием бессильны все, даже всемогущие Пресветлые боги. И Гедрон не сомневался, что в самом скором времени боги на собственном опыте убедятся в справедливости оной немудреной истины. И тогда наивный молодец жрец будет отмщен. Впрочем, все это неминуемо произойдет в будущем, а пока он бессилен что-либо изменить... Остается только ждать...

Облака кучно бежали по серому небу. Лла-Аррастиг оперся о подоконник, любуясь буйством воздушной стихии и восхищаясь ее мощью. Ему подвластно многое, но в мире существует и то, управлять чем еще не научился никто. Можно лишь временно воспользоваться возможностями четырех природных стихий: воздуха, огня, воды и земли, но абсолютно подчинить их себе – нереально, ибо они слишком велики и еще не познаны полностью. Они тоже одиноки и забыты, как и он сам... Тут вдруг чернокнижник озаренно хлопнул себя по лбу и метнулся обратно в глубь комнаты, подскочив к волшебному котлу...

Так и есть! Гедрон победно расхохотался. Все оказалось просто, предельно просто! Решение его проблемы лежит на поверхности, причем на поверхности во всех смыслах этого слова. Колдун напряженно вглядывался в волшебное варевое, являющее ему изображение корабля, плывущего по бескрайней морской глади. Корабля, везущего его врагов! Чернокнижник насмешливо смахнул разложенных на столе вольтов и, повернувшись к книжному шкафу, принялся копаться в его захлавленных недрах, отыскивая нужный

манускрипт. И как же он не догадался раньше? Уж если ему не удалось втянуть в неприятности Воинов Судьбы, то следует действовать наоборот – обрушить эти неприятности на их бесшабашные головы. Корабль плывет по морю, а следовательно – колдуну только и нужно, что взбудоражить водную стихию, обратив ее мощь против ничего не подозревающих путешественников. О нет, ему не под силу целиком всколыхнуть морскую махину, но зато он придумал нечто более интересное, более оригинальное... Гедрон наконец-то нашел искомую рукопись, торопливо пробежался по ней глазами и склонился к котлу, шепча нужное заклинание... Тонкие губы чернокнижника изогнулись в ликующей ухмылке. Долгожданный миг его торжества близится. О, последующие несколько часов обещают стать весьма и весьма увлекательными...

Миновал еще один день пути, а столь желанный для нас остров так и не показался. Луч света, испускаемый волшебным амулетом, по-прежнему ровно прочерчивал водную гладь, прокладывая нам курс, но, увы, единственными встречающимися ему препятствиями были лишь довольно крупные льдины, покачивающиеся на поверхности моря. Ощутимо похолодало. Я, закутавшись в теплый плащ, стояла на носу бригантины и пыталась подбодрить Трея, развлекая его шутиливой беседой ни о чем. Дракон спустился ниже и теперь летел над самыми мачтами «Мавиэли», лишь изредка равномерно и скупно взмахивая крыльями. Он весьма успешно парил в струях попутного ветра. Наш крылатый друг сэкономил силы.

Я шмыгнула носом и украдкой утерла его рукавом рубашки. Кажется, простыла. А может, это все пронизывающий ветер виноват – выжимает сопли из носа и вышибает слезы из глаз. Или терзающее меня чувство вины за неприятности, в которые я сознательно втянула своих друзей... Вина перед самим собой вообще самая страшная вещь в мире, ибо от нее не спрячешься и не укроешься. Эх, жизнь наша невезучая!.. Воздух звучно посвистывал под крыльями Трея, создавая на редкость думательную атмосферу. Сама того не желая, я постепенно погружалась в нерадостные размышления, полностью соответствующие моему нынешнему настроению...

Интересно, а что в жизни самое главное? Любовь, дружба, уважение или самоуважение? И научусь ли я когда-нибудь делать то, что нужно и важно? Полагаю, нужно уметь вовремя разбить треснувший бокал, а не цепляться за испорченное. Дорожить людьми, которые останутся с тобой несмотря ни на что. Уходить оттуда, где тебя не любят и не дорожат тобой. Кстати, именно это я уже и проделала! Нужно уметь находить радость не в сокровищах и почестях, а в обычной чашке горячего чая. Не слушать слова, не представляющие ценности. Дорожить своим временем. Благодарить жизнь даже за малейшую радость. Нужно уметь прощать тех, кого еще можно простить. Уважать себя и других за то, что они делают. Не тратить себя попусту. Понимать тех, кто хочет, чтобы их поняли. Стремиться к невозможному. Бороться за свою мечту и добиваться ее. Вот что нужно уметь. А остальному можно научиться...

– Рогнеда! – окликнул меня заскучавший дракон. – Чего вдруг примолкла? Ты там, часом, не померла ли?

– Не дождетесь! – буркнула я, встрепенувшись. – Я, конечно, понимаю, что если хочешь услышать о себе много хорошего, то умри... Но в моем случае это как-то преждевременно. Не находишь?

Дракон издал саркастичный смешок, способный сойти и за «да», и за «нет». Ушел от прямого ответа. Я восхищенно улыбнулась. Ну и язва же он, ничуть не хуже меня. Правильно говорят: некоторым людям при рождении нужно завязывать не только пупок, но и рот. Похоже, драконам тоже, хотя гоблин его знает – есть ли у драконов пупок!

– И когда ты перестанешь меня поддевать? – напрямую спросила я. – Вроде бы мы с тобой давно уже помирились.

– Только после вас! – галантно парировал Трей. – А знаешь, жаль, что ты не драконица. Я бы на тебе женился.

Я прикусила язык, проглотив едва не сорвавшуюся с него колкость. Помнится, он и раньше выражал подобное сожаление о «не драконица». Возможно, это и шутка, но в каждой шутке содержится доля истины. К тому же он тоже мне нравится... Но ни к чему мне выказывать излишнюю симпатию по отношению к дракону, а то, не ровен час, Зорган обо всем догадается, приревнует и вдрызг разругается с нашим летуном. С эмпиря станется, он и не на такое способен. Следовательно, придется опять все свести к шуточкам. В конце концов, мы, женщины, – слабый пол. Мужчины – якобы сильный. А в борьбе с сильными все средства хороши.

На этом мои размышления об отношениях с драконом закончились, ибо на палубе появился Зорган. Подозрительно посмотрел на меня, с еще большей подозрительностью глянув вверх и принялся насвистывать с деланой беззаботностью, изображая полнейшую невозмутимость. Очевидно, что-то почувствовал или о чем-то догадался. Я хмыкнула, плотнее завернулась в плащ и присела возле мачты бригаантины, приготовившись наблюдать за всем, должным произойти на палубе. Накопившееся у нас напряжение рано или поздно даст знать о себе, вылившись в какое-нибудь столкновение. И интуиция подсказывала мне, что это произойдет в самом ближайшем будущем...

Явно разыскивая, к чему бы приложить бездеятельного себя, виконт горделиво продефилировал по палубе и внезапно зацепился взглядом за тихонько прикорнувшую в уголке парочку – принца Тая и его ненаглядную Витку. Глаза Зоргана проказливо вспыхнули... Он придвинулся поближе к увлеченным друг другом влюбленным и наострил уши...

– Я тебя люблю, обожаю, нежно соплю в ушко... – упоенно ворковал Тайлериан, страстно обнимая зардевшуюся словно маков цвет Витку и не замечая ничего вокруг.

– Не, а соплю-то зачем? – обидно заржал нахальный эмпир. – Фу, а еще принц называется! Ну и манеры...

– Какого гоблина к нам цепляешься? – возмутился менестрель, надвигаясь на эмпиря с угрожающе сжатыми кулаками. – Ты чего, белены объелся?

Витка сконфуженно пискнула, метнулась к неодобрительно наблюдающей за виконтом Кайре и спряталась за ее крепкую спину.

– Ну вот, прошла любовь, завяли помидоры! – ехидно прокомментировал ее бегство Зорган.

– За своим огородом следи! – не остался в долгу находчивый Тай. – Вон Рогнеда недавно дракону глазки строила. Ему, а не тебе! – Он откровенно наслаждался обиженно вытянувшимся лицом своего оппонента.

Я, хоть и ожидала скорого конфликта, недовольно поджала губы. И кто, спрашивается, принца за язык тянул? Похоже, ему тоже при рождении не все завязали.

– Не свисти, врун! – взбешенно огрызнулся эмпир.

– А я и не свищу, тьфу, то есть не свистю, – парировал эльф.

– Свистишь! – не отставал эмпир.

– Не свистю! – упибался принц.

– А правда, кто же тогда свистит? – изумленно приподняла брови доселе молчавшая Кайра. – Причем противно так – тоненько и въедливо...

– Она права, – поддержала Витка. – Я тоже это слышу.

Я удивленно прислушалась. Действительно, в воздухе витало что-то непостижимое, неслышное уху. Вроде бы свист, но вроде и нет. Определенно оный звук существовал в реальности, но я не слышала его физически, хотя он настойчиво ввинчивался в мозг, вызывая жутко неприятные чувства. Едва я осознала его негативное воздействие, как мне тут же захотелось где-нибудь спрятаться, укрыться от этого свиста – вынимающего из меня душу, сводящего с ума, буквально выворачивающего наизнанку весь организм.

– Я больше не могу это терпеть! – Витка сжала виски руками и так решительно шагнула к борту, словно намеревалась броситься в море. – Это невыносимо!

– Куда! – Зорган успел поймать ее за меховой воротник плаща. – Стоять, бояться!

– И так уже боимся, – морщась от боли, проворчала Кайра. – Куда уж пуще-то.

Все собрались на палубе, галдя и гадая, что за очередная напасть на нас свалилась. Правда, в спор вмешался дракон, со стоном поправив, что не «на пасть», а на голову. С ним никто не спорил. Тай тщетно прикрывал макушку гитарой, стремясь избавиться от жутких звуков; Вольдемар мужественно зажимал уши Лиззи, а та в свою очередь – крысе Грымзе, предобморочно закатывающей глазки. В общем, ситуация, возникшая на корабле, быстро скатывалась к неуправляемой панике.

– Ты случайно не подскажешь, что это за дрянь? – спросила я у Не знающего промаха стрелка, со скрещенными на груди руками замершего возле штурвала.

– Подскажу, – снисходительно кивнул слепец. – Это начинаются те самые неприятности, которые я тебе напроро... Тьфу, вернее, от коих я тебя недавно предостерегал, – спохватившись, поправился он. – Помнишь?

Я упрямо вздернула подбородок, дескать: не попрекай, и сама понимаю – не отдыхать плывем!

– И все же? – почти умоляла я.

– Одни называют этот свист голосами морских сирен, – снизошел до пояснений Стрелок. – Другие предпочитают версию, будто так поют киты в свой брачный период. Но я склонен думать, что нас настигло дыхание самого моря, кем-то разбуженного и взбудораженного. О, великая водная стихия не прощает насилия над собой и будет сопротивляться, ибо путь на Ледницу – самая великая из ее тайн. А мы ее раскрыли с помощью найденного тобой путеводного артефакта. Поэтому в отместку Холодное море медленно, но верно доведет нас до безумия. Либо мы лишимся рассудка и добровольно попрыгаем за борт, пытаясь избавиться от губительного свиста, либо наши вены лопнут и мы истечем кровью не сходя с корабля. Выбор у нас невелик!

Я уныло хмыкнула. Ничего себе перспективочки!

– От этого свиста как-то можно избавиться? – без особой надежды на вразумительный ответ спросила я.

– С помощью глухоты! – невесело хохотнул Стрелок. – Желаеть попробовать?

В Нарронской академии благородных девиц меня обучали азам лекарского искусства, в коем, правда, я особо не преуспела. И все-таки моих скудных познаний хватало для осознания того, как возникает глухота. Если нарушить целостность тонкой перепонки, располагающейся в глубине ушной раковины, то получишь ту самую искомую глухоту. Хотя не исключено, что в этом случае она окажется окончательной и неизлечимой. Нет, такой вариант решения проблемы меня не устраивает. Придется придумать нечто другое... Я задумчиво поковырялась у себя в ухе, отстраненно наблюдая за друзьями, бестолково мечущимися по палубе бригадины. Ухо отозвалось неприятным зудом, частично по причине все нарастающего свиста, а частично из-за того, что вот уже несколько дней мы все не принимали ванну и успели обрести довольно неряшливый внешний вид. А ведь если уши не мыть несколько дней, то они... Стоп! Тут меня осенила спасительная идея. Помнится, в библиотеке все той же злополучной академии мне довелось откопать невероятно интересную книгу, повествующую о приключениях древнего героя, носившего имя Улисс. Он, подобно нам, тоже отправился в длительное морское плавание, а потом его корабль достиг удивительного острова, на коем и проживали сирены – своим волшебным пением привлекавшие моряков на скалы и топившие все проплывающие мимо суда. Но Улисс сумел спасти свою команду, ибо он...

– Стрелок, – во все горло завопила я, – на твоём корабле есть воск?

– Конечно, есть. – Безглазое лицо Стрелка изумленно вытянулось. – Я обмазываю им пеньковые канаты, дабы придать им водоотталкивающие свойства. Но зачем он тебе понадобился?

– Неси! – ультимативно приказал я, не вдаваясь в дальнейшие объяснения. – Немедленно!

Слепец ненадолго скрылся в своей каюте и вскоре вернулся, вложив в мои дрожащие

от радостного возбуждения руки небольшой глиняный горшочек. С изуродованного лица нашего капитана по-прежнему не сходило недоуменное выражение.

Я бережно приподняла закрывающую горшок крышку. Внутри сосуда обнаружился внушительный кусок желто-бурой пластичной массы, податливо проминающейся под моими пальцами. Я отщипнула немного воска, скатала из него два шарика и засунула их себе в уши. Трудно описать словами, какое неимоверное облегчение тут же снизошло на мои измученные тело и душу, ибо воск не пропускал ни звука – полностью устранив воздействие изматывающего свиста. Кажется, я снова смогла обхитрить жестокую судьбу, еще на шаг приблизившись к заветной цели – победе над собственным невезением. Мне опять захотелось дышать, жить и любить.

Поочередно обойдя всех друзей, я воспользовалась все тем же воском, избавив их от страданий. Эти же самодельные беруши я предложила и Трею, успешно использовавшему оные по назначению. Ума не приложу – куда он их приспособил, но, судя по его счастливой морде, воск сработал безотказно. До сих пор не уверена насчет пуповины, но получается – уши у драконов все-таки есть!

Чернокнижник Гедрон лла-Аррастиг сидел на полу своей лаборатории, неловко привалившись к поддерживающему котел треножнику, и давился тихим, истерическим смехом. Глаза колдуна горели безумным светом, губы жалко тряслись. Подумать только, эти Воины Судьбы опять его перехитрили, избежали столь искусно расставленной западни и выжили. В очередной раз выжили! А он-то так надеялся, что на сей раз удача ему улыбнется. Но, видно, не судьба. Бывший жрец окончательно уверовал в справедливость своих выводов, касающихся странной природы того самого явления, которое он называл «тотальным невезением». Увы, оно перешло на него.

Теперь Гедрон знал точно – справиться с Воинами Судьбы в одиночку ему не удастся. Он уже выдохся и разочаровался в самом себе, убедившись в собственной несостоятельности. Можно прыгнуть через голову соседа или соперника в какой-то сфере деятельности, но через свою голову, увы, не перепрыгнешь. Чернокнижник достиг предела своих возможностей и полностью исчерпал доступную ему магию, но – вопреки горечи и обеспокоенности – отнюдь не собирался сдаваться. Нет, он не отступит перед лицом своего персонального невезения и не откажется от мечты отомстить жестоким богам, лишившим его внешней красоты и прежней духовной чистоты. Он обязательно придумает нечто действенное, способное привести к желанному результату. Ценой своей жизни или как-то иначе он все равно низвергнет Пресветлых богов с их звездного престола – заставив пройти через все муки и испытания, выпавшие на его долю. Отныне его девиз жесток: око за око, зуб за зуб. Но учтите, боги, на что-то меньшее – он не согласен...

И будь что будет!

Глава 2

Погода заметно ухудшилась. Резкие порывы северного ветра нещадно бросали бригантину из стороны в сторону, заставляя акробатически, вниз носом нырять в провалы между волн. Штормило настолько сильно, что укачало всех без исключения – даже морально непоколебимую меня. С трудом сдерживая рвотные позывы, я цеплялась за привязанный к лееру канат и доставала Слепого стрелка нудными расспросами:

– Ты ведь уже бывал на острове?

– Доводилось! – скупно обронил он, обратив безглазое лицо к изгибистой водной линии горизонта. – К сожалению...

– И? – с напором спросила я.

– Ничего хорошего там нет, – расщедрился на комментарий слепец. – Одни только испытания, трудности и смерть...

– Ык! – оторопело икнула я. – Как это?

– А так, – мстительно рассмеялся мой собеседник. – Или ты ожидала, что все ваши желания исполнятся на халяву? Нет, вам придется очень дорого за них заплатить, как, например, заплатил я... – И он многозначительно провел рукой по своему ужасному шраму, пересекающему лицо на уровне глазных впадин – от виска к виску.

– Рассказывай давай все подробно! – ультимативно прорычала я, подбираясь ближе и хватая слепца за отвороты камзола. – Все без утайки.

– Да пожалуйста, – равнодушно пожал плечами Стрелок. – Остров Ледница – это то самое место, куда стремятся все паломники, имеющие нереализованное заветное желание. Ну, типа, когда все другие способы достижения цели уже испробованы, отвергнуты и остается последний, сакральный путь к мечте. Конечно, многие погибают или уплывают совершенно не туда, но все-таки единицы достигают берега Ледницы и начинают ждать судьбоносного мгновения...

– Какого? – не поняла я.

– На берегу владений королевы Смерти установлен камень, на коем прописаны правила путешествия в глубь острова, – невозмутимо продолжал слепой. – Раз в пять лет возле камня появляется жрец из Храма Смерти и объявляет начало похода. По его команде группы искателей удачи вступают на дорогу испытаний, ведущую к Храму Смерти. Свернуть с нее уже невозможно, ибо каждого отступившего и струсившего беспощадно истребляют храмовые Охотники, незаметно сопровождающие паломников. Если путешественники сумеют избежать всех расставленных ловушек, не перебьют друг друга по пути, не попадутся Охотникам, не рассорятся с коренными жителями острова, разгадают все найденные подсказки и правильно ими воспользуются, то они достигнут храма, и тогда королева выполнит их заветные желания.

– И скольким паломникам удастся дойти до храма? – с замиранием сердца спросила я, в глубине души совершенно не надеясь на положительный ответ.

– За всю историю существования острова в храм пока еще не попал никто! – злорадно каркнул слепец. – Теперь ты узнала истину: вы плывете на убой, глупцы.

– Чтоб тебя забрали демоны Нижнего уровня, проклятый ублюдок! – возмущенно заорала я. – Почему ты нас обманул, почему утаил от нас эту информацию?

– Не жди от меня извинений, княжна, – язвительно рассмеялся калечный эльф. – Когда я пытаюсь извиниться, у меня всегда получается двусмысленное нечто в стиле «сами виноваты, кретины тупые». Вы приняли решение и сами за него отвечаете. Я не влияю на ваши судьбы...

– Да ну? – не поверила я. – Знаешь, теперь наша встреча почему-то не кажется мне случайным совпадением или произвольным стечением обстоятельств.

– Думай что хочешь. – Слепец откровенно глумился над моим отчаянием. – Ты вовлекла своих друзей в опасную авантюру, а посему именно тебе и предстоит расхлебывать последствия содеянного. Я тут совершенно ни при чем.

– Значит, ты отказываешься мне помочь? – холодно отчеканила я, сверля уничижительным взглядом его безучастное лицо.

– Зачем мне твои проблемы? Решай их сама, – хмыкнул эльф. – Я уже выполнил свою часть уговора и отправился с вами на Ледницу. Если мы сумеем достичь берега, то я сразу же с вами расстанусь. Дальше вы идете сами по себе, я – сам по себе. Полагаю, это справедливо.

– Не думаю, – медленно покачала головой я. – То, что тебе не хотят отдать бескорыстно, можно купить или выкупить.

– Ты хочешь купить у меня помощь? – оторопел эльф. – Но ценой чего? У тебя нет ничего особенного, что имело бы для меня хоть малейшую ценность.

– Думаешь? – Теперь настал мой черед ухмыляться. – А что ты скажешь насчет этого? – И я неспешно извлекла из кармана лоскут полупрозрачного шелка, расшитого золотой нитью. – Узнаешь?

Слепец ошеломленно охнул.

– Узнаю! Это ее вещь, ее запах... – благоговейно выдохнул он. – Отдай! – Его рука дернулась, но я оказалась проворнее и уже успела спрятать лоскут обратно в карман.

– Ну как, поторгуюсь? – предложила я.

Эльф тяжело сглотнул и мелко, торопливо закивал.

Я довольно улыбнулась. Ну вот, это уже совсем другой разговор, а то заладил: «Расстанусь, сами по себе». Нет, он меня явно недооценил, я отнюдь не такая белая и пушистая, каковой кажусь на первый взгляд...

Кстати, а ведь за все произошедшее с нами всего лишь минуту назад нужно сказать спасибо Ырке, моей давней подруге, самовольно прописавшейся в склепе мирно упокоившейся жрицы Бригитты – возлюбленной Слепого стрелка. Дело в том, что, когда Ырка передавала мне часть путеводного артефакта – хранимого в часовне, выстроенной на погосте деревушки Ципелинки, тот оказался завернут в носовой платок, который я благоразумно припрятала. Во-первых, у меня рука не поднялась выкинуть столь изящную вещицу, во-вторых, платок все еще благоухал тонким ароматом эльфийских духов; ну и в-третьих, я верю в знаки судьбы. И как только что выяснилось – не зря, ибо вышеупомянутый платок как раз и стал таким вещим знаком, способным менять настоящее и влиять на будущее. Нет, наш проводник, конечно, не мог его увидеть, но мгновенно унюхал обостренным чутьем слепого и безошибочно опознал. Вон как его сразу же прихлобучило! Судя по всему, эта вещица значила для калеки очень много.

– Ну, надумал? – поторопила я эльфа. – Или мне выбросить эту тряпку за борт?

– Нет-нет-нет, – торопливой скороговоркой зачастил он, умоляюще присюсюкивая. – Пощади платок, ибо он – единственное воспоминание о моей любимой. Когда-то я привез Бригитте лоскут дорого шелка, пропитанного духами из Ширул-эль-шэна, а она вышила его золотыми нитями и собиралась подарить мне, но не успела... Где ты взяла мой платок?

– В часовне, – коротко пояснила я.

На губах несчастного влюбленного заиграла мечтательная улыбка.

– Прошу, верни его мне. Я согласен на любые условия и выполню любую твою просьбу.

– Поможешь нам добраться до Храма Смерти и попасть внутрь него? – напрямую, без обиняков спросила я.

– Помогу! – обреченно согласился Стрелок. – Видно, так мне на роду написано – вторично очутиться под дверями того страшного святилища. Да и Бригитта мне то же самое пророчила. Проблема в одном: чего я лишусь на сей раз – руки, ноги, слуха или жизни?..

– Э-э-э? – озадаченно протянула я. – В смысле?

– В наш прошлый визит на остров мы сумели вплотную подойти к воротам храма, – сообщил эльф. – Исключительно благодаря магии Бригитты, конечно. Если бы не она, то мы бы не избегли расставленных на нашем пути ловушек. Но, увы, Храм Смерти охраняют две бессмертные гидры, уничтожить коих можно лишь с помощью Когтей Хоаса – костяных наконечников для стрел, созданных самими богами. Я выстрелил в гидру, но один из Когтей сломался о ее толстую шкуру. В отместку чудовища убили мою Бригитту и ударом ядовитого щупальца лишили меня зрения. Но королева Смерть милостиво разрешила мне покинуть остров, взяв обещание, что я не стану убегать от уготованной мне миссии. Лишь теперь я начинаю понимать, в чем заключается эта миссия – вернуться на Ледницу вместе с вами. А значит, глупо спорить с судьбой. Я согласен на все! – От голоса несчастного эльфа веяло горькой обреченностью.

Я сочувственно шмыгнула носом и отдала ему платок, который Стрелок немедленно прижал к губам, покрывая поцелуями и неразборчиво бормоча всякие нежные словечки. Я понимающе смотрела на него, размышляя – эка тебя, болезный, любовь-то придавила, не выползешь, не отдышишься. Впрочем, с последним утверждением Стрелка я соглашаться не собиралась, ибо с судьбой нужно и можно спорить, особенно если делать это планомерно, по уму. Авось чего-нибудь да и получится! Хотя следует учитывать и еще одну подлую закономерность: наличие ума никогда не спасает от желания делать глупости. А потому...

– Зачем же вас на Ледницу-то понесло, глупеньких? – бесцеремонно поинтересовалась я.

Слепец поднял на меня залитое слезами лицо.

– Мы искали бессмертия для Бригитты, ведь я способен прожить тысячу лет, а она... – Голос его сорвался, перейдя в рыдания.

– Ага, ну и нашли, типа, – многозначительно обобщила я. – Теперь она вечно жива в твоих воспоминаниях и в легендах... Вот все мы такие – откусываем от жизни куда больший кусок, чем способны прожевать. В итоге им и давимся.

Не знающий промаха ответил мне скептическим вздохом, должным означать – за собой лучше следи, критиканша!

– Как можно преодолеть препятствия, поджидающие путников по дороге к храму? – Я решила возобновить допрос Стрелка, дождавшись, пока он нарыдается всласть и уберет платок. Честное слово, я сделала это не со зла, потому как не хотела прослыть бездушной и черствой, но кого не заботит проблема собственного выживания?

– Импровизируя, – непонятно выдал мой собеседник. – Невозможно предсказать заранее, какими именно они окажутся. Остров представляет собой некое игровое поле, на котором боги отбирают лучших воинов, способных выполнить порученное им задание. Поиски нужных бойцов продолжаются уже очень долго, хотя и безрезультатно, но боги – терпеливы, ибо им некуда спешить. Впрочем, об этом вам сообщат перед началом похода к Храму Смерти, а пока у нас возникла более неотложная проблема...

– Какая? – насторожилась я, выходя из задумчивости.

Если безоговорочно верить в сильно смахивающее на бред кликушество Стрелка, то сам гoblin не разберет, что ожидает нас там, впереди. Стрелок втолковывает мне про беспощадных убийц и ловушки, но, честное слово, трудно представить, чтобы в реальности ситуация сложилась настолько печально и страшно. Истребить кучу народу ради того, чтобы выбрать несколько лучших супервоинов, – по-моему, такие игрища слишком сложны даже для богов. Они ведь, чай, тоже не звери и не людоеды какие-то... Таким образом, почти убедив себя в том, что Стрелок все утрирует и находится в состоянии аффекта, вызванном личной трагедией, я успокоилась и приободрилась. К сожалению, впоследствии я сильно пожалела о собственной доверчивости и недалекости, ибо испытания, выпавшие на нашу долю, превзошли самые пессимистичные ожидания, наглядно выявив мою наивность в вопросах, касающихся Божьего промысла. Впрочем, тогда мне было не до того...

– Какая? – повторила я, внутренне собравшись и на всякий случай схватившись за рукоять сабли.

– Твой дракон, – пояснил слепец. – Прислушайся к шелесту его крыльев. Он двигается теперь по-другому, не так, как прежде, ибо полностью выдохся и скоро упадет. Смерть готовится открыть счет. – Губы эльфа многозначительно скривились. – И этот счет не в вашу пользу, княжна...

Я стремительно обернулась, вглядываясь в пелену вечерних сумерек, скапливающихся за кормой «Мавизли». Уже некоторое время Трея летел позади корабля, постепенно все больше и больше от него отставая. Разделяющее нас расстояние неуклонно увеличивалось. Смертельно уставший дракон опустился к самой воде, редко и нутужно взмахивая одеревеневшими крыльями. Из его приоткрытой пасти вывалился посиневший и опухший язык, грудь сотрясали тяжелые, судорожные вздохи, глаза предобморочно закатились. Вот он вздрогнул, кашлянул и едва не ушел под воду, зачерпнув ее правым крылом...

Я почти прыгнула на Стрелка, отработанным движением вновь хватая его за отвороты камзола.

– Как его спасти? – зашипела я в лицо слепцу. – Не молчи, подскажи, как можно спасти Трея?

Эльф невозмутимо отстранился от моего дышащего жаром и отчаянием рта и с видом судьи сложил на груди эффектно скрещенные руки.

– Заплати! – торжественно изрек он. – Заплати за его жизнь тем, что у тебя есть,

Рогнеда!

«А что такого ценного у меня есть? – стараясь не поддаваться нарастающей в душе панике, пыталась сообразить я, вцепившись в планшир корабля. – Одежда, которая на мне, сабли, защищающий от магии кулон... Да кому они нужны в открытом море!»

И я сбивчиво зашептала, глотая горькие слезы бессилия:

– Слышишь, судьба, боги или кто там еще... Я обещаю, если сейчас вы спасете жизнь дракону и подскажите мне, что делать дальше, то в тот момент, когда вы о чем-то попросите меня, я без колебаний выполню любое ваше приказание, каким бы страшным оно ни было. Идет? – Краем сознания я уловила, что озвучила отнюдь не одну, а целых две просьбы, но ведь произнесенные слова обратно в рот не запихаешь.

Внезапно налетевший порыв ветра взметнул мои волосы, шарфом обвился вокруг плеч, и чей-то едва слышный, насмешливый голос отчетливо хихикнул мне в ухо:

– Идет!

Я изумленно завертела головой, но загадочный голос пропал так же внезапно, как и появился. Похоже, никто, кроме меня, его не слышал и не заметил ничего необычного. Но зуб даю, этот голос мне не почудился, и он, бесспорно, был женским.

– Рогнеда, смотри, вон туда смотри! – вдруг пронзительно закричала Витка, указывая куда-то вперед. – Что это такое?

– Где? – Я приставила козырьком ладонь ко лбу, вглядываясь в даль. – Ничего не вижу...

И тут я увидела!

Море вздыбилось, огромной волной нависнув над бортом бригантины, но потом как-то лениво, словно нехотя отступило, успокаиваясь. Из впадины между бурунов взметнулся высокий фонтан радужных брызг, и над водной гладью появилась крутолобая голова какого-то морского обитателя, с любопытством поглядывающего на нас выпуклыми черными глазами...

– Это кит! – уверенно заявил Тай. – Я видел на картинке в книге. Правда, там говорилось, что киты имеют черную или серую окраску.

Но явившийся нам зверь был белым, без единого темного пятнышка, причем отличался настолько невероятными размерами, что рядом с ним «Мавиэль» выглядела крохотной рыбацкой лодчонкой. Кит выставил из воды мощную спину и медленно поплыл рядом с бригантиной, словно напрашивался к нам в попутчики. И тут меня осенило! Он отнюдь не намерен нас сопровождать, он...

– Садись! – закричала я, обращаясь к Трею. – Садись к нему на спину.

Дракон с радостью послушался моего приказа, устало сложил крылья и почти упал на спину морского чудовища. Кит даже не вздрогнул, продолжая размеренно двигаться рядом с кораблем. А предельно вымотанный дракон сунул голову себе под крыло и моментально заснул.

– Уж не знаю, кому и чего ты там наобещала, княжна, – проворчал Слепой стрелок, – но предвижу, что расплачиваться за эту помощь тебе предстоит долго и мучительно. Впрочем, – он одобрительно похлопал меня по плечу, – ты храбрая девушка. Пусть и безрассудная!

– И без тебя знаю! – сердито буркнула я и тут же мысленно спохватилась: а как же моя вторая просьба?... Или я хочу слишком много?

– Поздоровайся с-с-с... – загадочный женский голос вновь возник из ниоткуда, тонким свистом ввинчиваясь в мой мозг, – первым... первой.

– Извините, не поняла: так первой или с первым? – вежливо переспросила вконец запутанная я, уже не доверяя собственному слуху.

Но ответом мне стала тишина, лишь усилившая мою растерянность и недоумение. Хотелось бы знать, кто же именно выдал мне столь странную подсказку, не расщедрившись на более внятные разъяснения. Оставалось надеяться, что я разговаривала не со своим

воспаленным воображением, а с кем-то реальным.

Ночь черным покрывалом окутывала небо и море, делая их неотличимыми друг от друга. Порывы холодного северного ветра свирепо рвали паруса бригаантины, терзая хуже лютого зверя. Мы сгрудились на палубе, натянув на себя всю имеющуюся у нас теплую одежду, и терпеливо ждали рассвета, ибо заснуть при такой качке оказалось невозможно. Зорган крепко обнял меня, прижимая к своей груди, и периодически громко клацал зубами, недобрыми словами поминая тьму и холод.

– Сколько дней может продлиться плавание к острову? – спросила я у нашего незрячего проводника, упрямо цепляющегося за совершенно бесполезный сейчас штурвал. – Неделью, десять, больше?

– Все зависит от Промысла богов, – нехотя процедил он сквозь зубы. – Если будет на то их милость, то мы вскоре очутимся на Леднице. А если нет, то никогда на нее не попадем, сгинув в бурном море.

– Мило! – язвительно хмыкнул Зорган, прислушиваясь к нашему разговору. – Никогда еще я не ощущал себя настолько беспомощной игрушкой в руках судьбы, и никогда еще мое ближайшее будущее не казалось мне настолько туманным... А ведь еще совсем недавно мне мнилось, будто моя жизнь стала налаживаться...

– Ну, ты у нас настоящий мудрец – все правильно говоришь, – подала голос сидящая рядом Кайра. – Она налаживалась, налаживалась, пока не стала совсем лаковой!

Слепой стрелок невесело хмыкнул, похоже полностью согласный с мнением стервозной эльфийки.

– Девушка, не болтай попусту о том, в чем ничего не смыслишь, – холодно прокомментировал ее реплику эмпир. – Философия женщин не украшает. Помни, в каждой женщине должно быть такое маленькое, сморщенное, коричневое...

– Мозги? – обиженным тоном предположила Кайра.

– Изюминка! – снисходительным тоном поправил виконт. – А мозги женщину только портят. Да и замуж умных женщин не зовут...

– Не зли меня, в гневе я страшна! – свирепо рыкнула воительница, ибо, упомянув о замужестве, виконт наступил на ее больную мозоль.

– Да ты и так не особо... – не остался в долгу задиристый эмпир.

– Ах так! – Вспыльчивая эльфийка схватилась за рапиру. – Да я...

– Стойте! – Я решительно прервала их перепалку, стремительно перерастающую в свару. – Насчет туманного будущего... Или мне чудится? – Я протянула вперед дрожащую от холода руку. – Ведь это туман?

– Туман! – рассеянно согласился Слепой стрелок. – А в этих краях туман можно встретить только возле берега, там, где теплый воздух с суши сталкивается с холодными морскими ветрами. Ой!.. – неожиданно вскрикнул он, ибо палуба бригаантины ощутимо содрогнулась так, словно корабль налетел на нечто твердое. – Кажется, мы напоролась на рифы. Держитесь...

Но его предупреждение запоздало, ибо днище «Мавиэли» противно заскрежетало по чему-то острому и шершавому, а потом корабль начал стремительно заваливаться набок, зачерпнув забортной воды. Бригантину завертело в бурном водовороте, мачта жалобно скрипнула и сложилась пополам – накрывая нас мокрым тяжелым парусом. Барахтаясь в его грубых складках, мы пытались не потеряться в непроглядной темноте, но у нас ничего не получилось. Помню, как пальцы Зоргана вдруг выскользнули из моей ладони, а меня подхватило набежавшей волной и понесло в промозглую, смертельную ночь. Я отчаянно кричала, но мой рот сначала залило горькой водой, а потом забило крупным, колючим песком. Насквозь промокшая одежда тянула меня вниз, ко дну, мешая двигаться. Я бестолково колотила руками по воде, понимая, что тону. А потом меня сильно приложило виском о какой-то камень, и на губах появился сладковатый привкус крови. Глаза закрылись сами собой, и я погрузилась в черное небытие...

Сначала до моего слуха донесся виртуозный гитарный перебор, а потом звонкий мужской голос возвестил с явно различимым удовлетворением:

– Ну вот, кажется, доплыли!

– Драконы не умеют плавать, – тут же с хрипотцой поправили его. – Не путай меня с морскими змеями, те еще тварюги.

– А я и не путаю, – усмехнулся звонкий мужской голос и с вызовом пропел:

Подивись, честной народ,
Дракон в море не потоп.
По воде плыл лодкою —
Крупною селедкой...

– И вовсе не селедкой, – обиженно поправил похрипывающий собеседник. – Ты же сам говорил, что это кит.

– А какая разница? – еще веселее поддел звонкий. – Рыба, она и есть рыба.

– Да, поесть я бы сейчас не отказался. – В разговор встрял третий участник. – Так голоден, что согласен на любое блюдо, хоть из рыбы, хоть из крысы...

– Мамачки, а где же наша Грымза?! – испуганно взвизгнул следующий участник беседы, тоненько, по-девчачьи. – Надеюсь, она не утонула?

– Не-а. На, держи свою любимицу! – Раздался шелест одежды, словно кто-то что-то вытаскивал из-за пазухи, и громкие звуки поцелуев.

Меня Витка не целует,
Говорит – волнуется.
Я иду – она на крыше
С крысой тренируется! —

ухарски, но немного нескладно выдал речитативом тот, кто жаловался на голод, и заслужил громкий смех нескольких человек.

– Ну и пусть! – фыркнула Витка. – Зато ты, Зорган, петь совсем не умеешь!

– И чего мне с вокалом делать прикажешь? – расстроился виконт. – Я вроде пел с искренним чувством, но птиц с деревьев все равно посшибало...

– Завидую, если тебя только вокал сейчас волнует, – занудно протянул новый собеседник, в коем я сразу же узнала Слепого стрелка с его бесконечным пессимизмом. – Но обещаю, через пару дней тебе точно станет не до песенок...

– Это еще почему? – с вызовом заявил Зорган. – Вот проснется Рогнеда, и все у нас наладится...

– И когда она проснется? – ехидно спросил слепой эльф. – Да и проснется ли вообще?

– Не сомневайся. Рогнеда, просыпайся! Эй, княжна, хватит дрыхнуть!

Меня дружно затормошили в несколько рук, и мне волей-неволей пришлось открыть глаза, возвращаясь в этот бранный мир...

Я сидела на песке и не без удивления рассматривала раскинувшийся передо мной берег. Невзирая на все заверения Слепого стрелка, клявшегося и божившегося, что мы попали именно на Ледницу, я упорно отказывалась поверить в очевидность одного факта. По моему мнению, Ледница получила свое название по причине толстого слоя снега и льда, покрывающего большую часть ее территории. Да и находится сам остров посреди Холодного моря, а тут... Я недоуменно похлопала ресницами... Тут – желтый песок, выше него – полоса намытой морем гальки, а еще дальше – сочная изумрудная трава и развесистые деревья, дающие щедрую тень. Благодать. Прямо земля обетованная, а не обещанный полигон для отбора супервоинов. Птички щебечут, мухи летают, ящерки под лопухами

отсиживаются. А солнце стоит в самом зените и жарит немилосердно...

– Хватит еще на нашу долю и снега, и дождя с градом! – уверенно сообщил Не знающий промаха стрелок, покусывая сочную травинку. – Ледница – остров необычный и законам природы неподвластен. Какую погоду захотят установить боги, дабы усугубить наши испытания, такой она и будет. И нечего над тем зазря головы ломать.

– Как бы нам с голодухи раньше не передохнуть, еще до начала испытаний, – предположил Зорган, и подтверждением справедливости его слов стало громкое урчание, отчетливо донесшееся из драконьего живота. Сам эмпир попробовал заарканить пробежавшего невядалеке зайца с помощью какого-то шнурка, но промахнулся. По меткому определению дракона, на острове стало одним «косым» больше.

– А может, нам Лиззи наколдует каких-нибудь съестных припасов? – неуверенно предложил обычно скромный и молчаливый Вольдемар.

– Увы, – наша магичка сокрушенно развела руками, – борьба с морской стихией истощила все мои силы, и запас энергии пока еще не восстановился. К тому же этот остров весьма странно влияет на мои возможности... – И без того задумчивое личико девушки приобрело такое выражение, словно она усиленно прислушивалась к себе. – Кажется, они изрядно уменьшились.

– А чего вы хотели? – многозначительно хмыкнул наш проводник. – Остров выравнивает шансы на успех, усредняя возможности всех попавших на него соискателей. Здесь все равны. Хочешь доказать свою особенность – доказывай ее честно, ибо боги не любят тех, кто мухлюет.

– Надеюсь, моя сила осталась при мне! – пробурчала Кайра, опуская руку на рукоять рапиры.

– Боги уважают боевые навыки, – кивнул слепец, – ценят ум, находчивость и благородство. А колдовать они и сами умеют.

– Ясно! – печально сгорбилась Лиззи. – Значит, придется разживаться едой как-то иначе. Да, Рогнеда?

После этих слов все участники нашего похода выжидательно повернули лица в мою сторону, словно признавая мое безусловное лидерство. Выходит, решающее слово опять остается за мной. Я тяжело вздохнула и еще раз оглядела пустынный берег. На мелководье виднелись обломки разбившейся о скалы бригантин, но больше здесь не было ничего интересного. Получается, хочешь не хочешь, а придется покинуть побережье и продвигаться в глубь острова, надеясь отыскать пищу и пресную воду. Иного нам не дано.

– Идем вперед! – объявила я, поднимаясь с песка. – Удача под ногами не валяется, зато часто встречается по дороге!

Приютившие нас кусты росли на самом солнцепеке, но, видимо, комары на Леднице тоже были какими-то особенными, потому как совершенно не боялись полуденной жары и ели нас поедом, даже не испросив на то нашего согласия. Ели со здоровым аппетитом, разве что не чавкали. Как говорится, одним все и сразу, а другим – ничего и регулярно. Обидно, ведь мне совсем недавно рассказывали про здешнюю справедливость и всеобщее равенство...

– Ничего себе, – шокированно бормотала я, выглядывая из куста сирени. – И вся эта куча народу прибыла на Ледницу, желая испытать судьбу?

– А ты думала, мы сюда одни приплыли? – насмешливо спросил Не знающий промаха стрелок, жарко дыша у меня над плечом и вопреки своей слепоте ловко прихлопывая очередного крылатого кровопийцу. – Конечно, они здесь не на отдых собрались. Вот увидишь, скоро все соискатели милости богов разделятся на группы и отправятся пешком через остров, пытаясь отыскать Храм Смерти. Но победа достанется лишь одной команде. Все же прочие – погибнут.

– Всегда знал, что боги любят идиотов, – ехидно прошептал Зорган мне на ухо. – А иначе зачем бы они их столько создали?

– Это ты нас идиотами называешь? Сурово! – вздохнула я, рассматривая огромную поляну, сплошь заставленную шатрами и палатками всевозможных цветов и размеров. Дымились многочисленные костры, аппетитно булькали развешанные над ними котелки, сушилось растянутое между палками белье, и отовсюду доносился гомон сотен голосов – варьируясь от склочных перебранок до веселых песен.

В общем, представший перед нами лагерь поражал воображение, ввергая в смущение и опасения. Очевидно, предстоящая конкуренция в борьбе за победу обещала принять нешуточный оборот, особенно если брать в расчет все грядущие опасности, предсказанные слепым эльфом. И поэтому больше всего на свете мне захотелось сейчас очутиться дома, забраться на печку и сладко уснуть, прислушиваясь к привычной с детства воркотне няньки Матрены. Кто знает, может, зря я отказалась от брака с престарелым эльфийским повелителем? Жила бы сейчас в довольстве и сытости, хлопот бы не знала...

– Рогнеда! – Требовательный окрик Зоргана вырвал меня из мечтательного состояния. – Хватит уже в кустах сидеть, пока нас тут комары заживо не сожрали. Смотри, кого только в этом лагере нет – эльфы, тролли, орки, люди. Значит, и мы в их компанию впишемся. Предлагаю присоединиться к тому дружному коллективу и разжиться жратвой...

– Драконов там нет! – вынес вердикт Трей, не помещавшийся среди кустов, а потому плашмя распластавшийся в соседней ложбинке. – И как они меня примут, если я – самый большой?

– Зато мы – самые красивые! – самодовольно пискнула Витка, прячущаяся за спиной принца Тайлериана.

– И самые умные! – саркастично хмыкнул Зорган, постоянно потешающийся над недалекой умом красавицей.

– И самые добрые! – с намеком поддержала игру я, многозначительно дергая виконта за ухо. Вечно он всех на перебранки провоцирует. Ну что за несносный мужчина!

– Кого найдем добрее – убьем! – кровожадно заявил Михась, ударяя по своей ржавой кирасе.

– И съедим! – брякнул, бурча животом Трей, доведенный почти до обморока разливающимися над лагерьем ароматами съестного.

Все так и покатались с хохоту.

– Кого предпочитаешь: эльфа или тролля? – выпрашивал у дракона Зорган, потрясая пучком свежесорванного щавеля. – Под соусом!

И тут началось...

– Гуляш из орочьего мяса с сыром! – предложила Кайра.

– Пирог с лесными грибами и лесными эльфами! – хихикала Витка, ущипнув любимого за бок.

– Тушеные человеческие почки с овощами! – вернул подачу Тай.

– Маринованный рыцарь в собственных доспехах! – предложила Лиззи, лукаво косясь на упакованного в железо Михася.

– Садисты! – предобморочно просипел дракон, давясь слюной. – Смерти моей хотите? – Он начал обиженно отползать назад и неосторожно поднялся над ложбинкой...

– Дракон! – незамедлительно и многоголосо донеслось со стороны лагеря. – Спасайся кто может, здесь – дракон!

– Ну вот, поздравляю, – укоризненно прошипела я, обращаясь к своей враз притихшей команде. – Вписались, называется, в коллектив!..

Прятаться дальше не имело никакого смысла, поэтому мы со вздохами облегчения покинули кусты, по причине комариного жора едва не ставшие нашей братской могилой, и медленно двинулись в сторону лагеря соискателей милости богов. Медленно, дабы не создавать излишнюю панику, а успеть и себя показать, и на других посмотреть. Ведь посмотреть там действительно было на что...

В центре хорошо утопанной поляны сгрудилось сотни три паломников, плотно сбившихся в единую кучу и ошетилившихся всеми видами оружия, начиная от дровиков и

заканчивая увесистыми двуручными мечами. Особенно сильное впечатление произвел на меня долговязый эльф с рубиновой серьгой в правом ухе – вооруженный здоровенным вертелом с нанизанными на него перепелками, и чернявая девица, скорее всего полукровка, весьма скудно одетая, но воинственно размахивающая скрученными в жгут шелковыми панталонами. Подходящим фоном для противостоящего нам воинства служили поваленные в спешке шатры и перевернутые котелки с разлившимся вокруг них варевом.

– Эх, столько провианта зря погубили! – разочарованно проворчал Зорган, пиная измазанный кашей котелок.

Посудина ответила печальным гулом.

– Отдай, а то порежешься еще! – Дракон ловко выдернул вертел из рук эльфа с серьгой, элегантно сдернул с него перепелок и проглотил не жуя. – Оружие детям не игрушка!

– Мародер! – возмущенно завопил долговязый, лишившись своего обеда. – Отдай перепелок обратно!

– Могу и отдать, если вежливо попросишь! – Трей выразительно дернул кадыком. – Только вряд ли ты их после этого есть станешь...

Со стороны кучки паломников раздалось одобрительное фырканье. Похоже, юмор нашего дракона оценили по достоинству. Но долговязый эльф лишь обиженно нахмурился, вознамерившись не сдавать позиции местного главнокомандующего.

– Кто вы вообще такие? – начальственно спросил он, оценивая рассматривая нашу разношерстную команду. – Откуда взялись и чего хотите?

– Того же самого, чего и все вы, – открыто сообщила я. – Добраться до Храма Смерти и испытать судьбу.

– Вы? – глумливо расхохотался эльф. – Нищие оборванцы, да вы давно на себя в зеркало смотрели?

Сначала я честно хотела ответить, что уже и не помню, когда в последний раз смотрелась в зеркало (благо не любила это бессмысленное занятие и в лучшие свои дни), но потом решила промолчать, дабы не давать ему новый повод для насмешек. Время покажет, какого приза достоин каждый из нас. А пока лучше схитрить и притвориться дурочкой, ибо какой с дурочки спрос. Пусть лучше они меня недооценивают, чем увидят во мне опасного соперника и попытаются устранить еще на полдороге к храму. Целее буду, ведь главная сила дурака заключается в том, что умный перед ним бессилен.

Между тем события на поляне развивались лавинообразно, причем явно не в нашу пользу. Впрочем, позднее выяснилось, что жалеть об этом не стоило, ибо именно тот первый конфликт и стал залогом наших будущих побед. Как говорится, решительный шаг вперед – результат хорошего пинка сзади!

Пока я пыталась не нарваться на разборку с мордобоем, мои друзья банально пошли на поводу у эмоций, голода и своего плохого настроения. Кайра хитро покосилась на некоего скудно одетого и не менее скудно вооруженного юношу и заявила:

– С детства знаю, что стрелами – стреляют, мечи – мечут, а вот дротики... Чего с ними делают?

Возмущенный ее фривольным намеком, молодой воин побагровел и заорал во все горло:

– Гоните отсюда этих нахалов! Они же над нами издеваются!

– Ага, – немедленно поддержала его девица с панталонами, – я тоже так считаю. Этот, – она указала на Михася в ржавых доспехах, – похож на разбойника. Та, – ее грязный палец почти уткнулся в грудь Лиззи, – на ведьму с крысой. Другая девка просто неприлично красива. – Оный завистливый эпитет адресовался Витке. – И вдобавок никогда не видела горбатых эльфов с гитарами...

– Стоп! – Тощий лидер с серьгой наморщил лоб, напрягая память. – Я вспомнил! До меня доходили слухи об одном эльфийском принце, отравившем своего отца и сбежавшем из дворца...

– Никого я не травил! – праведно вознегодовал Тай. – А рифмы у тебя – корявые!

– Нам только поэта тут не хватало... – словно от зубной боли скривился долговязый.

– А еще дракон, а еще эмфир, а еще атаманша с саблями! – перечислил обсмеянный Кайрой дротист. – Не-а, таких нам тут не надо. Выгоним их, как того...

– Кого – того? – заинтересованно перебила я.

– Не важно, тебя это не касается, – высокомерно отмахнулся долговязый эльф. – Слушайте, побирушки, мы не хотим иметь с вами никаких общих дел. От вас так и веет неприятностями, проблемами и тайнами. А проблем нам и своих хватает. Поэтому идите-ка своей дорогой, пока мы добрые и отпускаем вас подобру-поздорову.

– Наверное, нам следует сказать вам за это спасибо! – съязвила я.

Долговязый ответил мне неприязненным взглядом.

– Хватит и обычного «до свидания», – поправил меня он.

– Не лсти себе, я счастливо проживу и без нового свидания с тобой! – парировала я.

Эльф нахмурился, на его нижней челюсти заиграли желваки.

– Учти, оборванка, при следующей встрече я тебе язык отрежу и скормлю вашему дракону, – пригрозил он. – А еще лучше – глаза твои бесстыжие выколю.

– Полегче на поворотах, мальчик, – осадил его Зорган. – Не стоит играть с женщинами. Ты ведь не знаешь, а вдруг они играют лучше тебя... – И в его взгляде проскользнуло нечто такое, что заставило нахального дылду стушеваться и отступить назад.

– Уходите, – буркнул он уже тише, отводя глаза. – В нашем лагере для вас нет места.

– Ладно, уговорили, уйдем, – согласилась я, понимая: насильно мил не будешь. Зачем нарываться на драку? Иногда правильнее отступить, чем переть напролом. – Надеюсь, больше не увидимся. – Я развернулась и сделала несколько шагов, намереваясь покинуть негостеприимную поляну.

– Когда я увижу тебя в следующий раз, ты будешь тихой, спокойной и мертвой! – дерзко выкрикнула девица мне в спину.

– Не желай другому плохого, ибо твое пожелание может вернуться к тебе сторицей. – Я обернулась и одарила ее ослепительной улыбкой. – Уходим! – Я взмахом руки призвала своих друзей следовать за мной. – Поищем еду и приют в другом месте. А всей здешней команде, уставшей от моего скверного характера, желаю передохнуть. Ударение сами поставите...

На этой бравурной ноте мы покинули лагерь паломников, буквально онемевших от подобной наглости. Ушли в никуда, оставшись одни в этом ненормальном, противоречивом мире. К добру или к беде приведет наш поступок – время покажет, но пока, невзирая на голод и усталость, мы почему-то чувствовали себя победителями!

Глава 3

Вечерело. Сумерки опустились на землю как-то слишком резко и внезапно, что лично я посчитала очередным фокусом острова богов, то ли испытывающего нас на прочность, то ли в открытую над нами издевающегося. Покинув поляну паломников, мы углубились в густой лес, с трудом продираясь сквозь чащобу, отводя от лица колючие еловые лапы и подворачивая ноги на заросших мхом кочках. Ладно хоть комары здесь не водились. Интересно, почему?

– Только такие дураки, как мы, способны залезть в подобную глухомань? – надоедливо ворчал Зорган, прозорливо предвосхитив мой не высказанный вслух вопрос. – А комары, в отличие от нас, отнюдь не...

– Хватит упражняться в остроумии! – сердито перебила я. – Вон неплохая прогалинка между деревьями, остановимся там.

– Грибы пособираем, ягоды! – немедленно возликовала Витка.

– Дурочка! – почти ласково рассмеялся виконт. – Тут только бледные поганки и растут, твои сестры по разуму...

– Наломайте сушняка и разожгите костер, – не обращая внимания на его ехидные

комментарии, скомандовала я. – Перекантуемся здесь до утра, а то впотьмах недолго и в болото забрести. Короче, устраивайтесь на ночлег, а я пойду дальше – поищу что-нибудь съедобное.

– Одна пойдешь? – тут же напрягся бдительный виконт.

– Одна! – ультимативно кивнула я. – От Вольдемара и Тая больше шума, чем пользы. Витка и Лиззи с ног от усталости валяются. Кайра хоть и храбрится, но... – Я с сомнением оглядела осунувшееся лицо подруги, украшенное красными волдырями расчесанных комариных укусов. – Тоже только на энтузиазме держится. Слепой все возможные шишки уже собрал, того и гляди, убьется о какую-нибудь корягу. О драконе вообще говорить нечего, он и так уже пол-леса переполошил. Придется тебе с Михасем их охранять. А я к нашим красногорским топам привычная, поэтому пойду одна... – И, не дожидаясь дальнейших возражений любимого, я беззвучно скользнула за разлапистую елку, растворившись в ночной темноте...

Пройдя несколько десятков шагов, я обернулась и с удовлетворением различила отблески костра, виднеющиеся среди деревьев. Похоже, мои указания выполнили. Ума не приложу, куда мне теперь идти и что искать, но без пищи мы долго не протянем. А поскольку никакие интересные идеи в мою голову не приходят, то придется положиться на привычное невезение, уже не раз по-своему меня выручавшее, и на закоренелое упрямство. Нет, я, конечно, понимаю, что упрямство – это то же упорство, хотя и с налетом глупости, но в нынешних условиях сойдет и оно... Так, вполголоса разговаривая сама с собой, я все шагала и шагала вперед, пока неожиданно не вышла из чащи, очутившись на лесной опушке. Немного поморгала, привыкая к рассеянному лунному свету, серебристо подсвечивающему аккуратные рядки можжевельной поросли, которые отделяли ельник от широкого луга, сплошь покрытого желтыми лютиками. А посередине этой романтической желтизны возвышался единственный дуб – необхватный, эффектно подпирающий макушкой черное ночное небо, усеянное алмазной россыпью звезд. Я задрала голову, любуясь представшей передо мной красотой, от которой захватывало дух. Внезапно я заметила нечто странное, призывно белеющее на фоне дубовой коры, и невольно ускорила шаг, пытаясь усмирить предвкушающе заколотившееся сердце.

Почти пробежав половину луга, я вступила под сень раскидистой кроны векового гиганта и оторопела, наконец рассмотрев то, что приманило меня сюда. Под дубом, спиной привалившись к его мощным, коряво выпирающим из земли корням, сидела маленькая девочка, облаченная в мешковатую рубашку из беленого полотна. Худое личико малышки пугало неестественной бледностью, черные ресницы полукружьями лежали на впалых щеках, а под рубашкой четко прорисовывались тощие коленки и ключицы. Скрещенными на груди руками девочка собственнически прижимала к себе сплетенную из соломы куклу, жутко разрисованную углем. Кукла смотрела на меня криво расположенным единственным глазом и плотоядно щерила сикось-накось перекошенный рот с острыми зубами из сосновых щепочек. В глазу соломенной уродки читался нездоровый и явно гастрономический интерес к моей изрядно зачуханной персоне. По спине сбегала холодная струйка пота, меня передернуло от ужаса – настолько живой казалась эта безобразная кукла и настолько неживой – ее хозяйка.

«Мертва!» – с сочувствием решила я, вглядываясь в бледное до синевы лицо девчушки, ее закрытые глаза, тонкие пересохшие губы и неестественно спокойную позу сломанной, выкинутой на помойку игрушки. Внезапно девочка распахнула ресницы и уставилась на меня огромными черными глазищами без зрачков...

– Гоблины треклятые! – шокированно выдохнула я, отшатываясь назад, запинаясь за камушек и плашмя валясь в лютики. – Так ты живая!..

Девочка неловко поднялась на ноги, поражая меня противоестественной неуклюжестью движений и общей разболтанностью всего тела. Малышка прихрамывая подковыляла ко мне, наклонилась и долго рассматривала мое лицо своими неподвижными глазами. Я с трудом вернула на место свою чуть не отпавшую нижнюю челюсть и робко взирала на оскаленные

зубы куклы, выглядевшие подозрительно натуральными. Меня не отпускало странное ощущение, будто ужасная кукла все видит и понимает, только и поджидая подходящего момента, чтобы вцепиться мне в горло...

– Тетя, – вдруг хрипло прошептала девочка, прерывая затянувшуюся паузу, – отведи меня домой, я заблудилась! – И ее костлявая, холодная как лед ладошка настырно уцепилась за рукав моей куртки...

Дальше я шла очень медленно, потому что по непонятной мне причине девочка абсолютно не умела передвигаться нормально, как все обычные люди. Вместо этого она ковыляла, шаталась – невероятно выворачивая суставы в совершенно не предназначенные для того стороны, и умудрялась одновременно хромать на обе ноги. Сначала я хотела взять калечную малышку на руки, но меня остановил жуткий холод, исходящий от ее тщедушного тельца и внушивший мне какой-то мистический трепет. При этом девочка производила впечатление вполне адекватной личности – охотно поддерживала беседу и бойко вертела головой, обозревая окрестности.

– А далеко ли отсюда находится твой дом? – заинтересованно выпрашивала я, ибо внешний облик малышки выдавал в ней обычную деревенскую жительницу, а значит, она вполне способна привести меня туда, где можно разжиться молоком и хлебом. В кармане моей куртки побрякивало несколько серебряных монет, достаточная сумма для покупки провианта.

– Недалеко, – обрадовала меня девчушка, – кажется, вон за тем пригорком... – Похожий на косточку пальчик указал нужное направление. – Вроде бы там...

– А как тебя зовут? – не прекращала расспросы я, немного сбита с толку ее неуверенностью.

Малышка ненадолго задумалась.

– Не помню, – спокойно выдала она. – А зачем мне имя?

– Ну как... – оторопела я. – Чтобы откликаться на чей-нибудь зов, например...

– Зов я и так услышу, – без малейших эмоций в голосе сообщила девчушка. – Как только подойду близко к дому.

– Зов мамы и папы? – уточнила я, безмерно заинтригованная нашей странной беседой.

– Сестер и братьев, – отрицательно мотнула головой малышка. – Дома мы все сестры и братья, поэтому имена нам не нужны. – Она довольно хмыкнула, словно вспомнила нечто крайне важное, ввергая меня в еще большее недоумение.

Проанализировав ее реплики, я тут же решила, что эта девочка наверняка проживает в каком-то приюте, и прониклась к несчастной сиротке еще большим состраданием.

– Имена нужны лишь привязанным к тебе охранителям, – между тем продолжала рассказывать девочка, ничуть не смущенная моим молчанием. – Таким, как она! – И девочка выразительно потрянула своей страшной куклой.

– Она – охранитель? – не поверила я, вздрагивая от отвращения, ибо кукла, даже находясь в руках хозяйки, продолжала неотрывно таращиться на меня. – И от чего же она тебя охраняет?

– От всех! – категорично фыркнула малышка. – У каждого, находящегося вне дома, должен быть охранитель. Такой, как моя Злючка! А ты такая большая и не понимаешь таких простых вещей... – Черные глаза девочки взглянули на меня с жалостью, словно на ущербную. – А-а-а... – вдруг дошло до малышки, – у тебя нет своего охранителя. Почему? Ты его потеряла?..

– Хм... – стушевалась я, не находя нужных для ответа слов. – Кажется, у меня его никогда и не было!

– Плохо! – вынесла вердикт малышка, дергая меня за рукав. – Тогда тебя могут обидеть...

«Кто?» – хотела спросить я, но промолчала, ощущая себя запутавшейся полностью и окончательно.

Увлеченные беседой, мы преодолели пригорок, оставили позади редкий березовый перелесок, а затем внезапно очутились в какой-то тихой ложинке, перед частично сломанной железной оградой, сплетенной из ржавых, перекошенных прутьев. Девочка насторожилась, словно услышала нечто недоступное моему уху, а затем облегченно расслабилась и улыбнулась.

– Пришли! – важно изрекла она. – Вот я и дома!

– Как, ты живешь здесь? – недоверчиво рассмеялась я, оглядываясь по сторонам. Везде, куда ни кинь взор, виднелись искореженные надгробные памятники, просевшие могильные холмики, обломки разбитых статуй, обрамленные синими болотными огоньками. – Так ведь это же кладбище! – почти истерично выкрикнула я.

– Это мой дом! – Девочка уверенно пробиралась по тропке между могилами, таща меня за собой, пока не остановилась возле одной из них. – Спасибо, тетя! – Она отцепилась от моего рукава и шагнула прямо на покрытый дерном холмик. – Давай-ка я подарю тебе свою Злючку, пусть охраняет тебя, пока ты тоже не попадешь домой!

Омерзительная кукла как-то незаметно перекочевала в мои руки, где и угнездилась, для надежности ухватившись зубами за пуговицу куртки. Я попыталась отбросить соломенное чудище, но у меня ничего не вышло.

– И имечко-то у нее подходящее! – плевалась я, борясь с прилипчивой куклой. – А зачем оно ей вообще?

– Ну как? – удивилась стоящая на могиле девочка. – Демоны без имен не могут. Прощай, тетя!

Ее тощее тельце внезапно начало светиться, становясь прозрачным, а затем превратилось в полоску тумана и эффектно втянулось в могильный дерн. А Злючка ужом поползла по моей куртке, пока не добралась до груди, где ловко юркнула за пазуху, да там и затаилась, больше ничем о себе не напоминая.

– Вот тебе и на, – ошеломленно бубнила я, осторожно лавируя между плотно натканных могил, выкопанных впритирку друг к другу, – оказывается, я повстречалась с призраком. – Тут я больно ударила ногой об элемент ограды и чуть не упала. – Интересно, кто и зачем вообще придумал огораживать кладбища? Вроде могильник – это то самое место, куда никто не приходит по своей воле и откуда никто не выходит?..

Мои рассуждения прервал вид плывущего в воздухе огонька, возникшего словно бы ниоткуда, но явно движущегося в моем направлении...

– Хм... ошибочка вышла, – усмехнулась я, наблюдая за очертаниями некой приземистой фигуры, медленно проявляющейся из темноты вслед за огоньком, – была не права, прошу прощения. Похоже, с этого кладбища все уйти норовят... – Я подняла лопату, неизвестно что делающую на соседней могиле. – Непорядок, пора исправлять...

В этот самый момент огонек приблизился ко мне, оказавшись масляной лампой, несомой каким-то низкорослым, плотным стариком, уверенно шествующим среди надгробий.

«Упырь, вурдалак? Добычу ищет?» – еще успела растерянно подумать я, замахиваясь лопатой, а потом с возмущенным воплем:

– Внутри ограды так и быть – броди, а наружу соваться не смей! – резко опустила ее вниз, угодив точно по макушке надвигающегося на меня старика...

Только теперь я осознала истинный смысл совета, данного мне загадочным голосом. Здороваться с людьми нужно, а не по голове их лупасить! С людьми, потому что едва не пришибленный мною старик оказался именно человеком, а не упырем или вурдалаком. Я подобрала валяющуюся на земле лампу, к счастью не погасшую и не разбившуюся, и внимательно всмотрелась в жертву моей немотивированной агрессии, распростертую на кладбищенском дерне. Обычный сельский житель лет семидесяти на вид, с самой заурядной внешностью – лысоватый, обрюзгший, одетый в вышитую крестиком рубаху, полотняные порты и лапти. Никаких тебе клыков, рогов и когтей... Ох, похоже, взяла я грех на душу –

убила ни в чем не повинного деревенского деда...

Но распластавшийся на земле старик вдруг тоненько икнул и раскрыл узкие глазки, окаймленные белесыми ресницами.

– Здрас-сте! – смущенно брякнула я, подавая деду руку и помогая ему сесть.

– И тебе подобру-поздорову, дочка! – Старик озадаченно ощупал здоровенную шишку, вздущуюся на его лысине, и горестно вздохнул: – А не видела ли ты, дочка, чего это такое тяжеленное мне на голову упало?

– Видела! – смущенно кашлянула я. – Лопата...

– Вот ведь чудо чудное! – пораженно ахнул старик. – А с какой радости ей вдруг летать вздумалось? Я ведь ее давеча возле могилки вдовы Авдотьи оставил, кою поправить хотел. Так вот иду я себе и иду, о работе своей скорбной думаю, а тут бац – лопата...

– Ага, бац! – виновато подтвердила я, размышляя, стоит ли уточнять, что в роли этого самого «бац» выступила именно я. И тут меня осенило. – Так вы же кладбищенский смотритель! – обрадованно выпалила я.

– А кем же мне еще быть, дочка? – простодушно удивился старик. – Твоя правда – я здешний смотритель, а заодно и сторож, и гробовщик...

– Значит, все-таки не упырь? – на всякий случай переспросила я, мучимая жесточайшим раскаянием.

– Боги с тобой, дочка! – нервно вздрогнул и поспешно отмахнулся сторож. – Хотя немудрено и ошибиться. Ночью по моему кладбищу кто только не шастает. Вот, уже и лопаты летать начали... – Он снова потрогал здоровенную шишку и вздохнул. – Никакая сила их, супостатов проклятуших, не берет...

– Что, и мертвые из могил поднимаются? – скорее уточнила, чем предположила я.

– Не без того. Озорничают, неслухи, – смущенно вздохнул сторож. – Бардак сплошной в моем хозяйстве творится, дочка. Иногда штук по десять мертвяков за ночь по кладбищу гоняю и стыжу за поведение непотребное. Да только куда мне за всем поспеть, стар я стал, и рук у меня всего две...

– А вы связывайте своих резвых мертвецов и по пояс в землю закапывайте! – в шутку предложила я, но старик отнесся к моему предложению более чем серьезно.

– Дело говоришь, дочка! – согласно кивнул он. – Связанные-то они никуда не денутся.

– Пусть они еще за руки держатся, а вы их краской серой сверху покрасьте, сойдут за ограду! – Меня несло, и я сама почти не понимала, чего брякнула. Тут же прикусила свой болтливый язык, но было уже поздно.

– Экая ты, дочка, боевая! – крикнул старик, с моей помощью выбираясь на тропку между могилами и уводя меня в глубь кладбища. – Погляжу, ничего не боишься? – В голосе сторожа послышались лукавые нотки.

– А чего тут бояться? – совсем расхрабрилась я, довольная тем, что разговор ушел в сторону от треклятой лопаты. – Бояться нужно живых, а не мертвых...

– И то правда! – одобрительно кряхтел старик, не выпуская моих пальцев из своей заскорузлой ладони. – Пойдем, я тебя чайком напою...

Через несколько минут мы очутились в самом центре кладбища, возле небольшой сторожки, в окнах которой горел свет. Сторож распахнул скрипучую дверь и втолкнул меня внутрь хибары, даже не испросив на то моего согласия. Я перешагнула через порог и очутилась в комнатке, скудно освещенной парой сальных свечей, установленных на грубом деревянном столе. Подле стола стояли две лавки, на одной из них кто-то сидел...

«Орк! – сразу же решила я, рассматривая худощавого парня, испуганно косящегося на меня поверх здоровенной кружки. – Смуглый, волосы как вороново крыло, собраны в длинный хвост и открывают острые уши. Глаза черные, нос – с горбинкой, на шее ритуальные татуировки. Как пить дать, орк, хоть и симпатичный».

– Привет! – Я непринужденно уселась напротив парня и с благодарностью приняла чашку с чаем, поданную мне стариком. – А ты откуда здесь взялся?

– Без дела валялся, – шутливо пояснил дед, пихая парня кулаком в бок. – А я нашел да

к себе привел. Чего молчишь, сынок? Говори. Поди, она тебя не укусит...

– А зачем ей обо мне знать? – Парень неприязненно зыркнул на меня, прячась за свою кружку. Мне он показался каким-то чересчур робким, даже забитым, что предельно не вязалось со всем тем, что я слышала о его воинственном народе. – Тоже неудачником невезучим дразнить станешь? – Он пробовал говорить спокойно, но голос – взбудораженный, ненормально высокий, почти на изломе – выдал его с головой.

– Я? – От негодования я аж подпрыгнула на скамейке, до глубины души возмущенная его нелепым предположением. – Нет, не буду... Сама такая!

– Да ну? – не поверил орк, но радостно заулыбался и за кружкой укрываться перестал. – А не врешь?

– Не вру! – печально вздохнула я. – Сам скоро все поймешь!

– А звать-то тебя как? – совсем расхрабрился парень, придвигая ко мне мисочку яблочного варенья. – Ты тоже собралась судьбу пытаться и искать дорогу к Храму Смерти?

– А то! – невнятно зачавкала сильно оголодавшая я, едва удерживаясь от того, чтобы не заглотить все угощение целиком. – Так се кык и псе мофи друфья!

– Чего? – не понял парень.

– Говорю, не одна я тут, с друзьями! – пояснила я, с наслаждением вылизывая вмиг опустевшую мисочку.

– Ой, – испугался парень и снова спрятался за кружкой, – так вы из лагеря паломников?

– Нас оттуда выгнали, – успокоила его я и все поняла. – Так же как и тебя, похоже...

– Точно, – печально кивнул парень. – Меня Бальдуром зовут. И я из местного племени. А невеста моя Бина сказала, что я неудачник, и отправила меня счастье искать. Избалованная она, то ей синюю птицу удачи подай, то звезду с неба достань... А теперь и вовсе велела не возвращаться, пока храм не найду... – совсем поскуцнел Бальдур.

– А синюю птицу, значит, уже приносил? – удивился старик-сторож.

– Пришлось воробья чернилами покрасить, – смущенно признался парень. – Только он Бине на рубашку нагадил, клюнул ее в руку и улетел...

– Вот дура! – от души приложила я. – Кто же счастье у смерти ищет?

– Не знаю. – Парень втянул голову в плечи. – Бина она знаешь какая... Вот такая. – Он широко развел руки, показывая нечто совершенно необъятное. – С ней не поспоришь!

– Да я тоже вроде не худышка, – усмехнулась я.

– И вовсе ты не толстая! – тут же галантно запротестовал Бальдур. – Просто у тебя кость широкая и... жирная! – попробовал неловко польстить он, поняв, что сморозил глупость, расстроился и чуть не заплакал.

Я громко расхохоталась, очарованная его непосредственностью и забавными манерами. Похоже, он прекрасно впишется в мою команду, ибо даже наперекор его бестолковости сразу видно – Бальдур неплохой парень, такой же невезучий, как и мы.

– Присоединяйся к нам, – радушно предложила я, и слезы на глазах Бальдура сразу же высохли. – Авось командой-то сподручнее будет судьбу захомутать... Эй, хозяин, – я перевела взгляд на сторожа, невозмутимо сидевшего на другом конце лавки и шумно прихлебывающего чай, – ты недавно на немочь жаловался и неподъемную работу. А если я с друзьями наймусь к тебе в помощники по кладбищу? За прокорм и постой, на те дни, что остаются до начала испытаний?

– Ай и спасибо же тебе, дочка! – обрадованно зачастил сторож. – Да токмо я не зверь какой, заставлять вас за хлеб работать. Коли вы за неделю мне все кладбище в порядок приведете, я тебе такую вещичку знатную подарю, какой ни у одного эльфийского короля в сокровищнице нет. Реликвию ценную и старинную, волшебную.

– Ну, дед, ты меня совсем заинтриговал! – восхищенно улыбнулась я. – Договорились. Но, чур, смотри у меня, по истечении недели – не жмотиться, на маразм не ссылаться и обещанную штуковину не зажимать!

– Да как можно! – замахал руками сторож. – Мое слово – кремень, не сомневайся, дочка...

Я быстренько сбегала на нашу импровизированную стоянку – откуда только прыть в усталых ногах взялась, – разбудила заспанных друзей и привела их на кладбище, попутно вкратце пересказывая свои приключения. Перспектива ужина и крыши над головой вызвала у них столь бурную реакцию, что я невольно задумалась, как мало нужно человеку, чтобы почувствовать себя счастливым. И как много, чтобы не чувствовать себя несчастным...

Итак, мы поселились на кладбище, приспособив под временное пристанище выделенный нам сарай, щелястый, но еще крепкий. Кормили нас просто, но сытно – хлебом, молоком, яблоками и пшенной кашей с салом. По словам сторожа, провиантом его снабжали в ближайшей деревушке давно ко всему привычные селяне – любопытством не страдающие и лишние вопросы не задающие. К тому же по сравнению с всюду веселящимися на поляне паломниками мы выказали себя народом тихим и мирным, никому не надоедающим и нигде набедокурить не успевшим. В соседней деревне кур не воровали, к местным девкам не приставали, похабных песен по ночам не горланили. В общем, репутацию себе и людям жизнь не портили, а поэтому здешние селяне нас привечали, не то что паломников с поляны, уже заслуживших кучу проклятий на свои непутевые головы. Вот уж точно говорят, глупые люди быстро находят общий язык, а умные – общие интересы.

Бальдур быстро подружился с моими товарищами, частично избавившись от прежней робости, хотя пороть глупости не перестал.

– Меня невеста бросила! – жаловался он принцу Таю, надеясь на понимание со стороны его романтической натуры.

– А ты? – усмехался эльф, уже немало наслышанный о неземных прелестях пресловутой девицы Бины.

– А я пролетел десять метров, упал и руку вывихнул! – куксился незадачливый орк. – К тому же я вечно в неприятности влипаю, младшенький в семье, старшие братья меня не понимают, дразнят никчемным последышем...

– Как это? – заинтересованно поднимал голову дракон, в сарае не помещающийся и поэтому обустроивший себе личную спальню в орешнике за сторожкой.

– Было у моего отца три сына, – начинал вдохновенно повествовать Бальдур, польщенный всеобщим вниманием. – Старший умный рос детина, средний был и так и сяк, младший – и вообще дурак...

– Это ты, что ли? – басовито гудел от еле сдерживаемого хохота Трей.

– Я! – самокритично каялся орк. – Все вокруг говорят, будто Пресветлые боги обделили меня и умом, и храбростью, и смекалкой. И зачем я только на свет уродился?

– погоди, – останавливал его Зорган, – успеешь еще на свою тяжелую долю поплакаться. Ты мне лучше поясни, твой отец – он чем-то болел?

– Почему болел? – недоумевал простодушный Бальдур, постоянно попадающийся на подколки вредного эмпиря.

– А чего же тогда у него с каждым разом дети все хуже и хуже получались? – залиvistо ржал Зорган, доводя до слез доверчивого орка...

Работы на кладбище и впрямь оказалось невпроворот. Дракон добросовестно извел все сорняки, без лишних заморочек выжигая их своим огненным дыханием, а Лиззи успешно упокоила пару десятков бродячих призраков, к тому времени частично восстановив свой магический потенциал.

– Как-то вечером гуляю я, значит, между могил, – рассказывала она Витке и Кайре, – и внезапно слышу за собой шаги... Оборачиваюсь, а это упырище здоровенный!

– А ты? – обмирала чувствительная Витка.

– А я – бежать! – небрежно дергала плечиком волшебница.

– Бежать? – хмурила брови отважная Кайра. – Фи...

– Ага, еле его догнала! – победоносно подбоченилась Лиззи. – Заклинанием долбанула и под камнем закопала!

Вот так мы и жили. Весело и насыщенно. К тому же выяснилось, что Бальдур ведет

путевые заметки, и теперь мы наперебой засыпали его историями про эльфийские кланы, Хрустальную долину, Храм Розы, Красногорье, Эйсен, волшебницу Оссу и все прочее, навечно впечатавшееся в нашу память. Орк восхищенно ахал, охал, хватался за щеки и записывал наши истории, едва успевая пополнять запасы чернил, кои собственноручно изготавливал из сажи и буйно произраставшей на кладбище черники. При этом он громко божился, что однажды лично посетит все описанные нами места и прославится как величайший летописец нашего времени.

И только Не знающий промаха стрелок не принимал участия в наших забавах. Работать на кладбище он не пожелал, а со стариком-сторожем старался не встречаться, шарахаясь от него словно от прокаженного. Большую часть свободного времени незрячий эльф тратил на изготовление стрел, беспрестанно бубня себе под нос что-то пугающе мрачное: о грядущих смертях, испытаниях и потерях. Признаюсь, меня в дрожь бросало от его кликушества, поэтому я не очень внимательно прислушивалась к таким речам, принимая их за бред сумасшедшего. И как оказалось впоследствии – зря, ибо слепой не приврал ни на йоту, а даже несколько смягчил надвигающиеся на нас беды, поскольку на деле все оказалось намного страшнее и опаснее. Впрочем, тогда нам в это не верилось...

Так миновала целая неделя. А вечером последнего дня Не знающий промаха стрелок отвел меня за сторожку и пасмурно сказал:

– Рогнеда, наше время истекло!

– В смысле? – не поняла я. – Ты о чем?

– Об истинной причине нашего прибытия на остров! – разозлился слепец. – Или ты о ней уже забыла? Или приплыла сюда для того, чтобы вечно чистить дорожки на кладбище да мать-и-мачеху на могилках полоть?

– Не забыла! – обиженно буркнула я. – Просто... но...

– Ясно, – красноречиво прищелкнул языком Стрелок, – мирные денечки усыпили твою бдительность, княжна. А ведь боги именно этого и добиваются, чтобы ты облегчила им задачу – взять тебя тепленькой, убить ничего не подозревающую девочку и напиться твоей силы... А ты сама им подставляешься, совершая глупость за глупостью! Ну вот зачем ты...

– Брось меня запугивать! – взбешенно рявкнула я, прерывая поток его угроз. – Я с детства запуганная. Говори четко – чего мне ждать?

– Послезавтра, – коротко бросил калека и пошел прочь, каким-то неведомым мне способом безошибочно определяя нужное ему направление. – Все начнется послезавтра!

– А ты откуда знаешь? – прокричала я ему вслед.

– Чувствую! – мрачно хохотнул слепец. – И я не ошибаюсь, уж поверь мне...

Следующий день прошел сумбурно. Мы словно ощущали витающую в воздухе угрозу, поэтому вели себя соответственно: все что оказывалось у нас в руках – немедленно из них валилось, работа – не спорилась, а на грабли мы не то что наступали – напрыгивали с размаху. Но поскольку в нашем мире не существует ничего бесконечного, нынешний день тоже начал клониться к вечеру, подчиняясь всеобщему закону бытия. Предельно вымотанная ожиданием неизбежного, я потихоньку сбежала от всех и теперь сидела на окраине кладбища – удобно устроившись на обломке давно развалившегося надгробия, пытаюсь проанализировать собственные предчувствия, честно говоря, не обещающие мне ничего хорошего. Небо над моей головой постепенно затягивалось сумеречным крепом, цикады тихонько пиликали в кустах, а в соседнем болоте неторопливо распевались лягушки, готовые начать очередную часть своего еженощного квакцера. Там меня и нашел Зорган, подкрававшийся к месту моей отсидки совершенно бесшумно, словно призрака.

Я вздрогнула от неожиданности, когда он приветливо положил руку мне на плечо, а затем невозмутимо уселся рядом, прижавшись боком. Чуть скосив глаза, я с восхищением рассматривала любимого так внимательно, словно увидела его в первый раз. Пресветлые боги, какой мужчина! Именно такой, какие мне нравятся... То есть он высок – но не каланча, мускулист – но не чрезмерно, и не излучает во все стороны желание немедленно лишить

невинности как можно больше девиц на выданье. А также от души подраться с первым же встречным соперником, не отрываясь от вышеуказанного занимательного занятия. Пожалуй, Зорган уступает красотой Таю и Вольдемару, но такая идет от него волна обаяния и расположения к себе, что я аж сомлела. Покачулась и привалилась к виконту еще плотнее. Эмпи́р точно расшифровал мое нынешнее состояние, понимающе усмехнулся и укутал нас своим плащом, отгораживая от всего окружающего мира.

Я разнеженно сопела, уткнувшись ему в подмышку. Спрашивается, и за что мне досталось такое счастье? Может, это некая компенсация за невезучесть во всем остальном? Я мечтательно вздохнула. Нет, я не из тех, кто вешается на шею всем подряд, но какая же настоящая девушка пройдет просто так мимо красивого парня? Нет, кидаться на шею, конечно, не стоит, но сделать так, чтобы он сам за тобой побегал, да еще и считал это своей инициативой, это вполне в женских силах. И никакой волшбы в этом нет, хотя глупые мужики постоянно бормочут что-то про «женские чары». Ошибаются они, ибо «женских чар» не существует! Нет и не было их никогда, а есть умение правильно себя подать. Не умение даже, а наука целая. И пожалуй, как в любой науке, имеются здесь свои отличники, а есть и неуспевающие. Я на звание отличницы не претендую, но успехи мои, прямо скажем, весьма недурны, хотя особо красотой и не блистаю – пухленькая, курносая, грудь такая, что кажется, будто я в детстве капусту не только не ела, но даже и не видала ни разу. Лицо от блужданий по морям, лесам да лугам – загорелое, обветренное, в конопушках, да ко всему прочему я еще и брюнетка. И однако же редкий мужик меня взглядом не проводит, в то время как наши дебелие грудастые красногорские девки, чтобы привлечь внимание какого заезжего купца, из кожи вон лезут, а ничего им не обламывается. Правда, я дома никогда на купцов-богатеев не засматривалась, ибо имидж «лысинка, пузико и кошелечек» это отнюдь не то, что мне нравится в мужчинах.

На самом деле даже и не знаю, что мне в них нравится. Вот меня пару раз спрашивали, какого бы я мужа хотела. Ну не дурацкий ли вопрос? Как любая нормальная женщина, я хочу, чтобы был он таков, дабы ощущать себя за ним как за каменной стеной. Потому что воля – это хорошо, конечно, но как порой завидуешь этим почтенным матерям семейств, у которых в голове всего три главных жизненных столпа: храм, дети, кухня. Ведь они счастливы. Хотя, может быть, только притворяются... Да нет, вряд ли. Глянешь, как идет под ручку прожившая не один год пара пожилых людей, и прямо всей кожей чувствуешь, какое от них исходит спокойствие и умиротворение. И может, порой приходит он домой пьяный, возможно, и поколачивает временами, а однако же жметса она к нему под бочок, а он горделиво оглядывает улицу, мол, смотрите, какую женщину я у вас у всех увел! И в глубокой старости готов перегрызть глотку тому, кто скажет, что его жена – не первая в мире красавица...

– Я ведь все равно его сниму рано или поздно! – Виконт покрутил мое волшебное кольцо, пытаясь сдернуть с пальца, и все философские умозаключения разом покинули мою голову, улетучившись в никуда. – Клянусь!

– Палец мне не открути! – усмехнулась я. – О том ли сейчас думать пристало...

– А о чем еще? – Брови эмпир удивленно поползли на лоб. – О лишениях, испытаниях, смерти? Так не ради них я на Ледницу приплыл, а ради тебя...

– Я полагала, ты преследовал личную выгоду... – Я отстранилась и испытующе всмотрелась в его красивое лицо.

– Преследовал... раньше... – с раскаянием вздохнул Зорган, и его глаза печально затуманились. – А сейчас я очень жалею, что позволил тебе ввязаться в эту сомнительную авантюру, поверив в байки и пророчества. Лучше бы мы с тобой сбежали в красногорские леса и счастливо жили в маленькой избушке...

– А как же власть, трон Эйсена, титул и богатства? – У меня даже рот округлился от изумления.

– Дурак я был, – самокритично покаялся виконт. – Гонялся за тем, что по сути своей есть прах, тщета и суета. Ибо не в деньгах счастье заключается, не в славе и не во власти.

– А в чем же? – затаила дыхание я, надеясь, что мне вот-вот откроется великая истина.

– Девчонка, – Зорган насмешливо-ласково щелкнул меня по носу, – какая же ты еще девчонка! Счастье нельзя найти, купить или выменять, ибо оно или есть внутри нас, или его нет вовсе... А ради своих прошлых заблуждений я совершенно не готов соваться в лапы к смерти... И ради спасения мира, кстати, тоже. Ведь миру по большому счету нет до меня никакого дела!

– А если придется сделать это ради нашей любви? – спросила я, требовательно глядя на Зоргана.

– А-а-а, ну тогда да, я согласен! – наполовину в шутку, наполовину всерьез кивнул виконт. – Ведь настоящий мужчина всегда добивается того, чего хочет женщина.

Больше мы не разговаривали. Сидели молча, взявшись за руки и глядя на звезды, одна за другой зажигающиеся на ночном небосводе. А еще немного позднее услышали голос Тая, задушевно выводящего новую балладу, сложенную как будто для нас и про нас:

В мире нет мерила для любви,
Нет цены ни в жемчуге, ни в злате,
Коль клянешься в страсти на крови,
Речь не заведешь ты об оплате.
Если любишь, то со всей душой,
О любимом вечно думать станешь,
И не важно, если он плохой —
Важно, что его ты не оставишь.
В горести, а может, и в беде
О любимом ты забыть не сможешь,
Если с просьбой он придет к тебе,
Без сомненья – ты ему поможешь.
Без любви и жизнь нам не нужна,
Без нее все в мире нам не мило,
Только смерть стать истиной должна
Сердцу – что разбилось и остыло.
Потому сказать хочу врагам:
Если нужно, в бой пойду – не струшу,
Без остатка за любовь отдам
Тело, жизнь, судьбу и даже душу.

– Ты иди ложись, а то не выспишься! – предложила я после того, как песня закончилась. – А я еще тут посижу, подумаю...

– Одна, ночью, на кладбище? – почти ужаснулся Зорган.

– И чего в этом такого? – удивилась я. – Кладбище-то нам почти родным стало... – Сама не знаю почему, но сейчас я испытывала острую потребность остаться в одиночестве, такую навязчивую, словно она была подсказана мне кем-то извне. – Ступай...

– Хорошо! – согласился виконт угадав, или вернее – интуитивно почувствовав мое необычное состояние. – Но если вдруг испугаешься, то кричи!..

– Зачем? – хмыкнула я, взглядом провожая его стройную фигуру, удаляющуюся по направлению к сараю и красиво выделяющуюся на фоне зеленоватых болотных огоньков. – Ведь дорогу обратно я знаю, а покойников не боюсь...

– И правильно, чего нас бояться? – неожиданно раздалось у меня за спиной...

Я охнула, порывисто оглянулась и шокированно свалилась с обломка надгробного памятника...

На моховой кочке сидела приземистая, полная старушка, по внешнему виду – мертвее некуда! Серая рыхлая кожа покрыта струпьями и отмечена следами разложения, ногти на

руках – почернели, глаза – ввалились, а тело покойницы скрывает саван из самого дешевого полотна, испачканный землей и тиной. Зато на голове старушки красуется венок из повядших лютиков, придающий ее облику толику кокетливости.

– Здравствуйте! – довольно бодро выдала я, после того как справилась с изумлением, поднялась с дерна и взгромоздилась обратно, на свое прежнее место. – А вы случайно не заблудились?

– Не-а! – довольно невнятно прошамкала покойница, скованно двигая нижней челюстью, аккуратно подвязанной белым платком. – Я – дома, вот почуяла свою и вышла поговорить...

– Меня? – оторопела я. – Я для вас – своя?

– Ага! – согласно кивнула старуха. – У тебя тоже есть охранитель! – И черный палец мертвячки многозначительно поднялся до уровня моей груди.

– Ну-у-у... – растерянно протянула я, но тут же вспомнила о кукле Злючке, прижившейся у меня за пазухой, и вовремя захлопнула рот. – Ну да!

– То-то же! – довольно констатировала старуха. – Ты скоро к реке пойдешь, найди в ней мою дочку-невесту, привет ей передай.

– Найти в реке? – осторожно уточнила я, не веря собственным ушам.

– Точно! – хмыкнула старуха. – Рек у нас много, зато невеста – одна...

– Хм... – задумалась я, абсолютно ничего не понимая. Если она невеста проживает в реке, то она либо русалка, либо утопленница, что ничуть не лучше. Получается, одна мертвячка просит меня передать привет другой мертвячке? Ну и дела!

– Обещаешь? – между тем не отставала покойница.

– Обещаю! – покорно кивнула я, ибо мне не оставалось ничего иного. Меня с детства приучили: стариков нужно уважать, а о мертвых нельзя говорить плохого, только хорошее. И раз уж мне повстречалась старая покойница, то ничего не попишешь – придется исполнять ее указание, каким бы нелепым оно ни казалось...

– Ты теперь спать ложись, ибо утро вечера мудренее, – напутствовала меня старуха, а я послушно поднялась и поплелась в сарай, весьма уставшая от обильных впечатлений сегодняшнего дня.

Я даже ни разу не оглянулась, а потому не увидела, как покойница довольно рассмеялась, проворно вскочила, обернулась вокруг своей оси и превратилась в статную женщину, облаченную в черный, расшитый серебром плащ...

Глава 4

– Просыпайся, княжна! – Чья-то крепкая длань бесцеремонно трясла меня за плечо, насильно выдергивая из сонного царства. – Пора!

– Куда пора? – Я нехотя подняла нос из охапки свежей соломы, заменяющей мне матрас с подушкой, но слипшиеся глаза упорно не желали открываться. Вот что значит допоздна засиживаться в романтическом уголке, да еще с любимым мужчиной. Сквозь смеженные ресницы я углядела чей-то габаритный силуэт, настырно маячивший у меня перед глазами. – Ты либо не загораживай мне будущее, либо стань им! – сердито заворчала я, усиленно жамкая руками свое и без того помятое лицо.

– Как скажешь! – коротко усмехнулись в ответ.

Я наконец-то разлепила глаза и обнаружила кладбищенского сторожа, глыбой нависающего надо мной.

– Просыпайся, княжна! – занудно талдычил старик, суя мне под нос крынку с молоком. – Вот, завтракай давай и отправляйся к Говорящему камню, ибо пришло вам время вступить на тропу испытаний, ведущую к Храму Смерти.

– Ну так бы сразу и сказал! – смачно зевнула я. – А-то напустил таинственности, спасу нет. – Я еще раз мельком взглянула на торжественно-мрачную физиономию старика. И куда, спрашивается, девалось его всегдашнее добродушие и уже ставшее привычным обращение

«дочка»? Нет, сегодня наш дед выглядел как-то иначе, да и держался отчужденно-важно. Чудеса...

– А где искать этот ваш Говорящий камень? – поинтересовалась я, опустошая крынку и вытирая образовавшиеся над верхней губой молочные «усы».

– За лагерем паломников, – вместо сторожа ответил мне Не знающий промаха стрелок, а старик просто развернулся и вышел из сарая, будто совершенно утратив ко мне интерес.

Я недоуменно пожала плечами, а затем вдруг вспомнила нечто важное, звонко хлопнула себя ладонью по лбу, подхватила свое барахлишко и опрометью выскочила наружу следом за стариком.

– Дед, – напоминая заорала я в спину уходящему маразматiku, – а как же обещанная мне реликвия?

Сторож нехотя обернулся и забурчал, не поднимая головы, укрытой капюшоном плаща:

– Подбери то, что само прыгнет к тебе в руки... – а затем развернулся прежним курсом и шустро потопал куда-то в глубь кладбища.

– Ну и дела! – Я возмущенно схватилась за рукояти сабель и звучно клацнула ими о ножны. – Вот непруха-то, а... Я ведь ничего толком не поняла! И почему у меня жизнь такая полосатая?

– Это у тебя не жизнь полосатая, – усмехнулся Слепой стрелок, неслышно подходя сзади. – Это ты по ней зигзагом ходишь!

– Да хоть по диагонали! – огрызнулась я. – А легче мне оттого не станет! Вот скажи, чего он подразумевал, когда выдавал свое странное указание?

– Не знаю! – насмешливо присвистнул слепец. – Хотя, возможно, и догадываюсь, но подсказывать ничего не стану, и не надейся. Но, полагаю, ты скоро все поймешь сама, если уж это указание предназначалось именно тебе. А поэтому иди-ка ты, княжна, к лагерю паломников одна. А мы, – он указал на моих бестолково толкущихся возле сарая друзей, – пойдем к нему отдельно, другим путем...

Не решившись оспаривать столь здравый совет, я прощально помахала рукой растерявшемуся Зоргану, развернулась на каблуках и смело вклинилась в буйно произрастающий за оградой кладбища орешник, слабо надеясь, что не заблужусь по дороге и не забреду одни лишь демоны знают куда...

Я маршировала куда глаза глядят, злая как некормленная собака, так шумно ломаясь через орешник, что со стороны меня можно было принять за медведя-шатуна. Сердце грызла горькая обида на весь белый свет целиком, а в частности на все-таки кинувшего меня ушлого сторожа, явно что знающего, но ничего не говорящего Слепого стрелка и свою нелегкую, зигзаго-диагональную судьбу, постоянно подкидывающую мне задачки одна зубодробительнее другой. Ну, например, к какому это Говорящему камню я намереваюсь выйти, хотя отлично знаю, что говорящих камней не существует? Или что само может прыгнуть мне в руки? Надеюсь, это будет не лягушка, не пчела и не очередной озверевший комар, только его мне еще не хватало для полного счастья! И без того от проблем голова пухнет, когда я пытаюсь придумать, как мы доберемся до Храма Смерти, справимся с Ветром Инферно и чем, собственно, закончится моя жизнь, с учетом всех бед, напророченных Раскладом Судьбы... Ох, где бы спрятаться от всех и вся? Размышляя таким образом, я больно споткнулась, чуть не выколов себе глаза об острые ветки лещины, один раз хлопнулась в крапиву и дважды – в репы, после чего мое настроение испортилось окончательно, вылившись в состояние тотального пофигизма. Ну и гоблины со мной, даже если мне суждено погибнуть на этом странном острове! Заранее от всего не упасешься. Зачем почем зря ныть и горевать? Ведь существует отличное правило: живи каждый день так, будто он последний в твоей жизни. Ведь когда-то один из них таковым и окажется...

– Ой, похоже, накаркала! – в голос взвыла я, ибо под моими ногами внезапно разверзлась глубокая яма, в которую я и полетела, ругаясь на чем свет стоит...

К счастью, яма оказалась неглубокой, и посему мое печальное падение длилось недолго. Я мягко приземлилась в кучу палой листвы, наваленную на дно, где сейчас и сидела, ошеломленно хлопая ресницами. Затем оглядела отвесные стены ямы, сложенные из вязкой, осыпающейся глины, представила, сколько времени потрачу на то, чтобы выбраться на поверхность, и приуныла. Эх, опять мне не повезло! Да пока я тут барахтаюсь, паломники отправятся в путь и успеют уйти весьма далеко. Меня точно ждать не станут! Тогда я еще не знала, что свою судьбу мы часто находим на той дороге, по которой пытаемся убежать от нее...

Несколько предпринятых мною попыток выбраться из ямы успехом не увенчались. Глина упорно осыпалась со стен, утаскивая меня за собой на дно. А на дне ямы не нашлось ничего интересного, так, всякие пустяки: несколько ржавых колец, похожих на звенья грубо откованной кольчуги, да пара полусгнивших шелковых лоскутов – возможно, от мужской рубахи гигантского размера... М-да, если в этой яме когда-то погиб мужик, то, подозреваю, роста и могучности он был воистину впечатляющей! Вот только я ничуть не хочу последовать его примеру... Усталая, до ушей перемазанная землей, успевшая наглотаться всякой дряни, сыплющейся мне на голову и за шиворот, я сидела на листьях, положив на колени предельно изгвазданные в грязи сабли, кои использовала в качестве верхолазного инструмента. Боюсь, скоро придется сдаться на милость судьбы и начать трусливо звать на помощь, надеясь, что меня кто-нибудь услышит... Внезапно, ерзая по мягкой листве, я копчиком нащупала нечто твердое и обрадованно вскрикнула, интуитивно поняв полезность обнаруженного мной предмета. Порылась в грязи под собой и вытащила довольно длинную и прочную ореховую ветку...

– Слава богам! – облегченно вздохнула я, прислонила ветку к стенке ямы и начала карабкаться вверх.

Впиваясь ногтями в ненадежную поверхность стен, я вызывала постоянные оползни, открывающие моему взору все новые слои глины и земли. Вскоре, почти достигнув поверхности, я наткнулась на пронизывающие землю корни растений, за кои и уцепилась. Неожиданно часть этих корней оборвалась, и в руках у меня осталось нечто изогнутое и острое, в кровь порезавшее мои пальцы. Постанывая от боли, я последним усилием взметнула себя вверх, перевалилась через край ямы и, перекатившись на траву, очутилась на свободе.

Спустя некоторое время я поднялась и побрела вперед, пока не вышла к лесному ручью – шаловливо звеневшему между зарослями папоротника. Там я перевела дух, напилась, умылась, а затем отмыла странный предмет, случайно попавший мне в руки, на который и уставилась отрешенным взором, впав в полнейший ступор. Ибо штука, доставшаяся мне не иначе как по насмешке судьбы, оказалась... чьей-то нижней челюстью!

– Интересно, чья она и как попала в яму? Точно не кошачья и не волчья! – вслух рассуждала я, вертя в пальцах кость, усеянную острыми зубами совершенно незнакомой мне формы. – Для лошадиной – мала, для собачьей – велика... А-а-а, нашла чем заморачиваться! – И я уже размахнулась, чтобы забросить бесхозную челюсть в кусты, как вдруг в моей памяти ярко вспыхнуло напутствие кладбищенского сторожа: «Подбери то, что само прыгнет к тебе в руки»! А ведь этот кусательный агрегат как раз и прыгнул!

Я многозначительно хмыкнула, завернула челюсть в носовой платок и бережно убрала в свою походную сумку, постоянно носимую мною через плечо, а затем зашагала дальше. Повременю-ка я, пожалуй, ее выбрасывать и приму за обещанную сторожем реликвию. А вдруг не ошибусь? Ведь как часто говорится дураками и храбрецами: рискуйте! Если победите – будете счастливы, если проиграете – мудры!

Пройдя еще совсем немного, я раздвинула ветки небольшого ельника и внезапно очутилась на той самой поляне, где и расположился лагерь паломников. Недоуменно почесала в затылке, не понимая – как это я добралась до него так быстро, огляделась и заметила своих друзей, под предводительством слепца выходящих на поляну с другой стороны. А на самой поляне собралось никак не меньше двух сотен человек, вооруженных

до зубов и нетерпеливо переминающихся с ноги на ногу так, словно все они только и ждали некоего заветного слова, призывающего начать... Хм... чего начать – я не знала, но атмосфера всеобщего ожидания ощутимо действовала на нервы. Я снова подивилась необычности всего происходящего, но решила принять нынешние события как должное, списав их на благой промысел судьбы, с чего-то неожиданно повернувшейся ко мне лицом. А не зад... хм, вернее, не тылом – как обычно!

– Ты как успела сюда добраться быстрее нас? – Зорган небожно дернул меня за прядь волос, падающую на лоб и закрывающую глаза. – На метле долетела?

– Типа того, – буркнула я, решив не посвящать любопытного эмпиря в подробности моих недавних приключений. Со времен памятного отрезания косы мои волосы успели немного отрасти и теперь доставляли мне массу неудобств, постоянно выбиваясь из ленты, коей я пыталась стянуть свою непослушную шевелюру в некое подобие толстой короткой косички. Подозреваю, подобная нелепая прическа красоты мне не добавляла, хотя Зоргану почему-то нравилась. Впрочем, если он сам себя моральным уродом называет, то что с него взять?

– Ага, – глубокомысленно выдал виконт, наблюдающий за сменой выражения моего лица, – опять, значит, в историю вляпалась. И без меня! – Последняя фраза прозвучала откровенно завистливо.

Я покосилась на любимого со смесью возмущения и обожания. Нет, ну поглядите на него!.. У нас проблем – не оберешься, хлопот – полон рот, а ему хоть бы хны. Все как с гуся вода! Ну разве он не настоящий мужчина? Хотела объяснить, что вляпалась не в историю, а в грязь и прелые листья, но тут меня снова дернули. Правда, на сей раз уже не за волосы, а за рукав.

– Хватит вам шушукаться! – сердито зашипел на меня Слепой стрелок. – Так все самое интересное пропустите...

– Да? – удивилась я, но продолжить мысль не успела, ибо толпа паломников внезапно всколыхнулась и уверенно двинулась в одном направлении, увлекая нас за собой.

Нам не оставалось ничего иного, как подчиниться целеустремленному потоку человеческих тел, неудержимо увлекающему нас за собой, и бодро шагать в ногу со всеми. Справа от себя я увидела рыцаря в полном тяжелом вооружении, у него даже забрало шлема (больше смахивающего на здоровенную суповую кастрюлю) оказалось закрыто. А слева – мелко семенила древняя старушонка, вся увешанная мешочками с травами, благоухающими довольно неаппетитно. Повертев головой, я подивилась разномастности собравшихся на Леднице паломников. Кого здесь только не было... Прыщавые подростки с засапожными ножами, нервно стиснутыми в потных кулаках. Девушки весьма боевого вида, с луками, то ли плохо одетые, то ли хорошо раздетые. Больные проказой попрошайки, прекрасные эльфы и безобразные тролли, дворяне и простолюдины, старики и почти дети... Но, слава богам, в толпе соискателей милости судьбы все-таки преобладали мужчины в расцвете лет, судя по всему – довольно здравомыслящие и готовые дорого продать свои жизни. Признаюсь честно, нелепее всего здесь выглядела именно моя компания, производящая на редкость комичное впечатление. Ладно хоть большинство тех, кто намеревался высмеять или обидеть нас, шарахались в сторону, едва поймав на себе неодобрительный взгляд дракона, связываться с которым все же никто не решался.

Через несколько десятков метров мы вышли на другую поляну, обширную, отлично утопанную и заполненную грубым подобием каменных скамей, на кои мы и начали рассаживаться. А в центре поляны красовалась массивная каменная плита, испещренная какими-то полустершимися знаками. Узрев этот памятник местной архитектуры, я прикусила губу, досадуя на собственную память. Так вот он, значит, какой – знаменитый Говорящий камень! И как я могла о нем забыть? Ведь еще на борту бригантины слепой эльф рассказывал мне о камне, на котором записаны правила путешествия в глубь острова... Ладно, чего себе настроение попусту портить, все равно сейчас на этом камне ничего не

прочитаешь... Подождем, поглядим, что будет дальше.

Успокоив себя таким нехитрым образом, я уселась на ближайшую скамью и приготовилась следить за развитием событий. Мои друзья последовали моему примеру, а Трей так и вовсе улегся на землю, прикрыл морду крылом и непритворно захрапел. Не зря он, видно, любит повторять: «Всегда стремись к своей мечте. Не можешь лететь – иди, не можешь идти – ползи. А если даже ползти не можешь, то ляг головой по направлению к мечте – и лежи». Что он, собственно, сейчас и сделал...

Миновал полдень. Солнце уже перевалило через высшую точку своего дневного пути по небосводу, но закатом еще и не пахло. Жара стояла неимоверная. Прожорливые мухи тучей вились над потными паломниками, жужжа и кусая. От закованного в железо рыцаря, разместившегося неподалеку от нас, разило так, что некоторые мухи дохли прямо на лету. Однако никто из соискателей счастья так и не покинул своего поста, справедливо опасаясь упустить дарованный шанс на удачу. Постепенно молчание стало слишком тягостным испытанием, поэтому тут и там начали завязываться беседы, нередко перерастающие в склоки и перебранки. Темой разговоров, естественно, были предстоящие нам испытания, причем многие выражали сомнения в искусственном происхождении самого острова и скептически отзывались о могуществе создавших его богов. Ну и попутно восхваляли своих родовых, клановых и местечковых божков-идолов, уповая на их милость и защиту.

– Мой бог сильнее! – раздался чей-то писклявый голос, что тут же вызвало возмущенный ропот толпы.

– Твой бог – не наш! – проревело что-то косматое и волосатое, расу и пол которого я пока не сумела определить. – У нашего бога три уха, два хобота, и разговаривать он не умеет!

– И не наш! – дружно заголосили тролли. – У нашего топор и борода!

– Боги не могут сходить на землю во плоти! – важно заявил желтокожий жрец одного из многочисленных культов, распространенных в восточной части Рохосса. – Их глас могут слышать лишь избранные!

– Да какой это бог! – авторитетно возразил один из эльфийских магов. – Мы подобные сияния с голосами еще на первом курсе академии научились делать.

– Ееето ееест чееей-то роооссыгрыш, – пробормотал паладин, судя по его жуткому акценту прибывший из королевства Намбудия. – И хотяяя яаа не чувсствовааать прихоода ссииил зсслааа, яаа быыыть увеереен, что онии приложиить сюдааа своюуу руууку.

– Где этот бог?! Дайте я ему башку отрублю, а? А то столько чудовищ и демонов перебил, а бога в активе до сих пор нету. – Между скамьями пробирался весь покрытый шрамами молодой герой, голова которого была покрыта белым платком, придерживаемым черным обручем, какие принято носить у обитателей пустыни.

– Богов трогать нельзя, они обидеться могут, – нравоучительно проскрипела старая ведьма.

– А что мне их обиды? Сами виноваты, нечего под руку лезть, – самоуверенно отмахнулся герой.

– Богов вообще нет! – яростным криком подвел итог всему вышесказанному могучий орк, для убедительности своих слов врезав палицей по Говорящему камню.

Плита, впрочем, даже не потрескалась, но гул от удара по ней раздался такой, что у всех присутствующих зазвенело в ушах. А нахальный орк всхлипывал и дул на отбитые ладони.

– Чего это он там плачется? – заинтересованно спросили с дальних скамей.

– Да, вишь, бог-то его, оказывается, хреновый, – злорадно взвизгнула девица в кожаных лоскутках. – Раньше чудеса творил, а теперь творилку-то ему разбили.

– Руки, что ль, оторвали? – посочувствовал блондинистый эльф.

– Гы-гы! Нет, кое-что пониже! – дружно заржали тролли.

– Может, лекаря ему какого посоветовать? – предложил все тот же жалостливый

красавец.

– Нет, это не мой бог! Мой бог сам кому хошь что угодно оторвет! – обиженно взвыл травмированный орк.

– Твой – оторвет, а мой – приделает! Значит, мой сильнее! – приговором припечатала ведьма.

– Да заткнитесь вы! – возмутилась я, доведенная этой затянувшейся сварой почти до белого каления. – Если сами не хотите узнать о том, как попасть в глубь острова, то хоть другим не мешайте смотреть и слушать...

– А? Чего? Где? – насторожились паломники, а затем на поляне наступила полнейшая тишина, ибо возле Говорящего камня появилась фигура, закутанная в белый жреческий плащ...

Вот новый участник разворачивающего возле камня представления требовательно поднял руку, привлекая к себе внимание, и откинул полы плаща. Я прищурилась, пытаюсь рассмотреть его со своей скамьи, и...

– Предатель! – сердито зашептала я, хватая Не знающего промаха стрелка за воротник его охотничьей куртки. – Почему ты не поставил меня в известность о том, что нынешний жрец и тихий кладбищенский сторож – одно и то же лицо? Никогда не поверю, будто ты этого не знал!

– А зачем мне тебе об этом говорить? – вредно ухмыльнулся калечный эльф. – Я ведь пробовал тебя предостеречь, но ты меня и слушать не стала. Помнишь?

Я виновато кивнула, действительно смутно припоминая нечто подобное. Но ведь теперь уже ничего не изменить, ибо что случилось – то случилось.

– Давай забудем, – миролюбиво предложила я. – Типа, кто старое помянет, тому... хм... глаз вон! – смущенно бормотнула я. – Извини за каламбур.

Эльф криво ухмыльнулся.

– Княжна, – так же тихо шепнул он. – Выношу тебе последнее предупреждение. Еще раз в чем-то накосячишь, и я отказываюсь тебе помогать. Усвоила?

Я кивнула повторно, ощущая себя загнанной в угол. Нет, ну так нечестно! Уверена на все сто: мое хваленое невезение обязательно опередит все благие помыслы и начинания, подтолкнув меня к очередной опасной выходке. Я такая, какая есть, а мой характер уже не исправить. И ничего тут не попишешь!

Между тем жрец откинул плащ с капюшоном, оставшись в белой хламиде до земли и белом же головном платке, удерживаемом медным обручем.

– Это жрец-янтр, – подсказал принц Тай. – Я видел таких у нас в Хрустальной долине. Он служит королеве Смерти.

Янтр провел ладонью над поверхностью каменной плиты, и смазанные знаки потекли, изменяясь и складываясь в слова. А старик склонился над текстом и начал медленно зачитывать вслух:

– Сегодня вы выступаете в путь, должный привести к Храму Смерти, в коем ожидает вас встреча с судьбой. Не надейтесь, что путь окажется легким. Но тот, кто сумеет преодолеть все испытания, не выкажет себя трусливым или жадным, жестоким или подлым, получит право озвучить свое самое заветное желание, и оно будет исполнено. Но цена за милость судьбы окажется велика. Задумайтесь, готовы ли вы ее заплатить? Тот, кто рискнет вступить на путь испытаний, должен добыть три серебряные монеты, кои станут платой за переправу через реку, отделяющую мир живых от территории мертвых, за проход в храм и за вращение колеса судьбы. Но монеты те нельзя ни украсть, ни найти. Их можно лишь получить за любовь, жизнь и милосердие. Да будет так! – После этих слов жреца текст на камне снова принял прежний нечитаемый вид.

Паломники взбудораженно зашумели, покидая скамьи и готовясь выступить в путь.

– Дорога к храму открыта, – возвестил жрец, одним взмахом руки умудрившись указать на все четыре стороны сразу. – Идите тем путем, который удобен для вас. Помните, что

Охотники наблюдают за вами и не допустят жульничества. Запрещено вредить местным жителям, убивать без надобности и подниматься в воздух, дабы заглянуть вперед. Да пребудет с вами удача!

– Похоже, мы добровольно записались в смертники! – громко выкрикнул Зорган.

– Если хотите, можете считать себя таковыми, – ехидно улыбнулся жрец. – Хотя я бы предпочел считать вас... хм... посланниками. Да, точно. Посланниками богов!

– И послали нас куда подальше, – многозначительно прокомментировала я. – Ладно, а что теперь...

Но, кажется, жрец счел разговор оконченным, ибо накрыл голову капюшоном плаща и попытался незаметно ретироваться с поляны под шумок, создаваемый паломниками. Но я проявила бдительность, метнулась к камню и ухватила жреца за рукав одеяния.

– Извините, кхм, – озабоченно кашлянула я, привлекая к себе внимание янтра. – А вы случайно нам не поможете ли?

– Чем? – вежливо поинтересовался жрец, не делая попыток вырваться из моих цепких рук.

– Понимаете ли, – мялась я, подбирая нужные слова, – среди нас находится огромный дракон, а он...

– Запросто способен облететь весь остров? – насмешливо закончил за меня жрец.

– Ну что-то типа того! – скорбно вздохнула я. – И тем самым нарушить правила...

– Не проблема! – Жрец хлопнул в ладоши и, ловко выдернув свой рукав из моих пальцев, вперевалячку потопал восвояси.

– Не поняла... – Я растерянно моргала глазами, пялясь в спину бодро удаляющегося прочь жреца. – Я же помощи просила! Трей, ты... – Я огляделась, отыскивая спящего в траве дракона. Но, увы, сколько я ни шурилась от яркого солнца и ни вертела головой, рискуя заработать шейный остеохондроз, вместо привычной крылатой туши мои глаза натывались лишь на развесистые лопухи, желтые лютики и круглые листья подорожника. Наш дракон исчез бесследно, будто растворился, хотя как, где и когда можно было успеть спрятать такую габаритную и колоритную личность, я наотрез отказывалась понимать. – Трей, ты где?! – в итоге панически завопила я, так и не обнаружив ничего, даже отдаленно смахивающего на спящего, причем совсем недавно еще и громко храпящего дракона. – Ты куда запропастился?

– Да туточки я, туточки! – неожиданно донеслось из лопухов.

– Где? – Я ошеломленно присела на корточки, руками раздвигая траву, ибо ответивший мне голос ничуть не напоминал привычный трубный драконий рев, а звучал на редкость тихо и пискляво. – Ты со мной в прятки поиграть решил? Трей, это уже не смешно, не мотай мне нервы, я и так на взводе...

– Какие, к гоблинам, прятки? – обиженно пищало из лютиков. – А мои нервы тебе не жалко, значит? Я проснулся, а вокруг – лес до небес. Вроде мы вчера не пили ничего крепче обычного кваса. Или нам в квас что-то подсыпали, как думаешь?.. – И из подорожника прямо ко мне на ладонь выползла зеленая говорящая ящерица, размерами ничуть не превосходящая нашу крысу...

Я растерянно охнула и с размаху хлопнулась на пятую точку, раздавив с десяток цветочков.

– А чего это вы такими огромными вдруг стали? – удивленно пищала ящерица, столбиком встав у меня на ладони. – Все, даже хилая Витка... – И тут до ящерицы наконец-то дошло. – О нет, только не это! – горестно застонала она, хватаясь лапками за голову. – Какой урон нанесен моей гордости, моему чувству собственного достоинства, я этого не переживу...

– Ну вот твоя просьба и выполнена, дорогая! – рассмеялся Зорган, отнимая у меня ящерицу и усаживая к себе на плечо. – Ибо в таком карманном формате Трей много не налетает. Не правда ли, кузнечик? – И он игриво пощекотал ящерице брюшко.

Дракон, волей жреца уменьшенный до размера ящерицы, ответил ему сердитым

шипением.

– Ты возглавляешь наш отряд, тебе и выбирать! – равнодушно произнес слепой эльф, выслушав заданный ему вопрос, звучащий так: «Куда нам нужно идти?» – Будь уверена, на острове все пути ведут только к храму, а не куда-то еще.

Я задумчиво смотрела на облако пыли, поднятое паломниками, галопом ринувшимися с поляны, и размышляла. Пожалуй, наша немногочисленность – наше главное преимущество. Хотя через пару дней другие тоже поймут, что за счастьем табуном не ходят, и разделятся на несколько групп. Главное, не столкнуться с ними по пути, памятуя о «нежной симпатии», испытываемой к нам их вожаками... И пожалуй, если я не знаю, куда следует идти, то послушаюсь своего сердца...

– Идем к ближайшей реке! – объявила я, вскидывая на плечо походную сумку. – Ты знаешь, где она находится?

– Знаю, – подтвердил калека. – Однако зачем тебе туда понадобилось?

– А про девушку, утонувшую в этой реке, ты случайно не знаешь? – спросила я, приноравливаясь к его размеренной походке.

Эльф сдавленно ругнулся и встал как вкопанный.

– Ты вознамерилась увидеть Речную невесту? – ахнул он. – Но зачем? Что за странная блажь посетила твои скудные мозги, княжна?

– Э-хм... – смутилась я. – А почему ты так бурно реагируешь на мое желание?

– Потому, что Речная невеста – самое ужасное чудовище в здешних местах, погубившее массу народу. Где ты вообще умудрилась о ней услышать?

– Не только услышала, но и обещала ей привет передать! – виновато опустила глаза я.

– Княжна, я тебя уже предупреждал об очередном косяке! – с подначкой напомнил слепец, поворачивая ко мне изуродованное лицо, белое от едва сдерживаемой ярости. – Теперь пеняй на себя!

Я лишь мило улыбнулась в ответ, делая вид, будто меня посетил спонтанный приступ амнезии и попутно пытаюсь убедить себя в том, что веду себя правильно, ибо легкая придурковатость делает человека практически неуязвимым. Ну а что еще мне оставалось?

Для ночлега мы выбрали небольшой осиновый лесочек, разожгли костер, быстренько сварили кулеш – пшеничную кашу с салом, воспользовавшись запасами, щедро выданными нам кладбищенским сторожем, так же быстренько поужинали и завалились спать. Оберегать наш сон вызвался дракон, добровольно принявший на себя обязанности караульного, ибо, по словам Трея, ему предстояло подумать о смысле жизни, вернее, переосмыслить масштабность своих замыслов с учетом нынешних уменьшенных размеров. Тай постарался утешить дракона – пообещав добыть ему в невесты миниатюрную саламандру, а Зорган зевнул и насмешливо сообщил, что размах амбиций от скудных физических размеров не зависит. И даже наоборот... А потому – не плачь, кузнечик!

– Люди, желающие нам только добра, делают нашу жизнь совершенно невыносимой! – обиженно пискнул Трей из-под лопуха.

– А я не человек, – справедливо поправил его виконт, – я эмфир. А посему... – Он демонстративно отвернулся от дракона, намекая, что зерно мудрости в его высказывании тот должен найти самостоятельно.

– Ну зачем ты с ним так? – попеняла я любимому, укладываясь на плечо к Зоргану. – Ведь Трей отнюдь не дурак...

– Парадокс состоит в том, что этот мир прекрасен всем, даже своими дураками, – улыбнулся мне эмфир. – Нужно просто уметь ими пользоваться...

Я промолчала, мысленно с ним соглашаясь. Как хорошо, что я смогла реализовать главную мечту каждой женщины. Мне нужен сильный мужчина – сильный во всех смыслах, и пусть у него будет только одна слабость – я! И такой мужчина у меня есть... Аж сама себе завидую иногда!

– Милый, ты даже не представляешь, как это приятно – лежать на волосатой груди любимого мужчины! – расслабленно мурлыкнула я, любуясь звездами, обсыпавшими небосвод густо и фантазийно, словно мука фартук пекаря.

– Очень надеюсь, что мне никогда не придется этого испытать! – хохотнул виконт, укрывая меня своим плащом. – Спи, неугомонная!

И я сразу же заснула...

Чернокнижник Гедрон лла-Аррастиг пробовал убедить себя в том, что предается философской медитации, но на самом деле пребывал в глубочайшей депрессии. Нет, с одной стороны, его планы начали реализовываться, и все вроде бы складывалось хорошо – война между кланами Белой и Синей розы вступила в наиболее острую фазу, но весы противостояния постепенно склонялись на половину воинственных хозяев Ширул-эль-шэна, а жители Эль-сила были обречены на поражение. И это понятно, ведь лишённые мудрого повелителя и всех принцев Белые оказались дезорганизованы, и даже отважный Денириэль – племянник скончавшегося короля, ныне возглавляющий войско Белых, не смог исправить сложившееся безнадежное положение. Демоны Нижнего уровня, направляемые хитроумной Ринецеей и ее братом, гранд-мастером черной магии Астором, узурпировали престол Пресветлых богов, заточив оных в подземном озере. А с другой стороны, Гедрон четко понимал, что до тех пор, пока Воины Судьбы остаются живыми и невредимыми, его шансы на власть весьма эфемерны, а положение – шатко. Но вот вывести из игры этих самых Воинов ему, увы, никаким образом не удастся...

Чернокнижник взбешенно скрипнул зубами и громко выругался...

– Сочувствую! – насмешливо прозвучало из самого темного угла комнаты.

Гедрон стремительно обернулся...

Принц демонов Астор вольготно развалился в мягком кресле, закинул ногу на ногу и подравнивал кинжалом свои длинные, матово отсвечивающие ногти. На губах прекрасного блондина играла загадочная улыбка.

– Сочувствую! – повторил гранд-мастер, хотя от его интонации веяло отнюдь не пониманием, а сарказмом. – Кажется, тебя обули по полной программе, да, маг? – Кинжал противно вжикнул, а Гедрон нервно вздрогнул, почувствовав себя уязвленным. – И кто обул, спрашивается? Малосимпатичная девчонка, дракон-подросток, горбатый принц и эмпири-изгнанник... Хм, а кто там еще в их компанию затесался? – Астор нахмурился, вспоминая, так и не вспомнил, а потому наплевательски махнул рукой, попутно забрасывая кинжал куда-то в пустоту. – Не важно. Важен сам факт твоего бессилия. Скажи, а может, ты уже сдался и забыл Воинов Судьбы?

– Нет, не сдался. Да чтобы их так все забыли, как я их помню! – хрипло и грубо откликнулся лла-Арр, уязвленный вдвойне. – У меня все еще остается шанс отомстить, ибо путь до Храма Смерти длинный, остров Ледница большой, а по дороге с ними всякое может случиться...

– Отлично! – одобрительно улыбнулся гранд-мастер. – Но поторопись, ибо время играет против нас. Если они сумеют собрать монеты, то их никто не посмеет остановить...

– Даже вы? – не поверив, оторопело вытаращился на него Гедрон.

– А я тут вообще при чем? – рассмеялся принц. – Я – просто сторонний наблюдатель. К тому же, как только они вступят на борт ладьи Харона, сразу же станут неприкосновенными, ибо очутятся во власти королевы Смерти. А я хоть и ее воспитанник и любимый ученик, но соревноваться с таким противником... – Демон иронично присвистнул. – Извини, мне еще жить не надоело. Поэтому поторопись, а если нет – то останешься один на один с этой ненормальной княжной. И тогда я, честно, скорее поставлю на нее, чем на тебя.

– А вы не хотите разобраться с ней раньше и лично? – почти взмолился несколько напуганный Гедрон.

– Ну уж нет, приятель! – сердито отказался Астор. – Ты сам эту кашу заварил, сам ее и расхлебывай. Это первая причина. А вторая, по которой я в твои аферы не полез,

заключается в том, что с девушками я не воюю. Принципы не позволяют. К тому же сия девица совершенно не в моем вкусе. Мне больше рыженькие по нраву... – Гранд-мастер мечтательно вздохнул, его глаза затуманились, будто сейчас он смотрел не прямо перед собой, а в собственное прошлое или, возможно, в собственное будущее...

– Они идут к реке, – хмуро сообщил чернокнижник, – и с помощью магии попытаются вступить в контакт с Речной невестой. А та...

– А та – дама чрезвычайно нервная и некоммуникабельная, – хмыкнул демон. – Сначала прибьет, а потом уже посмотрит, кого прибила.

– А если нет? – осторожно предположил Гедрон. – Если она им поможет? Вдруг они ее к сотрудничеству чарами принудят?

– Эх, учила же меня наставница: кто людям помогает, тот тратит время зря... – под нос себе бормотнул гранд-мастер. – Ну да ладно, дам тебе подсказку: убери из их команды волшебницу. Хотя бы на это ты способен?

– Как? – почти закричал лла-Апп. – Вспомните, я уже пытался это сделать! Как мне ее убрать?

– Не умничай, – иронично посоветовал принц. – Будь проще, и удача к тебе потянется. Не придумывай заумные каверзы, от которых закипают мозги. Действуй грубыми и проверенными методами. Ну скорми ее кому-нибудь голодному, что ли, на худой конец...

– Скормить? – Гедрон восторженно хлопнул себя ладонью по лбу и разразился ликующим хохотом. – Точно, и как же я раньше не догадался? Скормить!.. – Он рысцой подбежал к шкафу, битком набитому книгами, и начал рыться среди свернутых в трубки свитков, отыскивая нужный. – Скормить, – непрерывно бормотал он, очевидно преследуемый некой навязчивой идеей, – скормить, и нет проблемы...

– Ну вот, давно бы так! – довольно констатировал демон, потирая руки. – Надеюсь, на сей раз у нас все получится. Ведь я уже совсем было разочаровался в тебе, приятель!

И Астор исчез в облаке серого тумана, оставив Гедрона увлеченно бормотать заклинания да хлопотать вокруг котла, бросая в него все новые и новые ингредиенты... А облако прощально хмыкнуло голосом гранд-мастера, отлично знающего о том, что любая, даже самая сложная проблема обязательно имеет простое, легкое для понимания, но неправильное решение...

– Княжна! – Чей-то дикий вопль вырвал меня из объятий сна, заставив подпрыгнуть и врезаться макушкой в нижнюю челюсть Зоргана. Клыки виконта звучно клацнули.

– Как же я вас всех люблю!.. – с чувством проворчал эмпир, после того как ощупал челюсть, удостоверившись в ее целостности и сохранности зубов. – Так бы и поубивал гадов...

– Кто меня звал? – спросила я, силясь избавиться от странного ощущения, будто все события моей жизни имеют свойство повторяться. Все, особенно самые нехорошие. – Полагаю, не для того, чтобы пожелать доброго утра?

– А с каких щей оно вдруг доброе? – сварливо пробубнил Михась, указывая на наши бесцеремонно распотрошенные сумки, разбросанные вокруг потухшего костра. – Не знаю, кто посетил нас нынче ночью, но шмон он устроил знатный...

– Не он, а они... – задумчиво уточнил Зорган, расправляя примятую траву и рассматривая остывшую золу, отмеченную весьма странными следами. – Я насчитал следы трех размеров, значит, визитеров было трое или около того. Но зашибите меня Пресветлые боги, если я не прав... Кажется, у наших ночных гостей по шесть ног!

– Шесть? – не поверила я, разглядывая оставленные ими отметины – пугающие и непривычные глазу, похожие на борозды от острых крюков. – Не припомню ни одного существа, способного оставлять подобные знаки... Тай?

Но наш начитанный принц лишь недоуменно пожал плечами, выказывая полнейшую неосведомленность в подобном вопросе.

– И как же мы не увидели их ночью? – растерянно чесал в затылке Зорган. – Допустим, они передвигаются совершенно бесшумно, но не бесплотные же они. Мы бы их заметили...

Дракон! – вдруг осенило эмпиря. – А где же наш злобный сторожевой кузнечик?

После недолгих поисков мы обнаружили Трея спящим, а точнее – беспробудно дрыхнувшим в пустом, до блеска вылизанном котелке из-под каши.

– Понятно! – рассмеялась я. – О смысле жизни приятнее думать на сытый желудок, и...

– Княжна! – вдруг раздраженно позвал Не знающий промаха стрелок, и я поняла – его вопль и стал причиной моего спонтанного расставания со сном. – Перестань дурью маяться и ворон считать, лучше оглянись вокруг. Наши ночные гости не просто распотрошили сумки, они забрали Лиззи и Вольдемара...

– Чего? – заорала я, прыжком поднимаясь на ноги. – Куда, зачем?

– Съедят! – насмешливо ответил слепец, и, судя по его довольному лицу, панические нотки в моем голосе доставили ему истинное удовольствие. – Подвешат на дерево, впрыснут в них фермент из своих жвал, дабы мясо жертв стало мягче и слаще, а потом – съедят. Дней через пять...

– Э-э-э? – ошеломленно выдохнула я, ощущая себя полной дурой. Впрочем, другие чувствовали себя ничуть не лучше: у Зоргана удивленно округлились глаза, Кайра брезгливо сморщилась, на Михася напала икота, а Витка вообще грохнулась в обморок. – Кто съест?..

– Пауки! – неожиданно изрек Тайлериан, продолжающий исследовать загадочные следы. – Теперь я догадался – наших друзей похитили пауки... Только таких огромных я никогда не встречал... – Он прищурил правый глаз, пожевал нижнюю губу, а затем уверенно раскинул руки, обрисовывая нечто огромное. – Полагаю, размером они немного меньше дракона, но намного крупнее лошади...

– Да ну?! – недоверчиво выдохнула я.

– Баранки гну! – громко захохотал слепец. – А ваш принц прав. Местные пауки действительно обладают такими размерами. Не все подряд, конечно, но некоторые – да.

– И зачем? – поинтересовалась здравомыслящая Кайра. – Хочу знать чисто для общего развития, ведь такие громадины мухами не прокормятся...

– Плевать им на мух, – ухмыльнулся Стрелок. – Я же вам говорю, они питаются человеческой плотью!

– И как боги допускают подобное безобразие? – возмутилась я. – Почему не уничтожают мерзких тварей?

– А зачем? – Слепой буквально наслаждался атмосферой животного страха, почти физически сгустившегося над нашими головами. – Эти пауки служат королеве Смерти, охраняют подступы к ее храму и следят за паломниками. А зовутся они Охотниками, и от них нет ни укрытия, ни спасения. Я вас уже предупреждал – мы все обречены на мучительную гибель...

Я задохнулась от ужаса, представив ожидающую нас участь. Громко рыдала Витка, а Кайра ругалась на чем свет стоит, схватившись за свою рапиру и готовая дорого продать жизнь.

– Неправда! – внезапно заявил всеми позабытый и до настоящего момента скромно помалкивающий Бальдур. – Мы не погибнем, ибо мне ведом рецепт спасения.

Мы загалдели наперебой, расспрашивая и нетерпеливо тормоша надувшегося от гордости орка, уже возомнившего себя спасителем мира.

– Цыц! – наконец прикрикнула я, заставляя остальных умолкнуть. – Бальдур, не выпендривайся, рассказывай все по порядку...

– Хорошо! – послушно кивнул сговорчивый парень. – Я родился и вырос на острове, в одном из проживающих тут орочьих племен. Страшные сказки об Охотниках из Храма Смерти мне рассказывала мама. По ее словам, гигантские пауки отлично маскируются и бесшумно похищают свои жертвы, утаскивая их в специально заготовленное логово. И они находят паломников даже в абсолютной темноте, по запаху. Но запах живой плоти можно отбить с помощью некоего снадобья, изготавливаемого в деревушке Большие Бодуляны. Вот только селяне никогда добровольно не отдадут и не продадут нам оное снадобье, верные договору, заключенному с Охотниками, не трогаящими их поселение...

– И где находятся эти твои Бодуляны? – нетерпеливо перебил орка Зорган.
– Рядом! – махнул рукой Бальдур. – День ходу.
– И на что похоже это снадобье? – недоверчиво фыркнул слепец. – Никогда о нем не слыхивал. А ты, часом, не врешь?
– Мамою клянусь! – торжественно заверил его Бальдур. – Снадобье – это обычный, вернее, необычный самогон, настаиваемый на тридцати травах. А деревенские жители делают его для себя и употребляют в нескромных количествах...
– Алкаши! – понимающе хмыкнул эмпир. – Такие точно не отдадут и не продадут...
– И как же мы добудем волшебную настойку? – деловито осведомилась я. – Нужно как-то раздобыть оный самогон, обезопасить себя от Охотников и спасти наших похищенных друзей. Поэтому я ставлю вопрос конкретно: как мы добудем это гоблиново пойло?
– Не знаю! – развел руками слепой.
– Не знаю! – пожал плечами Зорган.
– Не знаю! – печально вздохнул эльфийский принц.
– Зато я знаю! – гордо выпятил грудь Бальдур. – Все просто. Мы тайком проберемся в деревню и... украдем волшебный самогон! Кто идет со мной?
– Я! – обреченно вздохнула я, украдкой косясь на протестующе сморщившегося Стрелка. А чего, интересно, он кривится? Все равно отступать мне теперь уже некуда. Косячить так косячить!.. – И не уговаривай, все равно я Бальдура не отпущу в одиночку на такое опасное задание, – в качестве оправдания выдала я. – А кроме того, если во мне постоянно борются добро и зло, то...
– То постоянно побеждает придурь! – насмешливо оборвал слепой. – Ладно уж, ступайте...

Глава 5

Дело шло к вечеру, но нагретая за день пологая крыша сарая, покрытая тонким слоем соломы, напоминала раскаленную сковородку, а мы, возлежащие на ней в позе утомленных работой тружеников полей, – трех жарящихся рябчиков. Мы – это я, Бальдур и Зорган, наотрез отказавшийся оставить меня наедине с непутевым орком, способным, по словам эмпир, втянуть девушку во все мыслимые и немыслимые неприятности. Так наше трио попало в деревню со звучным названием Большие Бодуляны. Кстати, о том, насколько оное название соответствует суровой действительности, нам предстояло узнать совсем скоро...

– Скучно! Когда начнем? – Я зевнула и перевела взгляд на забор, возвышающийся прямоком перед сараем. Сей архитектурный шедевр являл собой весьма плачевное зрелище – старый, потемневший от времени, с расшатанными досками-горбылями, добрая половина коих то там, то здесь вовсе отсутствовала, и в этих местах вызывающе торчали наскоро обструганные колья. За забором же, постепенно наливаясь закатным румянцем, спела вишня. Крупные, идеально круглые, без малейшего изъяна ягоды даже сейчас, с недозрелыми зеленоватыми бочками, выглядели невероятно аппетитно. Я шумно сглотнула, с трудом отводя взгляд от столь соблазнительного зрелища. Кто-то из древних мудрецов сказал, что миром правят любовь и голод. Точно – правят, даже здесь, на острове богов.

– Ночью! – заявил орк, тоже голодный и также не сводящий глаз с заманчивых ягод. – Когда стемнеет, не раньше...

Сквозь ветви с алеющей вишней просматривалась соседская изба с высокого крыльца которой крадучись спускался невысокий мужичок. Его бороденка цвета весеннего, перемешанного с оттаявшей землей снега воинственно топорщилась.

– Ого! – воодушевился Зорган, враз забыв о скуке. – Никак тот самый дед Агафон – ценитель местного самогона, собственной склочной персоной?!

Между тем дед воровато оглянулся и резво вчистил по улочке, быстро скрывшись из виду.

– Забудь, что я о нем рассказывал, – вяло отмахнулся Бальдур, даже головы не

повернув. – Наверняка он с похмелья и злющий аки гоблин...

– Вернее, с бодуна! – со вкусом поправил эмпир. – А значит, легкая добыча...

– Не-а, – упорствовал орк. – Лучше подождем местную повитуху, она всегда по ночам к травнице за самогоном ходит. Повитуха – бабка хилая и подслеповатая, у нее самогон украсть легче будет, чем у Агафона, способного за бутылку даже демону горло перегрызть.

– Сдрейфил, что ли? – высокомерно хмыкнул эмпир. – Так вот, знай: кикимор бояться – клюквы не едать!

– Ах так... сам ты сдрейфил! – С этими словами Бальдур резво съехал до края крыши, запнулся ногой за какую-то железку, невесть как оказавшуюся здесь, и с воем средних размеров гарпии ухнул вниз.

Зорган ухмыльнулся и осторожно спустился по приставленной к сараю лесенке. Из большой кучи вырванных с огорода сорняков раздались невнятные ругательства, а потом несчастную, уже успевшую увянуть травку разнесло в стороны. Хмурый орк поднялся на ноги, вытряхивая из вставшей дыбом шевелюры сухие веточки.

– А по-простому выбраться нельзя было, проводник недоделанный?! – ужаснулась я. – Без лишних сценических эффектов?

– Спокойно! – невозмутимо отозвался Бальдур, отряхнул ладони и хорошо поставленным голосом пропел какую-то абракадабру, из коей мы с Зорганом не поняли ни слова.

Зато сорняки, как оказалось, все поняли отлично – взмахнув печально обвисшими листочками, они стайкой беззаботных пичужек взмыли в воздух и, перелетев забор, в живописном беспорядке устлали землю под соседскими вишневыми деревьями. Юный маг пожал плечами, почесал маковку и, просияв, выдал:

– Что ни делается – все к лучшему!

– Ого, какой крутой – ломом подпоясанный! Так ты еще и колдовать умеешь? – впечатлился виконт.

– Немного! – скромно зарделся орк. – Предлагаю посидеть под забором и подождать деда Агафона, чую – он за выпивкой к травнице отправился...

В своеобразной засаде было до ужаса неудобно – мало того что забор здесь вплотную подходил к свежей навозной куче, так еще злющая крапива в полтора человеческих роста нещадно жалила наши босые пятки. Ибо сапоги нам пришлось снять для бесшумности передвижения и для конспирации, ведь местные такую обувь не носили, а чужие следы могли насторожить какого-нибудь деревенского вояку. Поэтому выбора у нас не осталось. А Бальдур – по мнению Зоргана, успевший от скуки повредиться в своем и так невеликом уме, – всерьез решил заняться слежкой за объектом нашего интереса, и отсюда как раз отлично просматривался соседский двор, чему немало способствовала зияющая дырка на месте выбитой когда-то доски. По двору, кстати, сейчас бестолково метался дед Агафон, хитро оглядываясь и бережно, аки кормящая мать единственное дитя, придерживая что-то за пазухой. Наконец сумбурный забег закончился возле крыльца, под которым стояло ведро. Вновь оглядевшись по сторонам и не заметив, по-видимому, ничего подозрительного, Агафон выудил из-под телогрейки, которую носил не снимая в любое время года, внушительных размеров бутылку с плескающейся внутри мутной жидкостью, любовно погладил пузатые стеклянные бока и ловко засунул ее в ведро. Вздыхнул с облегчением, потер руки и, крикнув, гордо прошествовал в избу. Мы понимающе переглянулись... В наших головах промелькнула одна и та же мысль, и слов не потребовалось.

– Тот самый самогон? – на всякий случай спросила я.

Орк радостно закивал.

– Готов? – полувопросительно глянул Зорган на Бальдура и, дождавшись его утвердительного кивка, змейкой юркнул в щель между досками забора. Одновременно с этим душераздирающе скрипнула соседская дверь, являя миру встрепанного и нервно вздрагивающего Агафона.

– Стой!.. – панически зашипел орк, в последний момент хватая виконта за ногу. – Даже не дыши!.. – Шепотом предупредив эмпиря, парень вновь припал к дырке в заборе. А мне пришлось снова залечь в треклятую крапиву.

Тем временем дед Агафон трясущимися ручонками вызволял бутылку из плена ржавого ведра – видимо, посчитал его недостаточно надежным тайником для такого сокровища. Ведро сопротивлялось, все глубже продвигаясь под крыльцо... Плюнув на все, ценитель крепких спиртных напитков выволок ведро и водрузил его на перильца крыльца. Однако железная утварь не сдалась без боя – перевернувшись, она ударила Агафона по лбу, а бутылка выпала и голодным коршуном ринулась вниз, к своей бесславной гибели. Мужичок, издав отчаянный хрип, распластался на земле, протянув руки к небесам. Вот в такие любящие объятия бутылка благополучно и опустилась... вернее, грохнулась всем своим немалым весом. Я аж зажмурилась, отчетливо представив себе хруст ломаемых ребер.

– Силен мужик!.. – уважительно прошипело из соседских кабачков, приютивших виконта, и я поняла, что обошлось. Открыв глаза, я с удивлением увидела, как Агафон со слезами радости прижимает к себе чудом спасенную бутылку.

Однако ненадолго воцарившаяся во дворе идиллия была нарушена скрипом распахиваемой во всю ширь двери и зычным, явно привыкшим командовать голосом:

– Агафон! Чтоб тебя, козла безрогого, живо домой!..

В кабачках даже дышать перестали, полностью слившись с окружающей природой. Бальдур непроизвольно отпрянул от забора, не удержался на затекших ногах и шлепнулся напрямик в злорадно зашелестевшую крапиву – точнехонько на меня. Клацнул зубами, выпучив глаза от объятий жгучей ехидины, и, стараясь не шуметь, снова отполз поближе к забору. Ибо оторваться от разворачивающегося во дворе действия было невозможно...

Тетка Аграфена, жена Агафона, славилась в округе длинным злым языком и тяжелой карающей дланью. Собственно говоря, именно рассказы орка о дебелий ручке оной воительницы и заставили нас с Зорганом пожелать оказаться как можно дальше от этой страшной женщины. Однако эмпирю невольно пришлось изображать из себя перезревший кабачок, а нам с Бальдуrom совесть не позволяла бросить товарища в такой беде. Кстати, при разборках с воришками, покусившимися на дары ее сада, Аграфена не признавала ни нравоучительных лекций, ни деревенского судилища, искренне считая, что старые добрые средства – гибкая хворостина да пук жгучей крапивы – гораздо действеннее. Однажды попавшийся ей Бальдур, воровавший вишню, с тех пор полностью разделял это мнение, стараясь лазить в ее огород лишь тогда, когда противная тетка надолго отлучалась из дому.

Итак, злосчастный Агафон, застигнутый на месте преступления, подпрыгнул на локоть и, затравленно оглядевшись, засунул свою бесценную ношу под лавку, скромненько примостившуюся у крыльца...

– Агафон! – сотряс воздух очередной вопль Аграфены, и бедный мужик, втянув голову в плечи, поспешил на зов. Дверь захлопнулась, внутри что-то взвыло, громыхнуло, заверещало – и стихло.

– Фигу я когда женюсь, – обалдело пробормотал Бальдур, от души сочувствуя мужику, а потом бросил взгляд на подозрительно притихшую кабачковую грядку. – Зорган, жив? – обеспокоенно спросил он, не обнаружив там никаких признаков наличия нашего товарища.

– Агась, – отозвались кабачки голосом эмпиря.

Бальдур изумленно крикнул и присмотрелся получше.

– Ну ты и окопался! – захохотал он, разглядев виконта под ворохом кабачковых плетей.

– Ты на моем месте еще не так окопался бы, – с чувством проговорил Зорган, мотнув взлохмаченными вихрами, и тут его глаза загорелись тем самым нездоровым азартом, что так часто доводил до сердечного приступа его эйсенских наставников и охранников, наученных горьким опытом. – Ну, я пополз!

– Куда?! – протестующе прошипела я вслед шустро ползущему уже по огуречной грядке Зоргану. – А ну как Аграфена нарисует, дурень?! Тебе что, жить надоело?

– Похорони меня тогда под тремя березками на холме, – с пафосом, не оборачиваясь,

прошипел любимый, – а домой пошли письмо на имя моей матушки, дескать, пусть не держит на меня зла. А то еще с ее карающего слова стану призраком, и ей же хуже будет – вот как явлюсь темной ночкой под окна маменькиной спальни!

– Тьфу на тебя, – с чувством выругалась я, погрозив кулаком уже подползшему к крыльцу Зоргану.

Заслуженный же юморист благополучно дополз до крыльца, огляделся, по-гусиному вытянув шею, резво вскочил на ноги и, пакостливо улыбнувшись, выудил из-под лавки заветную бутыль. Шагнул было обратно к забору, но потом, немного подумав, отлил часть самогона в свою походную флягу, расплылся в широчайшей ухмылке и заныкал полупустую бутыль... обратно в ведро. Только не в то, что под крыльцом затаилось, а в то, что на виду у колодца стояло. Раскланялся, прижимая руки к груди, послал закрытой двери в избу воздушный поцелуй и, нырнув в заросли укропа, как заправский разведчик пополз обратно.

– Выпендрейщик! – беззлобно ругнулась я, едва перемазанный в грязи, но все равно сияющий лик любимого явился моему взору. – А просто притащить всю бутыль ты не мог, шалопад?! И зачем тебе понадобилось совать ее в ведро?!

– Но ведь это же так скучно! – уставился на меня своими смеющимися глазищами виконт. – И потом, где дух авантюризма, ни с чем не сравнимый привкус опасности и эйфории, будоражащий кровь не хуже красного эльфийского вина?! А насчет ведра... ну что я могу сказать? Захотелось!

День неуклонно угасал, но мы мужественно оккупировали забор, дабы не пропустить подготовленное нелегкими, пусть и не совсем праведными, трудами зрелище... Первой из дому слиняла Аграфена. При виде дородной женщины, разнаряженной в кричащего цвета сарафан, грозно спускающейся по жалобно скрипящим ступеням крыльца, парни малодушно зажмурились.

– К соседке наострилась, сплетнями обмениваться, – выдохнул Бальдур, когда хлопнувшая калитка возвестила о том, что опасность миновала.

Зорган хищно улыбнулся и, приложив палец к губам, жестом предложил нам полюбоваться на крыльцо. В общем-то давно не мытое, слегка покосившееся, оно не стоило особого внимания, зато субъект, выползший из избы, определенно его заслуживал.

– Начинается! – блестя глазами, шепотом возвестил эмпир, не отрывая взгляда от рванувшего к лавке Агафона.

Мужик так увлекся, пытаясь нашарить бутыль, что почти весь залез под низенькую лавочку, демонстрируя чудеса акробатики. Спустя полминуты послышался горестный вой обманутого деда Агафона, и он, с трудом выбравшись из-под лавки, забежал подле крыльца, хватая себя за бороду и сыпля проклятиями неизвестно на чью голову. После минутной активной истерики обворованный выпивоха застыл, схватился за сердце, рухнул на землю, где и распростерся – не подавая признаков жизни... Мы растерянно переглянулись.

– Перебор, – виновато констатировал Зорган, округлившимися глазами взирая на Бальдура. – Чего делать-то? Ведь, кажись, скопытился мужик...

– Не знаю... – проблеял орк и судорожно вздохнул, пытаясь вернуть трусливо ухнувшую в пятки душу на место.

В довершение всех бед вновь хлопнула калитка, и к крыльцу гордо подплыла явно чего-то забывшая тетка Аграфена.

– Ты чего разлегся, боров старый?! – накинулась она на мужа, узрев его возле крылечка. – Никак нажраться успел?! Охти же мне, горемычной! – И добросердечная женщина очень ласково пнула любимого муженька в бок. Не дождавшись реакции, она отвесила еще один нежный пинок и наконец-то склонилась над закатившим глаза Агафоном, прислушалась к чему-то... Спустя миг окрестности сотряс дикий вопль: – Караул! Убили-и-и!..

Орк с эмпиром, вцепившись друг в друга, сидели у дыры в заборе, не смея даже дышать и стеклянными от ужаса глазами наблюдая за набирающей обороты трагедией.

– Агафон, голубчик! – голосила тетка Аграфена, бухнувшись на колени и едва не придавив бездыханного мужа своими необъятными телесами. – Боги, да что же это делается-то!.. Лю-у-у-ди-и-и!..

– В жизни себе не про... – начал Зорган, но тут тетка Аграфена, неожиданно резво вскочив на ноги, с сотрясающими землю воплями бросилась на улицу, и вскоре ее завывания слышались аж с противоположного конца немаленького села.

Мы не сговариваясь ломанулись в узенькую дыру, едва не снеся весь забор (Бальдур, к слову, выбил-таки еще одну доску, да так и вцепился в нее, не желая расставаться), и в нерешительности замялись возле новоявленного трупа.

– Может, жив он еще? – сдавленно спросила я, пихая Бальдура в бок. – Ты же маг, помоги!

– Я не целитель! – прокляцал зубами предельно напуганный орк. – Я, собственно говоря, по совершенно противоположному профилю!..

– Некромант, что ли? – не преминул поддеть изрядно струхнувшего дружка Зорган. – Тогда тем более как раз для тебя работка!

– Тьфу, язык твой! – возмутилась я и вновь уставилась на Агафона. – Бледный-то какой!.. Не, тут уже никакой целитель не поможет!

– А пальцы-то как скрючил! – вторил мне впечатлительный эмпир. – Слушай, а он на нас не бросится?!

– Точно. Как пить дать, упырем заделается, – выдала я, вспомнив свои недавние приключения на мариенрахском кладбище. – Ежели при жизни людям характером своим противным житья не давал, то и после смерти не успокоится! Может, его колышком осиновым в сердце, для верности?

Бальдур выпучил на меня глаза и выразительно повертел пальцем у виска. Перед моим мысленным взором мелькнула занимательная картинка: куча народу, собранного заполошными воплями тетки Аграфены, вламывается в огород, а тут я с парнями – деловито заколачиваю в грудь активно сопротивляющегося и категорически с этим не согласного усопшего длиннющий осиновый кол, причем кол почему-то держит сам Бальдур, а Зорган увлеченно бухает по основанию деревяшки здоровенной кувалдой!..

– Ты – маньячка! – передернувшись, убежденно заявил Бальдур.

– Сам дурак! – фыркнул эмпир и, склонившись над Агафоном, коснулся пальцами его шеи... Да так и замер, возведя глаза к небу. А меня мороз продрал по коже.

– Зор... Зор... – дрожащим голосом проблеял Бальдур, чувствуя, что его ноги накрепко приросли к земле. – Ты с его душой говорить пытаешься, что ли?

– Не мешай, идиот, – отмахнулся эмпир. – Я, может, пульс нащупать пытаюсь...

– Зорган!..

– Не хрипи, не страшно, – хмыкнул виконт.

– Да я вообще молчу, – пискнул тонким голосочком орк.

– А кто же тогда... – начал было Зорган, но тут его взгляд от небесных далей вернулся к телу Агафона, и виконт вмиг отпрыгнул от него, потеряв дар речи.

– Ах вы поганцы! – еле ворочая языком и устрашающе сверкая налитыми кровью глазами, провещало внезапно ожившее тело. – Ворюги!.. Где мой самогон? – И недавний покойник сделал неловкую попытку подняться на ноги.

И тут у Бальдура не выдержали нервы. С диким криком взмахнув зажатой в руках доской, он вмазал ее концом прямоком по макушке воскресшего трупа. Труп дернулся, обалдело свел глаза к носу и рухнул обратно, больше не шевелясь...

Впрочем, этого наша отважная троица уже не видела, во все лопатки мчась к спасительному забору. Едва мы успели нырнуть в дыру, стараниями Бальдура ставшую шире ровно на одну доску, кою парень все еще судорожно прижимал к себе, как возле крыльца покинутой нами избы стало тесновато. Возглавляла стихийное собрание конечно же беспрерывно воющая, словно идущий на посадку дракон, тетка Аграфена, а вслед за ней торопливо шествовали любопытствующие селяне всех ростов и возрастов.

– А ты это, – тяжело дыша, пробормотал Зорган, – лихо упыря-то – доской!..

Орк нервно хихикнул.

– Только это... а можно ли упыря одним лишь ударом по маковке упокоить? – спросил он у меня.

На первом курсе Нарронской академии благородных девиц мы такого не проходили, а потому я лишь задумчиво пожала плечами, и мы втроем, не сговариваясь, вновь припали к дыре...

За забором тем временем разворачивалась драма в лучших традициях стиля «да на кого же ты меня покинул, паршивец эдакий». В самый напряженный момент, когда Аграфена сделала короткую паузу – для того чтобы издать очередной оглушающий вопль души, – тишину прорезал чей-то неуверенный голос:

– Люди, гляньте-ка – кажись, шевелится!..

– М-да, все-таки надо было колом!.. – трагическим шепотом посокрушался Зорган, пихнув Бальдура локтем в бок.

Тетка Аграфена, резко выдохнув – ну вылитый дракон на взлете! – рванула к колодцу и, схватив ведро, недолго думая плеснула из него на многострадальное тело любимого муженька... Не менее многострадальная бутылка, вместо воды ужом скользнувшая на землю в опасной близости от покойничка, все-таки разбилась, и по двору поплыл ни с чем не сравнимый, вышибающий скупую слезу мужской радости – запах крепчайшего самогона. Труп застонал, резко сел, повел красным носом и выдал хриплым голосом:

– Ну, будем!

Кто-то в толпе селян истерично взвизгнул от неожиданности, и в следующий же миг двор сотрясся от многоголосого хохота. Тетка Аграфена же, медленно, но неотвратно зверея, все крепче сжимала дужку ведра, сверля воскресшего мужа таким взглядом, что на его месте любой уважающий себя упырь предпочел бы самостоятельно рассыпаться в прах. Судя по всему, Агафону предстояло на собственной шкуре, как и Бальдуру когда-то, испытать всю эффективность воздействия народных средств воспитания, в данном случае представленных ведром да увесистыми кулачищами разъяренной жены.

Мы расслабленно прислонились к забору, из-за которого раздавались ругань, звучные шлепки и отчаянные визги, и переглянулись.

– Гуманнее было бы колом, – протянул неугомонный Зорган и довольно погладил флягу с добытым-таки самогоном.

Бальдур, не удержавшись, вновь выглянул в дыру, узрел шустро прыгающего по помидорным грядкам Агафона с напаянным на голову ведром да Аграфену, от души хлещущую его длиннющей хворостиной, и торопливо кивнул, соглашаясь. Ему вторил густой, как от удара в набат, звук (это наш недоделанный покойник с ведром смачно навернулся о крыльцо) и особо заковыристое ругательство тетки Аграфены, самозабвенно гоняющей несчастного «упыря»...

Так наконец-то завершился очередной жаркий день, сменившись вечерней прохладой. Я поглядела на довольных жизнью друзей, послушала творящееся за забором безобразие и поняла, что путешествие в глубь острова может стать каким угодно – трудным или легким, успешным или неудачным, – но вот каким уж оно точно не будет, так это скучным...

Усталые, но довольные, мы возвращались в лагерь, устроенный в осиновой рощице. Фляжка с волшебным самогоном покачивалась на плече у Зоргана. Кстати, этот напиток действительно обладал удивительным, ни с чем не сравнимым запахом. И сколько я ни принималась к горлышку посуды, но так и не смогла разгадать секрет добытого нами напитка. Несомненно, в издаваемом им аромате: резком, ярком, стойком – присутствовал и горьковатый запах полыни, и кислинка бузины, и сладкая терпкость гречишного меда, но распознать основные компоненты знаменитого самогона, рецепт которого держался в строжайшем секрете, оказалось не под силу ни мне, ни Тайлериану, ни даже дракону.

– Да не внутрь! – испуганно закричал Бальдур, выхватывая флягу из руки Зоргана, уже

поднесшего ее ко рту. – Им натереться нужно, отбивая запах тела. И тогда храмовые Охотники нас не почуют.

Мы беспрекословно выполнили указание орка и теперь шагали по бескрайнему лугу, благоухая почище похмельного деда Агафона. Слепой стрелок неуверенно обозначил направление, должное вывести нас к реке. Хотя за достоверность своих инструкций он не ручался, ибо опыт прошлого путешествия по острову почти не компенсировал недостаток зрения. А кроме того, по словам все того же Стрелка, ландшафт Ледницы постоянно менялся, послушный воле богов. И там, где еще вчера плескалось небольшое озерцо, сегодня мог внезапно появиться дремучий лес или возносился к небесам высоченный горный пик. А уж на понятии «стабильная погода» нам и вообще не приходилось заморачиваться.

Я размеренно переставляла ноги, подстраиваясь под общий темп марша. А между тем мои мысли словно бы отделились от тела, витая где-то далеко отсюда. Уже неоднократно, с тех пор как я покинула батюшкин дом, у меня возникло странное чувство, будто в мою жизнь регулярно вмешивается некая посторонняя или потусторонняя сила, корректируя мои действия и поступки. А вернее – вынуждая меня совершать то, что зачастую выглядит смешным или нелепым, но на самом деле приносит ощутимые результаты, влияющие на судьбы моих друзей. Я ведь нисколько не забыла о трех врагах, обозначенных мне волшебницей Оссой: о невезении, Ветре Инферно и могучем чернокнижнике, открыто нам противостоящем. Ой, чую, именно этот колдун и стал причиной преследующих нас бед, уже неоднократно испытывавших мою силу, отвагу и выдумку. И пока у него никак не получается погубить мой небольшой отряд, но, полагаю, однажды терпение чернокнижника лопнет, и он самолично явится нам во плоти, дабы дать последний и решительный бой. И похоже, момент нашей встречи все ближе, а время играет против меня...

– Рогнеда, – окликнул меня Зорган, осторожно приобнимая за плечи, – о чем задумалась?

– Сложно охарактеризовать несколькими словами все мои мысли, – ответила я, выплывая из призрачного мира грез и мечтаний. – Возможно – ни о чем, а возможно – обо всем сразу. Пока еще не уверена, но мнится мне, будто слишком многое из происходящего с нами – кем-то заранее подстроено. Вот только...

– ...пока этому подстройщику не удастся заставить нас полностью плясать под его дудочку! – уверенно закончил виконт. – М-да, признаюсь, похожие подозрения посещают и мою голову тоже.

– Подобные совпадения вряд ли стоит списывать на случайность, – согласно закивала я. – Значит, мы ясно ощущаем присутствие неведомого врага, и трудно сказать, куда именно заведут нас его манипуляции...

– Почему же трудно? – неожиданно рассмеялся эмпир. – Понятное дело куда – на кладбище!

– Ох уж этот твой черный юмор! – осуждающе покачала головой я. – Лично мне на кладбище пока еще рано, пожить хочется...

– А придется! – мрачно хмыкнул Зорган.

– Ну вот еще! – строптиво надулась я. – Не хочу на кладбище.

– Поздно, уже туда пришли! – откровенно веселился эмпир. – Смотри... – И он вытянул руку, указывая на что-то впереди.

Недаром утверждают, что эмпиры обладают самым острым зрением. Прищурившись, я все-таки разглядела верхушки надгробных памятников, выглядывающих из густых кустов, начинающихся за лугом. И сердито сплюнула в сердцах:

– Вот что за ненормальный остров, а? Количество погостов тут явно превосходит всякое разумное количество...

– А чего ты хотела обнаружить во владениях смерти? – удивился Не знающий промаха стрелок. – К тому же учитывая внушительное число паломников, погибших на Леднице до нас...

– Спасибо, успокоил! – язвительно фыркнула я. – Особенно за многозначительный намек «до нас»...

Но слепой лишь отмахнулся, утомленный моим упрямством. Похоже, его здорово раздражало мое демонстративное нежелание заранее примириться с неизбежностью нашей грядущей смерти, для самого слепца давно уже ставшей очевидным и почти свершившимся фактом. Меня же его закоренелый пессимизм только злил и раздражал, вызывая состояние протеста, коротко называющееся «а вот фиг, не дождетесь».

С трудом продравшись сквозь колючие можжевельные заросли, мы очутились на округлой, довольно обширной площадке, поросшей неухоженной, неряшливой травой. Сразу становилось понятно – на этом кладбище вообще не имеется никакого сторожа, и скорее всего все здешние захоронения давно заброшены и забыты. От большинства надгробий остались лишь уродливые руины, часть могил просела и осыпалась, обнажая фрагменты чьих-то пожелтевших останков. Разглядывая обглоданные временем кости, я все больше утверждалась во мнении, что они принадлежали отнюдь не людям.

– Неприятное место, – вынес объективный вердикт Зорган, блуждая между могил. – От здешних красот у меня мороз по коже. Давайте уйдем отсюда поскорее...

– Согласна. – У меня никак не получалось отделаться от ощущения чего-то липкого, незримо скользкого по моему телу. Казалось, будто кто-то специально привлекает мое внимание к оному погосту, заманивая в ловко расставленную ловушку. – Непокойно у меня на душе, словно интуитивно понимаю: здесь – нечисто. Уверена, в этом месте обитает неуспокоенная душа, ее обманули и теперь удерживают тут силой...

Я шагнула в сторону, торопясь покинуть нечистое место, и вдруг негромко вскрикнула, испытав приступ острой боли. Это кукла Злючка, по-хозяйски обосновавшаяся за пазухой, неожиданно укусила меня за ключицу своими заточенными зубами-щечками. Я сделала следующий шаг в сторону ограждающих кладбище кустов и ощутила еще один укус. Кукла-демон ясно давала понять, что выход наружу мне воспрещен. Недоуменно хмыкнув, я подчинилась и направилась в самую середину погоста, не столько напуганная, сколько заинтригованная...

В центре кладбища обнаружилась необычная, удивительно хорошо сохранившаяся могила. Ее наглухо запечатывала белоснежная мраморная плита, полностью лишенная плесени или грязи, мокрая – словно недавно отмытая. Изголовьем плиты служил огромный двуручный меч, накрепко вбитый в дерн.

– Чтобы его вытащить, нужно обладать немереной силищей! – сообщил Зорган, безуспешно подергавший за рукоять кладенца, по размерам не уступающего росту самого эмпирея, отнюдь не щуплого и могучеству не обиженного. – Я чуть пуп себе не сорвал, а ему хоть бы хны – даже не пошевелился... – Поплевав на ладони, виконт снова взялся за рукоять меча, покряхтел, но так ничего и не добился. – Подозреваю, тут похоронен великан-людоед или еще какой-то чудовищный злодей!

– Не суди всех по себе! – холодно посоветовала ему Кайра, восхищенная размерами и мрачной красотой меча. – А вот я считаю, что здесь похоронен великий боец!

– Или трагически погибший несчастный влюбленный... – задумчиво проговорила я, наклоняясь над надгробием.

– Женщинам везде романтика мерещится, – поддел меня Тай. – Почему ты так решила?

– А вот почему... – Я ладонью согнала лужу воды, растекающуюся по плите, и сдвинула несколько свежих, еще не увядших кувшинок-ненюфаров, непонятно как тут очутившихся. – Смотри сам...

Мои спутники дружно сдвинули головы, направляемые жгучим любопытством. На плите обнаружилось изображение двух лебедей. Один кувыркком падал с небес, бессильно раскинув изломанные крылья, а второй плыл по озеру – в жалобном плаче запрокинув к облакам страдальчески напряженную шею, содрогающуюся от отчаянного крика. Рисунок поражал воображение – настолько точно он передавал горе, постигшее пару влюбленных лебедей, и выглядел предельно натуральным...

– Ой, жалость-то какая! – всхлипнула всегда щедрая на слезы Витка. – Да никак один из них погиб, а второй по нему вечно сохнуть обречен!

– Точно! – поддержал возлюбленную Тай, на всякий случай прижимая девушку к себе. – Не приведи боги кому-то испытать подобное горе.

– Давайте поскорее отсюда уйдем, – поторопила нас Кайра. – Нехорошо вторгаться в чужую жизнь, а в чужую потерю – тем паче...

Мы рысцой покинули загадочное кладбище, украдкой утирая повлажневшие глаза. Трагедия, представшая перед нами, никого не оставила равнодушным. Странно, но теперь Злючка успокоилась и более не донимала меня укусами, опять затаившись так, словно желанный ей результат был уже достигнут. А я, снова продираясь через кусты, тщетно ломала голову над тем, что же именно она хотела мне показать и почему могильная плита безымянного воина оказалась залита водой и засыпана свежими цветами?..

Жизнь полна неожиданностей, порой – самых нелепых и парадоксальных. И эти пресловутые неожиданности чаще всего являются нам в виде загадок, с которыми совершенно не знаешь чего делать...

– А это что еще такое? – удивлялась Кайра, кругами ходя вокруг странного, напрочь лишенного листьев дерева, одиноко высащегося на берегу реки. – Местный эквивалент елки для встречи Нового года?

– Дерево невесты, – пояснил Слепой стрелок. – Ритуальный жертвенник, магическое место – куда желающие выйти замуж девушки приносят свои подношения...

– И как, помогает? – еще больше заинтересовалась отважная мечница.

– А много ли на дереве даров? – спросил слепец.

– Хм... – Эльфийка окинула любопытствующим взглядом высокую, раскидистую иву, густо увешанную самыми невообразимыми предметами. – Много – это, пожалуй, еще не то слово... Даров тут до гоблина набралось!

– Значит, помогает, – уверенно подтвердил Стрелок. – Иначе зачем бы оные подношения сюда приносили? – Вопрос прозвучал риторически.

– Ну, тогда на всякий случай... – Кайра сняла со своего браслета одну из многочисленных серебряных подвесок и прикрепила к ветке ивы. – А вдруг...

– Не стоило этого делать, но теперь уже поздно, – осуждающе сообщила я, также рассматривая жертвенное дерево. – Ибо дары назад не забирают.

– Почему не стоило? – сердито зыркнула на меня эльфийка, мгновенно вспомнив нашу недавнюю неприязнь, похоже так до конца себя и не изжившую.

Я задумчиво раздвигала ветки ивы, опускающиеся до самой земли и частично купающиеся в водах реки, сильно подмывшей берег так, что теперь дерево очутилось над невысоким обрывом, под которым крутился мощный водоворот омута. Очевидно, именно в этом месте со дна реки били какие-то подземные ключи, да и глубина здесь, наверное, была немалая. На ветках обнаружили засохшие свадебные венки, ожерелья из медных монет, выцветшие от старости ленты, амулеты непонятного назначения, глиняные куколки и много чего еще... Но самым необъяснимым стало для меня то, что в большинстве своем подношения оказались растерзанными и измусоленными, словно ива специально глумилась над дарованными ей гостинцами, а ту часть ствола дерева, коя была обращена непосредственно к воде, уродовали глубокие царапины. Создавалось ощущение, будто некто неведомый, но очень злой, выходил из воды и терзал несчастную иву, постепенно снимая с нее кору... Я вздрогнула от нехорошего предчувствия и поспешно отошла назад, подальше от воды...

– Точно, – согласился со мной Бальдур, проводя пальцем по свежим царапинам на стволе ивы. – Я бы тоже не стал дарить свои личные вещи злему духу, живущему в этом дереве.

– Добились-таки своего, – сердито проворчала Кайра, поспешно снимая подвеску с ветки и прикрепляя ее обратно на браслет, – запугали меня до тошнотиков...

Я хмуро покачала головой, уже и не зная, как будет правильнее: забрать у ивы неосторожно поднесенный ей подарок или вернуть его обратно? Кажется, как ни поступи, а добром это не кончится – подсказывала мне интуиция. Может, судьба и пошлет Кайре жениха, но после дара, принесенного этому ненормальному мертвому дереву, – скорее всего тоже... хм... ненормального.

– В этой реке проживает Речная невеста? – шепотом спросила я у слепца после того, как мы расположились на берегу, зажгли костер и начали готовиться ко сну.

– В этой! – безрадостно подтвердил он. – Поэтому советую тебе держать ухо востро, княжна. Никто толком не знает, как выглядит эта самая Речная невеста, но слухи о ней распространяются самые ужасные. А из тех людей, кто уходил на нее посмотреть, обратно ни один не вернулся. Поговаривают, будто она – могучая ведьма, обитающая в реке, поэтому соваться к ней без магических навыков – дело гиблое. Чуешь, к чему я клоню?

– А нашу единственную магичку как раз похитили Охотники, – понимающе протянула я. – Весьма вовремя. Думаешь, эти события связаны между собой и кем-то подстроены?

– Вполне возможно, – кивнул мой собеседник. – Полагаю, скоро все тайное станет явным. А посему лучше не ложись спать этой ночью, княжна, и гляди в оба...

Так я и поступила. После того как мои друзья, утомленные долгим дневным переходом, вповалку улеглись возле костра, я бесшумно высвободилась из рук мирно похрапывающего Зоргана и отправилась к дереву невесты, намереваясь проанализировать доступную мне информацию. Честно говоря, у меня из головы не шли свежие речные кувшинки, найденные нами на могиле богатыря, почему-то не привлечшие к себе внимание моих друзей. И зря, ведь ненюфары всегда считались символом траура и тоски... Я еще раз обошла вокруг ивы, внимательно рассматривая развешанные на ней дары. Наиболее старые из них выглядели наименее поврежденными, а вот самые свежие, наоборот, несли на себе следы чьей-то неконтролируемой ярости. Создавалось впечатление, будто раньше – много лет назад – ива действительно являлась местной святыней, благосклонно принимающей подносимые ей дары. Но позднее с деревом произошло нечто зловещее, в корне изменившее его характер. Возможно, Бальдур прав и в иву действительно вселился злой дух? Но при чем тут царапины на стволе? Может, этот дух приходит к дереву из реки?..

Додумать я не успела, ибо от воды вдруг стал подниматься белесый туман, быстро достигший моих ног и ласково обвившийся вокруг колен. Туман мерцал и змеился, свиваясь в причудливые кольца. Мерный рокот речных волн начал звучать как-то иначе, обретая ритм, складываясь в нежную мелодию...

– Смотри, смотри внимательно! – внезапно услышала я и мгновенно узнала красивый женский голос, разговаривавший со мной на корабле.

– Куда смотреть-то? – глупо спросила я, но ответ уже стал не нужен, потому что туман внезапно начал разрываться на части, формируя полупрозрачные фигуры, разыгрывающие странное действо. Я видела стройную девушку – повесившую снятый с головы венок на ветку ивы, затем веселое многолюдное застолье – во главе которого сидели целующиеся новобрачные: эта девушка и высокий воин в кольчужной броне. А затем полчища врагов налетели на свадебное торжество – и воин пал, закрывая собой любимую. А овдовевшая невеста пошла к реке и... Тут туман вновь уплотнился, сливаясь в непроницаемое белое полотно...

– Она утопилась! – озабоченно воскликнула я. – Невеста пришла к реке и утопилась, ибо не смогла жить без любимого. А его похоронили под плитой с мечом и лебедями. С тех пор в иву и вселился злой дух...

– Любимый, – неожиданно донеслось до меня. – Любимый, иди ко мне! – Зовущий и тоскующий голос, несомненно, принадлежал молодой девушке. Он манил и зачаровывал, переливаясь звоном хрустальных колокольчиков. От этого голоса так и веяло могучей магией, подавляющей волю и притупляющей чувство самосохранения. – Любимый, иди ко мне, я жду тебя... – Голос не умолкал, становясь все более настойчивым.

«Почему он не действует на меня?» – удивилась я, ненароком глянула вниз, увидела

противомагический медальон, висящий у меня на шее и сейчас полыхающий багровым светом, и все поняла. Видимо, я находилась под защитой случайно попавшего ко мне амулета.

Неожиданно на берегу появилось новое действующее лицо этой ночной драмы... Мужчина бездумно шел к обрыву, ищуще вытянув вперед руки, ведомый колдовским зовом. Его глаза были плотно закрыты, он спал. Черные волосы разметались по плечам, лицо поражало отрешенной сосредоточенностью. Я задохнулась от ужаса, ибо сразу же узнала этого мужчину, во сне идущего на зов Речной невесты, – то был мой любимый, попавший во власть обманного призыва.

– Нет, Зорган, стой, не надо! – закричала я, сорвалась с места и побежала навстречу любимому. – Сто-о-ой!

Но, увы, нас разделяло слишком большое расстояние, и я не успела...

Виконт первым достиг края обрыва и внезапно раскрыл глаза, просыпаясь. Воды реки разомкнулись, и из омуты поднялась изящная девичья фигурка, окутанная прозрачным газовым шарфом. На щеках красавицы цвел нежный румянец, синие глаза казались бездонными, на губах играла призывная улыбка. Под шарфом соблазнительно круглилась невинная грудь, длинные ножки почти не касались воды, и волшебница словно бы не шла по реке, а плыла по воздуху... Никогда еще я не встречала подобной красоты, почти нечем не прикрытой – практически нагой, специально выставленной напоказ.

– Любимый! – Красавица протянула руки, заманивая Зоргана в свои объятия.

– Нет! – надрывалась я на бегу, но виконт меня не слышал.

Восторженно расширив глаза, эмпир шагнул с обрыва и камнем ухнул вниз, угодив точно в водоворот. Река сыто чавкнула, смыкая свои воды...

– Нет! – закричала я, балансируя на краю обрыва. – Слышишь ты, мразь, я тебе его не отдам!..

Парящая над водой красавица повернула ко мне свое фарфоровое личико... Чеканные черты потекли, превращаясь в уродливую жабью морду. В пустых глазницах горели красные уголья, щерились желтые клыки, стройные ножки срослись, превратившись в мощный акулий хвост. Речная невеста взмахнула кривыми узловатыми лапами, оканчивающимися огромными когтями, утробно захохотала и свечкой ушла в воду. Вслед за Зорганом...

Глава 6

Рассвет нового дня выдался каким-то серым, унылым и принес с собой неожиданный снегопад. Сильно похолодало, а ветки жертвенного дерева покрылись тонким налетом изморози, отчего ива начала походить на большой, уродливо раскорячившийся скелет. Подогнув под себя ноги, мы сидели вокруг слабо трепыхающегося костра, закутавшись во всю имеющуюся у нас теплую одежду.

– Ну и дела! – ошеломленно почесал в затылке слепец, выслушав мой сбивчивый рассказ. – Говоришь, она его в реку утащила? Ну и дела...

– Подманила! – невнятно выдала я, обнимая себя руками за плечи и пытаясь унять дрожь отчаяния, колотившую меня с головы до пят. – А он к ней в объятия так с обрыва и сиганул...

– Сам дурак, значит! – тихонько буркнул принц Тай, никогда не питавший особо нежных чувств к вредному эмпиру, но меня искренне жалеющий. – Другого ухажера найдешь, лучше и добрее. Не плачь, княжна.

– Это не он дурак, а она дура! – обвиняющим тоном поправил Не знающий промаха стрелок. – Рогнеда, я ведь тебя предупреждал – вы не найдете здесь ничего, кроме смерти. Вот и получили закономерные результаты: Лиззи и Вольдемара похитили Охотники, Зоргана сожрала Речная невеста. То ли еще будет?

– Да хватит уже запугивать девушку, чего вы на нее напали? – пискляво возмутился дракон, взбираясь ко мне на колено и заботливо поглаживая лапкой мои трясущиеся, словно

у припадочного эпилептика, пальцы. – Не видите разве, ей и так плохо!..

– И то правда, – поддержал Бальдур, протягивая мне фляжку с остатками самогона. – Выпей, авось полегчает.

Я попробовала последовать его совету, но зубы громко стучали о край фляжки и драгоценный напиток проливался мне на ноги. Пальцы почти онемели, скованные холодом, но куда больше меня донимал сейчас не мороз, а муки совести – бороться с коими оказалось значительно труднее. И, похоже, совершенно бесполезно, ибо я осознала всю справедливость адресованных мне упреков.

– Ты прав, Стрелок, – признала я. – Я не вняла твоим предостережениям и теперь пожинаю плоды собственного безрассудства.

– Не утрируй, – хмыкнул дракон, забравшийся в карман моей куртки и высунувший наружу только нос. – Тебе нечего противопоставить чудовищу, пришедшему из реки и забравшему понравившегося ей мужчину... Твоего мужчину.

– Да, без магии с Речной невестой не потягаешься, – кивнул слепец. – А мага-то у нас как раз и нет.

– Стойте! – вдруг вскрикнула я, озаренная догадкой. – Как ты сказал, Трей? Она пришла и забрала понравившегося ей мужчину? Но зачем ей именно мой мужчина?

Но дракон лишь недоуменно развел лапками, намекая на полнейшее отсутствие идей.

– И я не знаю, – кисло скривился Бальдур. – Может, ей без разницы с кем? Вернее, – тут же поправился он, сообразив, что выдал очередную глупость, – без разницы кого есть?

– Я так не думаю, – покачала головой я. – Она мужчин точно не ест.

Я задумчиво потерла переносицу, пытаюсь сложить воедино все доступные мне факты. Интуиция подсказывала – решение очередной загадки, подкинутой мне судьбой, находится где-то совсем рядом, на поверхности, нужно только его увидеть... Итак, что я знаю о Речной невесте и ее мужчине? Они поженились, а затем он погиб. Его похоронили под мраморной плитой, увековечив память о их любви красноречивым надгробием с лебедями. А она скорее всего утопилась в реке, надеясь воссоединиться с любимым на том свете. Но ничего подобного не произошло, ибо самоубийство – страшный грех. Поэтому не обретшая покоя невеста превратилась в демона, жестоко мстящего всем счастливым влюбленным. Именно поэтому же она издевалась над дарами, приносимыми жертвенной иве, и тоскливо терзала ни в чем не повинное дерево. От разочарования и зависти к чужой любви. Несчастливая, она даже не имела возможности видеть могилу любимого, ибо не смела ходить на кладбище, ведь освященная земля не принимает самоубийц. Стоп... Но она туда все-таки ходила! Вот откуда на могиле вода и свежие речные цветы. Но долго оставаться на кладбище она не могла, на это ей не хватало сил и чар, а также не могла забрать его к се... И тут меня осенило!

– Я знаю, что нужно делать! – закричала я, вскакивая. – Знаю, чего хочет Речная невеста!

– Эй, полегче, меня не задави, – проворчал из кармана дракон. – Вон, лучше скорми невесте нашего слепого ворчуна. Уверен, она им отравится и благополучно сдохнет.

– Очень смешно! – язвительно хмыкнул Стрелок. – Может, нам ее на удочку половить, используя тебя вместо наживки?

– Не станем мы никого ловить. – Я решительно пресекла разгорающуюся свару. – Мы пойдем копать...

– Кого, червей? – тоненько хихикнул Трей.

– Нет. – Я целенаправленно зашагала в сторону кладбища, ведомая уверенностью в собственной правоте. – Сами увидите. А будет еще лучше, если вы мне поможете...

Гроб с останками погибшего воина оказался жутко тяжелым, почти неподъемным. Мы вчетвером, пытаясь, надрываясь и переругиваясь для повышения энтузиазма, еле сумели вытащить его из свежераскопанной могилы. Мы – это я, Бальдур, Стрелок и Михась. Кайру и Витку к такой грязной работе мы не допустили, а сублинный принц Тайлериан сидел на соседнем надгробии и меланхолично перебирал струны гитары, сочиняя новую

душещипательную балладу. С его горбом нечего и думать о поднятии тяжестей, можно запросто грыжу для полного счастья заработать. С плеча принца дракон увлеченно наблюдал за нашими трудами, а крыса Грымза сочувственно подперла лапкой морду и пригорюнилась, сострадав чьей-то скорбной бабьей доле. Тонкие пальцы эльфа любовно обнимали гриф инструмента, а голос звучал проникновенно и грустно:

Зря гладишь ты шелк подвенечного платья...
Ведь принц втихомолку просватал другую:
«Ах, лучшей невесты не мог пожелать я!»
Он счастлив... А разве счастливых ревнуют?
Отдавшая ведьме свой сказочный голос,
В глубоком, как море, молчанье печальном
Ты только кивала... Боль зрела, как колос,
Сверкала, как камень в кольце обручальном.
Ты знаешь, не правда ли, как это будет?
Проклятие ведьмы свершится над вами,
Но принц – очень быстро тебя позабудет,
Лишь чайки навзрыд закричат над волнами.
Потянется след кружевной за кормою,
Любовь даже в смерти пребудет нетленной.
А ты – растворишься, сольешься с водою
И к принцу взлетишь белоснежною пеной.
Кивни ему, взглядом встречаться не смея,
«Я счастлива, если вы счастливы тоже!»
...Привыкший ходить по кинжалам – сумеет
С улыбкой вложить его в сердце, как в ножны...

– Я знаю эту старинную сказку, – сообщила я, разгибаясь и вытирая вспотевший лоб. – Уф, чуть спину себе не сорвала... В ней русалочка отдала свой чудный голос ведьме, превратившей ее хвост в ножки. Но принц женился на другой – и русалочка умерла. А у нас все намного страшнее и прозаичнее... – Я окинула оценивающим взглядом огромный дубовый гроб, почерневший от старости, опутанный толстыми цепями. – М-да, даже гадать не хочу, почему и зачем его еще и сковали...

– Откроем? – предложил любопытный Бальдур.

– Ну уж нет! – Меня аж передернуло от перспективы увидеть то, что покоится в гробу. – Мне мои нервы еще пригодятся. Может, его в фарш порубили, а может – враги его и мертвого боялись. Не стоит проверять мои версии. Просто отдадим его – ей, раз уж она так желает с ним воссоединиться.

– Есть мужчина – есть проблемы! – иронично обобщила мои выводы Кайра. – Нет мужчины – есть только одна проблема, заключающаяся в том, что нет мужчины!

– Ну что-то типа того! – согласилась я, и мы поволокли гроб к берегу...

Гроб с легким всплеском ушел под воду...

– И-и-и? – выжидательно протянул Бальдур, озвучивая общую мысль – терзающую всех нас без исключения, шеренгой выстроившихся на берегу.

– И ничего, – насмешливо прокомментировал слепец. – Неужели вы верите в сказки? Так они лишь Таю пригодятся, для новых баллад. А на самом деле...

– Тише! – перебила его я. – Бальдур, ты это слышишь?

Парень кивнул, изумленно расширив глаза. Вода в самом центре омута вдруг забурилась, а из волн поднялась тонкая девичья рука. Рука размахнулась и...

– Ложись! – заполошно заорал Михась, подбивая меня под коленки и опрокидывая на землю. – Щас как каменюкой запустит, мало не покажется!..

Я хлопнулась плашмя, отбила себе живот, ткнулась носом в жидкую грязь и мысленно выругалась, уже и не зная, чего ожидать. А вдруг Михась прав? Но ответом мне стал язвительный смех, прилетевший от воды, а рука бросила что-то на берег, коротко махнула на прощанье и скрылась в омуте... Я осторожно поднялась, предусмотрительно зыркнула в сторону реки, но не обнаружила там ничего подозрительного. Прошлась по берегу, внимательно глядя себе под ноги. Кажется, я слышала многозначительное звяканье или мне почудилось? Но я не ошиблась, ибо возле небольшого камушка лежал какой-то блестящий предмет... Я подняла находку, оказавшуюся круглой серебряной пластинкой, и рукавом оттерла ее от тины. Нет, это была не просто пластинка – а монета, на аверсе которой красовалось изображение гордого женского профиля, увенчанного королевской короной, а на реверсе выбили изображение полураспустившегося бутона розы. Я недоуменно пожала плечами, но вовремя вспомнила слова жреца-янтры и с довольной улыбкой убрала монету к себе в сумку. Похоже, я получила первую плату из обещанных – за любовь. А кстати, недурная коллекция странных вещей у меня накапливается: монета с розой, чья-то челюсть... Увидим, на что они сгодятся...

Мы еще немного подождали, но больше ничего особенного на берегу не произошло. Оставалось лишь собрать свои пожитки и продолжить путь, сохраняя горестное молчание. Разговаривать никому не хотелось. Я медленно брела по тающему снегу, превратившемся в грязную кашу, прикусив губу и глотая горькие слезы разочарования. Выходит, зря я понадеялась на благодарность Речной невесты. Интересно, а чего я вообще ожидала? Ведь своими глазами видела, как Зорган погрузился в водоворот и утонул! А разве утопленники...

– Рогнеда! – Внезапно раздавшийся крик Тая, ушедшего немного вперед, застиг меня врасплох. – Скорее беги сюда, я вижу нечто необычное!

Мое сердце сбилось с ритма и заколотилось как бешеное, вселяя в меня несбыточные надежды. Ах, если бы это было возможно... Я перешла на бег и вскоре разглядела что-то темное, большое, застрявшее в камышах. Подскочила к находке, похолодевшей на огромный сверток водорослей, упала на колени и, порезав себе пальцы, рванула сплетенные в одно целое полотно нити осоки и еще чего-то бурого, склизкого... Кокон из водорослей нехотя поддался, и на мою ладонь заструились темные шелковистые локоны, а под солнечными лучами заблестели медные пуговицы куртки...

– Это же Зорган! – восхищенно ахнула я. Склонилась, приложила ухо к его груди и облегченно всхлипнула. – Он дышит, он жив!

– Ничего не помню! – громко изливал душу Зорган, сжимая в ладонях кружку с горячим травяным отваром. – Мне показалось, будто я сквозь сон услышал твой призыв и пошел на голос... Дальше туман и пустота, ровно до того момента, как твои ладони начали нажимать мне на грудь, изо рта полилась вода и сознание вернулось... – Виконт с наслаждением отпил из кружки и уставился на меня честными глазами. – Я что, много хлопот вам доставил?

– Не то слово! – многозначительно буркнул дракон, неровно разламывая кусок хлеба и отдавая большую часть крысе Грымзе. – Мы все чуть заиками из-за тебя не стали, братан.

– ...! – смачно выругался эмпир. – Извините, ребята, я не специально.

– Ладно, все хорошо, что хорошо кончается, – улыбнулась я. – Давайте поставим крест на благополучно разрешившейся проблеме и займемся делами грядущими.

– Какими? – в один голос поинтересовались все.

– Нужно найти Лиззи и Вольдемара, – напомнила я. – На дереве невесты я заметила длинные нити паутины, поэтому, полагаю, мы идем правильным путем.

Весь последующий день не ознаменовался никакими выдающимися событиями. Мы просто упрямо шагали вперед, ведомые моей интуицией и скупыми указаниями слепца, иногда советовавшегося с Бальдуrom. Но чаще всего орк только пожимал плечами и растерянно вертел головой, отговариваясь тем, что он, дескать, родился и вырос совсем в другой части острова, а со здешними достопримечательностями знаком лишь понаслышке. Я

внимательно следила за поведением одного чернявого паренька с толстым блокнотом в руке, ибо после истории с похищением самогона начала подозревать Бальдура в неискренности. Теперь мне с поистине маниакальной навязчивостью стало казаться, будто в его манерах проглядывает что-то ненатуральное, а сам орк скрывает от нас нечто существенное, весьма важное для нашего похода. Но расспрашивать парня напрямую я не торопилась, решив выждать и положиться на фактор времени. Думаю, однажды мы и так все узнаем, ведь все тайное когда-нибудь становится явным. Поэтому я размеренно переставляла ноги, благо холодная погода не позволяла снижать взятый темп марша, однако при этом ничуть не мешала любоваться открывающимися нам природными красотами. Кроме нас в этих местах не было ни единой живой души, точнее, нам таковые не встретились. Наверное, остальные паломники избрали другой маршрут, ведомые своими, лишь им доступными доводами. Мы же шли через невысокий молодой ельник, припорошенный пушистым снежком. Белое покрывало звучно поскрипывало под ногами, зеленые лапки елок стыдливо покачивались, смущенные нашим вторжением.

– Красотищ-ща! – благоговейно выдохнул Трей, высовываясь из нагрудного кармана моей куртки. – Я бы немного полетал, но холодрыга отбивает все желание размяться. Я, знаешь ли, вырос в жарких краях и к такой мерзопакостной погоде не привычен.

– Спи! – посоветовал я ему. – Если случится что-нибудь особенное, я тебя разбужу.

– Успишь тут, как же! – с ехидными нотками в голосе пожаловался мой миниатюрный дракон. – Твой карман уже крыса облюбовала, а она храпит как пьяный солдат... Развела ты тут зверинец, княжна! – Он сердито фыркнул и скрылся в недрах укрытия.

Я понимающе улыбнулась. Крысу тоже понять можно, ведь температура тела у огнедышащего дракона намного выше человеческой, вот Грымза к нему и жметесь, используя в качестве личного обогревателя. Хотя... Тут я внезапно обо что-то споткнулась и рухнула в снег, больно ударившись локтем о нечто твердое.

– Ну вот, – неразборчиво раздалось из моего кармана, – поспишь тут, как же... Это землетрясение было или как?

– Княжнотрясение! – неловко и чуть виновато пошутила я. – Спи, извини, я не нарочно, ничего особенного не случи... – Я оперлась об это твердое, пытаюсь подняться, но ноги меня не держали – скользили и разъезжались на предательском снегу. – Эх... – Я привстала на колено, смахивая снег в сторону, и оторопело застыла в дурацкой позе, не закончив начатую фразу и с отвисшей нижней челюстью. – Мать честная! – вырвалось у меня.

– Где? – Любопытный дракон высунулся из кармана, огляделся и ошарашенно присвистнул. – Ничего себе!..

Увы, обнаруженный нами предмет никак не подходил под определение «ничего», ибо, отмета снег в сторону, я обнажила холмик рыхлой, чуть схваченной морозцем земли, из коего торчала черная, сухая, похожая на корягу рука! Точно – мертвая и точно – человеческая...

– Это та самая девица с панталонами, из лагеря паломников! – уверенно сообщил Тай, после того как исследовал откопанные нами останки. – Ну, ты, наверное, ее помнишь? – Он поднял на меня глаза. – Которая еще пообещала: «Когда я увижу тебя в следующий раз, ты будешь тихой, спокойной и мертвой!»

– Помню, – невесело согласилась я. – Кажется, я ее сглазила, ведь то страшное пожелание все-таки к ней вернулось...

– Она это заслужила, – убежденно произнес Зорган. – Окажись в такой ситуации мы, она бы точно нас не пожалела.

– В такой? – осуждающе нахмурилась Кайра. – Слушай, красавчик, кончай ерунду молоть. Вы с Рогнедой – идеальная пара, ибо она глазливая, а ты любитель покаркать!

– Завидуешь? – язвительно хмыкнул эмпир. – Эй, слепой, – он повернулся к нашему проводнику, – скажи этой дуре, что верить в приметы – себе дороже. А...

– А ты как собираешься с Охотниками бороться? – тут же поддел меня вредный слепец,

начисто игнорируя слова Зоргана. – Тоже с помощью косяков и сглаза? Ха, по этой части ты у нас мастер!

– А при чем тут Охотники? – не сразу дошло до меня.

– Как это при чем? – возмутился Стрелок. – Я, может, и слепой, но не дурак в отличие от тебя. Ведь сразу понятно, что эту наглуую девицу убили именно Охотники.

– Да почему именно они? – начала терять терпение я, специально пропустив мимо ушей его инсинуации, касающиеся моих более чем скромных умственных способностей. Впервые, я уже привыкла к его негативной манере общения, а во-вторых – уже почти в это поверила.

– Полагаю, наш проводник прав. – Принц тоже поторопился внести свою лепту в этот спор, брезгливо вытирая руки лоскутом полотна и отбрасывая ткань в снег. – Тело покойной полностью обескровлено и лишено всех прочих физиологических жидкостей. Складывается такое впечатление, будто ее высосали – опустошили, словно бурдюк с вином. И сдается мне, что на такое способны только пауки, очень большие пауки...

– Брр, – содрогнулась Кайра, рефлекторно отшатываясь от мертвого тела. – Как подумаю, что подобная участь ожидает Лиззи и Вольдемара, так сразу руки чешутся кому-нибудь врезать... – Она многозначительно сжала кулаки, словно готовилась сразиться с неведомым врагом.

– Выдвигаемся, времени у нас в обрез, – скомандовала я, мучимая теми же нехорошими предчувствиями. – И ничего мне не говори, – сердито шикнула я на раскрывшего было рот Бальдура. – Без тебя все о себе знаю!..

Парень ошеломленно захлопнул рот, прикусил себе язык и суксился от боли. Я хмыкнула и зашагала дальше, избегая встречаться с Бальдуrom взглядом. Похоже, я опасная спутница, всем только одни неприятности и приношу.

Ельник закончился, сменившись мертвым буреломом. Куда ни кинь взор, повсюду виднелись лишь сломанные, вывороченные из земли стволы пихт и сосен, образующие хаотические нагромождения и завалы. В голове тут же рождалась неприятная догадка, будто в этом краю обосновалась стая бешеных медведей, устроивших себе коллективную берлогу. Или – как подумала я, но вслух свою мысль не озвучивала, дабы не пугать друзей, – в этих местах завелся некто другой, пострашнее медведей...

– Все, больше не могу! – плаксиво простонала Витка, усаживаясь на пенек и потирая распухшую лодыжку. – Ноги до крови натерла, перебираясь через коряги. Давайте здесь заночуем, все равно уже смеркается.

– Ветер усилился. Скоро начнется сильный снегопад, – предупредил меня Бальдур, поднимая вверх обмусоленный палец и проверяя направление воздушных потоков. – Витка права, если мы сейчас не позаботимся о лагере, то имеем все шансы заплутать и замерзнуть насмерть.

– Уговорили, остановимся тут, – согласилась я, хотя недремлющая интуиция так и подбивала меня опростеть бежать из этого опасного места. – Только, чур, я караулю первая.

Мы набрали еловых веток, устроив из них импровизированный шатер. Оградили костер большими, поставленными на ребро пластинами сланца, выкопанными из-под бурелома. Тепла такой очаг давал совсем немного, но я решительно настояла на своем, приказав предельно замаскировать отблески костра, ибо мне становилось плохо от одного предположения, кто именно может заглянуть тут к нам на огонек. После того как мои друзья заснули, плотно прижавшись друг к другу и зябко поеживаясь, я выползла из-под еловых веток и чуть отошла в сторону от лагеря, напряженно всматриваясь в темноту. Ветер свистел и завывал на тысячу ладов, пытаясь сбить меня с толку. Ночь дышала опасностью, и я была уверена, что вот там – в тридцати шагах, за ближайшими стволами сломанных сосен, – притаился кто-то живой, злобный и голодный, терпеливо поджидающий удобного момента для нападения. Поджидающий момента, когда я ослаблю внимание или поддамся коварному сну. Внезапно чья-то рука тихонько опустилась на мое плечо...

– Испугалась? – заботливо спросил подошедший сзади Зорган, обнимая меня,

прижимая к себе, откидывая мой капюшон и целуя во взъерошенную макушку. – Не мог допустить, чтобы моя любимая в одиночку мерзла на ветру... Вдвоем мерзнуть веселее!

– Нет, – хихикнула я, пытаюсь увернуться от щекочущего прикосновения его рук. – Я тебя слышала, снег закрипел под твоими сапогами. Не знаю того, кто способен бесшумно передвигаться в такую погоду, а еще – после всего с нами приключившегося даже не могу представить того, кто вообще способен меня напугать...

Заглядывая в будущее, могу сказать: спустя всего лишь пять минут мы оба узнаем, насколько я была не права, изрекая такие банальности, но пока мы просто наслаждались ночной тишиной и нежностью, переполняющей наши сердца...

Виконт согласно хмыкнул, взял меня за плечи и развернул лицом к себе. На фоне лесной тьмы его глаза казались двумя яркими звездами, освещающими мой жизненный путь. Зорган нагнул голову, его уста приблизились, теплое дыхание, отдающее свежим ароматом мяты, обогрело мои посиневшие, потрескавшиеся от холода губы... И мы уже почти слились в поцелуе, как вдруг, бросив случайный взгляд над плечом эмпир, я увидела десятки красных огоньков, внезапно вспыхнувших в лесной чащобе... Одним резким движением я оттолкнула оторопевшего виконта и шепотом закричала, не рискуя производить лишний шум:

– Бежим, это Охотники, они нас выследили!

Мы маленькими шажками отходили в противоположную сторону, надеясь заманить Охотников подальше в лес, увести их от шатра с безмятежно спящими друзьями. Зорган взялся за рукоять меча и с легким шорохом извлек клинок из ножен. Наверное, такие обманчиво безобидные звуки издает сама смерть, склоняясь над твоим изголовьем...

– Видишь их? – спросил он.

– Вижу, – подтвердила я, различив две огромные, непропорциональные тени, отделившиеся от бурелома и бесшумно следующие за нами. – Беру свое утверждение обратно, это не они нас выследили, это мы, глупцы тупоголовые, сами приперлись в их логово!

– Ага, – с нехорошим смешком согласился виконт. – Глядя на здешнее место, я сразу предположил, что это чья-то берлога. И похоже, они не намерены впускать нас в свой дом...

– Логично! – пискнуло из моего кармана. – Разве вы бы иначе поступили на их месте?

– Трей! – ахнула я, хватаясь за куртку. – Я же совсем о тебе забыла. Почему ты не остался в шалаше?

– Ну прости, заснул и не успел выбраться, – доложил вредный дракон, хотя в его голосе я не уловила ни единой нотки раскаяния. – Зато чуть не стал свидетелем нежной интимной сцены!

– Подсматривать нехорошо, кузнечик! – с укоризной попенял ему эмпир. – Запомни на будущее...

– Если оно у нас вообще будет, – мрачно добавила я, упикивая дракона поглубже в карман.

– Рогнеда, осторожнее, берегись! – внезапно выкрикнул Зорган. – Они перешли в наступление...

И правда, наиболее крупная из двух теней выбралась из-под сени бурелома, очутившись на чистом участке белого снега. Я с ужасом рассматривала огромного бурого паука, уверенно стоящего на шести лапах. Волосатое тело, похожее на набитый там и сям выпирающими железками мешок, оканчивалось острым жалом. Круглую голову с двумя парами изогнутых жвал опоясывала цепочка глаз, светящихся красным демоническим огнем. Ростом он почти вдвое превосходил меня, будучи намного массивнее, быстрее и увертливее. Неожиданно паук громко шелкнул жвалами и прыгнул прямо на меня...

– Зорган! – еще успела вскрикнуть я, а потом все закрутилось в бешеном танце мелькающих клинков и мельтешащих паучьих конечностей, сопровождаемом громкой музыкой нашего тяжелого дыхания...

Паучья лапа вспорола снег возле моих ног. Я едва успела отшатнуться, рубанув по ней саблями. Тщетно, ибо против этого монстра мои клинки смотрелись сущими зубочистками и не причиняли ему никакого вреда. Вдвоем с Зорганом мы вполне успешно гоняли паука по кругу, заставляя крутиться и вертеться, но так и не сумели нанести чудовищу хоть какой-нибудь урон...

– Бесплезно! – разочарованно выкрикнул эмпир. – Если мы срочно не придумаем нечто действенное, эта тупая тварюга нас банально вымотает, а затем – прикончит.

Я просипела сквозь зубы что-то одобрителное, всецело разделяя его мнение, но разговаривать не стала – сберегала дыхание. Мысли работали наперегонки с клинками, отыскивая путь к спасению, пока я рефлекторно отбивала взмахи суставчатых лап паука. Его замах – мой удар клинком, на паука действующий как укол булавкой, заставляющий на миг отступить на шаг, но не более того. Замах, удар, шаг назад, шаг вперед, замах, удар... И так до бесконечности... Да сколько же можно? И тут меня осенило!

– Прикрой! – коротко попросила я Зоргана и, прежде чем виконт успел раскритиковать или даже понять мое намерение, упала на снег и прокатилась между лап чудовища, очутившись у него под животом. А там крест-накрест взмахнула саблями, нанося удар с внутренней стороны паучьей лапы и перерубая сухожилия, ну или чего там еще у этой твари имелось аналогичного!

Паук возмущенно взвыл и боком завалился в снег. Почти отрубленная лапа повисла на каких-то ниточках, а из раны хлестала мутная желтая жидкость, источая омерзительную вонь. Издав победный вопль, Зорган одним прыжком вскочил чудовищу на спину и до самой гарды погрузил свой меч в подобие волосатой перемычки-шеи, соединяющей корпус паука и его круглую голову. Чудовище шумно выдохнуло, остальные его лапы подломились, светящиеся глаза потухли, и оно рухнуло замертво, пропахав жвалами истоптанный нами снег.

– Гениальная идея! – поздравил меня любимый, спрыгивая с мертвой туши. – Ты поразила урота в самое уязвимое место. Я бы никогда до такого не додумался. Как думаешь, мы их победили?

– Сомневаюсь, – разочаровала его я. – Конечно, очень хочется надеяться, что второй паук подчинится инстинкту самосохранения и сбежит, но...

Но нет, из-за бурелома поднялась вторая тень и решительно двинулась на нас.

– Зря он принял столь глупое решение. – Я не постеснялась вслух высказать свое мнение о поступке нового противника. – Ему что, жить надоело?

– Видать, он свою жизнь не шибко высоко ценит, – хмыкнул Зорган, поплевав на ладони и поудобнее перехватив рукоять меча. – Отправим этого дурака следом за дружкой?

Я сосредоточенно всматривалась в силуэт неторопливо приближающегося к нам врага. Скорее – подкрадывающегося. Размерами он несколько превосходил первого, но при этом выглядел намного гибче и грациознее и имел более спокойную окраску. Полагаю, второй наш соперник оказался самкой.

– Это не дурак, а дура! – шепотом сообщила я Зоргану, словно опасаясь, что недавно овдовевшая по нашей милости паучиха нас услышит. – Собственной персоной жена нашего свежеиспеченного покойничка. И полагаю, эта дамочка напролом не попреет, придумает что-нибудь пооригинальнее. Кстати, силы у нее не меньше, чем у самца, а вот подлости и хитрости – тем более в достатке.

– Женщина, опять женщина! – многозначительно хмыкнул виконт. – Мужчине не стоит и пытаться понять вашу логику. Женщин понимают только женщины, поэтому вы друг друга так ненавидите!

– Возможно, – снисходительно согласилась я. – Главное наше правило таково: у женщин нет никаких правил. Зато есть настроение. – Я внезапно прыгнула вперед, намереваясь удивить паучиху. – А настроение у меня нынче – убийственное!

Но я напрасно надеялась на эффект неожиданности, паучиха оказалась готова ко всему.

Не позволив мне повторить уже испытанный прием, она ловко спружинила на лапах, легко перепрыгнув через меня. Я просто зря прокатилась по талому снегу, вывалявшись в грязи и выставив себя на посмешище... И клянусь, паучиха все поняла, ибо с ее жвал сорвался злорадный клетот, сильно смахивающий на саркастичный смех.

– А, чтоб тебя! – разочарованно выругалась я. Похоже, бравадой и нахрапом нам паучиху не взять, она и правда очень умна. И, видимо, всерьез настроена отомстить за убийство любимого муженька. Интересно, почему они вообще так держатся за этот свой бурелом? Ну отступили бы вместе, пропустили бы нас вперед, и разошлись бы мы с ними как в море корабли...

Но паучиха не оставила мне времени на размышления. Она вдруг отпрыгнула на несколько шагов назад, словно собиралась бесславно сбежать с поля боя... Обрадованно заорав, Зорган бросился за ней. И тут паучиха проявила совершенно несвойственную арахнидам¹ смекалку, ибо сумела обмануть нас обоих, а ее мнимое бегство было всего лишь тактической хитростью, призванной усыпить нашу бдительность. Крутанувшись со скоростью, почти немыслимой в моем понимании, она выпустила длинную нить липкой паутины, выстрелив ею в Зоргана. Виконт как подкошенный рухнул на снег, ибо клейкая ловушка обвилась вокруг его ног. Вторая нить взлетела в воздух – и вот уже эмпиря крепко спеленали по ногам и рукам, а единственное, на что он сейчас способен, это изрыгать проклятия, призывая гибель на голову коварной паучихе.

Запаниковав, я рванулась ему на помощь и уже через мгновение разделила участь любимого, превратившись во второй белый кокон. Паучиха довольно скрипнула жвалами, вытянула одну из передних лап, подцепила меня когтем и подняла с земли, поднеся к своей морде. Прямо перед своим лицом я увидела ее многогранные фасеточные глаза, так и лучащиеся торжеством, и медленно раскрывающиеся серповидные жвала, с которых капала бурая слизь. Я зажмурилась, стараясь не заорать от ужаса. Сейчас она откусит мне голову и...

И тут из нагрудного кармана моей куртки высунулся всеми позабытый дракон. Трей открыл пасть и изверг тонкую ленточку пламени, направленную паучихе точно в глаз!

Обожженная тварь издала оглушительный рев. Ее красный глаз, похожий на выпуклый зенитный фонарь, сморщился и потемнел. Противно запахло горелым... Слизь со жвал раненой паучихи полилась на обвивающий меня кокон, мгновенно разъедавая паутину. Почувствовав себя свободной, я согнулась, выхватила засапожный нож, длинный и тонкий, всегда носимый мною за голенищем, и вонзила его в уже травмированный глаз твари. Острое оружие с хрустом пробило сетчатку, погрузившись в глаз до самой рукояти. Судя по всему, я добралась до мозга твари, потому что паучиха внезапно выронила меня из когтя, сложилась в шарик – подтянув под себя все лапы, и беззвучно опустилась в снег. Она была мертва.

Усталый Зорган порывался сразу же вернуться в лагерь, но я отказалась и теперь настырно лезла в глубь бурелома, то перебираясь через поваленные, тронутые гниением и плесенью стволы сосен, то пригибаясь и подныривая под искореженные ветви. Виконт с недовольным ворчанием следовал за мной.

– Вот видишь, иногда оказывается, что подсматривать и подслушивать – весьма полезное занятие! – поучительно вещал дракон, перекочивавший на плечо эмпиря. – Ведь если бы не я, то перевариваться бы вам сейчас в паучьем желудке. Ну признай же, что на сей раз я прав!

– Признаю, о могучий и непобедимый кузнечик! – ехидно соглашался Зорган. – Считаю, мы тебе должны. Расплатимся при первой же подходящей возможности – тараканов на обед наловим или клопов. Тебе кто больше по вкусу, а, Трей?

– Вредные эмпиря! – сердито отрезал миниатюрный дракон, перепрыгнул ко мне на шею и ужом юркнул в карман куртки. Обиделся.

¹ Арахниды – членистоногие насекомые, к которым относятся пауки, клещи и скорпионы.

– Не доставал бы ты его, – порекомендовала я, осуждающе глядя на Зоргана. – Трей ведь и правда спас нам жизнь.

– Спас! – не стал оспаривать виконт Эйсенский. – Но гонору и спеси у него – не по габаритам, так и хочется ее немного сбить.

Я хмуро покачала головой: это же мальчишки, что с них взять? Наверное, даже на краю гибели будут мериться – кто из них круче. Хм, кстати про край... Кажется, мы как раз на него вышли, в смысле – не на край гибели, а на край бурелома. Хотя это еще как посмотреть...

Завал и в самом деле закончился совершенно неожиданно. Я стояла перед идеально расчищенной полянкой, в центре которой имелось всего лишь одно дерево – но зато какое! Толстенная и высоченная сосна с полностью оголенным стволом – лишенным коры, отполированным, почерневшим от старости. На ветвях сосны висело несколько больших коконов из паучьей паутины, а под ними – прямо на ствол – была прикреплена гроздь желтых яиц, каждое размером с мой кулак.

– Так вот почему пауки не отступили! – пояснила я Зоргану, подходя к дереву и с любопытством рассматривая паучью кладку. – Они охраняли свое потомство, которое, судя по всему, вот-вот должно появиться на свет...

С первого взгляда на это паучье сокровище даже не специалисту по арахнидам становилось понятно: яйца находились в последней стадии развития – они слабо подергивались, а внутри каждого металась какие-то смутные тени, очевидно, то были еще не рожденные паучата.

– Отойди подальше от дерева, – обеспокоенно посоветовал Зорган, – они могут оказаться опасны. И вообще, по-моему, их лучше уничтожить...

– А не жалко? – спросила я, извлекая сабли из ножен. – Ведь эти паучки ничем перед нами не провинились.

– Ага, пожалел барашек волка, – усмехнулся эмфир, – недолго прожил. Тебе, как женщине, возможно, и жаль любую живую тварь, но на меня подобные сантименты не распространяются, и потому...

– Давай сначала проверим содержимое коконов, – предложила я. – Подозреваю, мы обнаружим там нечто интересное... – И рубанула клинком по ближайшему белому свертку...

Сабля легко вспорола давно затвердевшую паутину, превратившуюся в корку, кокон лопнул с легким треском, и под ноги к нам свалилось мертвое тело пожилого мужчины, позеленевшее и распухшее, полуразложившееся под действием кислоты, содержащейся в паучьей паутине и слюне.

– Фу, какая гадость! – простонал Зорган, бледнея и зажимая себе нос, ибо от трупа исходило ужасающее зловоние. – И даже теперь ты готова пощадить будущих пауков-убийц? Хм... твой гуманизм сильно смахивает на идиотизм, дорогая!

Не отвечая, я расправила со следующим коконом, где обнаружила тело пожилой женщины, мало чем отличающееся от моей предыдущей находки. Мучимая нехорошим подозрением, я располовинила третий кокон, и... на землю свалился живой, ругающийся и отплевывающийся Вольдемар, целый и невредимый. Вскрикнув от радости, мы с Зорганом бросились поднимать товарища.

– Врагу не пожелаю пережить подобное, – стонал спасенный эмфир, опираясь на наши услужливо подставленные плечи. – Наверное, в этой паутине содержится какое-то наркотическое вещество: я вроде бы все слышал и понимал, но не мог говорить и находился в полусне. Невероятно жуткое состояние, похожее на тихое умирание...

– Понимаю, сочувствую, – скупно выдал Зорган, поддерживая под локоть своего недавнего противника. – Держись, кузен, все самое страшное уже позади.

– Спасибо. – Вольдемар горячо пожал руку виконта. – Раньше мы были врагами, но теперь я искренне тебе благодарен. Предлагаю забыть прошлое.

– Договорились. – Зорган открыто улыбнулся и ответил на рукопожатие. – А где же Лиззи?

– Тут! – Я разрубила последний кокон и нашим взорам явилась молодая ведьмочка, грязная и потрепанная, но счастливая и полная энтузиазма.

– Они украли нас во сне, – рассказывала Лиззи, обтираясь чистым снегом. – Сразу же спеленали и утащили, но я с помощью магии довольно успешно сопротивлялась действию паутины, поэтому мы и не умерли. Хотя, – она облегченно вздохнула, – жить нам оставалось недолго. Вы подоспели вовремя, ведь я чувствую, что паучата готовы вылупиться и сразу же захотят приступить к своей первой трапезе, в коей мы представляли собой главное блюдо... – Но договорить она не успела, ибо гроздь яиц вдруг сильно задрожала и начала лопаться...

Прозрачные оболочки яиц взрывались, как перезревшие грибы-дождевики, выпуская наружу новорожденных паучат, резво вскакивающих на ножки и разбегающихся в разные стороны. Парочка особо храбрых попыталась напасть на нас, но Лиззи вскрикнула от гнева и омерзения и взмахнула руками, создавая сгустки пламени, кои направляла точно в паучат. От ее мести не ушел ни один... Вернее, один все же сумел уцелеть, резво вскарабкавшись на ветку сосны. Там он теперь и сидел, испуганно прижавшись к гладкому стволу дерева.

– Ах ты дрянь! – возмутилась волшебница, вскидывая руку. – Врешь, не уйдешь...

– Не надо, пощади его! – внезапно потребовала я, шлепнув Лиззи по ладони.

Язычок пламени дрогнул, сорвался с пальцев девушки и пролетел мимо жертвы, едва ее не задев. Паучок панически заверещал, всем тельцем прижавшись к ветке.

– Ты чего, Рогнеда? – удивилась Лиззи, недоуменно хлопая ресницами. – Хочешь оставить его в живых? Но зачем? Они ведь едва нас не съели!

– Сама не знаю, зачем и почему, – растерянно ответила я, и правда совершенно не осознавая мотивов собственного поступка. – Но я собираюсь оставить этого паука себе...

– Себе? – оторопел Вольдемар. – Еще скажи, что будешь его воспитывать и дрессировать!

– А почему бы и нет? – хмыкнула я. Затем протянула раскрытую ладонь к паучку и позвала: – Эй, малыш, иди сюда, я тебя не обижу.

К нашему великому изумлению, паучок меня понял и подчинился. Маленькая тварь несколько секунд оценивающе рассматривала меня гирляндой красных глаз, а потом – приняв окончательное решение – вдруг спрыгнула с сосны, угодив точно мне на ладонь. Там паучок и угнездился, доверчиво обхватив меня лапками за палец.

– Чудеса! – подивилась волшебница. – Он ведет себя так, словно почуял в тебе родню!

– Видать, не зря меня братцы ядовитой сколопендрой обзывали! – отшутилась я, достала из сумки кусочек вяленого мяса и подала его паучку. Мелкая тварюшка немедленно схватила угощение, впилась в него жвалами и довольно заурчала.

– Интересно, ты он или она? – гадала я, поглаживая паучка пальцем по спинке. – Мальчик?

В ворчании паучка послышались протестующие нотки.

– А-а-а, значит, девочка! – догадалась я.

Паучишка согласно затопала лапками.

– Назову-ка я тебя Огонек! – заявила я. – Красивое имя, вполне подходящее благовоспитанной паучьей девице! – И сунула паучиху к себе в карман, на всякий случай в другой, не в тот, который облюбовал дракон.

– Кажется, в нашем зверинце пополнение! – прокомментировал Трей, увлеченно наблюдающий за моими действиями. – Надеюсь, крыса меня к ней не приревнует?

– Много о себе думаешь! – рассмеялась я и дернула Зоргана за рукав. – Идем обратно в лагерь, пока остальные нас не хватились и не запаниковали. Кстати, а что ты имеешь против нашей Грымзы? – Это уже к Трею.

– Да ведьма она! – махнул лапкой дракон.

– Уверен? – с сомнением переспросила я. – Как крыса может быть ведьмой?

– Любое существо женского пола может быть ведьмой! – убежденно заявил дракон и скрылся в недрах кармана.

Мысленно колеблясь – стоит соглашаться с ним или нет, я осторожно, через ткань

куртки притронулась пальцем к сыто замершей паучишке, гадая, способна ли она выкинуть какой-нибудь непредсказуемый фокус, подтверждая теорию дракона. Ладно, чего сейчас голову зазря ломать, позже со всем разберемся...

Виконт вернул на место свою потрясенно отвисшую нижнюю челюсть и выразительно покрутил пальцем у виска, намекая на мои незавидные умственные способности. Но я лишь весело фыркнула и снова полезла через причудливо изломанный бурелом, намереваясь вернуться в лагерь. Откуда-то я точно знала: сегодня я все сделала хорошо и правильно. А что из этого в итоге получится – время покажет!

Глава 7

Я проснулась от ощущения чего-то острого, болезненно упирающегося мне в щеку... Вернее, даже еще не проснулась полностью, но уже успела подумать о том, что пока ни одно мое пробуждение на этом острове не происходило нормально. Ну, что там на этот раз – комар, паук или нечто похлеще? Я с размаху хлопнула себя по щеке... Заорала от боли и широко распахнула глаза... Ничего себе – явление называется!..

Обнаружилось, что этим острым, упирающимся мне в щеку, оказался наконецник копья, а само оружие было зажато в руке высокого смуглого парня, картинно расставив ноги стоящего надо мной. Над моим носом колыхался подол его широкой, клетчатой, длиной до колен юбки – открывая мне зрелище волосатых икр, мощных бугристых ляжек и... Тут я смущенно хмыкнула и отвела взгляд. Нижнего белья этот воин не носил!

– Прекратите девушку конфузить! – невнятно потребовал Зорган, лежащий рядом со мной, точно так же под копьем и точно так же заглядывая под подол юбки другого воина. – Орки бесстыжие!

«Ой, и правда орки! – только сейчас дошло до меня. – Высокие, смуглые, черные волосы забраны в хвосты или заплетены в косы, крючковатые носы, острые уши, на лицах – причудливые татуировки. Хотя следует отдать им должное: лица у этих парней довольно симпатичные, как и у нашего Бальдура, а ведь он юбку не носит. Зато эти...» – И тут меня осенило во второй раз. Да, про таких воинов я уже слышала еще дома – вот только в байках и преданиях, смахивающих на малоправдоподобные сказки. Про орков из лесного клана «ухорезов» – охотящихся на своих злейших врагов эльфов. А у нас в команде как раз имеется парочка эльфов и одна жутко воинственная эльфийка. Блин, ну мы и влипли!

– Ткор, отойди от девки! – между тем скомандовал тот, кто удерживал эмпирю. – Прекрати ей свои достоинства демонстрировать!

– А почему вы считаете, будто это его достоинства? – задумчиво бормотнула освобожденная от копья я, потирая уколотую щеку, на которой выступило несколько капель крови. – А вдруг – недостатки?

– Поговори мне еще, заноза! – смущенно покраснел Ткор, угрожающе помахивая копьем. – Быстро тебе язык укорочу! И будет он у тебя малюсенький-коротюсенький, ни на что не пригодный...

– Вот только не надо на меня свои личные комплексы проецировать! – окрысилась я, как ни в чем не бывало скатывая одеяло в тугой рулончик и попутно подмигивая откровенно веселящемуся Зоргану.

Никакого страха перед бравыми орочьими молодцами в юбках я не испытывала. Если бы они хотели нас убить – давно бы уже убили, благо что оставленный сторожем Михась безалаберно заснул свою смену. Поэтому и лежал он сейчас – распростершись под копьем, как и все остальные из нашего отряда.

Столь бесцеремонно разбудивших нас воинов я насчитала два десятка человек, вернее – орков. Интересно, чего им от нас нужно?

– Эй, девочки, вы зачем к нам пристаёте? – нахально полубопытствовала я, в упор уставившись на уже знакомого мне Ткора. – Погреться пришли? А то, поди, холодно в коротких юбочках да с голыми, кхм, зад... – Я сделала многозначительную паузу. –

Коленками по снегу бегать?

– Тгир, ты давай лучше сам с ней разговаривай, – сквозь зубы процедил Ткор. – А то у меня на нее никакого терпения не хватит!

– Успокойся, брат, – посоветовал ему Тгир, выглядящий куда более зрелым и психологически уравновешенным. – Не видишь разве, она – тролька! А они все такие! – В его взгляде читалось не осуждение, а явное понимание и одобрение. – Помню, была как-то у меня подружка тролька... Ох и горячая же штучка оказалась!..

– Не она ли тебе морду подпалила? – рассмеялась я, указывая на старые ожоги на его лице.

– Язва! – почти с восхищением обозвал меня Тгир. – Но смеяться над воинами – дело нехитрое. А ты попробуй с нашей королевой справиться! Она тебя быстро по части стервозности за пояс заткнет.

– А если нет? – ухарски подбоченилась я.

– А если да? – не остался в долгу Тгир. – Спорим на желание?

– Спорим! – сразу же согласилась задетая за живое я. – А где она живет, эта ваша королева?

– В Летнем Стане! – вступил в беседу третий воин. – Она-то и отправила нас на поиски своего сбежавшего жениха. Мы искали его, а нашли всех вас.

– А его – нашли? – встряла в разговор любопытная, словно кошка, Витка.

– Нашли! – довольно констатировал Тгир. – Вон женишок-то искомый валяется! – И он копьем указал на Бальдура.

Незадачливый парень охнул и вздрогнул всем телом.

– А вашу нынешнюю королеву, случаем, не Биной ли зовут? – проявила осведомленность я, вспомнив его рассказы про «синюю птицу».

– Раньше и правда ее Биной звали, – строго нахмурился Тгир. – А теперь величают по всем правилам этикета: ее милость королева ррыр Бина Третья!

– Она!.. – простонал Бальдур, обреченно хватаясь за голову. – Ой, мамочка, спасите меня Пресветлые боги – точно она!

– Ее милость требует от своего жениха срочно прибыть в королевский Летний Стан! – церемонно возвестил Тгир. – А коли господин Бальдур своими ножками добровольно не пойдет, то нам приказано его силой привести. А вас всех, – он обвел многозначительным взглядом мою разношерстную команду, – мы забираем с собой. И пусть королева сама разбирается – кто вы такие, как попали на нашу территорию и что с вами дальше делать...

Последующая часть нашего похода проходила под непосредственным руководством «ухореза» Тгира. Мужскому контингенту моей команды орки на всякий случай связали руки за спиной, девушек же оставили свободными и более того – даже выказывали по отношению к нам толику грубоватой галантности. К тому же некоторые из этих лесных воинов оказались довольно интересными собеседниками, поэтому мы проводили время весело и с пользой, узнав немало нового об острове богов.

– И принесла же вас нелегкая на наши головы! – заморенно простонал Ткор, замордованный гремучей смесью из вопросов, приколов и подначек, кою я обрушила на его слабый интеллект, не выдержавший столь интенсивного мозгового штурма. – Слушай, скажи, откуда ты родом... Может, мы заплатим твоим родителям выкуп и они заберут тебя домой, а?

– Не надейся, они еще и сами приплатят, лишь бы я у вас подольше осталась! – пресекла его надежды я.

Ткор застонал еще громче и резво пошел вперед, надеясь оторваться от докучливой меня. Тяжело вздохнув от разочарования (как же – игрушка сбегает), я чуть прибавила шаг, чем вызвала недовольство со стороны прочих «ухорезов», начавших нервно хвататься за луки и ножи. М-да, надо бы мне внимательнее смотреть по сторонам. Конечно, у нас вечный и нерушимый мир с орками, но не все думают так же, и шанс поймать «случайную» стрелу

очень велик. Особенно на их исконных землях...

– Держись от меня подальше, заноза! – предупредил воин, оборачиваясь и глядя на меня. – А то, не ровен час, один из нас не дойдет живым до Летнего Стана! Я и так уже готов сознания лишиться от твоей назойливой болтовни...

– Эй, милый, а ты чего такой надутый? – игриво перебила его я.

– Я не надутый, а накачанный! – совсем рассвирепел многострадальный Ткор и рысцой рванул в авангард отряда, туда, где орки вели Зоргана, Тая и остальных наших мужчин.

Бальдур шел на дрожащих ногах, вполголоса молясь Пресветлым богам и умоляя их спасти его от гнева королевы Бины. Слепой стрелок держался с величавым пренебрежением к вооруженным до зубов «ухорезам», а те в свою очередь почти со страхом поглядывали на его жуткий шрам, понимая, что чем-то еще напугать так чудовищно изувеченного эльфа они почти не в силах. Но сильнее всех волновался виконт, взглядами издалека умоляя меня вести себя смирно и не лезть на рожон. Чего я ему, кстати, совсем не обещала, ибо меня аж до зуда в пятках интересовала личность таинственной орочьей королевы, а посему я намеревалась приложить немало усилий, дабы вытянуть из «ухорезов» нужную мне информацию. Крысу я отдала Лиззи, зато дракона и паучишку оставила при себе, непринужденно беседуя с ними по дороге, чем заслужила восторженные взгляды орков и их красноречивое присвистывание. Кто-то из них решил, будто я колдунья, кто-то сразу же записал меня в клоунессы, но и те и другие единодушно сошлись в закономерном мнении – такой чудной девушки в их краях еще не видавали!

Тгир только посмеивался, глядя на мои шалости, но глаза у него оставались серьезными.

Вскоре орки объявили привал, разожгли костер, усадили вокруг него всех пленников и заботливо наделили нас огромными кусками хлеба с ломтями вяленого мяса. Я попросила Тгира сводить меня за ближайšie кустики...

– Эй, только гляди за девчонкой в оба, а то она еще у тебя сбежит! Или натравит на тебя своих ручных уродцев: ящерицу и паука! – забеспокоились сразу несколько «ухорезов».

Я довольно ухмыльнулась – какие наивные мальчики, гадости я отлично делаю и сама по себе, без посторонней помощи или подсказки. Талант у меня такой врожденный имеется, можно сказать. Я улыбнулась оркам во все зубы и в один прыжок скользнула на поляну. Все тут же потянулись к оружию, но затем неохотно его положили, скрипя зубами. Скрежет стоял такой, что и у меня аж челюсти судорогой свело. Я с недоумением, граничащим с полным шоком, осмотрела их, сделала огромные удивленные глаза идиотки и, заметив Ткора, кинулась к нему через всю поляну, повисла на его шее и пропела:

– А вот и я...

Мигом около моего сердца очутился кривой кинжал, он проткнул одежду и больно упирался в кожу – казалось, еще мгновение, и это оружие станет частью моего тела. Я по-прежнему тепло улыбалась, словно ничего не заметила, и продолжала гнуть свою линию.

Парень недоуменно и растерянно на меня вытаращился, а затем неохотно убрал кинжал. Обернувшись, но продолжая висеть на шее орка, ибо смахнуть меня он не догадался, я присвистнула – на меня смотрели восемь луков, это уже прогресс. Во взглядах всех лучников читалось с трудом сдерживаемое желание убить, и еще проглядывал страх неизвестности – может, из-за моей загадочной улыбки? Неохотно оружие опустили, я отошла на шаг и возмущенно уставилась на разговорчивого орка, а затем, уперев руки в бока, начала закатывать сцену:

– А обморок где?! Ты же обещал! Ну что это такое, везде мужики одинаковые, только обещать и умеют, а как требуется сдержать данное слово – так вот вам и фиг!

Пара воинов чуть напряженно рассмеялась. Спустя мгновение к ним присоединились почти все. Кроме старшего Тгира и моего Ткора. Тот вытянул меч из ножен и мягко подошел ко мне, лицо его не выражало ничего хорошего, оно вообще ничего не выражало. Причем я его отлично понимала, ибо выглядеть дураком не нравится никому. Я мило и тепло улыбнулась Ткору и почти промурлыкала:

– И что дальше, братец? Убить меня ты не посмеешь, ведь это не в твоих интересах, тем более вот так, при всех. А совесть меня насмерть не замучает, я ее дома забыла. Может, заключим перемирие? – Я протянула ему руку.

Орка аж перекосило от негодования, равно как и всех присутствующих при оной сцене орков. Для них это страшное оскорбление – мнимое родство с какой-то тролькой, впрочем, как и для эльфов сравнение с орками.

– Вы же со мной хлеб разделили, поэтому я теперь для вас своя, родня, можно сказать. – Я продолжала копаться в их любимой болячке под названием спесь, но руки с боков не убрала, подчеркивая свое моральное превосходство. – А что полагается за причинение вреда своей? Правильно – наказание, а учитывая, что я слабенькая и беззащитная, то и до публичной порки может дойти? – заливалась соловьем я.

Тут Ткор – наплевав на все и доведенный почти до бешенства моими наездами – решился атаковать. К счастью, ему помешали... Между ним и мной быстренько возник старший воин Тгир, он встал полубоком, почти полностью закрывая меня собой. И как только не опасался чего-нибудь в спину от меня? Впрочем, правильно не опасался, ибо я девочка хорошая и в спину бить не стану, хотя так хочется...

– Возьми себя в руки, брат! Ты воин, и какая-то вертлявая тролька не может вывести тебя из себя всего лишь парой слов, – скомандовал Тгир, а затем он повернул ко мне хмурое лицо и, с трудом сдерживая себя, приказал: – А ты, заноза, отойди подальше и замолчи хоть на минутку, ясно?

– Ладно! – мило улыбнулась я. – Пошутили, и хватит. Я же не знала, что вы шуток не понимаете. – Я надула губы и демонстративно принялась за свой кусок хлеба с мясом.

На поляне воцарились молчание и тишина, на меня смотрели как на редкостного зверя, но не более того. Как им еда поперек горла не встала, интересно? Я тут изошряюсь, а они спокойно жуют. Вот ведь непробиваемые. Поэтому я продолжила с некоторой ехидцей:

– Ваша королева, поди, точно в штанах ходит, раз уж у вас матриархат?

Ткор вздрогнул и попытался вскочить, но Тгир схватил его за руку и вынудил сесть обратно. Все прочие воины молчали, лишь сосредоточенно жевали и искоса на меня поглядывали... Я в очередной раз подивилась тишине на поляне и попыталась развеселить всю честную компанию, рассказав парочку анекдотов. Когда после третьего какой-то здоровяк с двумя косами прижал меня к дереву (вот это скорость, я даже заметить не успела, как он подскочил) и начал ласково сжимать пальцы на моей шее, до меня дошло, что анекдоты про нетрадиционную сексуальную ориентацию орков им лучше не рассказывать. Не понимают, экая деревенщина...

– Эрхо, оставь ее, – тихонько приказал Тгир. – Она не стоит этого. А может, и стоит. – Его взгляд был задумчивым. – Возможно, она специально нас провоцирует, желая понять, насколько мы крепки духом и податливы к чужому влиянию. – Он усмехнулся. – Умная, очень умная тролька!..

– Все, молчу, – поклялась я. – Заканчиваю свои игры и молчу до самого вашего этого, как его, Летнего Стана.

– Правильная позиция! – похвалил меня Тгир. – Прибереги свои силы и фокусы для нашей королевы. О тебе же забочусь, дурочка...

Я ему залихватски улыбнулась и состроила шкодливую рожицу – дескать, не надо мне приписывать того, чего вы не знаете. В ответ получила доброжелательную улыбку и опущенные вниз глаза, словно разрешение продолжать дурачиться. Чем я, кстати, и занималась на протяжении всего остатка пути, сильно пошатнув моральное равновесие «ухорезов», вынужденных молча сносить мои колкие шуточки и подначки. Но внезапно присыпанный снегом ельник уперся в склоны гор, образующих узкую долину, и я невольно замолчала, впечатленная красотой открывшегося мне зрелища...

– Потрясена? – понимающе улыбнулся терпеливый Тгир. – Тогда не говори ничего и просто любуйся нашими краями, тролька. Перед тобой Летний Стан. И учти, второго подобного чуда ты не найдешь нигде в мире!

Ледница, остров богов, действительно щедр на чудеса! Не устаю убеждаться в этом день ото дня. Вот и сейчас, пройдя между склонами двух высоченных гор, мы очутились в узкой долине, надежно укрытой от посторонних глаз. И подумать только, там снаружи снег, холод, свищут пронзительные ветры, а здесь – тепло и благодать. Цветочки цветут, птички щебечут, журчат-прыгают по камушкам прозрачные ручейки... А все благодаря многочисленным гейзерам, тут и там вырывающимся из земли буквально у нас под ногами. Идешь себе среди столбов пара и восторгаешься: капли горячей воды висят в воздухе, подобно бесценным алмазам, а в небе над головой прочно стоит и не думает исчезать семицветная радуга, изогнутая словно мост. И если эта долина не величайшее творение Пресветлых богов, то что же она тогда такое?

– Так вот он какой, Летний Стан! – потрясенно помотал головой Зорган. – М-да, повезло вам, злыдни, жить в таком волшебном месте!

– Топаи давай! – беззлобно толкнул его в спину Ткор. – Боги каждому воздают по заслугам его. Нам – эту долину, вам – страдания и лишения. Значит, заслужили...

– Мудрое замечание! – хмуро хмыкнул Тай. – Интересно, чем это орки заслужили право жить среди такой красоты?

– Да мы и сами – парни хоть куда! – важно надул татуированные щеки Ткор, а мы с Кайрой так и покатались со смеху, ибо выглядел он сейчас на редкость забавным и нелепым.

– Скоро сами все узнаете, пришельцы, – глубокомысленно улыбнулся мудрый Тгир. – Вот мы и прибыли в наш главный лагерь...

Орочий лагерь в излучине неширокой речки не представлял собой ничего грандиозного – пара десятков самых обычных шатров из дубленых звериных шкур. На натянутых веревках сушатся недавно постиранные вещи, по мелководу с визгом и хохотом носится стайка ребятни, а возле костра сидит пожилая орка и помешивает варево, кипящее в огромном котле. И пахнет в Летнем Стане отнюдь не розами, а рыбным супом с картошкой и кореньями.

– А ниче так запашок! – потянул носом голодный Трей, высовываясь из моего кармана. – Надеюсь, нас угостят обедом?

Паучишка Огонек вскарабкалась ко мне на плечо и нетерпеливо затопала лапками, поддерживая идею дракона.

– Ага, угостят они, как же, ждите, – недоверчиво пробурчала я. – Потом догонят и еще угостят... Вы бы, ребята, не шибко надеялись на тутошнюю халявную жрачку. Подозреваю, нам этот обед придется отрабатывать по полной программе...

– Ой, только без меня! – поспешно изрек дракон и юркнул обратно в карман. – Я маленький и слабый... – глухо донеслось до меня из-под слоя ткани. – А таких эксплуатировать нельзя!

Огонек сложила лапки и шариком скатилась вслед за драконом.

«И эта отлынивает! – поняла я. – Видно, придется опять мне одной за всех отдуваться!»

И ведь точно угадала, как в воду глядела...

– Требую соблюдать права военнопленных, записанные в Третьей эльфийской конвенции! – театрально скандалил Зорган, прикованный к столбу, вкопанному возле самого большого шатра. – Вы обязаны предоставить нам кров, возможность помыться и трехразовое горячее питание... – Его голос все повышался и повышался, пока не превратился в крик.

– Кошка скребет на свой хребет! – проницательно заметил сидящий возле столба Тгир. – Смотри, парень, доорешься...

– А больше мы вам ничего не обязаны? – внезапно спросили насмешливым голосом, полог шатра поднялся, и из него вышла девица самой поразительной внешности...

Нет, я, конечно, тоже ростом и другими габаритами не обижена, но рядом с этой воительницей немедленно почувствовала себя маленькой и слабой, типа карманного дракона Трея. Девица возвышалась надо мной почти на две головы, ее мощные ляжки обтягивали

кожаные штаны, на упертых в бока руках бугрились могучие бицепсы, а бюст размера этак седьмого плотно облегал серебряная кольчуга. На боку девы-воительницы красовался меч внушительной длины, а на рыжих волосах, заплетенных в две толстые косы, – золотая диадема.

– М-да, красота – страшная сила! – обалдело бормотнул Зорган, во все глаза таращась на воительницу.

Сама же красавица усиленно делала вид, будто в упор нас не замечает. Она величественно морщила курносый нос и щурила ярко-голубые глаза, стараясь выглядеть как можно солиднее, хотя на самом деле была еще девчонка девчонкой... Я только открыла рот, намереваясь сообщить молодой великанше о тщетности ее потуг, как... Получила вдруг увесистый подзатыльник от догадливого Тгира, точно расшифровавшего и вовремя в корне пресекшего мое скандальное намерение, после чего шлепнулась на колени и ткнулась носом в землю. Кстати, ничуть того не желая...

– Кланяйтесь королеве Бине! – потребовал орк, и моим друзья не оставалось ничего иного, как последовать примеру своей командирши, то бишь моему.

Вытерев измазанный в земле нос, я свирепо зыркнула на Тгира, намекая: «Я с тобой еще посчитаюсь». Орк ответил мне лучезарной улыбкой.

– Женишок!.. – между тем язвительно протянула Бина, не обращая на нас никакого внимания. – Явился не запылелся! Ну как, добыл обещанные счастье, богатство и славу?

– Помилуй, великая! – заканючил несчастный Бальдур, хлопаясь на колени перед своей нареченной, изрядно превосходящей его и ростом, и шириной. – Отпусти меня в поход, я их еще поищу...

– Так ведь сбежишь, поганец! – догадливо заявила королева. – Нет, друг сердечный, больше ты меня не обманешь...

– Это как? – шепотом спросила я у Тгира, требовательно пихая его локтем в бок.

– Обычай у нас такие, – пояснил воин, украдкой потирая ушибленное место. – Младший сын вождя соседнего клана обязан жениться на нашей королеве, дабы она могла зачать наследницу чистой крови. А ваш Бальдур – как раз младший в их роду...

– Точно, – вспомнил Зорган, – он сам нам рассказывал. Было у его отца три сына и...

– И что с вашим королем происходит потом? – вернулась к начатой теме я, мучимая нехорошими предчувствиями.

– Да какой он нам король? – небрежно фыркнул Тгир. – Так, осемени... хм... – Воин смущенно закашлялся, поняв, что брякнул бестактность. – Временный семьянин для королевы. После того как королева родит наследную принцессу, ее мужа торжественно приносят в жертву богам...

– Ага, – понимающе переглянулись мы с Зорганом, вспомнив странное отношение Бальдура к священным узам брака.

– Злыдни вы, злыдни и есть! – осуждающе скривился эмпир.

– И покуда смерть не разлучит нас! – процитировала я строчку из брачного обета. – Похоже, у вас эту клятву понимают и применяют абсолютно дословно.

– Обычай! – сконфуженно развел руками орк. – А против них, сами понимаете, не поперешь.

– А принцесса? – не прекращала расспросы я.

– По достижении возраста двадцати лет принцесса вызывает свою мать на бой до смерти, – охотно сообщил Тгир. – И если она победит в этом бою, то наследует трон...

– Значит?.. – с подоплекой скривилась я, неодобрительно поглядывая на королеву, на чем свет стоит распекающую своего невезучего жениха.

– Точно, – исчерпывающе кивнул мой велеречивый собеседник. – Недавно наша молодая принцесса стала королевой, победив свою мать... – И он выразительно провел ребром ладони себе по горлу, наглядно демонстрируя судьбу прежней орочьей повелительницы. – Точнее, стала ее милостью королевой ррыр Биной Третьей!

Я неприязненно зыркнула на «ее милость». М-да, похоже, та еще особа. Уж не знаю

точно, чего обозначает орочья приставка к титулу «ррыр», но на мой пристрастный взгляд Бине больше подходит другая: «ду» или «де». Совсем, видно, обалдели эти орки, если у них дочь убивает мать!.. Ну уж фиг им, угробить ни в чем не повинного Бальдура я ей не позволю! На этой радостной ноте я повернулась к королеве и...

– А ты кто такая? – наконец-то соизволила заметить меня Бина. – Ты вообще в курсе того, насколько уродлива? – И королева самодовольно поправила лежащие на груди косы, полностью уверенная в собственной непревзойденной красоте.

– От уродины-переростка слышу! – не осталась в долгу я. – Ты – толстая, конопатая, мужиковатая дылда! Ну что, съела?

Королева громко ахнула, шокированная моей наглостью...

Ее примеру последовало все облаченное в юбки войско – причем несколько наиболее впечатлительных юнцов картинно хлопнулись в обморок...

– Ах ты дрянь безродная! – завопила Бина после того, как к ней вернулся дар речи. – Да я тебя сейчас... – Она выхватила из ножен свой огромный меч и угрожающе шагнула ко мне.

– Сама ты безродная! – в тон ей парировала я, обнажая сабли и становясь в боевую стойку, ибо обезоружить меня никто не удосужился. – Я-то хоть являюсь законной дочерью красногорского князя и эльфийской королевы Феррис. А ты – помнишь ли вообще имя своего отца?

Думаю, не стоило ставить орков в известность о том, что в Красногорье проживают отнюдь не тролли, а люди. И сама я – княжна не по рождению, а всего лишь приемыш. К счастью, орки оказались не сильны в политологии и географии, поэтому Бина сконфуженно застыла на месте, забыв поставить на землю занесенную для шага ногу. Поняла, что перед ней находится практически равная ей по статусу соперница.

– И какого фига тебе здесь нужно? – уже почти робко спросила она, переварив полученную информацию. – Иди отсюда... э-э-э... – она торопливо махнула рукой, намереваясь избавиться от скандальной меня, – куда шла. Свободна!

– Отлично, – просияла улыбкой я. – Забираю Бальдура и уйду!

– Ну уж нет, – эгоистично насупилась орочья королева. – Бальдура я тебе не отдам, самой пригодится.

– Так ты же его убьешь! – возмутилась я.

– Нет! – Бина картинно оперлась на меч и развязно расхохоталась. – Я за него замуж выйду, сегодня же вечером. А сразу после церемонии – запру его в подвале. Кормить досыта обещаю, беречь как зеницу ока стану. Пусть живет как можно дольше... Обычаи соблюдены, муж есть, дочерей – нет, я единственная и вечная королева Летнего Стана. – Она обвела хозяйским взглядом спины склонившихся перед ней орков. – Правда, здорово придумано? – совсем по-детски хихикнула королева.

– М-да, – я задумчиво почесала в затылке, – здорово. Только ты не учла одного факта...

– Какого? – Рыжие брови Бины удивленно взлетели на лоб.

– Я тоже хочу замуж за Бальдура! – ультимативно заявила я.

– Чего? – пронзительно взвыла раздосадованная королева.

– Чего? – схватился за сердце Зорган, внимательно наблюдающий за разыгрываемой мною комедией.

– Чего? – тоненько пискнул совершенно обалдевший Бальдур. – Да я ни... – Но тут Тгир ловко заткнул парню рот своим носовым платком, взглядом показывая мне: «Продолжай игру, посмотрим – чем она закончится».

– Не отдам! – словно бык ревела разъяренная королева, а ее щеки налились багрянцем и стали похожи на два переспелых помидора. – Да кто ты такая, чтобы выдвигать мне условия?

– Княжна! – спокойно напомнила я. – А возможно, если мой отец князь уже покинул этот бранный мир, – (в мыслях еще успело мелькнуть покаянное: «Папочка, прости меня, это ради благого дела!»), – уже и княгиня!

– И что ты предлагаешь, княгиня? – Бина едва не подавилась моим возможным титулом, выплюнув его словно вишневую косточку, но тон – сбавила.

– Решить наш спорный вопрос по-королевски! – улыбнулась я. – Сойдемся в честном поединке. Кто победит, та получает и трон и жениха.

– Идет! – насмешливо ощерилась рыжая воительница. – Дура, – она снисходительно поглядела на меня сверху вниз, – сама ведь не знаешь, во что вляпалась!

– Милая, что же ты натворила? – горестно простонал Зорган. – Да ведь эта каланча тебя с первого удара зашибет...

– Посмотрим, – поспешила утешить его я. – Авось не пришибет. – В моей голове зрел дерзкий и весьма рискованный план.

– Поединок состоится завтра на рассвете! – распорядилась королева, возвращаясь в свой шатер. – Накормите всех наших гостей досыта и уложите спать.

– Эй, вот видишь, ты все-таки получишь свой обед! – шепнула я, обращаясь к собственному карману, а вернее – к спрятавшемуся в нем дракону.

– Но какой ценой! – недовольно пробурчало изнутри...

Вечернее небо постепенно темнело, и на нем эффектно проступали светлые точки звезд, увлеченно подглядывающих за нашим противоречивым и корыстным миром. Возможно, моей душе осталось совсем недолго гостить на этой брэнной земле – утром она тоже отлетит на небеса, и уже следующей ночью я стану так же отрешенно взирать на мирскую суету, удивляясь ее мелочности и никчемности... Возможно, уже следующей ночью я пожалею о своем глупом геройстве! Я лежала на траве, мечтательно глядя на небосвод и предаваясь философскому самобичеванию... От ужина отказалась, ибо от волнения мне кусок в горло не лез. Кстати, на голодный желудок – намного легче думается, но точно – и намного печальнее...

– Кхе! – Чьи-то стоптанные, запыленные сапоги дошагали до моей головы и остановились, замерев в ожидании.

– Присоединяйся! – с усмешкой пригласила я, узнав голос и обувь Тгира. – Скоротаем вечер вместе.

Воин присел на корточки, сочувственно заглядывая мне в глаза и протягивая выдолбленную из дерева баклагу, наполненную чем-то пахучим, соблазнительно булькающим.

– Держи, Ткор прислал, – сообщил он, подавая мне посудину. – Отличное пиво, лучшее в наших краях.

– Спасибо. – Я отпила пенного напитка, довольно крякнула и утерла губы рукавом рубашки. – Значит, он на меня уже не сердится?

– Бранит на все корки, – криво ухмыльнулся орк. – Не стесняйся в выражениях. – Он помолчал и лаконично пояснил: – Из жалости...

– Понятно! – хмыкнула я. – А зачем же меня жалеть – пришлую чужачку, нахальную и вредную?

– А еще храбрую, веселую и добрую! – эмоционально добавил Тгир. – Ты ведь пожалела этого парнишку, Бальдура, и теперь рискуешь ради него своей жизнью. Зачем? – Он и сам не заметил, как повторил мой недавний вопрос.

– Не знаю, честно, – пожала плечами я. – Чувствую, что его жизнь очень ценна для всего мира и моя задача – ее беречь и охранять. А ты почему переживаешь обо мне, а не о вашей королеве? – подначивающе прищурилась я.

– Бина хоть и королева, – Тгир тяжело вздохнул и растерянно поскреб под мышкой, – но заносчива не в меру и о благе народа не печется. Многие из нас ею недовольны. Возможно, – он хитровато покосился на меня, – если победишь ты, это будет только к лучшему... А может, и к худшему...

– Понятно! – снова хмыкнула я. – Вы, орки, себе на уме. Скажи, за какие такие заслуги вам достался Летний Стан?

– Кхе, – Тгир смущенно отвел глаза, – не люблю я старые сказки повторять, ну да ладно, слушай. Есть у нашего народа древнее предание, гласящее, что однажды в эти края прибудет избранница богов, должная спасти весь мир. А наша задача – ожидать ее здесь, да указать ей путь к Храму Смерти, но лишь в том случае, если она окажется этого достойна – завоевав сердца наших соплеменников, сумев их повеселить и порадовать...

– И ты решил, будто я и есть та самая избранница? – недоверчиво захохотала я. – Ну ты даешь, наивный!

– Решил! – не стал отпираться Тгир. – В тот самый миг, как впервые тебя услышал и увидел.

– Ну-ну, – съехидничала я. – Опрометчивое решение. О, заберите меня боги, но какие же вы все, мужчины, узколобые дураки, рабы собственного предназначения!

– Это еще почему? – справедливо обиделся воин.

– Хорошо, что боги не дали вам четкого мышления, ничего вы в женщинах не понимаете, – продолжала развлекаться я. – А иначе, знаешь, что бы получилось?

– Что? – заинтересовался орк.

– Вот пошел ты, к примеру, на медведя – и как обычно заканчивается твоя охота? – напропалую ерничала я.

– Обычно... – Воин нахмурил лоб, размышляя. – Ну я его тюк дубиной по лбу, хват за лапу и волоком домой, в Летний Стан...

– Вот-вот! – обрадовалась я. – А мыслил бы ты как женщина, увидел бы медведя и... – Я набрала побольше воздуха в грудь, скорчила умильную мордочку и зачастила: – А это кто тут у нас такой пушистенький, симпатичненький, у-тю-тю, уси-пуси...

Тгир пару секунд ошеломленно смотрел на меня, а затем опрокинулся на спину и зашелся в бурном хохоте.

– Короче, все мужчины дураки! – резюмировала я. – И я знаю только одно существо в мире, превосходящее вас глупостью...

– Женщины, – сразу понял мою мысль Тгир. – Вы еще глупее, потому что любите нас – дураков!

– Ага! – кивнула я, перевернувшись на другой бок и накрылась плащом. – Спокойной ночи.

– Эй, – настороженно спросил орк, – а что ты намерена делать утром, княжна? Как собралась побеждать нашу королеву?

– Отстань, утром все и узнаешь! – звучно зевнула я. – Утро вечера мудренее...

Однако спать я не собиралась. Выждала еще с часик, пока лагерь окончательно не уюмонился, готовясь отойти ко сну, встала, подошла к палатке, куда поместили наших парней, глубоко вдохнула и...

– Бальдур! – во всю мощь легких голосила я, вдохновенно выводя колоратурные рулады. – Ба-а-альду-у-у-р!

На другой стороне Летнего Стана душевно завывали собаки, впечатленные моими вокальными способностями. Звонко тренькнув, порвалась тетива на новеньком луке, повешенном на столбик для просушки. Гулко вибрировала батарея медных котелков, разложенных возле костра. Громко матерились разбуженные мною «ухорезы»... Но я не смолкала, рискуя сорвать голос и охрипнуть:

– Ба-а-альду-у-у-р!

– Рогнеда, ну чего тебе? – Из палатки высунулся взлохмаченный и осоловелый королевский жених. – Прошу, прекрати блажить, пока все в лагере не оглохло!

– Замолчу, если ты со мной потанцуешь! – хрипловато заявила я. – Ну не спится мне чего-то...

– Потанцевать? – Парень смотрел на меня как на ненормальную. – Сейчас, ночью?

– А разве это запрещено? – сделала удивленные глаза я.

– Да нет... – Он одернул рубаху, поклонился и взял меня за руку. – И чего изволишь

забавать – вальс, гавот?

– Нарронскую джигу! – Я изящно дрыгнула ножкой, вспомнив уроки танцев в академии благородных девиц. – Хочешь, научу...

– Хочу! – развеселился парень. – А чего – отличная идея: бал перед боем, ночью, под звездами. Как говорится, помирать – так с музыкой...

– Музыка нужна? – тактично осведомился невесть откуда возникший Тгир.

– Ага, – довольно кивнула я. – Сможешь организовать?

– Запросто! – Он метнулся в глубь лагеря, и спустя миг для ублажения моей прихоти были пригнаны робкая девушка с бубном, прыщавый отрок-флейтист, дюжий дед с волынкой и сутулая седая карга с двумя здоровенными деревянными ложками. Возраст оной карги я навскидку определить не смогла, но пришла к здравому выводу, что на орочьем кладбище ей уже давно прогулы засчитывают. На ее ложки я воззрилась довольно скептически, зато всех остальных музыкантов одобрила сразу и безоговорочно.

– Значит, так: слушаем сюда и запоминаем... – И я, фальшивя и сбиваясь, насвистела весьма популярную в Нарроне мелодию. – Повторить сможете?

К моему величайшему изумлению, из всех предоставленных мне музыкантов самой талантливой оказалась старуха с ложками, на коих она наяживала весьма виртуозно – залихватски брякая ими о свое костлявое колено. Но в целом орочий оркестр народных инструментов играл довольно сносно, по-своему интерпретировав мотив знаменитой плясовой «Во поле эльфийка гуляла!» А еще через несколько минут мы с Бальдуром запрыгали вокруг костра, не на шутку увлеченные танцем. Вскоре к нам присоединились Тгир, Кайра, Михась, Витка и даже Зорган, корчащий страшные рожи и мимически пытающийся дать мне понять: «Ты сошла с ума»... Кстати, эмфир тоже опознал выбранную мною плясовую, потому как молодецки подбоченился и запел оригинальный текст этой весьма популярной нарронской песни:

Во поле эльфийка гуляла,
Во поле красивая гуляла!
Ой люли-люли, гуляла,
Там она невинность потеряла!..

– Это что еще за безобразие на подотчетной мне территории? – На пороге королевского шатра неожиданно возникла заспанная Бина, в неизменной кольчуге поверх веселенькой ночной рубашки в горошек. – Да еще и посреди ночи... Ты?! – Королева хмуро уставилась на меня. – Ну ясное дело, кто еще способен на подобную выходку!

– У тебя в Летнем Стане запросто можно со скуки подохнуть! – сообщила я, лихо выделывая коленца под ручку с Бальдуром. – Королева из тебя – никакая! Ты даже не способна организовать для своих подданных простые житейские радости!

– Точно! – согласился Тгир, восхищенно наблюдающий за каргой с ложками. Старуха увлеченно трясла седыми патлами, а ложки в ее руках так и летали...

– Чего? – сурово нахмурилась Бина. – Ах так... – Она выдернула Бальдура из моих рук и хозяйски обняла так крепко, что у парня аж ребра затрещали. – Давай, женишок, показывай, чего вы тут исполняете. Спорим, – она высокомерно посмотрела на меня, – я и сражаюсь, и танцую лучше тебя!

– Насчет «сражаюсь» – утром проверим! – покладисто улыбнулась я. – А вот танцуешь... Докажи! – Я постаралась не допустить в голосе ни малейших подначивающих интонаций.

– Пфе! – самоуверенно выдала Бина, присмотрелась к нашему хороводу и запрыгала в такт со всеми.

Я немного отошла в сторонку, дабы в полной мере полюбоваться разворачивающимся передо мной зрелищем, ибо там и правда было на что посмотреть!

Королева танцевала! Лихо подпрыгивала, выбрасывала вперед и высоко задирала

отнюдь не тонкие ножки в полосатых шерстяных чулках выше колен. Гудела земля, громко бряцала королевская кольчуга, ходили ходуном ближайšie шатры, и раскачивалось развешанное на веревках белье. От такого мощного сотрясения стучали зубы у наблюдающих за нами воинов...

– Ну как? – поинтересовалась королева спустя некоторое время, утирая обильно струящийся по лбу пот.

– Грандиозно! – честно ответила я. – Спасибо, будет что вспомнить в старости!

– До старости ты не доживешь! – пообещала королева, выпустила из своего богатырского захвата совершенно вымотанного Бальдура, так и рухнувшего на землю, и величественно удалилась в шатер, немного пошатываясь на ходу.

– Ну и зачем ты устроила сию комедию? – тихонько спросил у меня Зорган. – Мне ведь теперь ее жирные ляжки станут в кошмарных снах сниться! Ты вообще о моей нервной системе думала, когда вынудила танцевать эту орочью каланчу? Смотри, от ее балета на земле вмятины остались...

– Утром все узнаешь, – лукаво пообещала я, чувствуя, что моя смелая задумка удалась целиком и полностью. – Узнаешь и увидишь...

Глава 8

Рассвет медленно занимался над линией горизонта, окрашивая небеса в нежно-розовый цвет. Я давно уже проснулась и теперь с помощью точильного бруска правила свои сабли, готовясь к предстоящему поединку. Страх не было, ибо я считала, что мне предстоит сражаться за правое дело: за жизнь, за любовь. Пусть не за свою, но разве чужая любовь менее священна?

Похоже, в Летнем Стане нашлась еще одна здравомыслящая личность, полностью разделяющая мое мнение. Принц Тай сидел неподалеку от меня, на обрубке толстого полена, и бережно, словно малое дитя, устроив гитару на колене, пел – несомненно адресуя свою новую балладу именно мне:

Предвещают затяжную зиму
Рано улетевшие грачи,
Заморозки пали на рябину —
И другую для тоски причину
Ты в своем сознание не ищи.
Дни длинны и все немного горьки —
Мы уже устали звать надежду,
Знаете, учиться нужно сколько —
Жизнь делить на временные дольки:
«До» и «после». А быть может – «между».
Друг, признайся, так случалось с нами —
Разом вдруг порвется правды нить,
Мы тогда играемся словами,
И уже подчас не помним сами,
Для чего и как учились жить.
Как любовь теряли и искали,
Как ловили шанс в бою, на взлете,
Мы тогда о чем-то важном знали —
А сейчас потухли и устали,
Вязнем в безнадежности болоте.
Смотрим в неотзывчивое небо —
Смерть нас не страшит, а лишь смешит,
Но мечтаем в край вернуться, где бы

Можно брать с руки кусочки хлеба,
Как частички раненой души...

– Хватит кликушествовать, не дави на психику, она у меня и без тебя травмированная!
– вежливо попросила я, глядясь в идеально отточенный клинок и показывая язык своему расплывчатому отражению.

– Не хотелось бы мне завтра петь на твоих поминках... – аргументированно мотивировал свое поведение принц, откладывая гитару.

– А не спешите нас хоронить, есть у нас еще дома дела! – проказливо ухмыльнулась я.
– Авось пронесет! Боги не выдадут, свинья, то бишь орочья королева, не съест.

– Эта жаба проглотит и даже не подавится, – неодобрительно покачал головой Тайлериан, весьма скептически относящийся к моей рискованной затее с поединком. – Не понимаю причины твоего оптимизма, Рогнеда.

– И не надо, – подмигнула я. – Меньше знаешь – крепче спишь. Иди-ка ты досыпай, чего вскочил в такую рань несусветную? – Мне очень хотелось спровадить принца подальше, с глаз долой, ибо для задуманного мною дела свидетели не требовались.

– И то верно! – хмуро буркнул горбатый эльф и, сутулясь еще больше и подволакивая ноги, явно нехотя побрел в отведенную ему палатку.

По-моему, он обиделся, но сейчас не стоило заморачиваться на не в меру чувствительных принцах, ибо передо мной маячила куда более реальная угроза собственных похорон. А с Таем мы так или иначе, но все равно помиримся, ибо куда он денется?

Я бдительно огляделась по сторонам, торопясь удостовериться, что за мной никто не подсматривает. Слава богам, я здесь одна такая – мучимая бессонницей и навязчивой идеей. Остальные участники полуночных танцулек дрыхнут без задних ног, хапнув нешуточную дозу адреналина. А это мне как раз и на руку... Причем в буквальном смысле!

Дело в том, что некоторое время назад я заметила, как моя паучишка Огонек выделяет тонкую, полупрозрачную, почти невидимую паутину, оказавшуюся весьма липкой и прочной. Честно говоря, больше похожую на сопли. Возможно, по причине своего крайне младого возраста она пока еще просто пробовала свои силы в технологии создания настоящей паутины, но ее экспериментальный продукт привел меня в восторг. Я ведь и сама обожаю всяческие импровизации... И вот сейчас я занялась наматыванием оной паутины на свою боевую кожаную перчатку, часто носимую мною на правой руке. Намотала поверх перчаточной ладони несколько слоев бесцветной субстанции и осталась довольна проделанной работой – паутина на перчатке совершенно незаметна, а проблема нечистой совести передо мной сейчас не стоит. Ну и пускай нечестно... Как говорится, в любви и на войне все способы выживания хороши. В конце концов, Бина тоже жульничает, ведь мы с ней находимся в разных весовых категориях. Поэтому не вижу ничего зазорного в моей попытке несколько уравнять наши шансы на победу... Ну и везение... тьфу, вернее – хваленое, хвостом ходящее за мной невезение еще никто не отменял. Вот и проверим, насколько орочья королева к нему восприимчива!

В самом центре Летнего Стана имелась заботливо ухоженная круглая площадка, посыпанная мелким песком и обложенная по периметру белыми камушками. Нетрудно догадаться, для чего именно она предназначалась... Стоя на песочке, я поковыряла его носком сапога, пробурчав себе под нос: «Рыхловат, конечно, но ничего, сойдет», – да искоса поозиралась окрест. Орков вокруг площадки для поединков столпилось немерено, выстроились злыдни аж в три ряда, плотно прижавшись друг к другу плечами – словно селедки в засолочной бочке, поднявшись на цыпочки, вытянув шеи и едва дыша от предвкушения. Боятся пропустить малейший мой жест. М-да, отсюда не сбежишь... да и поздно уже сбегать. Как говорят у нас дома: назвалась пирогом – полезай в печку. А вернее, в самое пекло, в которое, судя по звукам, меня сейчас и засунут...

Кстати, насторожившими меня звуками оказался мощный грохот королевской поступи,

издаваемый приближающейся Биной! Орочья властительница неторопливо шествовала к ристалищу, но, Пресветлые боги, как же она шла... Враскачку и враскорячку, взгромоздив меч на плечо, с трудом переставляя негнущиеся ноги и болезненно морщась при каждом шаге! Присмотревшись к походке королевы, я прикусила нижнюю губу, стараясь скрыть довольную улыбку. Итак, мой расчет оказался правильным – увлеченно поучаствовав в полуночных танцульках, Бина с непривычки сильно перетрудила мышцы ног. Вернее, она практически надорвала себя, даже с учетом ее нехилой воинской подготовки, ибо нарронская джига – танец коварный. Повыкидываешь такие обманно безобидные коленца некоторое время, а потом будешь чувствовать себя полностью разбитой, что, собственно, и происходило сейчас с моей противницей. Полагаю, теперь наша схватка дастся ей нелегко!

– Доброе утро, ваше величество! – сладким голосом проворковала я, отсалютовав королеве обеими саблями одновременно.

– Кому, может, и доброе, – неприветливо буркнула Бина, – а я вот сегодня ощущаю себя одной большой мозолью, сдуру втиснутой в неразношенные сапоги...

– Так сдавайтесь тогда без боя, и всех делов-то! – насмешливо предложил Зорган, стоящий в первом ряду толпы зевак.

– Еще чего! – возмутилась королева. – Размечтались!

– Да-да, даже и не мечтайте! – хором поддержали свою королеву собравшиеся возле площадки орки.

– Если наша Рогнеда вашу Бину пришибет, то потом не жалуйтесь, будто вас не предупредили! – холодно процедила Кайра.

Орки ответили ей возмущенным улюлюканьем.

– Чем это у вас тут так гадко пахнет? – поинтересовался Тай, демонстративно зажимая нос.

– До вас не пахло! – надменно заявил какой-то орочий пацан лет пятнадцати на вид, прыщавый и тощий.

Воины одобрительно заржали, поддержав сей обидный намек в наш адрес...

– Че, так сильно испугались, что ли? – презрительно хмыкнул принц.

Орки разъяренно взревели, хватаясь за мечи... В воздухе запахло дракой...

– Стоп! – рявкнула я, плечом оттирая в сторону Кайру, наступая на ногу Таю и показывая кулак Зоргану. Так и знала: моих буйных друзей приходится вечно держать в узде и на коротком поводке, иначе сразу вразнос пойдут. – Предлагаю не уклоняться от исходной темы и начать поединок.

– Верно! – поддержала Бина, но особого энтузиазма в ее голосе я не уловила. – А ну-ка, быстро захлопнули рты и сдрыгнули подальше от площадки, дабы под ногами не путаться!

Удивительно, но эта директива отрезвляюще подействовала как на ее орков, так и на мою беспокойную команду. Зрители послушно сделали три шага назад, освобождая для нас жизненное пространство. Витающий над площадкой шум моментально затих, и в Летнем Стане установилась мертвая тишина. Вернее, красноречиво *пред* мертвая...

Издав булькающий хрип, королева мощно замахнулась своим кладенцом... Я реально услышала, как надрывно заскрипели ее натруженные мышцы, и легко проскользнула под занесенным мечом, уходя от удара. Двуручник смачно впечатался в песок, пропахав изрядную борозду... Бина разочарованно хрюкнула.

«Неужели она надеялась покончить со мной одним первым ударом, как с надоедливой мухой?» – мысленно удивилась я, оскорбилась и, секунду подумав, отвесила несильный пинок по самой выступающей точке спины своей противницы, чуть пониже королевского копчика. Как говорится, ничего личного – чисто в воспитательных целях.

Неотрывно наблюдающие за поединком ороच्и воины возмущенно взвыли. Королева гневно скрипнула зубами, шумно выдохнула и пошла на второй замах...

Нет, не имею ничего против супертяжелого оружия, но к таким мечам обязательно должны прилагаться крепкая рука, стальные нервы, недюжинная выдержка и неутомимые

ноги. В противном случае – жди беды! Возможно, руки у королевы и не подкачали, но вот нервы точно оставляли желать лучшего, а ноги – банально подвели. Хотя, может, сегодня просто не ее день?

Короче, вторая атака королевы возымела тот же эффект, а наше ристалище постепенно начинало походить на свежеспаханное поле. Бина, получив для симметрии второй дисциплинирующий пинок, коротко, но весьма выразительно выругалась, перехватила меч в правую руку и начала гонять меня по кругу – размахивая кладенцом из стороны в сторону, словно прачка вальком для отбивания белья. Единственная разница состояла в том, что в данный момент роль отбиваемого белья исполняла я. Вот тут-то я и приуныла... Пусть Бина и плохо владеет ногами, но дурной могучности у нее в избытке, а меня хватит от силы на час такой заячьей беготни. И если я пропущу хотя бы один удар этим кладенцом по маковке, то... То предупреждение Тая насчет завтрашних поминок можно считать пророческим. В общем, если не хочу умереть смешно и бесславно – нужно срочно что-то придумать!

Пару раз я пробовала противостоять атакам Бины – принимая удары ее меча на скрещенные сабли. И оба раза сила обрушивающегося удара оказывалась такова, что меня банально отбрасывало назад, причем во втором случае я чуть не упала, ведь клинок плашмя задел меня по челюсти, и теперь я имела веское основание считать ее сломанной. Гудели отбитые руки, а онемевшие пальцы почти отказывались удерживать рукояти сабель. Орочья королева вкладывала в удары весь свой вес, и у меня создавалось впечатление, будто я сражаюсь не с женщиной, а пытаюсь противостоять лобовому натиску штурмового тарана, выбивающего ворота не желающей сдаваться крепости. Не изощряясь на вычурные приемы, королева просто возьмет меня измором – загоняв до полусмерти, а потом – одним точным попаданием меча по лбу – превратит в разрушенную пополам лепешку. Следовало признать, перспектива для меня вырисовывалась совсем не радостная.

Услышав, каким тяжелым стало мое дыхание, с учетом того что Бина хоть и покряхтывала при каждом движении, но пока даже не вспотела, орки поняли, в чью сторону склоняются весы победы, и весело загалдели. Моя же команда, наоборот, насупленно молчала, возможно – мысленно прикидывая, во сколько им обойдутся мои грядущие похороны. И тут я поняла – с разыгрываемой на площадке трагикомедией пора заканчивать. Причем именно сейчас, пока я себе еще не окончательно дыхалку посадила...

Озадачив Бину обманным финтом, я снова приняла ее меч на свои сабли – хотя этот маневр почти по щиколотку вогнал меня в песок площадки, позволила ему скользнуть вбок и неожиданно схватилась за ее клинок правой рукой, затянутой в кожаную перчатку. На несколько мгновений мы замерли в нелепой позе: Бина, ошеломленно вытаращив глаза, продолжает сжимать в руке рукоять своего кладенца и тянет меч на себя, а за середину его лезвия держусь я и отпускать не желаю. Ну прямо картина маслом: посадил дед репку – тянем-потянем, а вытянуть не можем!

– Ах! – дружно прокатилось по рядам орков.

А затем я замахнулась ногой и от всей души врезала окованным железом носком сапога по правому королевскому колену, одновременно резко заваливаясь назад. Бина вскрикнула от боли и... выпустила кладенец из руки. Меч повис на моей ладони, намертво приклеившись к обмотанной вокруг перчатки паутине...

– Ох! – обмерли орки, на глазах коих творилось нечто невероятное – их королеву обезоружили.

Едва не вывихнув себе руку от тяжести повисшего на ней меча, я резко повела плечом – кладенец вместе с перчаткой сорвался с моей ладони и птичкой улетел в толпу зрителей.

– Мамочка! – пискляво донеслось до меня, очевидно, меч увесисто приложил кого-то из зевак.

– Мамочка! – в ответ басом взревела Бина. – Да что же это такое деет... – Договорить она не успела, ибо я прыгнула на нее, сбила с ног и, сидя на груди распростертой на земле королевы, приставила обнаженный клинок сабли к горлу побежденной.

– Сдавайся! – ультимативным тоном потребовала я.

– Лучше убей! – печально попросила Бина. – Не хочу жить с подобным позором.

– А жирно не будет? – усмехнулась я. – Помнишь наш уговор?

– Помню! – уныло подтвердила экс-королева. – Трон и жених твои. Но лучше заberi в придачу и мою жизнь...

– А если я сейчас скажу, что мне совершенно не нужны ни твой трон, ни твой жених? – прошептала я, наклонившись к уху Бины.

– Как это? – не поверила та.

– Так это! – хмыкнула я. – Власть меня не привлекает, а жених у меня и свой имеется.

– Тогда зачем ты все это затея... – начала Бина, но я требовательно прижала ладонь к ее губам, пресекая ненужные расспросы.

– Чисто ради развлечения и спортивного интереса, – заговорщицки подмигнула я. – Зато теперь готова вернуть тебе трон и жениха в обмен на одно выполненное желание.

– Согласна! – торопливо выпалила Бина. – Выполню любое, получишь все, чего пожелаешь!

– А не обманешь? – подначивающе прищурилась я.

– Не-а! – возмущенно покраснела королева. – Честное королевское. Клянусь! Да чтоб мне в Бальдура влюбиться!

– Оп-па, а ведь это отличная идея! – рассмеялась я, слезая с обширного королевского бюста. – Ну, над желанием я еще поразмыслю на досуге, а пока, думаю, погощу несколько дней в твоём Летнем Стане.

– Гости на здоровье, – кивнула Бина, поднимаясь, отряхивая песок со своей кольчуги и панибратски обнимая меня за плечи. – Ты же мне теперь как сестра: мой дом – твой дом, мой народ – твой народ. К твоим услугам постель, еда, развлечения, короче – все включено. Ну, чего встали, рты раззявили?! – заорала она на ближайших воинов, оторопело взирающих на наш спевшийся дуэт. – Бегом тащите пиво и закуску, объявляю праздник!

К вечеру наш идеально спевшийся дуэт можно было считать и успешно спившимся. Я обосновалась в королевском шатре, по-хозяйски заняв трон, больше похожий на здоровенную скамью, изукрашенную замысловатой резьбой. На соседней лавке громоподобно храпела Бина, засунув голову под подушку и распространяя вокруг себя мощное сивушное амбре. Я же прижимала к ноющей челюсти платок, смоченный холодной водой, и с трудом потягивала пиво через опущенную в кружку соломинку. На моей правой щеке наливался здоровенный лиловый синяк.

– Болит? – участливо спросил Тгир, принимавший самое непосредственное участие в нашем застолье.

На данный момент в королевском шатре оставалось всего лишь два относительно трезвых персонажа – я и пожилой воин. Тай давно спал в обнимку с Виткой, Кайра расчувствованно облапила гитару своего кузена и храпела отнюдь не по-девичьи. Зорган долго сопротивлялся действию алкоголя, но в итоге тоже сдался. Дракон с крысой свернулись в один клубок на столе, и даже паучишка Огонек дрыхла в пивной луже, опрокинувшись на спину и вяло подрагивая лапками во сне...

Я с трудом сконцентрировала взгляд на орке и красноречиво кивнула:

– Ыхы!

Но, честно говоря, сильнее всего меня терзала отнюдь не боль в травмированной челюсти, а некая мысль – настойчиво свербежавшая в мозгу.

– Ничего, до свадьбы заживет, – утешил меня собутыльник.

– Как бы ее еще устроить... – задумчиво протянула я.

– Свадьбу? – Тгир аж икнул от неожиданности.

Я кивнула еще выразительнее.

– Бины и Бальдура! – сразу догадался мудрый воин. – Так ведь не любит она его...

– То-то и оно! – невнятно прошамкала я, окуная платок в тазик с водой, выжимая и снова прикладывая к назойливо ноющей челюсти. – А вот если я каким-то образом заставлю

вашу королеву полюбить своего жениха, то в ваших краях наконец-то наступят долгожданные мир и благоденствие.

– Ну-у-у-у, – неспешно, словно взвешивая все «за» и «против», протянул Тгир, – идея, конечно, здравая... Но, увы, заставить не удастся. Сама понимаешь: насильно мил не будешь. Зато имеется иное средство склонить Бину к Бальдуру...

– Какое? – аж подпрыгнула я, забывая про челюсть и айкая от боли. – Колись давай, старый хитрюга.

Тут Тгир проказливо улыбнулся, приложил ладонь к моему уху и по секрету поведал мне нечто интересное...

Утро началось с истошного кошачьего мява и заунывной трели моего голодного желудка. Со стоном открыв глаза, причем почему-то с третьей попытки, я свесила голову с трона, дабы полюбоваться на источник мяуканья. Оный сидел на полу, подталкивая ко мне лапой... неподвижную серую тушку, в коей я с величайшим изумлением опознала мышь.

– Это мне?! – пораженно осведомилась я – челюсть тут же неприятно свело.

Кот согласно повел ушами.

– Ну... э-э-э... спасибочки...

Как же, люди добрые, я сейчас выгляжу, если даже этот баловень меня пожалел?! И знать не хочу...

Судя по виду из окошка королевского шатра, рассвет наступил совсем недавно. Есть хотелось жутко. Даже вид дохлой мыши, распластавшейся на полу, не помогал. Вздохнув, я сползла с лавки. Всего через какую-нибудь минуту я смогла вскрыть здоровенный плетеный короб и извлечь из него пару грустных на вид морковок. Критически осмотрев овощи, я не стала рисковать и мыть их, а просто обтерла об рубаху и с удовольствием впилась зубами в оранжевый бок. Мм... Еда! Еще пару дней назад я даже предположить не могла, что с таким аппетитом буду поглощать сырую немытую морковь!.. Судьба-злодейка, чтоб ее... Вот только из-за ушибленной челюсти жевать было трудновато, но это так, мелочи жизни.

– Будешь? – щедро протянула я огрызок морковки коту.

Тот соорбил брезгливую моську и оскорбленно отвернулся.

– Ну и ладушки, мне больше достанется. – Я показала ему язык, дожевала огрызок, подхватила валяющиеся на полу сабли и поспешно ретировалась из шатра, осторожно переступая через вповалку лежащих на полу друзей. Главное – никого не задеть и не разбудить, а то ведь обязательно за мной увяжутся. А затеянное мною дело лучше проворачивать в одиночку...

Небо – голубело, белые кучерявые тучки прыткими барашками скакали в вышине над моей головой, а ветер перекачивал под ногами бескрайнее море ковыля. Красотища! Я шагала через широкий луг, вичкой попутно сшибая желтые головки лютиков, и беззвучно восхищалась безудержным полетом фантазии Тгира. Задал же он мне задачку!.. По словам мудрого орка, в полудне ходьбы от Летнего Стана располагалась небольшая человеческая деревушка, носящая романтическое название Лысые Горки. Тгир не знал, по какой причине деревню называли именно так, зато поделился со мной другой ценной информацией. В Лысых Горках проживала известная на весь остров травница, а точнее – старая ведьма, нравом весьма вредная и склочная. Годков этой травнице стукнуло уже немало, а посему она давно утратила резвость ног, остроту зрения и вежливость, да и память ее подводила. Но зато в арсенале этой травницы имелся рецепт некоего сильнейшего приворотного зелья, способного влюбить королеву Бину не только в довольно симпатичного Бальдура, но даже в гоблина лысого! И вот за этим-то зельем Тгир и отправил невезучую меня, аргументировав свою идею тем, что мне, как избраннице богов, любая миссия по плечу! Даже самая невыполнимая. Например такая, как вытянуть из старой карги рецепт ее наиболее засекреченного варева, скрывааемый от всего мира. Ничего себе задачка, ага?..

Я добралась до Лысых Горок уже под вечер, немного заблудившись по пути. Не

мудрствуя лукаво нахально перелезла через низкий покосившийся плетень, короткими перебежками преодолела чей-то порядком запущенный огород, буйно заросший бурьяном, и гордо вступила на главную деревенскую улицу. Ладонками почистила куртку от пыли и грязи, этими же не шибко чистыми руками пригладила волосы, чихнула и важно зашагала вдоль палисадников. Поди-ка теперь угадай – кто я такая и откуда заявила. Надеюсь, никто не заподозрит меня ни в чем плохом... Топая по улице, вертела головой налево и направо, разыскивая указанный мне Тгиром дом травницы. Дом тот приметный, на коньке его двухскатной крыши поставлен красный деревянный петух, сжимающий в клюве крупную ромашку. Оп-па, кажется, вижу что-то похожее... Зайду с озабоченным видом, пожалуюсь, будто ищу лекарство от ревматизма для приболевшего дедушки, а дальше – как покатит, сориентируюсь по обстоятельствам. И надеюсь, никто меня не выгонит...

– Ой, мамо родная, и на кого же ты нас покидаешь? – внезапно долетело до моих ушей.

Я аж на месте подпрыгнула от неожиданности. Что значит – покидаешь? Так я ведь только пришла!.. Поэтому оный крик скорее всего относится совсем не ко мне, да и голоса что-то слишком уж истошно. А ну, пойдем поглядим!

Крайне заинтересованная событиями, происходящими сейчас в Лысых Горках и, судя по едва не оглушившему меня воплю, являющимися отнюдь не ординарными, я завернула в ближайший проулок и очутилась точнехонько перед домом под красным петухом. Орали здесь. Причем орали так душевно и самозабвенно, как голоса только в самых исключительных случаях, например при родинах или на поминках. Боясь поверить собственной догадке и проклиная свое всегдашнее невезение, я поднялась на крыльцо, взялась за кольцо, толкнула дверь, прошла через сени и попала в горницу, щедро освещенную лучами закатного солнца, свободно проникающими в три настежь распахнутых окна избы.

– А не сироти ты нас, детушек малолетних, мамо! – Очередной мощный вопль едва не вынес меня обратно в сени.

Я вцепилась в дверной косяк и внимательнее присмотрелась к разворачивающемуся передо мной зрелищу...

Источником оглушительных причитаний оказался здоровенный мужик впечатляющего телосложения, на коленях стоящий посреди комнаты – возле лавки, на которой лежала сухая как лучина и махонькая словно наперсток старуха, укрытая пестрым лоскутным одеялом. «Малолетний детушка», а вернее – детинушка под два метра ростом, со щедро посеребренными сединой висками и бородой лопатой во всю грудь, самозабвенно бился лбом о край лавки и ревел, как племенной бык. Подозреваю, если бабка еще не отдала богам душу от подобного сотрясения, то неминуемо должна была оглохнуть. Я зажала уши руками и робкими шажками приблизилась к лавке...

– И чего же ты на свете так мало пожила, мамо?! – продолжал немзыкально голосить мужик.

Бум! – и он непонятно в какой раз гулко приложился головой о лавку. Судя по красующимся на его лбу синякам и шишкам, оному действию скорбящий селянин предавался давно и со вкусом.

Я заинтересованно глянула на старуху. Принимая во внимание ее беззубый рот, растянутый в благостно-бессмысленной улыбке человека, доживающего свои последние минуты, три скудных волоска, венчающие лысый череп, бельма на обоих глазах, тощую шею и худые пальцы-косточки, судорожно цепляющиеся за край одеяла, – жалоба мужика не имела под собой никаких реальных оснований. Умирающая выглядела так, словно прожила по крайней мере лет пятьсот. Я печально вздохнула. Не оставалось сомнений, что эта дышащая на ладан старушка и являлась нужной мне травницей. И я лишилась единственной возможности получить требуемое мне приворотное зелье...

– Оставляешь ты нас с голоду помирать, мамо! – между тем не умолкал мужик, не забывая ритмично бухать лбом о лавку.

Я огляделась. Судя по богато обставленной комнате, голодная смерть «детушкам

малолетним» точно не грозила.

– Не передала никому своего искусства!

«А вот это уже печально!» – подумала я.

– Родню всю перед смертью не повидала! Не благословила на прощанье! Грехи наши нам не простила... – скороговоркой перечислял скорбящий детина.

– Да, внушительный же список претензий у вас к ней накопился! – не выдержала я.

Мужик поднял залитое слезами лицо с толстыми свекольно-яркими щеками и носом картошкой, удивленно воззрился на меня и внезапно тоненько спросил:

– Чего? Ты кто еще такая?

– Вну... – начала я, но тут вдруг умирающая беспокойно пошевелилась, отлепила пальцы от одеяла и вцепилась ими в мое запястье. Хватка у нее оказалась неожиданно крепкой и осознанной.

– Вну... – еле слышно прошамкала старуха. – Внучка! Так ты приехала?

– Ага! – торопливо подтвердила я, наклоняясь и нежно целуя старую травницу в лоб. – Успела-таки! – Я врала с чистой совестью, ибо почему бы не порадовать умирающую?

– Внучка? Маришка, так это ты! – обомлел мужик, со всего маху хлопаясь на пол и робко взирая на меня снизу вверх...

Я сидела на лавке, держала на коленях голову травницы и платком утирала предсмертный пот, скатывающийся по ее вискам.

– Внучка! – монотонно бубнила бабка, так и не выпуская моей руки. – Кровинушка!

– Так, значит, помер Евсей, твой батька и мой младший беглый братуха! Немало же он по миру поскитался! – Мужик, представившийся местным старостой, сын травницы Абросим, а по совместительству и мой дядя, расхаживал по комнате, задумчиво заложив руки за спину.

– Ага! – однообразно отвечала я, поняв, что ничего рассказывать мне не придется, Абросим сам все разболтает. А мое дело – знай успевай поддакивать. – А матушку свою я вообще не помню... – Это, кстати, было чистой правдой.

– Сиротка ты, значит, Маришка! – опять зашмыгал носом староста. – Ну да я тебя не брошу, на улицу не выгоню. Я ведь теперь в семье за старшего остаюсь!

– Ага! – благодарно вякнула я.

Дядя гордо приосанился, примеряя на себя почетную роль будущего главы и защитника.

– Внучка! – упрямо твердила ничего не видящая и почти ничего не слышащая старуха.

– Попрощаться приехала? – кивнул на умирающую Абросим.

– Ага! – Я не стала разнообразить репертуар.

– Поди, хотела чего у бабки спросить перед смертью? – выказал проницательность староста. – Тогда спрашивай, вдруг да повезет тебе больше, чем мне. А то ведь она немало кровушки у меня при жизни попила, так я из-за нее и не женился, деток не завел. То одна девка ей не нравится, то другая... – Староста горестно вздохнул. – Похоже, так и умру бобылем¹. А теперь, видно, еще и после смерти мать надо мной поиздеваться хочет. Я вот так и не узнал, куда она горшок с золотом спрятала, да куда положила долговую расписку от мельника, и где изумрудный кулон ее матери...

– Бабушка, – мягко начала я, поглаживая умирающую по лысой голове, – мы вот узнать у тебя хотели...

– На чердаке ваш горшок, – вдруг четко и даже с какой-то бравадой в голосе выдала бабка. – Под крайней справа балкой в опилках прикопан.

– А расписка? – Я решила ковать железо, пока горячо.

– В сундуке. В крышку под подкладку зашита, – расщедрилась умирающая. – А как помру, вы меня не хороните, а сожгите и пепел рассыпьте вот тут, во дворе...

¹ Бобыль – одинокий мужчина.

– Ну уж нет, мамо! – разом растерял всю свою показную скорбь староста. – Это, значит, чуть ветерок подует – и ты опять в избе...

– Ах так, тогда тьфу на тебя... – обиженно прошамкала старуха и мстительно замолчала.

– А кулон? – жалобно вякнул Абросим, запоздало поняв, чего он натворил.

Но бабка молчала.

«Значит, кулон можно считать потерянным!» – мысленно хихикнула я.

Староста сердито крикнул и вышел из комнаты.

Я снова склонилась над умирающей травницей.

– Бабушка, а рецепт приворотного зелья ты мне не раскроешь ли? – осторожно попросила я.

Травница шокированно ахнула, ее глаза широко распахнулись, и в незрячих бельмах промелькнуло осмысленное выражение.

– Ты – не Маришка! – вдруг твердо и категорично заявила старуха, поняв, что ее обманывают. – Кто ты такая и зачем пришла?

– Чужая я! – повинилась я. – Рецепт зелья мне нужен...

– Ну и ну, – с досадой проскрипела старуха. – Сбылся, значит, сон мой давний...

– Какой сон? – не поняла я.

– Богами данный, – пояснила травница. – Дескать, придет ко мне чужестранка и попросит открыть тайну приворотного питья. А я ей тут же рассказать все должна...

– Так откройте мне секрет, – просияла радостной улыбкой я. – Раз сами боги так повелели!

– А вот фигу им с маслом! – не менее радостно прошамкала старуха. – Все жизнь я их приказы выполняла, а сейчас по-своему поступлю. Ничего я тебе не расскажу...

Я разочарованно вздохнула. Теперь ясно, почему Тгир так плохо отзывался о травнице из Лысых Горок.

– Воля ваша, – покорно, стараясь не выказывать своего раздражения, ответила я. – Грех на умирающего обижаться, придумаю какой-нибудь иной выход.

В бельмах травницы промелькнуло нечто похожее на уважение и восхищение.

– А ты – сильная и смелая, – соизволила похвалить меня старуха. – Пойди в темный угол во дворе, туда, где земля рыхлая. Посиди там, подумай, может, чего и высидишь...

– Это еще зачем? – удивилась я, но старая карга вдруг запрокинула голову и захрипела, ее бельма закатились под лоб, но на губах сохранилась прежняя хитрая ухмылка...

– Абросим, дядя! – громко закричала я, решив не раскрывать старосте своего настоящего имени. – Беги скорее сюда, кажется, бабушка умерла!..

В полдень следующего дня я сидела точно в указанном травницей месте и злилась – в основном на себя, конечно. Бабушку, вернее – не мою бабушку, похоронили нынешним утром. Со всеми положенными в этом случае процедурами и обрядами. На деревенском кладбище. Повязав голову подаренным дядей платком и сняв сабли, я успешно играла роль внучки и даже немного поплакала – скорее от разочарования, чем от горя. Жаль, конечно, старуху, но пожила она немало, да и все мы в свое время там будем. Кстати, бабка как была стержневой каргой, такой и осталась, устроив напоследок подлянку практически ни в чем не повинной мне. Видимо, так, чисто из вредности и собственного удовольствия. И вот теперь по ее милости я занималась сущими глупостями – сидела в тенечке на рыхлой земле и высидивала невесть чего, мысленно напоминая себе, что так не бывает. Не случится никакого чуда. Это только курицы яйца высидивают. А чего, спрашивается, высидиваю я? Не иначе как свою глупость...

Дождавшись, пока солнце начнет закатываться, а несущиеся из избы пьяные выкрики поминающих бабку селян малость поутихнут, я поднялась. Отсиделась в тиши да одиночестве – и то ладно, не имею ни малейшего желания принимать участие в поминках, быстро перешедших в банальную пьянку. Отсюда слышно, как дядя Абросим мать хоронит –

с песнями да гульбой. Не иначе как три баяна уже на радостях порвал, что все материно имущество теперь ему досталось... Отряхнула штаны от налипшей земли, случайно бросила взгляд на покинутое мной удобное место и оторопела... Среди рыхлых комьев чернозема виднелось несколько зеленых росточков. Я наклонилась ниже и поковыряла росточки пальцем. Хм... а ведь и правда, получается – высидела-таки нечто интересное!

Тонких прямых стебельков, увенчанных нежными листочками, оказалось ровно десять. Я бережно извлекла их из земли и теперь растерянно баюкала в ладони. И чего с ними дальше делать прикажете? Может, усопшая травница, столь необычно надо мной подшутившая, подскажет? Ай спасибо тебе, бабушка, подкинула очередную загадку – удружила, ничего не скажешь... Я выжидательно подняла глаза к темнеющим небесам, но никакого ответа не дождалась... Значит, опять придется импровизировать! Сушить, толочь или варить нужно эти росточки? Я крепко призадумалась, продолжая разглядывать свою находку. Хм, по виду настоящая мокрица... А мокрядь – это вода. Нет, негоже воду водой разводить... Помнится, на столе в кухне я заприметила склянку с чистейшим спиртом, и если его на поминках не вылакали...

Склянка нашлась там же, где и стояла прежде. Небольшая, аккуратная посудинка с плотно притертой пробкой. Такие явно не для питья предназначаются, а для каких-то лекарственных дел. А внутри посуды плескалось несколько глотков чистого как слеза самогона. Слово для меня кто приготовил. Я вторично поблагодарила скончавшуюся травницу и опустила ростки в склянку. Они мгновенно растворились в крепком самогоне, а жидкость приобрела нежно-изумрудный цвет. Как бы теперь еще узнать, обладает моя настойка нужными свойствами или нет? Я оценивающе покачивала склянку на ладони, а в моей голове зрел проказливый план, заставивший меня вполголоса захихикать. А ну, интересно, как тут в Лысых Горках с любовью обстоит?

Проверим...

Глава 9

Так миновало пять дней. Я благополучно проживала в доме дяди Абросима, потихоньку вливаясь в размеренный быт Лысых Горок. К моему величайшему изумлению, лысогоркинцы почему-то самостийно зачислили меня в преемницы скончавшейся травницы и регулярно наведывались в избу под красным петухом, испрашивая моего совета по всяческим заковыристым поводам или даже без оных. Перерыв весь дом вдоль и поперек, я все-таки отыскала некоторые записи вредной травницы, теперь здорово мне помогающие. Я научилась изготавливать настойки из произрастающих на огороде мяты, валерианы и мать-и-мачехи и поэтому махом излечивала незамысловатые хвори типа головной боли, расстроенных нервов и ушибов. Слава богам, с более каверзными проблемами мне пока столкнуться не пришлось. Зато следовало признать – находясь в Лысых Горках, по части образования я достигла куда больших успехов, чем в Нарронской академии благородных девиц.

Кстати, роюсь в бумагах покойной травницы, я нашла замшевый мешочек, в коем обнаружился пресловутый изумрудный кулон, чем бесконечно обрадовала дядю Абросима. Теперь я не зря ела его хлеб, хотя, честно говоря, уже не нуждалась в дядюшкиной милости, ибо в моих карманах тоже завелась некоторая сумма медяками, заработанная на оказании неотложной медицинской помощи доверчивым селянам. Поэтому через пять дней меня в Лысых Горках почитали за свою и ничего не скрывали, посвящая как в подробности личной жизни самого завидного деревенского жениха – кузнеца Данилы или первой красавицы Юлишки, так и в вечные злоключения беспробудного выпивохи деда Митрохи и его жены, зловредной бабы Хиври. Таким образом, прикрыв тылы и освоившись с ролью внучки травницы, я проанализировала всю доступную мне информацию да взялась за воплощение заветного плана – испытание самодельного приворотного зелья. А еще спустя три дня спокойной жизни Лысых Горок пришел конец. Но лучше уж обо всем по порядку...

Мы с дядей спокойно завтракали под навесом во дворе, когда в калитку постучали.

– Входите! – дружно, на два голоса закричали мы с Абросимом, а потом с подозрением уставились на ввалившегося во двор соседа – старика Дормидонта, растрепанного, седого как лунь, но еще крепкого и кряжистого.

– Ты чего заявился ни свет ни заря, да еще в таком непотребном виде? – напуская на себя толику суровости, спросил староста. – Поди, пил всю ночь без просыху, а сейчас пришел огуречного рассолу на опохмел просить?

– Какой там рассол! – возмутился Дормидонт. – Вы про безобразия, вытворяемые моей соседкой Агафьей, слышали?

– А то! – кивнул Абросим, заговорщицки мне подмигивая.

Дело в том, что о проделках оной бабы в деревне с недавних пор ходили самые противоречивые слухи, кои староста старательно собирал, пытаясь соединить воедино и докопаться до истины. Подобного скандала в Лысых Горках еще никогда не приключалось. Злополучную Агафью обвиняли во множестве грехов, разом записав в ведьмы. Я же, осознавая свою причастность к творившимся в деревне безобразиям, предпочитала опасливо помалкивать.

– Так ты можешь нам о ней что-то новенькое рассказать? – между тем спросил староста, выводя меня из задумчивого состояния.

– За тем и пришел! – Дед смущенно помял в руках войлочную шапку. – Могу, все могу! Мы со старостой довольно кивнули.

– Поначалу ответьте мне на один вопрос, – хитро прищурился болтливый Дормидонт. – Солнце, оно что делает?

– Светит! – опешил Абросим.

– Не-а, – недовольно отмахнулся старик.

– Греет! – выдвинул вторую версию староста.

– Встает! – тонко улыбнулась я.

– Вот-вот, – заметно обрадовался дед. – Так вот, у Агашкиного муженька солнце уже давненько, года три как... – Он смущенно замялся.

– Окончательно закатилось, – со смешком подсказала я.

– Поэтому и живут Агашка с мужем как два голубка! – с намеком сообщил сосед.

– Понятно, – рассмеялась я. – Дерутся. То он в окошко вылетит, то она...

Дормидонт согласно затряс патлами:

– Только Агафья-стерва никак успокоиться не желает. Вот, видно, поэтому и купила она где-то зелье нужное, приворотное...

Я виновато кашлянула, вспомнив закутанную в платок бабу, которой я отдала пузырек с тремя ложками воды, в коих растворила три капли того самого заветного зелья...

– Откуда знаешь, что купила? Дорого? – излишне напрягся староста, выдавая обуревающий его личный интерес.

– Так она у меня десятку серебрушками занимала, – пояснил Дормидонт. – А мы с женой той десяткой знаете как дорожили...

Я хмыкнула, поразившись ушлости бабы. Я-то ведь с нее, как с подопытного экземпляра, никаких денег не брала...

– Так вот, Агафья баба недоверчивая, – продолжал вещать дед. – Она даже когда обед варит и тот не пробует. Поэтому решила она добытое зелье сначала на скотине проверить...

– Опыты над животными запрещены законом! – скривилась я.

– А над мужиками, значит, не запрещены?! – взвился староста.

Я замолчала.

– Так вот, напоила проклятая ведьма тем зельем своего кота Мурзика для начала... – обстоятельно излагал сосед.

– Сам видел? – не поверил Абросим.

– Нет, догадался, когда ейный кот стрижом перемахнул через забор и всласть поизмывался над нашей кошкой Муркой, бараном и собакой...

– А вы что в это время делали? – нахмурился староста.

– А мы с женой спрятались в избе и по тому, с каким видом котяра начал похаживать вокруг дома и поглядывать на окна, поняли, что живыми он нас не выпустит. К счастью, тут примчалась она, – дед пальцем показал на меня, – и прогнала кота.

– И что дальше? – нетерпеливо допытывался дядя теперь уже у меня.

– Да ничего, а только он пропал, будто сквозь землю провалился, – пожала плечами я. – Я думала, что кот просто взбесился. А тут вона чего, значит... – В моей душе начинала волной вздыматься гордость за собственноручно изготовленное зелье, но об этом я, естественно, решила умолчать. – Но поговаривают, будто в соседней деревне объявился свирепый маньяк... – задумчиво продолжила я, начиная осознавать дальнейшую судьбу несчастного котяры.

– Потом Агафья напоила этим снадобьем своего петуха, – продолжил повествовать Дормидонт. – И поначалу все хорошо у нее складывалось, курицы неслись целыми десятками яиц... И утки, и индюшки тоже... Но когда над деревней даже вороны летать перестали... петуха выбросили в лес.

– И чего? – шокированно округлил глаза дядя.

– Да ничего, но поговаривают, будто в лесу появились кукарекающие кабаны... – выдал сосед.

– Вранье! – торопливо брякнула я, припоминая, как вчера, прогуливаясь по опушке ближайшего перелеска, слышала нечто подозрительно похожее.

– Тьфу на тебя, болтун! – рассердился староста, взашей выталкивая соседа с нашего двора. – Сам схожу проверю... – Глаза у него заинтересованно горели, а руки тряслись от нетерпения.

– И сходи, дядя, ты у нас самый умный! – льстиво поддакнула я, размышляя, не посоветовать ли ему прихватить с собой топор...

Но Абросим уже отодвинул от себя тарелку с недоеденной яичницей, обрадованно ругнулся и, словно молодой, опрометью выбежал за ворота.

Печально поглядев ему вслед (хоть он мне и не дядя на самом деле, но все-таки я к нему уже привязалась), я торопливо бросилась в дом, связала в узелок свои немудреные пожитки, надела перевязь с саблями и попутно отлила несколько капель зелья в бутылек с водой, поставив его на видное место. Абросим не дурак, думаю, догадается – чего это такое и как применяется... Совершив оное доброе дело, я спрятала за пазуху склянку с остатками приворотного зелья, коими, наверное, можно еще всю Ледницу перевлюбить, и крадучись выбралась за околицу Лысых Горок. Как говорится, пора и честь знать, а то меня в Летнем Стане заждались. Авось селяне и без меня справятся с мяукающими сексуальными маньяками и кукарекающими кабанами...

Позднее, правда, мне довелось услышать занятную байку о том, что староста Абросим на старости лет женился на самой завидной деревенской невесте – юной красавице Юлишке, и прижил с нею пятнадцать детей, а также о невиданном буме рождаемости среди птиц и зверья в здешних лесах. Подозреваю, что все это приключилось отнюдь не без моего посильного участия...

Все дальнейшее происходило подозрительно гладко и ладно, словно по заранее отрепетированному сценарию, что, впрочем, изрядно меня насторожило. Не иначе как выдумщица-судьба усыпляла таким образом мою бдительность, готовясь подложить какую-нибудь новую подлянку... Я вернулась в Летний Стан, и на устроенном в мою честь ужине незаметно подлила приворотное зелье в бокалы Бальдура и Бины. На следующее утро эту парочку было не узнать: они нежно держались за руки, заглядывали друг другу в глаза и почти непрерывно целовались, умоляя поскорее их поженить. Поэтому клан «ухорезов» начал форсированно готовиться к свадьбе, а я тем временем отсыпалась в королевском шатре, ощущая себя полностью опустошенной, как морально, так и физически.

День свадьбы наступил так быстро, что еще не совсем восстановившаяся я провела его

как в тумане и, честно говоря, мало что восприняла из творящихся вокруг меня веселья и суеты. Гостей на свадьбу собралась тьма-тьмушая, ведь Бина и Бальдур пригласили всех кого смогли: людей из окрестных деревень, проходящих мимо паломников, орков из соседних кланов. Я уступила Кайре и Витке оказанную мне честь – сыграть роль подружек невесты, сославшись на до сих пор побаливающую челюсть. Долгая и муторная церемония бракосочетания, проведенная жрецом клана, произвела на меня тягостное впечатление. И вот этого-то заунывного пения, клятв, вываленного в грязи подола белого платья – девушки ждут всю жизнь? Мечтают о ломящихся от выпивки столах, заставленных тарелками с жирной кабанятиной, о вдрызг пьяных гостях, распивающих все что горит и распевающих похабные песенки, о громко рыгающих в ближайших кустах друзьях жениха? Не-а, да ну их к гоблинам, такие розовые мечты! Лучше до смерти оставаться незамужней, чем пережить подобное шоу!

Правда, нынешняя свадьба все-таки прошла не совсем банально благодаря усилиям моей команды. Во-первых, принц Тай умудрился подменить обычные чернила на исчезающие через тридцать минут после написания, и посему все брачные документы пришлось переписывать заново, после того как отпоили моей валерьянкой чуть не схватившего инфаркт жреца и успокоили дружно гогочущих от восторга гостей. Ясное дело, смущенным жениху и невесте пришлось во второй раз принести все уже данные обеты и попутно выслушать реплики гостей на тему: «Повторение – мать учения». Во-вторых, Зорган заранее накормил слабительным выпускаемых в небо белых голубей... После этой сцены, отсмеявшись и отругавшись, большая часть гостей попросила сделать паузу для переодевания... Третьей отличилась Кайра, привязавшая к букету невесты тонкую, эластичную и растягивающуюся веревочку из конского волоса. Прежде чем орки поняли причину возвращения брачного раритета в руки невесты, Бина успела бросить его пять раз – а девицы на выданье чуть не заработали вывихи и растяжения, прыгая за неуловимым букетом...

Братья Бальдура украли невесту, потеряли ее сами и долго обещали завтра заменить на почти такую же, даже лучше... Они же привезли с собой уникального музыканта-гитариста Лиам (он же тамада), немало украсившего своей одиозной персоной эти свадебные торжества. Лиам вдобавок оказался (если выпьет, а он выпил, не сомневайтесь – еще как выпил) и поющим стриптизером. Впрочем, за стриптиз ему никто не заплатил, потому что на следующий день он все равно ничего не помнил.

Как водится, свадьба завершилась тотальной потасовкой всех против всех, ибо какая же свадьба без драки? Почему орки подрались – так и не поняли ни мы, ни сами орки... Но зато на второй день свадьбы мои друзья с удовольствием рассказывали всем прочим гостям подробности второй половины первого дня свадьбы, уточняя: кто кого и за что, кто с кем и где, кто оказался прав и почему... В общем, в итоге все пришли к единодушному мнению – королевская свадьба удалась на славу! Много лет спустя я читала о ней в написанных Бальдуром хрониках и, клянусь, даже тогда снова смеялась ничуть не меньше!

А еще через два дня, рано поутру, мы с Тгиром сидели на лесной полянке, густо заросшей земляникой, ели сладкие ягоды и вели неспешную беседу. Вернее, землянику ела я, а Тгир кричал, стонал и мучился жуткой головной болью, расплачиваясь за безответную и порочную любовь к горячительным напиткам. Летний Стан еще спал, отходя от недавних свадебных торжеств, поэтому никто не нарушал царящей вокруг нас тишины и благодати.

– Классный самогон, – откровенничал Тгир, отхлебывая огуречного рассола из деревянной баклажки и ладонью жамкая свое и без того помятое лицо, – выпил его вчера, и как заново родился...

– В смысле? – не поняла я.

– Ну, утром в капусте нашли! – лукаво ухмыльнулся пожилой воин, показывая дырку на месте выбитого в свадебной драке зуба.

– Так вы вчера опять пили? – искренне ужаснулась я. – Вот не понимаю, как можно

столько пить?!

– Сколько раз тебя просил, не рассуждай о том, чего не понимаешь! – упрекнул меня Тгир. – Давай лучше поговорим о твоём дальнейшем пути к Храму Смерти... – Он потер висок и громко сглотнул. – Если, конечно, я сумею избавиться от похмелья.

– Давай сниму! – с сочувствием предложила я, опуская руку в карман куртки.

– Голову? – испугался Тгир, отшатываясь от меня так, словно я полезла в карман за ножом.

– Боль! – рассмеялась я, извлекая бутылочку с настойкой мяты. – На, выпей, полегчает...

Я с удовольствием понаблюдала за опустошившим бутылочку орком, за его перекошенным лицом и вылезшими на лоб глазами – настойка у меня получилась уж очень крепкой...

– Если похмелье не лечить, оно проходит за один день, – насмешливо сообщила я своему собеседнику. – А если лечить – то за три!

– Спасибо, утешила! – буркнул орк. – Зато теперь я не буду чувствовать себя очень виноватым, ибо...

– Ибо? – настороженно повторила я, предчувствуя приближение очередной неудачи. – Хочешь сказать, что дорога к храму тебе неизвестна?

– Ну не совсем... – с неопределенными интонациями протянул Тгир. – Извини, если я тебя разочаровал, но, по мнению богов, раздавать точные инструкции к действию – слишком просто и неинтересно...

– Еще бы, понимаю! – сердито хмыкнула я. – Здесь каждый так и норовит развлечься за наш счет. Наверное, нечто подобное я и ожидала услышать, а точнее – уже привыкла к постоянным подковыркам и секретам этого острова. Полагаю, твоя обязанность заключается в том, чтобы подкинуть мне очередную задачку с заковыристым решением? Ну и чего ты молчишь? Подкидывай давай, не стесняйся!

– Извини. – Орк сконфуженно откашлялся. – Клянусь остатками здоровья, ты и есть та самая избранница богов, призванная спасти весь мир, ибо лишь такая неординарная девушка может спокойно принимать новые проблемы, непрерывно сваливающиеся на ее голову...

– Не переживай, голова у меня крепкая, выдержит, – обнадеживающе рассмеялась я. – И так?..

– Ступай в Мертвый лес, – торжественно возвестил воин, вытянутой рукой посылая меня... хм, вернее – ориентируя в нужном направлении. – Там ты встретишь того, кого хочешь увидеть, и узнаешь то, чего достойна!

– Оп-па! – шокированно пробормотала я, выслушав столь невнятную инструкцию. – Аж в Мертвый! Да там, поди, покойников столько, что не протолкнешься... И кого же я там встретить-то хочу? Да вроде – никого...

Тгир осуждающе нахмурился.

– Не спорь с богами, девушка. Иди туда, куда тебя посла... прости, направили! – Орк не на шутку разволновался, досадуя на мою бестолковость и упрямство.

– Да не нервничай ты так. – Я поспешила успокоить пожилого воина, опасаясь, что после общения со мной ему уже будет совсем нечем клясться. – Пойду, куда же я денусь-то... Я так понимаю, с этого острова невозможно ни выбраться своими силами, ни сбежать. Видимо, выход отсюда только один – через Храм Смерти. Причем, подозреваю, в большинстве случаев это происходит вперед ногами. А меня такой способ транспортировки категорически не устраивает. Поэтому...

– Поэтому придется тебе безропотно проходить все уготованные испытания! – понимающе подхватил Тгир. – Умри или пройди – третьего не дано, девочка! Смирись, ты просто обязана благодарно целовать богам руки и во всем следовать их инструкциям.

– Ну, с безропотностью ты, на мой взгляд, переборщил, – проказливо усмехнулась я и завернула на редкость недетскую фразу насчет поцелуев, после которой мой собеседник смущенно покраснел, осуждающе качая головой...

Впрочем, думаю, что в глубине души он был со мною согласен: это только место клзмы изменить нельзя, а место для поцелуев всегда варьируется в весьма широких пределах!

Гедрон лла-Аррастиг распахнул оконные створки и выставил руку наружу, пытаясь поймать хрупкие снежинки, кружащиеся в воздухе. Чернокнижник выглядел постаревшим и бесконечно усталым. Его и без того худое лицо осунулось еще больше, а в редких волосах, плохо скрывающих бугристый череп, заметно добавилось седины. И причиной тому стала отнюдь не затяжная война, охватившая эльфийские земли, и даже не ранняя зима, принесшая с собой холод, слякоть да перемежающийся снегопадами дождь. Нет, жестокосердного чернокнижника угнетали лишь собственные неудачи и острое чувство бессилия, ранящее сильнее любого другого оружия.

Уже несколько недель он не предпринимал никаких новых действий, либо безучастно сидя в любимом кресле, либо столь же безучастно взирая на видения, являющиеся ему в волшебном котле. Проклятая княжна столь успешно преодолевала расставленные судьбой ловушки, что Гедрон погрузился в абсолютное уныние, почти равнодушно наблюдая за победами вредной девчонки. С натравленными на нее Охотниками она расправилась почти играючи, и с той злополучной поры фантазия Гедрона впала в апатию, отказываясь рождать новые идеи. Гранд-мастер тоже не приходил, игнорируя многочисленные вызовы чернокнижника и не обращая ни малейшего внимания на жертвуемую ему кровь. Видимо, или полностью разочаровался в своем протеже, или же был предельно занят собственными проблемами. Поэтому погрузившемуся в меланхолию колдуну не оставалось ничего иного, как проводить дни в полудреме, отстраненно наблюдая за сыплющимся с небес снегом. Отныне снег стал его единственным другом и спутником, никуда не исчезающим, все понимающим и ничего не требующим взамен... Снег стал неотъемлемой частью жизни Гедрона...

Внезапно чернокнижник встрепенулся, потрясенный простотой и гениальностью спонтанно пришедшей идеи, способной стать решением всех его проблем. И как же он раньше не догадался... Снег! Ну конечно, ему поможет снег!

Не разбирая дороги, рискуя споткнуться, упасть и свернуть шею, Гедрон бегом спустился по крутой лестнице, перепрыгивая через три, а то и через четыре ступеньки сразу. Снег... Пока он еще свеж, чуть подтаял, хрустко поскрипывает под ногами и ослепительно сияет под лучами солнца... Только бы успеть, только бы не опоздать, пока наст еще не превратился в противную серую кашу...

И лла-Арр успел. Он выскочил во двор башни, схватил прислоненную к стене лопату куда-то отлучившегося дворника и начал в бешеном темпе сгребать в кучу тонкий слой снега, усыпавшего каменную брусчатку. А потом, не жалея свои замерзшие, плохо гнущиеся пальцы, он спешно лепил из снега нечто странное, худое и угловатое, вполголоса напевая нужное заклинание...

В этот же самый миг, далеко от чернокнижника, за землями и морями, на острове Ледница – точно такой же снег, покорный воле колдуна, неожиданно взметнулся и взвихрился, стягиваясь в тугий кокон... А когда Гедрон замолчал, устало обтирая вспотевшее от усилий лицо, снежный кокон вдруг рассыпался, выпуская из своих недр некую высокую фигуру, уверенно шагнувшую на обширное поле, покрытое пожухлой травой...

Снег плотным покрывалом укутал землю, окончательно утвердив над нею власть зимы. Двое суток бушевала метель, и кое-где намело высокие сугробы, в которых, не обладая высоким ростом, запросто можно было утонуть. Сейчас неподвижные белые барханы, искрясь в лунном свете, угрожающе нависали над узкой тропкой, проложенной идущими впереди меня друзьями. Мы цепочкой пробирались сквозь сугробы, а ноги то и дело увязали в рыхлом снегу, ухудшая наше и без того нерадостное настроение...

Покинув Летний Стан, мы снова очутились в царстве зимы. Остров не переставая радовал нас своими аномальными погодными перепадами. Подумать только, ведь в окружающих Летний Стан деревнях лето стояло в разгаре, а тут... Чудеса, да и только! Сегодня мы целый день брели через бескрайнее поле, а вокруг нас бесновалась вьюга. Завывала голодной нечистью, бросала в наши лица полные пригоршни колючего снега, скребла по капюшонам плащей невидимой жесткой метлой. Плотная снежная пелена надежно отрезала поле от окружающего мира, и казалось, что за его пределами существуют лишь сугробы и низкое белесое небо, сыплющее нескончаемой ледяной крупой. Я шла последней в веренице, состоящей из усталых, пошатывающихся от изнеможения фигур, стараясь не выпускать из виду нашего слепца, опирающегося на плечо Михася. Кайра, идущая передо мной, то и дело сердито фыркала, пытаюсь избавиться от попадающих в нос снежинок, мгновенно превращающихся в капли ледяной влаги. Ну и погода, заведи ее гоблины! А тут еще не покидающие голову мысли о необходимости как можно скорее, пока мы все не замерзли до смерти, попасть в Мертвый лес! Интересно, почему он Мертвый? Возможно – заснеженный и тоже вдрызг замерзший?..

Вскоре, устав бороздить снежную целину, мы остановились передохнуть.

– Я же предупреждала, что лето кончится, как только мы покинем территорию орков! Права оказалась, словно копчиком чувствовала, – напомнила я, отвечая на невысказанный вопрос Витки, так и светящийся в ее умоляющем взоре. – Погрелись на халяву, и хватит.

Слепой стрелок что-то неразборчиво буркнул, комментируя мои слова. Ага, знаю, мужчины все-таки признают наличие интуиции у женщин, по-своему называя ее обидным термином «накаркала».

– Вот и сглазила! – не смолчал аналогично мыслящий Зорган. – Рогнеда, может, стоило погостить у орков подольше? Глядишь, весна наступила бы и в этих местах...

– Ага, жди! – усмехнулась я. – Это ведь не природа, а хитроумные боги вставляют нам палки в колеса, с небес потешаясь над нашими злоключениями...

– Как же я мечтаю поскорее добраться до Храма Смерти! – неожиданно перебила меня Кайра.

– Зачем? – жалобно пискнула по уши закутанная в меховой плащ Витка. – Жить надоело?

– Не терпится сорвать маски с богов и увидеть их истинные подлые лица! – мстительно скаля зубы, пояснила отважная мечница.

– Поостерегись совершать непоправимые поступки. А вдруг эти маски окажутся намордниками? – поддел ее Зорган.

– Молчи лучше, болтун, вечно ты мне настроение портишь! – сразу же взвилась не отличающаяся терпением эльфийка. – Когда-нибудь я тебя придушу собственными руками!

– И пообещали боги мужчинам, что добрую, умную и красивую женщину можно будет найти на каждом углу... – напевно, подчеркнуто добродушным тоном продекламировал эмпир, отвечивая Кайре галантный поклон.

– И сделали Землю круглой! – с удовольствием закончил Слепой стрелок, не пропустивший мимо ушей ни единого слова из нашей беседы.

Кайра покраснела от негодования, но промолчала, решив не вступать в перебранку с калечным оппонентом. Все равно из такого спора не выйдет никакого толку.

– Лучше бы вы берегли силы про запас, а не расходовали их на бессмысленные споры, – посоветовала я, плотнее заворачиваясь в плащ и тем самым пытаюсь укрыться от колючего снега. Бесполезно, ибо этот снег оказался вездесущим, проникая под одежду и набиваясь в обувь. Нерадостная перспектива замерзнуть до смерти становилась все более реальной.

– А я и не трачу, – парировал Стрелок с нотками превосходства в голосе, – ибо в отличие от вас не теряю бдительности с момента выхода из Летнего Стана и могу с уверенностью констатировать: за нами кто-то идет. Причем идет уже давно...

– Ты его увидел? – съязвила Кайра, привыкшая никому и ни в чем не уступать.

– Услышал! – не обращая внимания на ее сарказм, поправил слепец. – Мой слух

намного острее вашего. Я слышу скрип снега под его сапогами и могу определить – он отстает от нас на пару часов...

– Его? – насторожился Зорган, хватаясь за меч. – А ты уверен, что нас преследует именно мужчина?

– Уверен, – убежденно кивнул наш Не знающий промаха проводник. – Он молод и обладает субтильным телосложением, но его походка все равно слишком тяжела для женщины. Это мужчина, вернее – молодой парень...

– Враг? – кровожадно усмехнулась Кайра, показывая острые зубки. – Давайте его уьем!

– Для вас все – враги! – осуждающе буркнул дракон, высовывая нос из кармана моей куртки. – Брр, холодрыга! – Он мгновенно спрятался обратно. – Злые вы... – неразборчиво донеслось до нас.

Мы переглянулись и дружно рассмеялись.

– И как поступим? – с виноватыми интонациями спросила Кайра, пристыженная репликой Трея.

– Здорово и вместе с тем – закономерно для сложившейся ситуации, – приняла логичное решение я. – Устроим засаду и выясним, кто это такой любопытный идет по нашим следам и зачем он это делает.

Мы укрылись за невысоким кустарником, обильно припорошенным все тем же вездесущим снегом. Ждали долго, мысленно поругиваясь, дуя на озябшие пальцы, то теряя веру в предостережение слепца, то снова проникаясь доверием к его специфическим способностям. Переговаривались вполголоса, опасаясь испугнуть неведомого преследователя.

– Втянули девушек в новую авантюру... – хмуро ворчал Тай, наблюдая за болезненно шмыгающей носом Виткой. – Надо было сначала их куда-то в тепло пристроить, а уж потом в соглядатаев играть... Как бы плохо не стало...

– Кому, нам? – не расслышала его воркотню Кайра, в просвет между ветками куста пристально наблюдающая за раскинувшимся перед нами пустынным полем.

– Нет, нам! – огрызнулся принц. – Без вас.

– Плохо без девушек – это еще хорошо! – с обычной подначкой рассмеялся Зорган. – А вот когда парням хорошо без девушек – это уже плохо и очень серьезно...

– Ну и намеки у тебя, брат, – скривился недовольный таким своеобразным юмором Вольдемар. – Хотя еще немного на таком зверском морозе, и о любви к девушкам я смогу забыть до конца своих дней.

– Вот и я об этом же думаю... – подал голос Михась. – А ежели...

– Тихо! – требовательно шикнул на них слепец. – Приготовьтесь, он идет!

Все замолчали, напряженно всматриваясь в сгущающиеся сумерки, из-за обильного снегопада ставшие не серыми, а какими-то молочными-белыми. Но ничего не происходило... Время шло, а вместе с ним иссякало и наше терпение... И вот, в тот самый момент, когда мы уже намеревались взбунтоваться и высмеять паранойю слепца, из снежной завесы вынырнула медленно продвигающаяся вперед фигура, до самой макушки закутанная в толстый суконный плащ. Судя по соотношению ширины плеч и бедер – определенно мужчина, пусть даже не очень высокий и довольно худощавый. Наш преследователь довольно уверенно шел по полю, наклонив голову и, без сомнения, вглядываясь в наши еще не совсем заметенные снегом следы.

– Ну, сейчас я ему покажу, – свирепым шепотом сообщил Зорган, приподнимаясь и вытягивая из ножен кинжал. – Раз и навсегда отучу гоняться за честными путниками...

– Стой! Куда?.. – еще успела вскрикнуть я, но, не обращая внимания на мой окрик, виконт выпрыгнул из укрытия, обрушился на бредущего по полю мужчину и повалил его в снег...

– А-а-а! – сдавленно, но скорее удивленно, чем напуганно, донеслось до нас.

Уже не таясь, мы кучно выкатились из укрытия, наваливаясь на барахтающихся в снегу Зоргана и незнакомца. Кайра цапнула эмпирю за пояс, оттаскивая в сторону, а Тай ухватился за капюшон нашего преследователя, откинул его с головы и...

– Ну ничего себе! – хрипло хохотнул виконт, разглядев свою добычу.

– Чегось там такое? – Предельно заинтригованный дракон едва не выпал из моего кармана.

– Знала бы, не сидела бы ради тебя в кустах, зарабатывая обморожение мочевого пузыря... – хмыкнула Кайра.

– Новобрачный, ты зачем за нами увязался? – напрямую спросила я у виновато хлопающего ресницами Бальдура...

Разжечь костер нам не удавалось очень долго, не помогал даже магический огонек, созданный Лиззи. Но наконец наши усилия увенчались успехом, робкие язычки пламени заплясали на собранных ветках, нехотя пожирая мертвый, насквозь промерзший можжевельник. Мы сгрудились вокруг огня, протягивая к нему заледеневшие руки.

– И чего тебе не сиделось под теплым боком жены? – удивлялся Зорган, осторожно растирая мои онемевшие щеки. – На кой ляд за нами поперся?

– Совесть заела, – несколько пафосно, но зато предельно искренне повинился Бальдур. – Долг платежом красен, а я вам должен слишком много. И после того, как Тгир рассказал мне о том, что вы отправились на поиски Мертвого леса, я...

– Понятно, – иронично хмыкнул Тай, – позавидовал маячащей нам славе героев и решил примазаться к грядущим подвигам?

– Ну, типа того! – Бальдур виновато шмыгнул носом. – Жена может и подождать, а приключения ждать не станут...

– Болтун твой Тгир! – неразборчиво пробурчала я, обрывая со своих косичек наросшие на них сосульки. – Ну вот скажи мне, каким же надо быть дураком, чтобы сознательно искать неприятности на свою пятую точку?

– Каким-каким... – прищурился Бальдур. – Да таким же, как и ты!

Мои друзья разразились дружным смехом, а я – бессильной руганью, ибо наш молодожен попал в самую точку, и у меня не нашлось ни единого аргумента, способного опровергнуть эту сомнительную истину. Да и какое право имею я требовать от других того, чего сама не выполняю?

– Вот тебе и вся любовь, или – все мужчины козлы, – разочарованно вздохнула Кайра, имеющая пунктик, касающийся любви и брака. – Едва сыграли свадьбу, а он уже уклоняется от выполнения супружеского долга – покинул жену и вляпался в очередную авантюру. Тайком нас выслеживал... Бальдур, да ты вообще в своем ли уме? Мы ведь чуть тебя не убили...

– Невозможно быть в том, чего нет в наличии, – ухмыльнулся Зорган. – Впрочем, я уже начинаю привыкать к тому, что на оном ненормальном острове не встретишь ни одного нормального, здравомыслящего существа...

– В своем, в чем же еще! – протестующе замахал руками Бальдур. – Бину я люблю, но без меня вы никогда не найдете Мертвый лес, только зря погибнете...

– Учти, погибать не зря я тоже не намерен! – ехидно поправил его виконт. – Поэтому, если ты намерен набиться к нам в проводники, то не вздумай завести нас в какое-нибудь дрянное место. Если я по твоей милости помру, то я тебя убью, – не совсем логично закончил он.

– Очаровательно! – рассмеялась Кайра. – А по-моему, после того как умрешь, ты уже никого не сможешь убить. Что за бред ты несешь, кровосос. В своем ли ты уме? – Эльфийка намеренно повторила свою удачную шутку, пытаясь посильнее уязвить несговорчивого оппонента.

– Смогу! – скривился Зорган. – Вот увидишь, смогу...

– Прекратите ссору! – вздрогнув от нехорошего предчувствия, сердито вскрикнула я.

Признаюсь, у меня кошки на душе скреблись от таких мрачных разговоров, ибо накликивать беду на свою голову – последнее дело, действительно чреватое опасностями. Озвученные вслух мысли – штука серьезная и почти материальная, ведь зачастую они способны принимать вещественную форму, независимо от наших желаний и внешних факторов. А возможно, используя подобные угрозы, мы просто настраиваем себя на негативный лад, программируя на неудачу и невезение. Короче, так или иначе, но подобные разговоры следовало пресечь. – Бальдур, – я повернулась к парню, – лучше расскажи толком, что тебе известно о Мертвом лесе... И тогда мы возьмем тебя с собой.

– Договорились, – довольно кивнул орк. – Вот, этот амулет достался мне от отца, а ему – от его отца. – И Бальдур протянул мне длинный шнурок, испещренный многочисленными, замысловато завязанными узелками. – Он способен привести нас в искомое место.

– Эта ерунда? – недоверчиво спросил Зорган, скептически рассматривая древний, едва не рассыпающийся от ветхости раритет. – Да на любой помойке найдется десяток подобных...

– Не на любой, – спокойно парировал Бальдур. – Каждый простой узелок обозначает тысячу шагов, кои требуется пройти, а каждый сложный – поворот направо или налево. Одна из моих прапрапрабабок по отцовской линии считалась то ли ведьмой, то ли жрицей Смерти, она-то и завещала своим потомкам хранить этот амулет, передавая его из поколения в поколение. Полагаю, бабка знала много чего интересного, недоступного ограниченным умам, – тут орк красноречиво покосился на эмпиря, – и много чего предвидела... Кстати, именно от нее я и унаследовал толику магического дара...

– Ладно-ладно, – примирительно развел руками Зорган, удостоившийся чести в реальности наблюдать оный магический дар, – сдаюсь, твоя взяла. Веди нас по своим узелкам, парень, но помни мое предупреждение.

Честно говоря, я тоже с сомнением отнеслась к легенде, рассказанной Бальдуrom, но другого выхода у меня не было. Ведь сами мы ни за что не найдем этот треклятый Мертвый лес, а двигаться вперед все-таки придется. Так почему бы тогда не пойти по узелкам на шнурке? Хотя мера в тысячу шагов – величина довольно условная, ибо, к сожалению, к шнурку не прилагалось никакой инструкции на тему, какие шаги следует считать эталонными. К примеру, мои или драконьи? Или орочьи?..

Так или иначе, но, немного обогревшись и подкрепившись запасами, выданными нам в Летнем Стане, мы продолжили путь – вразнобой считая шаги, сбиваясь и путая друг друга. Данное занятие принесло неожиданную пользу – мы немного развеселились и даже перестали обращать внимание на все усиливающийся снегопад, всецело захваченные этой полевой математической практикой.

Позволив друзьям увлеченно выхватывать шнурок друг у друга из рук и мериться шириной шага, я немного поотстала и пошла вровень с Таем, замыкающим наш отряд. Вот уже несколько дней я замечала, что обычно жизнерадостный принц внезапно утратил свой всегдашний энтузиазм, превратившись в хмурое, неразговорчивое существо, до минимума сократившее общение с остальными участниками нашего похода. Тай даже на Витку смотрел теперь не так восхищенно, как раньше, впад в уныние, совершенно ему несвойственное. И поэтому мне очень хотелось пообщаться с принцем наедине, с глазу на глаз, дабы выяснить причину столь резкой смены его настроения. Ибо депрессия – весьма ненадежный попутчик, способный привести куда угодно, но только не к успеху и намеченной цели.

– Тай, нам нужно поговорить, – начала я, подстраиваясь под размашистую походку молодого эльфа. – Я вижу – тебя гнетет какая-то непонятная напасть...

– Не на пасть – а на голову, как любит выражаться наш дракон! – невесело усмехнулся принц. – И моя напасть называется угрызениями совести.

– По какому поводу? – Я удивленно расширила глаза.

– Несколько дней назад мне приснился сон, который я склонен считать вещим, – доходчиво пояснил принц. – Мне явился мой покойный отец, резко отчитавший меня за легкомысленное отношение к своим обязанностям. Ведь в наиболее критический момент я

покинул свой народ, бросив его на произвол судьбы. Накануне войны предал свой клан...

– Я признаю, ты неплохо фехтуешь и не страдаешь трусостью, но воинская стезя – отнюдь не твое призвание, – торопливо произнесла я, пытаясь морально поддержать опечаленного друга. – Не верю, будто исход этой войны определяешь лично ты...

– Так-то оно так, – тяжело вздохнул Тай, – но мне от этого не легче! Утешает одно – если мы не спасем весь мир, то не выживет никто из эльфов, независимо от того, победят они в войне между кланами или проиграют. Поэтому умом я понимаю, что не сбежал – а просто попал на передовую, но договориться с собственной совестью очень трудно... К тому же меня гложет страх...

– Страх? – повторно удивилась я. – Чего же ты боишься, друг?

– Будущего, – коротко буркнул принц. – Во сне отец предрек, что рано или поздно нам придется заплатить за допущенные ошибки, очутившись перед роковым выбором, способным искупить нашу вину или же погубить нас окончательно. Ведь почти каждый из нас в чем-то виноват перед близкими или собственной совестью. – Он глазами выразительно указал на увлеченных отсчитыванием шагов друзей. – Кайра помогла мне сбежать, Зорган – вообще убийца, Витка вольно или невольно участвовала в твоём свадебном обмане, а вранье – это грех. Ты бросила родных и нарушила брачные клятвы, и даже наш обаятельный дракон немало в жизни напортачил. Мы все в чем-то и перед кем-то виновны, княжна. И если мы хотим усмирить Ветер Инферно, то раньше всего нам придется искупить собственные грехи... А иначе мы же сами и нарушим равновесие добра и зла, нарушим установившийся в мире баланс. И подозреваю, что процесс предстоящего искупления станет весьма трудным и опасным...

– Ты прав! – немного помолчав, признала я. – Мое сердце уже неоднократно нашептывало мне схожие мысли. Не знаю, как поступишь ты, но я давно с ним согласилась и готова пожертвовать всем, лишь бы наш мир не погиб, а продолжал существовать. Пусть даже для этого придется погибнуть мне самой... Я примирилась с таким решением еще тогда, до отплытия на Ледницу, когда мы встретили волшебницу Оссу, и...

– Мы его нашли! – Многоголосый, внезапно раздавшийся крик ликования прервал мою речь. – Мы – дошли!

Сосредоточившись на беседе с Таем, я шла не глядя по сторонам, а теперь удивленно вскинула глаза и обнаружила – наш путь закончился, ибо прямо перед нами высился совершенно необыкновенный лес, состоящий из высоких, белых, абсолютно голых деревьев, производящих неприятное и даже отталкивающее впечатление. Эти деревья напоминали истощенных от голода узников, так и не дождавшихся освобождения из темницы. Лес казался бесконечным, он простирался вправо и влево настолько, насколько хватало взора, и вызвал во мне тягостное ощущение приближающейся беды, неотвратимой и непоправимой. Вступать в оный лес мне не хотелось категорически, ибо образующие его деревья – с их отвратительно кривыми, узловатыми корнями, стволами и ветвями – целиком и полностью состояли из костей... Подозреваю – человеческих!

Глава 10

– Теперь я понимаю, почему этот лес называют Мертвым! – занудно ворчала Кайра, перебираясь через выступающие из земли корни костяных деревьев. Эти ужасные отростки, в высоту по пояс взрослому мужчине, поражали своими размерами и толщиной. Поэтому неудивительно, что передвижение по Мертвому лесу превратилось в весьма длительный и трудоемкий процесс. – Запнешься или оступишься, упадешь – и все, пиши пропало. Ты покойник! – Воительница намекала на многочисленные острые обломки костей, там и сям произвольно выступающие из снега и почти незаметные на общем белом фоне. – Зачетные ловушки!

– И зачем только нас сюда занесло? – плаксиво заканючила Витка. – И вообще, я есть хочу, я спать хочу. Я домой хочу...

– Если упадешь на острые кости, то сразу заснешь вечным сном! – приободрила ее «добрая» Кайра. – Хочешь попробовать?

– Не хочу. Сама пробуй! – обиженно надула губы золотоволосая красавица. – Мне ведь еще замуж за Тая выходить и детей ему рожать... – Уев соперницу такой репликой, Витка горделиво задрала носик и отвернулась, демонстрируя собственное превосходство.

– Я тоже выйду замуж, вот увидишь, – уязвленным шепотом сообщила эльфийка, адресуя свое обещание высокомерно выпрямленной девичьей спине. – Причем мой жених будет куда покруче: в мужья себе я выберу могущественного мага, а лучше – молодого прекрасного некроманта...

– Да разве ж такие бывают? – удивился Михась, бережно поддерживая под локоть Слепого стрелка. – Тьфу, спаси нас Пречистые боги от такого бесстыдства! Некромансеры – они все старые, сгорбленные, с длинными бородами. И воняет он них мертвечиной...

– Себя понюхай! – строптиво окрысилась Кайра. – Протух уже в своей ржавой консервной банке, которую ошибочно доспехами называешь...

– Неправда ваша, я на прошлой неделе мылся! – обиделся мой простодушный оруженосец.

– Это, наверное, местная молодая поросль, зародыши будущих взрослых деревьев... – вслух рассуждал Зорган, рассматривая торчащие из земли кости и пропуская мимо ушей все матримониальные разговоры. – Полагаю, если их полить свежей кровью...

– Человеческой! – ехидно подсказал слепец.

– Вот-вот, свежей человеческой кровью, то они быстро пойдут в рост! – согласно кивнул эмпир.

– Экие вы страсти-мордасти рассказываете, господин виконт! – укоризненно фыркнула Лиззи. – Уж лучше присоединяйтесь к нашей беседе о свадьбах...

– Про свадьбу ты Бальдур спроси, – усмехнулся эмпир. – И про первую брачную ночь заодно...

Услышав его слова, Бальдур немедленно покраснел, словно вареный рак.

– Бина – мечта любого настоящего мужчины! – пафосно провозгласил он, выпячивая грудь колесом, с намеком на свое преимущество перед прочими юношами в нашей команде, до сих пор остающимися неженатыми.

– Если бы мужские мечты об идеальной женщине сбылись, то по улицам ходили бы ноги, грудь и рот, надежно зашитый суровой ниткой! – хохотнул Зорган. – Не так ли, Михась?

– Да не-е-е, – задумчиво протянул мальчишка, весьма польщенный вниманием эмпиря. – Мне рыженькие девушки нравятся, пухленькие и чтобы ямочки на щечках...

– Пухленькие... – романтично вздохнул Бальдур, видимо вспомнив нечто личное.

– Кстати, настоящий мужчина – это не ты ли? – не отставал от него вредный Зорган.

Вместо ответа орк выразительно пошевелил бровями, мол – понимай как хочешь.

– Ну тогда заканчивай попусту языком трепать и рассказывай, куда нам дальше идти и чего делать! – строго напомнила я, включаясь в разговор.

Плечи Бальдура тут же печально поникли.

– Не знаю, – сознался он. – Прабабушкин шнурок только до леса доводит, а уж дальше...

– Опять самим импровизировать придется, – поняла я. – Похоже, удача в очередной раз от нас отвернулась.

– Не переживай так, любимая, – проказливо ухмыльнулся Зорган. – Давайте попросим помощи у судьбы... И даже если удача повернулась к нам задом, не станем расстраиваться. Пнем ее! Тогда она обязательно обернется, дабы посмотреть – кто же это сделал...

– Эй, я – пас! – поспешно перебил его осторожный Вольдемар. – Пинать госпожу удачу не только некорректно, но и опасно.

– Может, она и обернется, но только для того, чтобы накинуть прапрабабушкин шнурок нам на шею да затянуть потуже, – мрачно пошутила Лиззи.

– Ах так... Ну вас, тогда сам справлюсь! – храбро заявил виконт, подошел к ближайшему дереву и со всего размаху пнул ногой по его стволу так сильно, что по всему лесу пошел шум и гул, перекатываясь и разрастаясь.

– Ну вот, – почти злорадно скривилась Кайра, – сейчас Мертвый лес оживет, сожрет наши тела, выпьет кровь и...

– Прекрати! – испуганно закричала Витка, приседая и закрывая голову руками. – И без тебя страшно.

– И никто нам на этот раз не поможет, никто нас не спасет! – удовлетворенно закончил за эльфийку Слепой стрелок. – А ведь я вас предупреждал, мы все тут погибнем, мы все тут...

– Хватит сгущать краски! – приказным тоном потребовала я. – Вместо того чтобы выработать план последующих действий, мы попусту травим страшные байки и...

– Помогите! – неожиданно долетело до нас. – Спасите!

Крик был очень слабым, едва слышимым. Мы удивленно переглянулись.

– Это кто, судьба? – неуверенно спросила Витка.

– Покойники! – зловеще скрючивая пальцы, оскаливая зубы и нависая над ее головой, забубнила Кайра. – Они заманивают нас в чащобу, подзывают поближе...

– Ой! – Тут Витка не только согнулась в три погибели, но даже накрылась полой плаща. – Мамочка, мне страшно!

– Немедленно перестань дурачиться. – Я укоризненно посмотрела на воительницу. – Это не покойник кричал, а живой человек. Думаю – ребенок...

– Спасите! – снова, но еще тише, донеслось до меня.

– Держись, я уже иду! – выкрикнула я и не разбирая дороги бросилась в глубь леса, кажется торопясь совершить очередное глупое геройство...

Кстати, теперь я знаю, почему я такая «умная и сильная»! Потому, что не просто учусь на своих ошибках, но постоянно повторяю пройденный материал!..

Продравшись сквозь подлесок, пару раз едва не убившись о корни костяных деревьев и в кровь ободрав щеки о ветки, я с разбегу ворвалась на небольшую полянку, в центре коей высился огромный сугроб.

– Помо... – Призыв, бесспорно, шел напрямик от сугроба, только теперь он уже походил отнюдь не на полноценный крик, а на последний всхлип или предсмертный шепот.

Я внимательнее присмотрелась к куче снега и заметила небольшое круглое отверстие, слабо курившееся паром. Такое обычно образуется от дыхания погребенного в сугробе человека.

– Делай как я! – коротко бросила я следовавшему за мной Зоргану, упала на колени и принялась раскапывать отдушину, стремясь добраться до того, кто попал в снежный плен...

Спустя несколько минут наши усилия увенчались успехом. Мои пальцы натолкнулись на чью-то холодную, почти ледяную ручку, и еще через миг мы с Зорганом извлекли из сугроба мальчика, посиневшего, едва живого, одетого в летний холщовый кафтанчик. На вид малышу было лет пять, он испуганно хлопал голубыми глазенками и жалобно стонал. Я завернула спасенного ребенка в свой плащ и продолжила раскопки...

Подроспевшие друзья помогли нам до основания разрушить чудовищный снеговой могильник. Из его недр мы достали еще четверых детей – двух девочек и двух мальчиков. Трое из них оказались мертвы, лишь одна девочка слабо дышала, но находилась без сознания. Очевидно, что малышу, спасенному нами первым, повезло больше остальных, ибо он лежал не на промерзшей до каменного состояния земле, а на телах прочих детей и пользовался остатками тепла, еще сохранившегося в их остывающей плоти.

– Кто совершил подобное злодеяние? – ужаснулась Кайра, покачивая на руках так и не приходящую в сознание девочку, закутанную в ее верхнюю одежду. – Кто обрек этих детей на столь мучительную смерть?

– Не знаю, – сердито ответила Лиззи, хлопочущая возле мальчика. – Но я чувствую

могучее магическое присутствие, злобное и беспощадное. Нам нужно как можно скорее уходить из этого места, пока неведомый убийца не вернулся за своими жертвами.

– Малыш, где твой дом и как ты сюда попал? – ласково спросила я, обнимая малыша, отогретого моим теплом. – Скажи, и мы вернем тебя родителям...

– Нельзя, – со слезами на глазах ответил мальчик. – Я из города, но родители ни за что не примут меня обратно...

– Но почему?! – потрясенно вскрикнула я. – Я уверена, они тебя очень любят и сейчас ищут повсюду, просто с ног сбиваются! И друзей твоих тоже ищут...

– Нет! – всхлипнул малыш. – Домой мне нельзя. И Розе нельзя, и Николая нельзя... А папы и мамы никого не ищут, потому что они сами отдали нас на съедение снежному демону!..

– Ну вот не понимаю я: какие такие дрянные родители смогли добровольно обречь своих детей на такую страшную смерть? – недоумевала Кайра, неся на руках спасенную нами девочку, с которой не захотела расстаться. – Возможно, они сумасшедшие?..

– Не исключено, – задумчиво протянула я, хотя интуиция подсказывала мне, что ответ на этот вопрос должен оказаться далеко не столь прозаическим. – И к тому же, полагаю, все последующее сложится намного страшнее...

– Все последующее? – недоверчиво переспросила воительница. – О чем это ты?

– Пока еще не знаю, – пожалала плечами я, – но предчувствую приближение чего-то нехорошего.

– Теперь ты нас пугаешь, Рогнеда, – недовольно скривилась Кайра, – и твои страшилки реальны до дрожи.

– То ли еще будет! – мрачно предрекла я. И оказалась права...

Руководствуясь указаниями спасенного мальчика по имени Игги, мы прошли Мертвый лес насквозь и очутились на краю обширного поля, по ту сторону которого виднелись черепичные крыши кирпичных домов, посеребренные шпили и высокие стройные башни. Без сомнения – мы приближались к большому городу, самому крупному жилому поселению из всех доселе встреченных нами на острове. Слушая, как хрустит под моими сапогами свежий снег, устилающий поле, я мысленно ругала Тгира, не только направившего меня в Мертвый лес, но и посулившего найти там то, чего я достойна. Ага, и нашла ведь, еще как нашла! Боги, скажите, чем же заслужила я настолько страшную находку – трое мертвых детей, одна умирающая девочка и еле живой мальчик? Неужели теми грехами, о коих недавно упоминал принц Тай?..

Город встретил нас совершенно пустынными улицами, неприветливыми темными домами с наглухо закрытыми ставнями и мертвой тишиной, от которой звенело в ушах. Мне сразу бросились в глаза зигзагообразные борозды, уродующие стены некоторых домов. Создавалось впечатление, будто некто огромный прошелся по ним громадными клыками или когтями. Пара крыш оказалась проломлена, выломанные заборы превратились в груды щепок, а мостовую пересекала цепочка глубоких рытвин. Такие следы мог оставить ураган, внезапно обрушившийся на город, или еще что-то столь же смертоносное... Во всяком случае, становилось понятно – в этом городе произошли какие-то весьма нехорошие события, причем произошли совсем недавно...

Наши каблуки звонко цокали по промерзшей брусчатке, отчего в моем сознании сразу же возникла неприятная ассоциация со стадом баранов, ведомых на убой. Не сомневаюсь, впереди нас тоже ожидает нечто подобное! Уличные фонари не горели, хотя из-за ставней нет-нет да и прорывались тоненькие, предательские лучики света, свидетельствующие о том, что оный город обитаем, даже если его жители изо всех сил стараются скрыть свое присутствие. Интересно, от кого? От нас или от кого-то другого?..

– Гындыркар. – Кайра прочитала табличку, красующуюся на фасаде серого трехэтажного здания, идентифицированного мною как местная ратуша. – Это еще чего такое?

– Название города, – подсказала я. – Далеко не благозвучное, правда?

– Словно ворона подавилась, – язвительно прокомментировал высунувшийся из моего кармана дракон. – А куда все люди подевались? Уж не вымерли ли?

– Возможно, они подхватили бешенство? – предположил слепец, пальцем прикасаясь к выщербленной стене ратуши. – Такой диагноз способен объяснить и разгром в городе, и бессердечное отношение горожан к собственным детям.

– Эпидемия, чума, мор? – перечислял Зорган, взбегая на крыльцо ратуши и бессильно пиная запертую дверь. – Если я сейчас не разберусь в здешней загадке, то сам впаду в бешенство и скончаюсь от гипертрофированного любопытства!

– Еще только этого нам не хватало для полного счастья! – скривилась Кайра. – Нас хоть не перекусай, вдруг ты заразный... Но любопытство и меня мучает. А если мы взломаем эту дверь, дабы раздобыть нужную нам информацию?

– Еще чего! – громко возмутилась Лиззи. – Вот поэтому про таких, как мы, и говорят: незванный гость хуже грабителя.

– Молчу, молчу... – Эльфийка выжидательно уставилась на меня.

– Не вздумайте ничего ломать! – предупредила я.

– Ломать обязательно! – не отступал виконт.

– Ладно, как Зорган решит, так по-Рогнединому и поступим! – проявила дипломатическую хитрость Кайра.

– Город не пуст и не мертв, – медленно, взвешивая каждое произносимое слово, сказала я. – Некоторые дома освещены, в них явно кто-то живет. А если это болезнь, – я взглянула на Игги, уснувшего у меня на руках, – то не исключено, что заразных детей они отнесли в лес и бросили там, дабы уберечь остальных...

– Зверство какое, – пробурчала Кайра, вопреки чувству самосохранения еще крепче прижимая к себе спасенную девочку. – Ну вообще-то да, все творящееся здесь весьма похоже на тотальный карантин...

– Идемте дальше, – приказала я, – все равно в итоге куда-нибудь да придем.

Мы медленно продвигались к центру города со странным названием Гындыркар. Оставили позади несколько безлюдных улиц, заметенную снегом площадь – торговую, судя по расставленным на ней лоткам и столам, сейчас абсолютно пустым, и внезапно заметили одинокую фигуру, сиротливо притулившуюся под защищающим от снегопада выступом...

– А вот и человек! – возликовал виконт, подбегая к сгорбленному незнакомцу, с головой завернутому в драный дерюжный плащ. – Расспрошу его. – Он бесцеремонно затряс человека за плечо. – Эй, уважаемый, не подскажешь ли, куда все подевались?

Плащ распахнулся, явив нам испитое, худое лицо персоны неопределенного возраста, но явно мужского пола – до самых глаз заросшее неопрятной пегой бородашкой.

– Фу-у-у, – отшатнулась Кайра, прикрываясь рукавом, ибо запах от бородатого шел тот еще. – Да по нему же вши пешком ходят!

– Городской побирушка! – безошибочно определил менее брезгливый Зорган, не отпуская столь удачно обнаруженного нами нищего. – Видимо, идти ему некуда, вот он здесь и сидит... Эй, скажи, что тут у вас стряслось? – И эмфир сильно потряс нищего за плечо.

Побирушка нехотя раскрыл слипшиеся от гноя глаза.

– Демон, демон пришел... Он голоден и хочет есть... – Из его обметанного болячками рта полился невнятный лепет вперемешку с отвратительной вонью гнилых зубов и больного желудка. – И Мирошка тоже кушать хочет! Подайте денежку, добрые господа... – Из лохмотьев выпросталась грязная ладонь, вся в ссадинах и нарывах. – Подайте ради паука!

– Ради кого? Ради паука? – испуганно ахнула Витка и попробовала хлопнуться в обморок. К счастью, Тай вовремя ее подхватил.

– Сплошные непонятки вокруг! – окончательно рассердилась Кайра. – При чем тут какой-то паук?

– Сейчас узнаем, – спокойно произнесла я. – Полагаю, Мирошка – его прозвище. А паук... – Я опустила руку в карман куртки, вытащила несколько медных монет и

завлекательно повертела их перед носом у нищего. – Расскажи все толком, и я отдам тебе деньги...

– Чего еще рассказывать? – обиделся побирушка. – Добрая госпожа, к нам демон пришел, а люди разбежались. Я тут спрятался, ибо демон голоден, найдет – сожрет... Дай! – Он попробовал выхватить медяки у меня из пальцев, но я отшатнулась, рассчитывая получить больше информации, мой плащ распахнулся, а спящий под ним Игги проснулся и недовольно заревел...

– А-а-а, еда демона! – панически заголосил нищий, увидев спасенного нами мальчика. – Вы ее забрали, вы прокляты... – Он нервно ударил меня по ладони, монеты улетели в снег, а сам Мирошка вскочил на ноги и с неожиданной прытью, петляя, словно преследуемый волками заяц, помчался в темный проулок, где благополучно и скрылся...

– М-да, ну и дела! – растерянно сообщил Зорган, почесывая свою пышную шевелюру. – Узнали, называется...

Я виновато вздохнула...

– Направо, – неожиданно подсказал Игги, обнимая меня за шею, – вам нужно направо. Еще две улицы, и вы выйдете к храму. Я знаю это место.

Нам не оставалось ничего другого, как последовать совету мальчика. Преодолев пару улиц, мы очутились на еще одной площади, центр коей занимало приземистое сооружение, совершенно не похожее на все прочие городские дома. Полукруглое по форме, оно стояло не на земле, а на восьми изогнутых опорах, возносивших здание над мостовой. Двери ему заменяла решетка – смахивающая на пасть с оскаленными зубами, а над решеткой горел ряд факелов – образуя цепочку стилизованных глаз. Мы переглянулись, пораженные общей догадкой...

– Ну вот вам и паук! – удовлетворенно констатировала я. – Вернее – его храм! Одной загадкой меньше. Давайте попробуем зайти внут... – Но договорить я не успела, ибо решетка вдруг со скрипом поднялась и во воротах храма появился высокий мужчина, облаченный в черную мантию.

– Чужестранцы, как посмели вы переступить границу нашего города, закрытого для паломников? – пафосно заговорил он, величественно вскинув правую руку. – Пауки покарают вас за совершенное святотатство, они...

– Они уже пробовали нас покарать, но у них ничего не получилось! – нахально перебила я, раздраженная нарочитым высокомерием жреца. – Еще раз сунутся – снова с ними разберемся! А пока я хочу вернуть вам мальчика... – Я распахнула плащ и опустила Игги на землю, но, вместо того чтобы пойти к храму, мальчик обхватил меня за ногу и задрожал всем телом. Скорее от страха, чем от холода.

– Жертва! – шокированно ахнул жрец, скрючиваясь и разом утрачивая свою царственную осанку. – Вы забрали у снежного демона его пищу? Да как осмелились вы на подобную дерзость?... – Его лицо перекосилось от ужаса, глаза вылезли из орбит, редкие светлые волосы встали дыбом.

– Трех уже погибших детей мы похоронили в лесу, – гневно известила я. – А Игги и еще одна девочка – живы. И если это ваш демон приказал заморозить детей заживо, то клянусь – я ему все кости переломаяю!

– Переломашь? Кости? – Жрец схватился руками за голову и истерично захохотал. – Глупая девчонка, да кто ты такая, чтобы тягаться с демоном Абаламом! Ты отняла его пищу. Теперь Абалам явится в город и отомстит нам. Нас постигнут новые беды, нас...

Он не закончил свои причитания, ибо из недр храма явился облаченный в кольчугу стражник, почтительно преклонил колено перед жрецом и прошептал ему несколько слов.

– Так я и знал, – внимательно выслушав воина, еще громче завопил жрец. – Новое несчастье обрушилось на город – из храма исчезла наша Верховная провидица! А во всем виновата ты, дрянная девчонка, нарушившая священную волю демона! Преступница, я приговариваю тебя к смерти! – Его палец обличающе указал на меня. – Звоните в колокола, схватите ее и казните!..

Я не успела ни опомниться, ни сказать что-либо в свое оправдание, как над храмом поплыл оглушительный колокольный перезвон, а из врат здания выдвинулось несколько лестниц, по которым начали спускаться до зубов вооруженные мужчины...

– И кто это посмел назвать нашу княжну дрянной девчонкой? – с любопытством спросил дракон, высовываясь из кармана моей куртки. – Девочки, – позвал он крысу и паучиху, – а ну-ка идите гляньте на этого идиота!

Первой, повинуясь зову Трея, из кармана выкарабкалась паучишка Огонек. Она взобралась ко мне на плечо и негодуя затопала лапками, одновременно с этим успевая ласково поглаживать меня жвалами по уху... В ответ я протянула руку и нежно пощекотала ее пальцем, успокаивая маленькую животинку.

Увидев паука, хозяйски восседающего на моем плече, жрец замер на половине лестницы, а затем заверещал нечто нечленораздельное и кубарем скатился вниз, бросаясь ко мне... Зорган выхватил меч из ножен и преградил врагу дорогу, подозревая в дурных намерениях, но, не обращая внимания на направленный на него клинок, жрец припал к моим сапогам – покрывая их поцелуями...

– Госпожа, – заполошно голосил он, – прости меня, госпожа, за то, что не узнал тебя сразу!

– Оттащить его? – спросил Зорган, убирая оружие и удовлетворенно наблюдая за воинами, попадавшими на колени вокруг меня. – А то у тебя на сапогах столько грязи... Как бы мужик от их облизывания диарею не заработал!

– Наверное, он сумасшедший. – Я выразительно покрутила пальцем у виска, пытаясь ногой отпихнуть жреца, увлеченно облизывающего мою обувь. – Сначала схватить хочет, потом целует... Эй, уважаемый, встань! – Я потянула жреца за капюшон хламиды, приглашая подняться. – Отстань от моих сапог, пожалуйста. Скажи, с чего это ты вдруг передумал меня казнить?

– Как я смею, – жрец отцепился от сапог, но зато поймал мою правую руку и начал целовать ее, – как я смею выступить против той, которая удостоилась божественной любви самого паука? – И он благоговейно покосился на паучишку, не покидающую поста на моем плече. – Ваша бесценная особа для нас неприкосновенна и священна!

– Ого, эка он тебя комплиментами засыпает. Похоже, ты его очаровала, дорогая! – ревниво хмыкнул Зорган, пихая меня в бок.

– Скорее – опаучила! – Я еще раз нежно погладила Огонек по спинке, благодаря за нежданную помощь, и устало вздохнула. – Жрец, вставай, хорош уже на земле валяться, ревматизм подцепишь. Веди нас в храм, накорми, напои да попутно рассказывай, чего тут у вас приключилось!..

Жрец шустрой рысцой носился вокруг стола – самолично подливая вино в наши бокалы и подкладывая еду на тарелки. Наибольшее внимание он, естественно, уделял мне. Огонек сидела в центре стола и наслаждалась огромной жирной мухой, поднесенной ей жрецом. У Кайры забрали наконец-то пришедшую в себя девочку Светанку, пообещав известить ее родителей. Утолив первый голод, я отодвинула тарелку и приказала:

– Жрец, давай рассказывай, чем вы тут занимаетесь и почему ваши дети замерзают в лесу?..

– Как прикажет повелительница пауков! – Жрец отвесил верноподданнический поклон, сложил руки на животе и заговорил: – Зовут меня Пильгус. Я родился и всегда жил в славном городе Гындыркаре, официальными покровителями и защитниками коего испокон веков являются Охотники-пауки. Горожане чтят пауков и поклоняются оным словно богам, используя для этих целей специально возведенный храм. А что прикажете делать, если Пресветлые боги заповедовали нам такое служение, впрочем довольно необременительное... И нашу жизнь можно было бы назвать счастливой, если бы в ней не присутствовало одно огромное несчастье – раз в сто лет из Мертвого леса выходит снежный демон Абалам, дабы обрушить на город свою ярость. Поговаривают, будто таким образом Пресветлые боги

наказали Гындыркар много лет назад за то, что горожане принудили свою Верховную провидицу к нежеланному для нее браку. С тех пор провидицы из Храма Паука вправе сами распоряжаться своей судьбой, но раз в столетие демон все равно пробуждается и выходит из лесу – мучимый жутким голодом. Мы вынуждены отдавать ему пятерых детей, выбранных по жребию, после чего демон насыщается и впадает в очередную столетнюю спячку. Наверное, у каждого города есть свое наказание? – Пильгус вопросительно уставился на меня, словно ожидая подтверждения или опровержения.

А я, в свою очередь, тут же вспомнила княгиню Зою Красногорскую – супругу моего старшего братца, способную запросто заткнуть за пояс любого, даже самого свирепого демона, хмыкнула и согласно кивнула. Жрец облегченно вздохнул и продолжил:

– Но вчера демон почему-то вновь пришел в Гындыркар, хотя с последнего его пробуждения минуло всего пятнадцать лет... Очевидно, на сей раз Абалам проснулся не сам, его разбудило какое-то постороннее вмешательство. Демон был очень зол и вел себя крайне агрессивно. Своим морозным дыханием он намертво заморозил десяток взрослых мужчин, разнес несколько домов, проломил стену и покинул город, недвусмысленно намекнув на необходимость новой жертвы. Мы спешно выбрали детей и доставили их в лес... Но, увы, ты, госпожа, помешала жертвоприношению, вернув нам двоих выживших малышей. Поймите, мы вовсе не желали их смерти, но что значит жизнь пятерых детей, когда речь идет о судьбах сотен?..

– То и значит! – сердито буркнула я. – Невозможно спасти всех, не спасая каждого. Очерствение души начинается с малого...

– Пусть так, – покладисто кивнул жрец, – ибо когда мы узрели вашего паука, – он благоговейно поклонился сытой Огонек, задремавшей у меня в ладони, – то поняли, что здесь не обошлось без вмешательства высших сил. Но ведь созданную вами проблему никто не отменял. А потом я услышал о пропаже пророчицы и полностью уверился в справедливости своей первоначальной догадки. Уж если наши несчастья начались при неприятностях с одной пророчицей, то, возможно, закончатся при капризах другой... Лишь вам, госпожа, под силу вернуть пропавшую пророчицу Альку и избавить город от власти демона Абалама. Умоляю, помогите нам!.. – Пильгус молитвенно сложил руки, жестом подкрепляя свои слова.

– Сначала казнить собирались, а чуть жареным запахло, так сразу помощи просите! – насмешливо поддел его Зорган. – Сами, значит, против демона выступить боитесь, даже со всеми своими воинами?

– Боимся! – смиренно поддакнул изворотливый жрец. – Не мы его пробуждали, не нам его умирять...

– Ну да, – фыркнула Кайра, – скормить Абаламу детей куда проще!

Пильгус сделал вид, будто не расслышал этого справедливого упрека.

Кайра брезгливо поморщилась и только открыла рот, чтобы припечатать жреца еще чем-нибудь обидным, как вдруг в комнату вошел воин, поклонился и подал Пильгусу какую-то записку. Жрец взглянул на послание, и его рот удивленно перекосялся.

– Кажется, это адресовано вам, госпожа! – И он передал послание мне.

Я с наименьшим изумлением приняла свернутый квадратиком листок бумаги, на коем красовалось только одно слово: «Чужестранке», развернула послание и погрузилась в чтение...

Текст записки оказался предельно коротким и настолько же невнятным, ибо состоял всего лишь из нескольких приглашающих слов: «Встретимся возле двуглавой». Я снисходительно хмыкнула – ох уж эти пророчицы, никак не обходятся без того, чтобы туману не напустить! Знаем, уже встречались с подобным...

– Что такое двуглавая? – спросила я у жреца. – Возможно, гора? У вас в окрестностях имеется нечто похожее?

Пильгус задумчиво пожевал вислую нижнюю губу и по-козлячьи затряс головой:

– Нет, госпожа, не припоминаю ничего этакого...

– Ладно, разберемся! – отмахнулась я. – Значит, ваша пророчица пропала...

– Ага, – торопливо поддакнул жрец. – Госпожа ясновидящая Алька, вместе со своей служанкой Доротеей... Вряд ли их выкрали, ибо стражники видели обеих женщин еще совсем недавно свободно выходящими из храма и весьма тепло одетыми. Ума не приложу, куда и зачем они могли податься!

«Я бы на ее месте еще раньше от вас сбежала, – иронично подумала я. – Из вашего бардака с проклятиями, демонами и жертвами». Но вслух ничего подобного не произнесла, вместо этого спросив:

– Если видели их, то почему не остановили и не расспросили?

– Да уберегут нас от такой оплошности Пресветлые боги! – нервно замахал руками жрец. – Нашей пророчице палец в рот не клади – надерзит или еще чего похлеще – сглазит, проклянет, предскажет беду какую...

Я взглянула на него с жалостью, похоже, этот бедолага еще в младенчестве из люльки выпал. Причем – неоднократно и вниз головой.

– Экий ты неуравновешенный, пугливый, постоянно охаешь, ахаешь, на богов оглядываешься. Теперь понятно, почему демон вас терроризирует, – вынесла вердикт я, – вы же настоящие овцы! Покорные и безответные.

Жрец виновато склонил голову, но я успела заметить затаенное злорадство, промелькнувшее в его взгляде. Типа – раз ты такая крутая не овца, вот и расхлебывай наши проблемы. Видимо, это мне и придется сделать... Хотя а чего ради я вообще с ними связалась?..

Я только успела задаться этим вопросом, как вдруг дверь распахнулась и в комнату ввалилась толпа женщин с детьми, оттеснив беспомощно побряхтывающую охрану.

– Спасительница, повелительница пауков! – заголосили вновь прибывшие, кучно ваясь к моим ногам и пытаясь повторить подвиг жреца – обмусолить мои сапоги, правда, благодаря трудам Пильгуса теперь ставшие куда более чистыми. – Ты вернула детей и обещала избавить нас от проклятия. Значит, демон уже не заберет из города ни одного ребенка!..

Я с усталым вздохом поднялась с лавки, получив доходчивый ответ на терзающий меня вопрос. Теперь я знаю, ради чего мне стоит ввязываться в схватку с демоном – ради всех остальных детей, проживающих в Гындыркаре. Ведь если мне удастся устранить Абалама, то их будущему уже ничто не будет угрожать.

– Не заберет, – нехотя пообещала я, – клянусь!

Дурные бабы завопили еще радостнее и с удвоенным энтузиазмом припали к моим сапогам. Я многозначительно взглянула на жреца... Пильгус понимающе подмигнул, хлопнул в ладоши, и в комнату парадным маршем вошел десяток стражников, коим наконец-то удалось избавить меня от не в меру экзальтированных посетительниц. Зато мои сапоги оказались отдраены до зеркального блеска...

– Кажется, ты опять намереваешься вляпаться в очередную опасную авантюру? – сердито прошипел Зорган мне на ухо. – Нет, не отворачивайся, смотри мне в глаза, – виконт больно ухватил меня за подбородок, – обещай, что на сей раз никуда не пойдешь без меня...

– Я подумаю! – уклончиво ответила я – и конечно же обманула. Думать тут было уже не о чем...

Колокол на ратуше отзвонил три часа после полуночи, когда я крадучись выбралась во двор храма, оставив друзей мирно почивать на пуховых подушках и мягких тюфяках. Проверила, легко ли выходят сабли из ножен, тяжело вздохнула и решительно зашагала вниз по улице... Интересно, какой он из себя – этот демон Абалам, и какого ляда цепляется к несчастным гыркыр... тырпыр... тьфу, гындыркарам, и так уже наказанным идиотским названием своего города! Непременно узнаю, иначе лопну от любопытства... И нет, не стану я вовлекать и без того вымотанных друзей в новые неприятности, постараюсь управиться в одиночку... Хотя если меня на этот раз демон не убьет, то потом точно пришибет Зорган – за

упертость и самоуправство... Кстати, именно этим мужчины и отличаются от нас, женщин, ибо мужская логика гласит: узнаю – убью! А женская нашептывает иное: хоть убей – узнаю...

Снежок мелодично похрустывал под сапогами. Неполная луна подсматривала за мной с небес, напоминая насмешливо прижмуренный глаз ночного забулдыги. Мысленно коря себя за глупый героизм и неумную любознательность, я шагала по направлению к городской окраине, понимая, что обратного пути уже нет. Интересно, как я собираюсь бороться с демоном? И о чем на самом деле говорится в непонятной записке пророчицы?

– Кхм... – вдруг негромко раздалось у меня за спиной.

Я подпрыгнула от неожиданности, остановилась и медленно обернулась, приготовившись увидеть уж если не самого Абалама, то точно с полсотни его приспешников... Но на улице никого не наблюдалось. Хотя нет, вон за тем сугробом, кажется, кто-то прячется и, судя по запаху, сильно боится...

– Покажись, монстр неведомый! – храбро потребовала я.

Из-за сугроба тут же выбрался мальчик Игги, одетый в добротный тулупчик и счастливо улыбающийся во все восемь своих молочных зубов...

– А ты чего тут забыл? – Я почти набросилась на мальчишку, после того как убедилась – мое сердце не выпрыгнуло из груди, вернее, чуть не выпрыгнуло, и в штанах у меня по-прежнему сухо. – Один, на улице, посреди ночи!.. Куда смотрят твои родители... Кстати, ты их нашел?

– Нашел! – пуще прежнего заулыбался негодник Игги. – И родители Светанки шлют тебе привет и благодарность. А мой папа служит охранником в храме. Он слышал ваши разговоры про «двуглавую», рассказал обо всем маме за ужином, а я их подслушал, вот... – И мальчишка так картинно упер руки в боки, словно безмерно гордился своим поступком.

– Подслушивать старших – нехорошо! – попеняла ему я.

– Мама тоже так говорит, – лукаво ухмыльнулся Игги, – но зато я сбежал из кровати и долго ждал тебя на улице, чтобы сообщить нечто важное!

– И? – насторожилась я.

Маленький озорник сделал приглашающий взмах ладошкой, предлагая мне нагнуться пониже. Пришлось подчиниться...

– И? – напомнила я, почти уткнувшись губами в его шапку.

– Я знаю, что такое «двуглавая»! – торжественным шепотом сообщил Игги, донельзя довольный своей осведомленностью.

– Упс! – скорее шокированно, чем обрадованно выдала я. – А ты, случаем, не врешь?

– Не хотите – не верьте! – обиженно надул губы мальчишка. – Двуглавая – это здоровенная сосна к северу от города. Мы под нею зимой купаемся... – Но договорить он не успел, ибо с другого конца улицы раздалась заливистая трель свистка и донеслись тревожные крики: «Игги! Где ты? Отзовись! Рогнеда, ты где?»

Не сговариваясь, мы с Игги бегом дунули в разные стороны. Я – опасаясь быть пойманной и возвращенной под бдительное око Зоргана, мальчишка – ожидая справедливого наказания за ночной побег из отчего дома. Полагаю, в случае поимки нам обоим грозила хорошая взбучка...

Я опомнилась лишь тогда, когда последние городские заборы остались далеко позади. Перешла на шаг, поправила сбившиеся набок перевязи с саблями, обтерла лицо пригоршней снега и дальше шла уже целенаправленно, по мху на деревьях убедившись в том, что правильно выбрала нужное северное направление. Не знаю, много ли я отшагала таким образом, мучаясь недобрыми предчувствиями относительно грядущей встречи с демоном. В конце концов, мое поведение может оказаться в корне неверным – топаю куда глаза глядят, уповаю на очередную подсказку судьбы. Типа, демон так прямо меня и ждет – сидит себе под ближайшим кустиком, чаек попивает да плюшками балуется... А наивная княжна забредет к нему на огонек и...

– Ой! – Это я произнесла уже вслух, ибо и действительно увидела неяркий свет,

призывно маячащий впереди...

Я бездумно шла на свет, уподобившись летящему на огонек мотыльку. Хотя мне сразу же стало понятно – этот свет исходит отнюдь не от костра или факела, потому что имеет странную, какую-то голубоватую окраску, несвойственную обычным источникам огня. Но любопытство пересилило страх, поэтому я упрямо перла напролом, исцарапав руки о ветки кустов и начерпав снега в сапоги. Вскоре, раздвинув лапы молодого ельника, я очутилась на небольшой лесной поляне... В ее центре возвышалась огромная куча снега, испускающая приглушенное голубоватое сияние. Тепла от этого света не чувствовалось...

– И только-то? – разочарованно вздохнула я. – Возможно, снег припорошил кучку гнилушек, а я как дура перлась через половину леса, дабы в этом убедиться! – И я подняла ногу, намереваясь со злостью пнуть ни в чем не повинный сугроб. Подняла, да так и замерла с нелепо занесенной для удара ногой...

Будто разгадав мое намерение, сугроб неожиданно зашевелился, взбугрился и снопом искрящихся снежинок взлетел вверх, закручиваясь в тугой кокон... Я возмущенно замотала головой, ведь часть снежинок осела на мои нос и лоб, припорошив их, словно колючая пудра. Я отерла мокрые щеки ладонью, проморгалась, а затем потрясенно вытаращилась на странное существо, неожиданно возникшее передо мной.

Снег опал, а на месте прежнего сугроба стоял высокий, худой воин, облаченный в серебряные доспехи. В правой руке он держал причудливо иззубренный меч, а в левой сжимал округлый щит, похожий на зеркало. Поднятое забрало шлема не скрывало лица воина – страшного, отталкивающего черепа, полностью лишенного плоти. В глазницах чудовища горели синие огоньки, а челюсти не могли сомкнуться полностью – столь велики и остры были усеивающие их зубы. Сам воин, его одеяние и оружие ослепительно сияли и переливались в скудном лунном свете, ибо целиком и полностью состояли из снега.

Тварь приоткрыла пасть и проскрипела:

– Ну, вот мы и встретились с тобой, княжна Рогнеда!

– Ты меня знаешь? – удивилась я.

– Давно, – тварь лязгнула доспехами и сделала шаг вперед, – давно я слежу за тобой и пытаюсь остановить. Я сменил несколько обликов, но так и не смог приблизиться к тебе. Ранее мне этого не удавалось, но сегодня...

– Понятно! – Я выхватила сабли из ножен и встала в боевую стойку, как учил меня воевода Нелюд. – Полагаю, ты и есть тот самый враг-колдун, о коем меня уже неоднократно предупреждали. И именно ты разбудил...

– Снежного демона Абалама! – рыкнула тварь, одним прыжком преодолела разделяющее нас расстояние и обрушила на мою голову невыносимый по мощи удар тяжелого клинка...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Вы когда-нибудь видели небо в алмазах? Поверьте мне на слово – это безумно красиво... И дико больно!

Примерно такие ощущения я и испытала, получив по голове удар от демона Абалама. К счастью, клинок противника всего лишь плашмя задел мой висок, но и этого оказалось достаточно... И пусть меч твари был сделан из снега, но весил он намного больше, чем стальной кладенец королевы орков. Я еле удержала сабли в руках, когда первая же атака демона вогнала меня по щиколотку в снег... Нет, я конечно же смогла кое-как отбить его нападение, но в голове у меня звенело, перед глазами плыли зеленые и синие звездочки, во рту появился сладковатый привкус крови... Я сразу же поняла, что против этого соперника

мне не выстоять. Похоже, сию снежную тварь вообще невозможно победить! А если и возможно, то исключительно магией, но отнюдь не обычным оружием. Между тем Абалам уже наслаждался победой. Он отступил на шаг, опустил меч и торжествующе воззрился на увязшую в снегу меня. По его губам змеилась злорадная ухмылка.

– Ну вот и настал твой последний миг, княжна! – проскрипело чудовище. – Полагаю, честь и гордость не позволят тебе отступить и ты примешь свою смерть с достоинством, как и положено благородному человеку?

– А вот фиг тебе! – громко заорала едва очухавшаяся я, бросила сабли в ножны, выпрыгнула из сугроба и во весь дух помчалась в глубь леса, краем сознания уловив, что почему-то не отклоняюсь от первоначального маршрута и продолжаю упорно двигаться на север.

– Стой, трусиха! – возмущенно завопил демон, устремляясь в погоню за мной. – Остановись и сражайся!

Но куда там, я и не думала останавливаться. При чем тут честь и гордость, если я банально хочу жить? Пусть даже с клеймом трусихи, но это куда лучший вариант, чем героически погибнуть в столь молодом возрасте... Извините, это не для меня! Подумать только, а мои друзья сейчас дрыхнут без задних ног и даже не подозревают, в какие неприятности я вляпалась. Все дрыхнут, включая паучишку. Отведав храмовых яств, Огонек и Грымза с двух сторон закатились под распахнутые крылья крепко спящего дракона и залиvisto захрапели. Уж не знаю, чем там храпят пауки и какая пара лап у них задняя, но факт остается фактом – погрузившись в мир сновидений, Огонек посвистывала и посапывала едва ли не громче самого Трея. И ведь проспят все на свете, негодники, даже не узнают, где могилка моя...

Хрясть! – новый удар вспорол снег за моими пятками, едва не подсекая меня под сухожилия. Втянув голову в плечи, я прибавила скорости. Демон не отставал. Он не бежал, а словно плыл над снегом, намеренно то позволяя мне вырваться вперед, то снова догоняя. Абалам наслаждался своим триумфом, превратив нашу погоню в увлекательную игру. Естественно, увлекательную лишь для него одного. Я же ощущала себя не слишком комфортно, отлично понимая – это сама смерть едва не наступает мне на пятки и морозно дышит в затылок. Но что еще мне оставалось делать? Наши силы не равны, а сойтись с Абаламом в открытом бою значило обречь себя на неминуемую гибель. Ведь вопрос отнюдь не в том, сумею ли я его победить, а в том – сколько секунд продержусь, отражая удары ледяного клинка...

Неожиданно лес расступился, выпуская меня на крутой обрыв, под которым зияла пасть огромного провала – там начиналась расщелина между двумя горными хребтами. Ночь кончилась вместе с лесом, и перед моими глазами предстали открытые небеса, постепенно окрашивающиеся в нежный розовый цвет. А на самом краю утеса росла высоченная сосна с раздвоенной вершиной, очевидно некогда расколотой точным попаданием грозовой молнии...

«Так вот ты какая, двуглавая! Выходит, Игги меня не обманул», – обрадованно подумала я и тотчас поплатилась за легкомыслие – очередной удар ледяного меча высек искры из камней у меня под ногами. Я взвизгнула, отпрыгнула и метнулась к сосне, мечтая найти между ее корней хоть какое-нибудь убежище...

Ствол двуглавой отличался необхватной толщиной. Даже разведя руки, я бы не смогла обнять могучую сосну, казалось самонадеянно бросающую вызов всему и всем на свете – свищущему в ущелье ветру, неприветливым небесам, умопомрачительной высоте и одиночеству. Из-под корней двуглавой бил звонко журчащий по камушкам ручеек, образуя небольшое озерцо, окутанное паром. Я сначала удивилась, а потом ощутила исходящий от воды жар, вспомнила слова Игги: «Мы там зимой купаемся», и поняла – да это же горячий источник, не замерзающий даже в самый лютый мороз.

«Интересно, почему пророчица назначила мне встречу именно возле источника? – вихрем промелькнуло в голове. – А мою встречу с Абаламом она тоже предвидела? А мою

гибель от его ру... Ой!» – И тут меня осенило...

Правильно, все правильно предвидела мудрая пророчица Алька! Недаром она зазвала меня под такую приметную сосну. Недаром возле источника стояло кем-то позабытое, а еще вероятнее – специально оставленное для меня ведро, ибо чем еще можно победить непобедимого снежного демона? Ага, ведром... Вот то-то же!..

Я остановилась под сосной, спиной загораживая ведро, предательски выделяющееся на фоне серо-бурой древесной коры. Гордо скрестила руки на груди и немигающим взглядом уставилась на демона, замершего с занесенным мечом и, похоже, оторопевшего от произошедшей со мной метаморфозы. Ведь еще мгновение назад я панически визжала и улепетывала, а сейчас на тебе – стою вся такая героическая, ничего не боюсь, о пощаде не умоляю. Парадокс! Есть от чего оторопеть.

– Одумалась! – довольно констатировал демон. – Ведь от смерти не сбежишь, не скроешься, наконец-то ты это поняла. Настал твой конец, княжна!

– Ага, одумалась! – согласилась я, смиренно открывая грудь, переводя руки за спину и незаметно хватаясь за дужку ведра. – Я же обещала...

– Кому обещала? – заинтересовался Абалам, опуская меч и придвигаясь ближе.

– Женщинам и детям в городе! – спокойно пояснила я.

– Чего обещала? – Заинтригованный демон даже шею вытянул, боясь упустить малейшее мое слово.

– Смерть обещала! – не стала скрывать я.

– Свою? – неподдельно изумился мой враг. – Княжна, не ожидал я от тебя такой глупости...

– Ты много чего от меня не ожидал! – Я молниеносно погрузила ведро в озерцо, вдернула обратно – до краев полное горячей водой, и с размаху окатила ею ничего не подозревающего Абалама. – Твою смерть я им обещала! – рывкнула я, наблюдая как покрываются ледяной коркой лицо и руки демона, как тускнеют его глаза, цепенеют пальцы, а по лбу разбегается тонкая паутинка трещинок... А затем выхватила из ножен сабли и в несколько ударов превратила снежного демона в грудку бесформенных ледышек. – Вот говорила же – все кости тебе переломая! – Я громко выдохнула и скорее обессиленно упала, чем села на нагретые камни. – А я девушка честная: свои обещания выполняю...

Ощувив чудовищную боль, Гедрон лла-Аррастиг с визгом схватился за щеки, ожидая обнаружить раны и кровь. Приступ конвульсий, охвативших все тело чернокнижника, постепенно стихал. Вскоре его отпустило окончательно. Гедрон отнял руки от лица, осмотрел пальцы, боясь увидеть на них кровь, но ничего похожего не обнаружил. Значит, это только созданный чернокнижником демон Абалам пал сейчас от сабель княжны Рогнеды, сам же Гедрон остался цел и невредим – отделался кратковременным болевым шоком и испугом. Но как избавиться от перенесенного унижения? Опять его победила неотесанная деревенская девчонка! Его – постигшего все тайны темного магического учения, его – вошедшего в доверие к властелинам мира сего, его... Тут чернокнижник сердито хмыкнул, ибо каким бы сильным он ни становился, проклятая княжна неизменно оказывалась еще сильнее, сама того не подозревая. Где же черпает она вдохновение для новых свершений и побед, почему упорно идет к намеченной цели, не обращая внимания на полученные раны? Возможно, потому, что идет вовсе не ради себя, а лишь для счастья и благополучия тех, кого любит, кем дорожит. Так вот, значит, кто является неисчерпаемым источником ее силы – любимый мужчина, чье чувство ее и окрыляет, и поддерживает. А если лишить девчонку объекта этой любви, погубить ее любимого – то она сразу же станет досягаемой и уязвимой...

Озаренный этой мыслью, Гедрон мгновенно позабыл о нанесенном ему оскорблении и бросился потрошить шкаф с книгами, отыскивая некий манускрипт, содержащий одно древнее, крайне необычное заклинание...

– Кхм... – Кто-то негромко и весьма деликатно откашлялся у меня за спиной, выводя из задумчивости.

Я порывисто вскочила и обернулась...

Передо мной стояли две женщины – молодая и пожилая, облаченные в добротные зимние одежды. Первая – почти девочка, лет шестнадцати на вид. Не красавица – приземистая и пухленькая, из-под капюшона плаща на грудь спускаются две косички ярко-рыжего цвета. Лоб прикрыт скромной бисерной повязкой, щеки в веснушках, забавный нос картошкой, но – в противовес всему вышеперечисленному – с довольно обыденного лица деревенской простушки на меня смотрели пронизательные глаза с хитринкой, голубые, словно васильки. Вторая – высокая и дородная дама среднего возраста, с тонкими, сварливо поджатыми губами и с затейливой прической, спрятанной под пуховую шаль. Я мгновенно догадалась, кем являются эти женщины...

– Здравствуйте, госпожа пророчица Алька! – Я церемонно поклонилась даме с прической, и: – Привет, Доротея! – по-свойски помахала рукой рыжей девчонке.

– Пусть тебя паук съест, охальница! – негодуя ахнула дама. – Да как ты смеешь оскорблять мою госпожу?!

– Чего? – недоуменно вытаращила глаза я, буквально обалдев от таких слов. – Кого это я тут оскорбила?

– Не обращай внимания на пафос Доротеи, – хихикнула рыжая девчонка, подсакивая ко мне и восхищенно тормоша. – Пророчица Алька – это я. Слушай, какая же ты молодчина! Здорово с Абаламом расправилась!

– Это ты молодчина! – нашла силы ответить я, ибо голова у меня кружилась – перегруженная потоком свалившейся на нее информации. Получается, избранная и говорящая с богами ясновидящая – отнюдь не величественная дама, а рыжая оторва, примерно моя ровесница. Ну и дела! В этом дурном городе все шиворот-навыворот! – Оставила мне подсказку в записке и даже ведро приготовила!..

– Большинство подвигов так и совершается, по подсказке да наводке! – Егоза Алька крутилась вокруг уставшей меня как юла, видно – энергия в ней была через край, а я не успевала следить за ее заполошными метаниями. – Только от этого они не перестают быть подвигами!

– А почему ты сама с ним не расправилась? – Я остановила чересчур подвижную пророчицу, крепко ухватив за плечо.

– Не могу, – честно захлопала ресницами простодушная Алька, – чем угодно поклянусь, но нельзя мне живых существ убивать. Сразу дара лишусь...

– Ясно, – понимающе кивнула я. – А из храма почему убежала? Вроде тебя-то никто насильно замуж идти не принуждал?

– Не-а, – просияла радостной улыбкой девчонка. – Видение у меня было, что после твоей победы над демоном я счастье свое долгожданное встречу, рядом с тобой. Вот я и убегла... Ну давай, – она аж на месте от нетерпения приплясывала, – веди меня к моему счастью, мочи уже ждать нету!

– Пошли, – вымотанно вздохнула я, с тоской понимая – до города нам еще тащиться и тащиться, – пока ты меня со своим нетерпением в могилу не загнала!

Никогда не мечтала о стезе пророчицы, но мое мрачное предсказание относительно могилы едва не исполнилось, ибо к Гындыркару я подошла еле живой, громко пыхтя, словно загнанная лошадь, с трудом волоча одеревеневшие, напрочь отказывающиеся подчиняться ноги. Доротея тоже вся изворчалась, жалуясь на ревматизм, вполне естественный в ее возрасте, зато резвой Альке все было нипочем. Всю дорогу до города она вприпрыжку неслась впереди нас, то пускаясь в длительные рассуждения о жизни, то начиная негромко напевать. Девчонку так и распирало от предвкушения...

Протиснувшись сквозь столпившийся на улице народ, мы вступили на храмовую площадь, и первым, кого мы там встретили, стал Михась, скромно сидящий на чурбачке и полирующей свой кривобокий шлем. Увидев нас, мой верный оруженосец выронил элемент

обмундирования, вскочил и...

– Ах, какая хорошенькая! – возопил он, вперившись взором в раскрасневшуюся от волнения Альку.

– Ах, какой лапочка! – не осталась в долгу юная пророчица.

После чего они замерли, не замечая никого вокруг, взявшись за руки и не сводя друг с друга горящих обожанием глаз...

– Все с вами понятно, – насмешливо проворчала я, вскарабкиваясь по ведущей в храм лестнице и попадая в торопливо распахнутые объятия друзей, – любовь с первого взгляда у вас приключилась! Ну и ладненько, а я спать хочу. Милуйтесь там на здоровье. Как говорится, кому и кобыла – невеста, а кому и Михась – жених!..

А еще спустя три дня мы прощались с Алькой, обнимаясь у окраинных городских домов. Час для ухода из Гындыркара мы выбрали весьма ранний, пока все еще спят и не кинутся нас провожать, ибо уходить из гостеприимного места под рыдания целой толпы народу – примета нехорошая.

– Точно остаешься? – в последний, тысяча первый раз спросила я у Михася, не отпускающего руку своей пророчицы. – Уверен, что не передумаешь, не пожалеешь и домой не захочешь?

– Тут теперича мой дом! – непривычно серьезно покивал Михась. – С Алькой останусь на веки вечные, – он любовно уставился на свою ненаглядную рыжюльку, – и никогда уже ее не покину. Все у нас уже решено. Я в храмовую дружину вступлю, поженимся, детишек нарожаем...

– Точно! – поддакнула девчонка, крепче сжимая их переплетенные пальцы. – Я как тебя первый раз увидела, у меня аж сердце екнуло!

– Серьезный аргумент! – насмешливо согласился подслушивающий нас Зорган. – У меня вон оно от каждой новой выходки Рогнеды все екает и екает...

– А ты привыкай, тренируйся! – спокойно предложила я.

– Птичка ты моя сладкоголосая! – расплылся в наигранно приторной улыбке ехидный эмпир. – Мозгоклюйка! Ишь как поет? – Он подмигнул пророчице.

Но Алька ничего ему не ответила, только нахмурилась и отвела глаза.

«Чего это с ней?» – мысленно удивилась я.

– Я ведь на Ледницу за судьбой своей приплыл, – поддержал любимую Михась. – Вот и нашел.

– Ну, совет вам да любовь тогда! – фыркнул Зорган и зашагал за значительно ушедшей вперед группой, сделав мне красноречивый жест – дескать, не задерживайся долго.

– Будь счастлив, дружище! – Я растроганно похлопала своего оруженосца, вернее – уже бывшего оруженосца, по плечу. – Спасибо тебе за все!

– Пусть хранят вас боги, княжна! – Михась сдернул с головы шапку и поклонился в пояс. – Счастливого пути!

– Твои бы слова да судьбе в уши! – хмыкнула я, в последний раз прощально махнула рукой, отвернулась и только вознамерилась догнать Зоргана, как...

– Постой! – неуверенно выдохнула Алька, с каким-то жалобным всхлипом. – Слушай, не ходи туда, а?.. Нехорошо там...

– Везде нехорошо, – улыбнулась я, оборачиваясь к ней и стараясь не выдать вспыхнувшего в душе страха. – Так прикажешь вечно на одном месте сидеть и никуда не ходить?

– А чем тебе наш город плох? – непритворно возмутилась пророчица. – Живите, вас никто отсюда не гонит.

– Ничем не плох, – не стала спорить я. – Да только... ну как бы тебе объяснить... – Я на миг задумалась. – Не мой он. Не по сердцу он мне, понимаешь?

– Понимаю. – Алька отерла повисшую на ресницах слезинку. – И бесполезно уговаривать тебя остаться?

– Бесплезно, – подтвердила я.

– И все равно я сказать должна, а то до смерти себя корить потом стану, – упрямо надулась моя собеседница. – Видение мне было, про тебя, Рогнеда...

– И? – внутренне напряглась я.

– Будто летишь ты по черной трубе, из коей ни входа, ни выхода нету, – сбивчиво рассказывала пророчица, то краснея, то бледнея от волнения. – Летишь в какое-то страшное место, куда живым людям дороги нет...

– Думаешь, я умру? – Кажется, я ожидала услышать нечто подобное, поэтому даже не испугалась толком, так, совсем немножко.

– Ага! – виновато кивнула Алька. – Ты там поосторожнее, если чего... Ну, в общем, я тебя предупредила!..

– Пойми, не могу я не пойти! – воскликнула я. – Там меня ждет моя судьба. И я хочу ее узнать!

– Ага! – повторно кивнула пророчица. – Говорят же, что от судьбы не уйдешь!

– То-то и оно! – согласилась я и облегченно вздохнула. Ну вот – решение принято, и обратного пути для меня уже нет. – К тому же мы все когда-то умрем... Спасибо, прощай! – И я почти бегом припустила к терпеливо поджидающему меня Зоргану.

– Умрем! – шепотом подтвердила Алька мне в спину. – Но ведь не такой же страшной смертью!..

Но я ее уже не услышала...

День в дороге принес множество сюрпризов. Во-первых, как только мы отошли от города, погода начала улучшаться на глазах. Мы словно путешествовали из зимы в лето, ибо с каждым новым шагом снега на земле становилось все меньше, из-под него проглядывала молодая травка, а порывистый, колючий северный ветер сменился на ласковое теплое дуновение.

– Чудо, чудо! – восторженно лепетала Витка, бегая по лесной опушке и сплетая венок из желтых цветков мать-и-мачехи.

– Не забывай, ты находишься на полигоне богов, девочка! – наставительно поправил ее слепой, с наслаждением вдыхая аромат пряных трав. – Здесь все подчиняется их воле...

– Возможно, они удовлетворены итогами пройденного испытания и решили устроить нам кратковременные каникулы? – предположила Лиззи.

– Хорошо бы, – вздохнула Кайра. – А то все идем, идем, и пути нашему не видно ни конца ни края. Надоело... А куда и зачем мы идем? – Вопрос явно предназначался мне.

Я опустила руку в карман куртки, нащупала монету, подаренную мне Речной невестой, и ответила:

– Идем за второй монетой, как и предсказал жрец. Думаю, пока не найдем все три – в Храм Смерти нам не попасть...

– Попасть – за монеты, – развил мою мысль Вольдемар. – А вот как из него выйти?

– Дойдем – узнаем, – успокоила его я, пытаюсь отогнать нехорошие предчувствия, спровоцированные Алькиным предостережением. – Вернее, когда дойдем. Полагаю, еще не скоро.

– У-у-у, – разочарованно протянула Витка, – этак мы до скончания веков тут будем бродить...

– Возможно, – безмятежно улыбнулась я, – но ничего другого я придумать не могу. А ты если критикуешь мое решение, то предлагай свое – лучшее.

Но златокудрая красавица лишь неопределенно пожала плечами, демонстрируя абсолютное отсутствие собственных идей. И поэтому нам не оставалось ничего иного, как подтянуть ремни дорожных сумок и продолжить путь...

Сумерки сиреневым покрывалом сгустились над нашими головами, когда мы вышли к околице какой-то крохотной деревеньки, насчитывающей от силы десятков дворов.

– Не знаю, куда мы попали, – сознался Бальдур, уловив мой вопрошающий взгляд. –

Никогда не бывал в здешних местах, и вообще, до меня даже слухи не доходили, касающиеся того, что находится за Мертвым лесом. Зато, – он самодовольно потряс своим блокнотом, – я описываю все обнаруженные нами достопримечательности и составляю подробную карту острова. Потомкам пригодится... – Орк буквально наслаждался ощущением собственной значимости.

Я иронично хмыкнула. Тоже мне, географ и картограф доморощенный!.. Заглянула я как-то в его тетрадь... Если потомки ее однажды прочитают, то стопроцентное закукливание мозгов им обеспечено. В интерпретации Бальдура хроника нашего похода напоминает эпически-хвастливое повествование о подвигах каких-то могучих магов и героев, а нарисованная им карта больше смахивает на обеденную скатерть, на которой не только хорошо поели, но еще и залили ее различными соусами – сплошные непонятные пятна, кружочки и треугольнички... М-да, жаль наших гипотетических потомков, коим предстоит разбираться в этой байде...

– Рогнеда, – негромко позвал Зорган, отвлекая меня от неуместного философствования, – давай постучимся в ближайший дом и попросимся на ночлег.

– Давай, – поддержала его задумку я, ибо спать хотелось – просто не вмоготу, легко перемахнула через невысокий палисадник и постучала в ставни, закрывающие окно невзрачного, покосившегося домишки. – Хозяева, эй, хозяева, есть кто живой?..

Ответом нам была гнетущая тишина.

Я постучала повторно, а затем приложила ухо к щели между ставнями, и...

– Васько, а Васько, ну сделай же шо-нибудь! – донесся до меня испуганно-сбивчивый женский шепот. – А вдруг там разбойники?

– И че я сделаю, Каринка? – нехотя пробурчал сонный мужской бас.

– Ну, пойді хоть собаку разбуди! – находчиво предложила неизвестная мне Каринка.

– Щаз, Бобик не дурак, так он тебе и проснулся. Жди, – скептически парировал Васько. – Вон он дрыхнет, храпит громче нас...

Я смешливо прыснула в кулак.

– Да не разбойники мы, а паломники! – прокричала я. – Пустите переночевать, ради богов!

– Паломники к нам ни в жисть не заглядывали, – недоверчиво отозвался невидимый для меня Васько. – Идите вы отсель, люди добрые, покуда я на вас нашего волкодава не спустил... – Его слова поддержал смачный, явно не человеческий храп. – И вообще, у нас дома никого нет, хозяева в город уехали! – закончил мужик, поняв, что злобным сторожевым храподавом нас не напугать.

– А вы тогда кто? – уже неподдельно удивилась я.

– Кукушка в часах, – нашелся разговорчивый Васько. – Ай... – Похоже, он получил ощутимый толчок под ребра и тут же поправился: – Вернее, две кукушки! Ку-ку, ку-ку!

– Ага, крыша у тебя ку-ку, это заметно! – сердито проворчала я, перелезая обратно и чуть не заваливая хлипкий заборчик. – Не пустят, – я бессильно развела руками в ответ на многозначительный взгляд виконта, – ибо трусливы местные жители – безмерно.

– Ну и чихать на них! – обиженно скривилась Витка. – Так обойдемся.

Мы вышли за деревенскую околицу и устроились возле стога сена, разведя небольшой костерок, над которым пристроили котелок с похлебкой. Конечно, не ахти какие шикарные условия, но с другой стороны – не самый плохой ночлег, случалось и хуже.

– Эй, ты куда опять намылилась? – бдительно поймал меня за руку Зорган, когда я совсем уже собралась отойти в сторону небольшой осиновой рощицы. – Не пушу, хватит мое сердце еканьем донимать...

– По нужде, до ветру, – терпеливо улыбнулась я. – Или ты и туда меня одну не отпустишь?

– Только недолго, – предупредил Зорган, нехотя выпуская мои пальцы из цепкого захвата своего кулака. – И если чего – кричи!

– Вроде бы я уже слышала однажды нечто подобное... – задумчиво бормотала я, шагая

к призывно шелестящим осинкам. – Но вот когда и где?

При ближайшем знакомстве рощица оказалась куда более густой и обширной, чем выглядела со стороны. И что важно – обильно заросшей развесистыми, шелковистыми лопухами... Я оглянулась на отблески костра, виднеющиеся сквозь ветки деревьев, ругнулась и направилась дальше, в глубь рощи. Набрела на кустики крупной черники, оказавшейся необычайно сладкой, и – увлеченно собирая ягоды прямо в рот, все шла и шла вперед, начисто позабыв о первоначальной цели своей прогулки. Ибо похлебка когда еще сварится, а есть хочется даже больше, чем спать...

– Ой! – вскрикнула от неожиданности я, ибо осинки вдруг расступились, выведя меня на небольшую полянку, в центре коей на пеньке сидела опрятного вида старушка в лаптях, одетая в сборчатую юбку и деревенский кафтан из небеленого полотна. Лицо женщины обрамлял низко повязанный платок, оставляя незакрытыми лишь черные бусинки глаз, крючковатый нос с крупной бородавкой на конце, тонкие губы и неожиданно массивный, упрямый подбородок.

– Чего орешь? – осведомилась старуха неприязненно. – Ночью спать положено, а не орать или по лесу шастать!

– Верно! – смущенно согласилась я. – Извините. Я пойду... – И сделала робкий шаг назад, не осмелившись повернуться спиной к этой странной бабке. «Интересно, что она сама делает ночью в лесу, причем – одна?» – промелькнуло у меня в голове.

– Тебя жду! – словно прочитав мои мысли, насмешливо изрекла старуха.

– Э-э-э... – растерялась я, будучи не в состоянии выдать более вразумительную фразу. – Зачем? – после того как первый шок прошел, осторожно спросила я.

– Есть хочешь? – непоследовательно поинтересовалась моя собеседница, разворачивая удерживаемый на коленях сверток.

– Да! – честно призналась я, наблюдая, как из свертка, оказавшегося большим полотняным платком, появляется пара пирожков – с виду вполне аппетитных. – Очень.

– На, угощайся. – Бабуля подала мне пирожок, в который я незамедлительно впиалась зубами, по-кошачьи урча от удовольствия.

– Вкусно, – невнятно прочавкала я, прожевав очередной кусок. – А с чем он?

– С кониной и рябчиками, – хитро улыбнулась ушлая старуха.

– И в какой пропорции? – не отставала любопытная я.

– Один к одному. – В голосе старухи заметно прибавилась ехидства.

– Что-то ты, бабуля, перепутала, рябчик не чувствуется совсем, – упрекнула я.

– Ну не знаю, не знаю, – затрясла головой изворотливая старуха. – Я на одного коня точно одного рябчика клала...

Препираться дальше уже не имело смысла, ибо пирожок закончился. Я вытерла руки о лопух и спросила напрямую:

– И сколько я за него должна? Не верю в бесплатные угощения...

– Две монеты! – испытующе прищурилась старуха.

«Дороговато!» – мысленно вздохнула я, но делать нечего – полезла в карман и выложила два медяка, честно заработанных в Лысых Горках.

– Не те! – Бабка брезгливо потрогала медяки заскорузлым пальцем и сделала выразительный жест – «убери».

– Других – нет! – нахмурилась я, шокированная подобными капризами.

– Ой врешь, девонька! – Черные глаза-бусинки будто прожигали меня насквозь. – Другие монеты доставай...

– Какие? – искренне не понимала я.

– Одна тебе от Речной невесты досталась... – насмешливо подсказала старуха. – А другая...

– Так нет у меня другой! – почти взвыла я, задетая за живое. – Надобно найти, а нет пока. Одна она у меня всего...

– Плохо! – Туго стянутый головной платок укоризненно качнулся туда-сюда. – Не

боишься разочаровать богов, девочка?

– Бояться богов – на остров Ледницу не ходить! – строптиво пробурчала я. – Как говорится, чем богаты – тем и рады. Иного пока не заработали.

– Плохо! – еще печальнее повторила странная бабка. – Придется тебе подсказку дать. Еще одну... – Она выжидательно уставилась на меня, а я – ответно на нее, ибо ничегошеньки в этом намеке не поняла.

– Какую? – показательно тупила я.

– Охохонюшки, – горько вздохнула бабка, – горе ты мое луковое! Беда мне с тобой! Ну ладно, так и быть, подскажу тебе, где искать вторую монету...

– И где? – У меня аж уши от нетерпения зашевелились.

– Туда ступай. – Старуха довольно небрежно взмахнула рукой, указывая куда-то вдаль, за рошу. – В ту деревню, где люди пропадают. Там найдешь вторую монету богов. Коли сама не сгинешь, сумеешь ее взять и вернешься обратно... – Она издевательски хихикнула.

– Шутите небось? – не сразу поверила я, ибо подобная инструкция звучала совершенно неправдоподобно. – Взять... И что мне для этого сделать надобно?

– Да всего лишь то же самое, чего и все другие там делают, – уже не таясь рассмеялась старуха. – Чего уж тут непонятного.

– В смысле? – почти обиделась я.

– В прямом! – еще пуще захихикала бабка.

– Но если там все пропадают, – вслух рассуждала я, – то, значит, мне тоже придется...

– Моя нижняя челюсть потрясенно отвисла. – Мне тоже пропасть придется?

Бабка довольно кивнула.

«Кажется, зря я Альку не послушалась! – размышляла я, отстраненно разглядывая осинки и топчась по ни в чем не повинным лопухам. – Похоже, ее пророчество начинает сбываться. Ведь если я там пропаду, то как же потом вернуться обратно? Вот тогда мне точно кирдык настанет...»

– Кстати, спасибо за дочку! – Внезапно прозвучавшая фраза вывела меня из задумчиво-созерцательного состояния.

– Какую дочку? – порывисто обернулась я, но на пеньке уже никого не было, лишь на траве валялся оброненный платок из-под пирожков. – Дочку, дочку... – бормотала я себе под нос, зачем-то подобрав чужой платок, возвращаясь к костру и готовясь выслушивать очередную воспитательную тираду от Зоргана. – Ох!.. – Я даже споткнулась, осененная некой страшной догадкой. – Передать привет дочке мне поручила та мертвая старуха на кладбище... А эта, – я опасливо оглянулась, – не может же она оказаться той самой покойницей? Ох, не иначе как мне сама королева Смерть явилась? – И я растерянно продолжила путь, мучаясь неразрешимыми сомнениями относительно своей смелой гипотезы...

– Жалеешь уже, поди, что ввязалась во всю эту затяжную историю с путешествием на остров? – спросил меня Зорган после того, как мы отужинали и расположились на мягком сене. – Лишилась дома, семьи, друзей...

Я расслабленно таранилась в ночное небо, сплошь утыканное искорками далеких звезд, и не торопилась с ответом. Нет, я ни о чем не жалела. И более того, начинала подозревать, что иногда боги намеренно забирают из нашей жизни серебро, дабы дать золото. Главное – вовремя это понять!

– Можно подумать, у Рогнеды, да и у всех нас имелась возможность что-то сделать по-своему, – невнятно пробурчал слепой, невежливо подслушивающий наш разговор.

Я хмыкнула, мысленно соглашаясь с вредным, но отнюдь не глупым эльфом. Ведь когда не знаешь точно, как поступить, когда теряешься в выборе, то жизнь всегда выберет за тебя – и причем не всегда выберет самое лучшее. Именно это с нами и произошло!

– Не жалею, – ответила я всем сразу. – И если придется выбирать снова, я опять выберу то же самое: вас, остров, испытания, приключения, потери и ежедневное обретение чего-то

нового.

– Но разве жизнь складывается только из этого? – с горечью вмешалась Кайра. – Из испытаний и потерь?

– Жизнь складывается из того, что мы сделали сегодня, а не отложили на завтра! – поправила ее я. – И разве это плохо? Нет. Я ни о чем не жалею!

– И я не жалею! – поддержал меня Зорган.

– И я! – Голос слепца прозвучал хрипло, надтреснуто, словно его долго хранили в пыльном чулане, но тем не менее – вполне уверенно.

– И я! – пискнула Витка.

– И я! – кивнул Бальдур.

– И я! – немного подумав, сказала Кайра.

– И я! – вякнул из моего кармана дракон.

– И мы! – подхватили Лиззи с Вольдемаром.

Мы все выжидательно уставились на Тая, но принц взял гитару, улыбнулся, польщенный общим вниманием, и запел:

Немало бед случалось с нами,
И по вине, и без вины,
Таких, что не смягчить словами,
Не приукрасить именами —
Нет, ими не гордимся мы.
Нередко глупости творили
На радость спеси и врагам,
Родных своих недолюбили,
О кровном долге позабыли —
За то бывало стыдно нам.
Но, попадая в переделки,
У смерти стоя на краю,
С судьбою мы не шли на сделки,
Не поддались корысти мелкой —
Не предавали честь свою.
Платили кровью, а не златом,
Преодолели все трудом,
И, побывав в краю богатом,
Где жемчуга гребут лопатой —
Не забывали отчий дом.
В балладах разное поется:
И правда гнется в них дугой,
Но если выбрать вновь придется,
Пусть та же участь к нам вернется
И поведет нас в новый бой...

Глава 2

Ближе к полудню мы наткнулись на покосившуюся изгородь, огораживающую непонятно чего и невесть зачем тут поставленную. Связанные кожаными шнурками жерди тянулись вправо и влево, небрежно вколоченные в землю под разным углом наклона.

– Выпас, – определила опытная в деревенских делах Лиззи. – Думаю, пройдем еще немного вперед и выйдем к деревне...

Так и произошло. С невысокого пригорка нам открылось весьма обширное поселение, за коим начиналось не менее просторное кладбище. Из печных труб, торчащих над крытыми

дранкой крышами, поднимался дым, сладко пахло свежим печивом, где-то мычала корова, призывно скрипел колодезный журавль, а на улицах виднелись фигурки селян, неспешно идущих по своим делам. В целом оная деревня производила впечатление вполне оживленного и благополучного места... Вернее – могла бы производить, если бы не порядком запущенный погост, портивший всю картину, настолько угрюмым и нехорошим он казался. Невзирая на солнечный день, в центре кладбища клубился неприятный сероватый туман, часть могил провалились и выглядели то ли заброшенными, то ли разграбленными. Деревянные знаки богини Аолы, обычно устанавливаемые над погребениями, здесь встречались крайне редко, а те, что имелись в наличии, – давно покосились, что тоже наводило на определенные размышления.

– Жуть какая! – пискнула Витка, неприязненно отворачиваясь от древнего погоста. – Зачем жить с таким ужасным соседством под боком?

– А чего ты ожидала увидеть? – удивился слепец. – Не забывай, мы находимся во владениях смерти!

– Вот она, наяву предстала перед нами – наглядная демонстрация вечного симбиоза жизни и смерти! – ударился в философию Зорган, с пригорка придиричливо рассматривая очередной пункт нашего путешествия. – Местные жители последовательно переезжают из живой части деревни в мертвую, и так будет длиться вечно.

– Лишь бы они обратно не переезжали... – задумчиво пробурчала Лиззи, точно так же не сводя глаз с деревни.

Судя по выражению личика нашей магички, что-то ее тут беспокоило, вот только непонятно – что именно. Так и не разгадав загадку ее странной мины, я решила отложить оную проблему на потом, насильно заглушая голос собственной интуиции, на все лады кричащей, нашептывающей и подсказывающей: «Здесь что-то нехорошо». Но поскольку сама фраза ведьмочки показалась мне сущей ахинеей, то я легкомысленно от нее отмахнулась, а потом и вовсе позабыла, переключившись на иные, более насущные проблемы. И как вскоре выяснилось – зря...

Мы спустились с пригорка, намереваясь напроситься в деревне на постой и отдохнуть несколько дней. Мне к тому же никак не давали покоя слова, произнесенные той странной старухой с пирожками и касающиеся второй монеты богов, вроде бы должной находиться где-то поблизости. Хотя ехидная бабка четко намекнула: искомая монета здесь есть – да она не про мою честь. Ну ладно, это мы еще посмотрим!..

Второй местной достопримечательностью, после чрезвычайно необычного кладбища, стал придорожный указательный столб – древний, кривой и разохшийся, в незапамятные времена установленный при входе в деревню.

– Сопянки! – громко прочитала Кайра, с трудом разобрав выцветшие, полустершиеся буквы.

– Неправда твоя! – обидно заржал эмпир. – Видишь, кто-то мелом исправил букву «С» на «Ж»...

– Не смешно! – словно глотнув чего-то горького, поморщилась воительница, на дух не переносящая черный юмор эмпира. – Местная детвора баловалась, скорее всего...

– Э нет! – поддержал эмпир принц Тай. – Думаю, это сделали намеренно, и не в качестве хохмы, а на полном серьезе.

– Ну и дураки, значит! – чисто из женской солидарности, строптиво фыркнула Витка. – Ты бы хотел жить в деревне с таким идиотским названием?

– Да пусть она хоть Сладкие Карамельки называется, но не похоже, что тут медом намазано! – вместо эльфа ей ответил высунувшийся из кармана дракон. – Мне здесь не нравится, поэтому предлагаю обойти эти Жо... извините, Сопянки стороной.

– Почему не нравится? – наигранно удивилась я, в глубине души полностью разделяя мнение Трея.

– Не знаю, – неопределенно повертел носом дракон. – Но чего-то тут нечисто, копчиком чую.

– Нет у тебя копчика! – немедленно поддел его Зорган.
– Есть! – предсказуемо обиделся морально ранимый дракон. – Причем намного длиннее, чем у тебя!

– Любимое мужское занятие – копчиками мериться! – насмешливо прокомментировала Лиззи. – Согласна с драконом, но так хочется в баньке помыться и выспаться по-человечески – в кровати или, на худой конец, на лавке, а не в стогу сена, где каждая букашка так и норовит ко мне в штаны забраться...

– А эту букашку, случаем, не Вольдемаром ли зовут? – улыбнулась Кайра.

Волшебница целомудренно покраснела.

– Нет, я тоже не против нормального отдыха, но... – словно извиняясь, начала эльфийка.

– Но решать Рогнеде, – закончил за нее обычно молчаливый Вольдемар.

– Не нравится мне тут, – вдруг произнес Не знающий промаха стрелок, так же, как и дракон, напряженно нюхая воздух. – Не советую я вам искать здешнего гостеприимства, как бы оно нам боком не вышло.

– Прямо ли, боком ли, – недовольно пробурчала я, – но мы идем в деревню. – И первой ступила на гладко отесанные доски, уложенные на землю и заменяющие тут мостовую.

Меня вело вперед жгучее любопытство, преодолевающее любую осторожность – даже помноженную на здравый смысл, и четко осознаваемая необходимость разыскать вторую монету богов...

– А фи жьи тафие футеде? – осведомился мужик, снимая шапку и кланяясь. – Ис хафих межт?

– Чего-чего? – удивленно переспросил Зорган и громко захохотал. – Рогнеда, ты поняла, чего он там бормочет?

– Спрашивает, кто мы такие и откуда прибыли, – поспешно перевела я, мысленно ужаснувшись невероятной дикцией селянина. Интересно, это у него болезнь или нечто иное? А вдруг он заразный?

– А-а-а, ну так бы и говорил, – с облегчением выдохнул эмпир. – А то завел: жьи да хафих... Срамотища сплошная!

Я недовольно покачала головой, ибо инициатива пообщаться с местными жо... тьфу, то есть сопянкинцами конечно же всецело принадлежала мне. Мы шли по улочке, со всех сторон обстреливаемые любопытными взглядами, а потом я не вытерпела – поздоровалась с прилично одетым мужчиной и спросила, можно ли переночевать в их уютной деревне.

– Паломники мы, – пояснила я, правильно расшифровав услышанную от мужика «тарабарщину». – Идем к Храму Смерти.

– Яфно! – широко осклабился тот, и я чуть не ахнула, обнаружив очевидную причину его косноязычия. Во рту у мужика не было ни одного зуба!

– Ифем х жфарожте! – Он призывно махнул рукой, приглашая нас следовать за собой, и резво потопал по деревянному настилу, явно направляясь в центр деревни.

Нам не оставалось ничего иного, как удивленно переглянуться и воспользоваться столь недвусмысленным приглашением. Скорее всего, нас вели к местному представителю власти...

Как я и предполагала, наш самозванный проводник, по пути с грехом пополам сумевший донести до моего сознания, что зовут его Иванко и он является здешним шорником, привел нас к единственному в Сопянках двухэтажному дому, щедро изукрашенному деревянной резьбой и грубовато размалеванному красной краской. Встречные селяне не оставили без внимания нашу передвигающуюся ускоренной рысцой команду, поэтому к владениям старосты мы прибыли в сопровождении целого эскорта из трех десятков любезно улыбающихся и все как один беззубых мужчин и женщин, что лично у меня вызывало подсознательный страх. Либо они тут эпидемию тотального кариеса пережили, либо попали во власть маньяка-зубодера, либо в деревне творится что-то еще – не менее страшное и

непонятное... Кстати, друзья вполне разделяли мои опасения, многозначительно переглядываясь и перемигиваясь, а Витка, наиболее нервная из всех нас, так вообще слабо попискивала и норовила хлопнуться в обморок, заметив очередную щелястую улыбку...

Иванко проворно взбежал на крыльцо красного дома, схватил висевший на веревке молоток и требовательно заколотил им в резную филенку. В ответ на его призыв дверь немедленно распахнулась, и на крыльцо вышел рослый, полный, представительный мужчина, важно заложив большие пальцы рук за вышитый пояс, несколько раз обвивающий его внушительную талию. Посмотрев на нас, он отцепил руки от пояса, полез в карман и достал оттуда нечто завернутое в чистую тряпицу. Староста неторопливо размотал сверток и извлек (тут мы дружно ахнули) пару искусно сработанных вставных деревянных челюстей с зубами, кои невозмутимо вложил себе в рот...

– Мать моя женщина! – потрясенно прошептал Зорган, хватая меня за рукав. – Никогда не видел ничего подобного...

– И я! – поддержал его дракон, имеющий возможность наблюдать за всем происходящим буквально из первых рядов зрителей, а точнее – из нагрудного кармана моей куртки.

Между тем староста важно прокашлялся и заговорил:

– Приветствую вас, новые паломники, прибывшие в нашу деревню!

– Да никак мы тут не первые? – вслух удивилась Кайра.

– Совершенно точно! – благосклонно кивнул староста. – На моей памяти вы четвертая группа, коей удалось так глубоко продвинуться по территории острова.

Всмотревшись в глубокие морщины и богатую седину старосты, я мысленно прикинула его возраст. Визуально выходило, что годков ему должно быть никак не меньше шестидесяти, а то и все шестьдесят пять. И если мы только четвертые, то...

– Уважаемый, скажите, а что случилось с предыдущими тремя группами? – прямо спросила я, мучимая нехорошими подозрениями.

– Верно мыслишь, девочка! – Староста язвительно ухмыльнулся, захватив в кулак свою пегую бороду. – Они как переночевали в нашей часовне на кладбище, так к утру все и сгинули. Дальше никто не пошел...

– Оп-паньки, – охнул у меня за спиной принц Тай. – Спасибо вам за гостеприимство, но почему-то нам уже расхотелось у вас ночевать. – Он торопливо поклонился старосте, схватил меня за край куртки и потянул в сторону. – Рогнеда, уходим отсюда немедленно подобру-поздорову, пока целы...

– Стойте! – вдруг могучим басом загремел староста, делая красноречивый жест рукой. – Задержите их! – После этого приказа селяне отрепетированно взяли нас в кольцо, вооружившись невесть откуда появившимися топорами и вилами. – Никуда вы не уйдете, ибо такова воля богов!

– Вляпались, – почти злорадно протянул наш слепец. – Рогнеда, а ведь я тебя предупреждал, причем уже неоднократно, и...

– И в чем же состоит воля богов? – недослушав этого хронического нытика, требовательно спросила я. – Рассказывай все без утайки, староста, и тогда, клянусь, я выполню их пожелания. Выполню добровольно!

– Ну вот, совсем другое дело! – мгновенно подобрел староста и повторно махнул рукой, после чего все колюще-режущее исчезло так же незаметно, как и появилось. – Заходите в дом, гости дорогие. Отведайте угощения, не побрезгуйте, а заодно – выслушайте о нашем горе великом...

Кормили нас в красном доме на славу, или, точнее, как выразился Зорган, на убой. Причем, выслушав пространный рассказ старосты, мы поняли – на убой во всех смыслах этого слова.

Плеснув в граненый стакан мутного самогона, староста Димитр выпил, горестно подпер кулаком рыхлую щеку и пустился в пространное повествование:

– Произошло это много столетий назад. Жил в нашем селении могучий черный ведьмак Вышегор. Поговаривают, будто даже имя свое он получил за то, что обладал такой великой мощью, с коей запросто управлял природными стихиями и двигал огромные камни. Вот только силу свою он брал не от добра, а забирал у селян их новорожденных детей да приносил в жертву демонам, которые в благодарность делились с Вышегором своим могуществом. Жители Сопянок долго терпели тиранию ведьмака, но потом не выдержали, накопили денег и наняли некоего богатыря, прозванного Зухтимом. Оный Зухтим прославился многочисленными подвигами, среди коих значилось и убийство нескольких черных колдунов. Вот и пошли люди на поклон к богатырю, умоляя избавить их от проклятого убийцы. Зухтим подумал-подумал, а затем согласился и деньги – принял... Три дня сражались Вышегор и Зухтим, сцепившись не на жизнь, а на смерть. Полыхало зарницами небо, и сыпались с него градины величиной с куриное яйцо. Сотрясалась земля, и гремел гром, а близлежащая река вышла из берегов. Но по истечении третьих суток в Сопянки вернулся богатырь Зухтим – весь чудовищно израненный и истерзанный. И поведал он людям следующее: не в силах человеческих победить ведьмака, но он сумел скрутить лютого врага и похоронить заживо в глубокой могиле, хотя перед тем Вышегор проклял жителей родной деревни, пообещав отомстить им за предательство. А еще Зухтим забрал у Вышегора некий волшебный артефакт, без коего ведьмак утратил большую часть своей силы и уже не сможет губить невинные жизни. Только артефакт этот нужно унести как можно дальше, чтобы не попал он обратно в руки ведьмака. Сказал Зухтим эти слова, ушел и сгинул. И никто о богатыре с тех пор не слышал... – Староста глотнул самогона и замолчал.

– Занятная сказочка, – недоверчиво усмехнулась я. – Вот только при чем тут мы и воля богов?

– А ты слушай, девочка, да не перебивай! – строго цыкнул на меня уже заметно нетрезвый Димитр. – Это только присказка, сама сказка – впереди...

Я согласно кивнула, ухватила с блюда кусок жареной курятины и приготовилась слушать дальше.

Староста снова смочил горло самогоном и вдохновенно продолжил:

– Не ведаю, много ли, мало ли лет прошло с поражения Вышегора и исчезновения Зухтима, а потом в деревне начали пропадать жители. Днем на наших улицах было многолюдно, зато ночью они пустели, а вместо людей появлялись всякие уродливые твари. А все селяне, кто еще остался жить в Сопянках, внезапно лишились зубов. И еще спустя некоторое время в деревню прибыл Охотник, принес письмо из храма, в коем значилось – боги велят всем прибывающим в Сопянки паломникам ночевать на кладбище, дабы разгадать тайну обрушившегося на деревню несчастья...

– Там те группы и ночевали, да только поутру никто с кладбища не вернулся? – прозорливо предположила я.

– Воистину так, кто-то их там растерзал и всю кровь выпил! – кивнул староста. – Теперь пришла ваша очередь на кладбище отправиться. Мои люди вас проводят... – Тут Димитр упал головой в тарелку с зеленым луком и оглушительно захрапел.

– Не стоит нас на кладбище провожать, сами дойдем, не сбежим, – заявила я, поднимаясь из-за стола и обращаясь к набившимся в комнату мужикам. – Я же поклялась. Дайте нам с собой провианта, возможно, мы там на несколько дней задержимся.

На меня взглянули недоверчиво-насмешливо, дескать, зачем вам еда, если ваша песенка уже спета, но тем не менее вручили увесистую корзину с хлебом, сыром, колбасой и кувшином парного молока. Мы медленно шествовали через деревню, провожаемые благоговейным молчанием, будто несомые на погост покойники. Впрочем, именно таковыми нас тут и считали. Я же, проанализировав полученную информацию, пришла к выводу – до храма уже недалеко, раз сюда Охотник с письмом приходил. Похоже, боги тоже поняли, что мы находимся на подступах к храму, и поэтому придумали для нас новое испытание – труднее, чем все предыдущие. Кровь из носу, а нужно любой ценой разобраться с этими пропападающими из деревни людьми и, как подсказала мне старуха с пирожками, найти

вторую монету. Уверена, она напрямую связана с этой историей про Вышегора и Зухтима...

– Теперь понятно, чего у селян с дикцией приключилось! – констатировал Тай, отвлекая меня от скорбных мыслей и на ходу с аппетитом уминая шаньгу с творогом. – А без зубов «с» в их речи сменилось на «ж»...

– С тех пор у них все через «ж»! – язвительно подхватил Зорган. – И название деревни, и сама жизнь!

– А мне их жалко! – всхлипнула чувствительная Витка. – Рогнеда, ты им поможешь?

– Постараюсь! – коротко пообещала я, терзаемая какой-то невнятной, еще не полностью оформившейся догадкой. У меня возникло ощущение, будто я уже где-то слышала эту историю про бесследно сгинувшего богатыря или точнее – как-то в нее замешана...

Путь к центру кладбища оказался не близким. Змеящиеся между могилами тропинки заросли травой и крапивой, земля проседала под ногами, норовя увлечь нас в ямы и выбоины. Стемнело так внезапно, что хоть глаз выколи – все равно ничего не видно, и мы сильно рисковали здоровьем, пробираясь между каменными надгробиями и острыми углами могильных оград. Почти выбившись из сил, мы все-таки приблизились к странному не рассеивающемуся туману, окутавшему центр погоста.

– Теперь я понимаю, почему и зачем он тут! – произнесла Лиззи, рассматривая серую тучу, нависающую над неброским каменным зданием с единственной, широко распахнутой дверью. – Этот туман – магический, кем-то специально созданный...

– Заходим внутрь, – приказала я. – А утром решим, как дальше поступим...

– Ты собираешься там ночевать? – панически завизжала Витка, дрожащим от ужаса пальцем указывая на часовню. – В проклятом месте? Да нас же там сожрут!

– А еще быстрее нас сожрут снаружи! – заявил Тай, хватая любимую в охапку и силком затаскивая внутрь. – Смотри, тут нет ничего страшного...

Принц оказался абсолютно прав, ибо внутри часовни не было ровным счетом ничего. Нас встретило пустое помещение, слабо освещаемое лунным светом, проникающим сквозь дырявую крышу. Стены уродовали подтеки дождевой воды, но пол радовал сухостью, чуть подпорченной толстым слоем пыли. Мы наспех смели ее вениками из полыни, растущей возле часовни, и заперли дверь изнутри, воспользовавшись тяжелым и совершенно целым железным запором, который Лиззи укрепила парочкой охранных заклятий.

– Гарантирую, сюда никто не проникнет. Рекомендую всем лечь и хорошенько выспаться, – предложила магичка, первой занимая угол помещения.

– Правильно, утро вечера мудренее! – поддержала я, последовав ее примеру.

Друзья еще немного повозились, справедливо распределяя полезную площадь помещения, и вскоре тишину в часовне нарушал лишь мерный храп мужчин да тонкое стрекотание цикад, доносящееся снаружи...

Ночь прошла довольно спокойно. За стенами часовни что-то периодически скрипело и ухало, чавкало и подвывало, но в двери никто не ломился и на наши жизни не покушался. Сквозь рваный сон мне даже чудилась чья-то осторожная поступь, но я не стала особо полагаться на свои впечатления, посчитав их галлюцинациями, ибо мало ли чего ночью на кладбище померещится. Возможно, от обещанных старостой бед нас уберегли заклинания Лиззи или нечто иное... Если честно, то лично я в силу магической защиты Лиззи верила слабо, ибо помнила предупреждение слепца о том, что на этом острове колдовство паломников почти ничего не значит. Но так или иначе, а поутру все мы чувствовали себя не менее здоровыми, чем вчера. Единственная неудача – корзинка с провиантом переночевала вне стен часовни. Вечером я повесила ее на ветку ракиты, да там благополучно и забыла...

– Вся еда на месте! – довольно констатировал Тай, заглядывая в корзинку. – Предлагаю позавтракать.

– Ну, если только всухомятку, – капризно скривилась Витка, также инспектируя состояние нашего про запас. – Молоко-то исчезло...

– Как? – удивился Зорган. – Кому эта дрянь понадобилась?

– Так! – передразнила его Кайра, переворачивая опустевшую тару, из которой не вытекло ни капли жидкости. – Кувшин – цел, но молока в нем нет. Кто-то его выпил...

– Нашелся же дурак, – уничижительно хмыкнул эмпир. – С детства молоко не люблю.

– Молоко не вино – много не выпьешь, – согласно поддержал Вольдемар. – Невелика потеря. Там, за оградой кладбища, я заприметил ручей, сейчас сбегаю за водой, и позавтракаем.

Во время завтрака друзья обменивались шутливыми репликами, радуясь погожему деньку, одна я молчала, задумчиво хмуря лоб. Мне не давала покоя пропажа молока... Интересно, кто на него позарился? Не удостоив вниманием ни хлеб, ни колбасу... Наверное, тот, кто тоже, как и все местные жители, испытывает затруднения с употреблением твердой пищи... Но вряд ли кто-то из местных жителей отважился посетить кладбище ночью... Хм, проверить бы!

День мы провели в блаженном ничегонеделании, загорая на солнышке, но стараясь на всякий случай далеко от часовни не отходить.

– Хорошо быть гусеницей, – вслух завидовала Кайра, наблюдая за ползающими по кустам насекомыми, – ешь-ешь-ешь, потом закутываешься, спишь-спишь-спишь, просыпаешься – и оп-па, ты красавица! Без какого-либо приложения сил.

– Лентяйка! – насмешливо прокомментировал ее слова слепой. – На этом острове ничего задаром не дается. Хочешь стать счастливой – паши!

– Пашут на волах! – сердито огрызнулась мечница. – А я – девушка, причем эльфийка, причем благородного происхождения. Чуешь, к чему я клоню?

– И к чему? – лениво хмыкнул Стрелок.

– Чего я пожелаю, должно исполняться само, – высокомерно задрала носик девушка. – Или пусть мужчины выполняют!

– Ага, – поддакнул слепец. – Узнав, чего возжелала женщина, не спеши выполнять. Подумай, чего она захочет после того, как ты сделаешь то, чего она хотела первым!

– Ужинать, жениха-красавца и мир во всем мире, – начала загибать пальцы Кайра. – Причем именно в такой последовательности.

Тут же выяснилось, что есть хотят все, ибо солнце уже клонилось к закату, а завтрак мы давно переварили. Да и много ли значит какая-то корзинка провианта на такое количество молодых, здоровых желудков...

– Вот меня бесит, когда комар прилетает и жужжит над тобой, – ворчал Зорган, обмахиваясь лопухом. – Прилетел есть – ешь молча!

Я заглянула в прикрытую таким же лопухом корзинку, в которой, свернувшись одним уютным клубочком, дрыхла неразлучная троица – дракон, крыса и паучишка, – и решительно поднялась. Правильно Трей говорит: не можешь противостоять навалившимся проблемам – противостои им. Но я придумала план получше.

– Пойдешь со мной в деревню? – тихонько спросила я у развалившегося под кустом Бальдура, незаметно для остальных дергая того за рукав. – Пока от безделья не помер!

– Думаешь, в деревне найдется более интересный повод для смерти? – с готовностью улыбнулся орк. – Смеркается. – Он пальцем указал на зажигающиеся в небесах звезды. – Не слишком ли позднее время для визита к старосте Димитру? – Однако Бальдур довольно ловко отполз от кайфующей на травке компании и встретил меня на ведущей к Сопянкам тропинке.

– Самое подходящее время, – заверила его я, бодро шагая прочь от кладбища. – Еды раздобудем, а заодно – проверим мою интуицию...

– Как это? – заинтересовался орк. – Кстати, а почему ты не Зоргана с собой позвала?

– Подумала, вдруг нам пригодятся твои магические таланты, – пояснила я. – К тому же больше всего на свете я боюсь шустрых деревенских жителей и темноты.

– Ты? Темноты? – не поверил парень. – Почему? Сама ведь говорила: темнота – друг молодежи!

– А кто его знает, сколько там, в этой темноте, скрывается деревенских жителей! – подмигнула я.

– Ничего не понимаю, – почти растерянно вздохнул орк.

– Не расстраивайся, подозреваю, скоро поймешь, – утешила его я.

И ведь не ошиблась, как в воду глядела...

Пока мы добрались до Сопянок, пока вступили на деревенскую улицу – установилась такая жуткая темень, что хоть глаз выколи. Как ни странно, но свет в домах не горел, а над самой деревней нависла глухая, какая-то противоестественная тишина, не нарушаемая ни малейшим звуком.

– Жутко тут! – поежился Бальдур. – Неужели они так рано спать ложатся?

– А давай проверим, – предложила я, заворачивая в первый попавшийся двор, поднимаясь на крыльцо и беззвучно отворяя ведущую в дом дверь.

В горнице не было никого... На широкой лавке мы обнаружили аккуратно застеленную постель, красиво укрытую вышитым покрывалом.

– Холодная, – сообщил мой спутник, прикасаясь к покрывалу. – Да здесь лет сто никто не спал. И кажется...

– Тише! – шикнула я, спешно прикрывая ему рот ладонью. – Слышал?

– Ыгы! – кивнул Бальдур, испуганно таращась поверх моих пальцев. – Кажется, это в подполе шумят. Может, мыши?

– Здоровенные же у них мыши, наверное, в детстве не болели! – криво усмехнулась я, цапнула со стола кривобокий подсвечник, запалила свечной огарок и взялась за кольцо красующейся посреди кухни крышки подпола. – Подсоби...

Люк оказался тяжеленным, мы с Бальдуром едва сумели его поднять. Затем, освещая себе путь робким огоньком свечи, спустились в чистый сухой подвал, ступили на земляной пол, посыпанный белым речным песком, и... Чуть не заорали от ужаса, разглядев то, что хранилось в этом подвале!

Нет, на первый взгляд погреб ничем нас не шокировал. Ничего сверхъестественного, обычный деревенский запасник – стены увешаны полками, на коих разложены мешки с сушеными травами, стоят корчажки с солеными грибочками и мочеными ягодками. Один угол погребка занимает немалая кадушка с квашеной капустой, распространяя ядреный дух, а вот в другом... М-да, то-то и оно, что в самом дальнем углу подвала уютно устроился новенький деревянный гроб, поблескивающий капельками смолы. Видать, стоит он тут от силы пару дней... Но зачем стоит? Я набрала побольше воздуха в легкие, подцепила пальцами левой руки крышку гроба (ведь в правой я держала подсвечник), приподняла ее и...

Вот теперь я уже не сдержалась, завопив настолько громко, насколько хватило запаса воздуха, ибо в гробу лежал покойник. Ну да, а кого еще можно обнаружить в домовине, хотя я подсознательно надеялась на то, что гроб окажется пуст. Однако я ошиблась. На вышитой подушке покоилась голова костистого старика с благообразно подстриженными под горшок густыми седыми волосами и одетого в полотняную рубаху. Ниже груди его тело прикрывало погребальное покрывало. Закрытые веками глаза глубоко запали, длинный нос заострился...

– Ничего себе запасы на зиму! – осипшим от испуга голосом проговорил Бальдур, пытаясь сдохнуть, хотя ни время, ни обстоятельства к юмору не располагали. – Интересно, тут в каждом доме такие заначки хранятся или они этого дедка на всю деревню замариновали?

– Может, и не в каждом, но если поищем, то еще найдем, – уверенно сообщила я.

– Шутить? – ахнул орк, отшатнулся и чуть не упал.

– Ничуть, – серьезно покачала головой я. – Теперь понятно, куда в этой деревне люди пропадают. На тот свет...

– Если бы пропадали, деревня бы вымерла давно, – хмыкнул парень, снял с полки кувшин с березовым соком и с наслаждением напил.

– Да как сказать, – не согласилась я. – Днем они люди, а ночью...
– Чего? – оторопело икнул Бальдур, указывая пальцем на гроб. – Хочешь сказать, что он – не мертвец?

– Не совсем, – улыбнулась я. – Нежить.
– Не верю, – нахмурился орк. – Прекрати меня пугать.
– Хочешь, докажу? – Я наклонилась над покойником и, сложив пальцы в щепоть, размашисто осенила его знаком Аолы.

– Рогнеда, – укоризненно пробурчал Бальдур, – хватит страшилки придумывать. Покойник он и в Канагере покой... Ой! – Глаза парня начали медленно вылезать из орбит, ибо мертвый старик вдруг широко зевнул – обнаружив полнейшее отсутствие зубов, как и у всех сопянкинцев, завозился и нехотя повернулся на правый бок...

– Чего это он? – свистящим шепотом осведомился орк, шаря вокруг себя руками в поисках ведущей наверх лестницы.

– Я же говорила, нежить он! – пожала плечами я. – Не бойсь, не укусит, зубов-то у него нет...

– А-а-а! – облегченно вздохнул Бальдур. – Ну, если так...

И тут старик выпростал из-под покрывала руки...

Мы дружно ахнули, ибо его пальцы заканчивались огромными, криво изогнутыми когтями, испачканными чем-то темным, сильно похожим на засохшую кровь. Мертвец завозился еще пуще, явно намереваясь вскорости восстать из гроба и поближе познакомиться с нарушителями его покоя...

– А ну, тикаем отсюда! – хрипло приказала я. – Закусать не закусает, но глаза запросто выпарапает...

Недослушав моих умозаключений, Бальдур начал шустро карабкаться вверх по лестнице. Я последовала за ним, и тут, как на беду, огарок в моем подсвечнике моргнул на прощанье и потух, оставив нас в полнейшей темноте. Орк взвыл дурным голосом и что было сил ломанулся из подвала, неосмотрительно захлопнув крышку люка. Крышка со всего маха приложила меня по пальцам, отчего взвыла уже я, нехорошим словом поминая всю Бальдурову родню до четвертого колена. В подполе что-то заухало и заскрипело, изрядно прибавив нам прыти... Не помня себя, мы вылетели на крыльцо, причем я на бегу дула на отбитые пальцы, проклиная свою интуицию...

Улица встретила нас весельем. Из какого-то двора доносились булькающие стоны, там явно кого-то доедали. В окнах хат мелькали синие болотные огоньки, а на коньке крыши соседнего дома сидела какая-то бесформенная тварь, закутанная в лохмотья и издающая ненормальное хихиканье...

– Ничего себе! – обобщающе выдал Бальдур, следом за мной ныряя в крапиву, бурно разросшуюся вдоль чьей-то поленницы. – Хотелось бы знать, по какому поводу в деревне праздник?

– А у них каждую ночь такой! – язвительно хмыкнула я, понизив пригибая его голову. – Не высовывайся, сюда кто-то идет...

– Один? – с чего-то расхрабрился орк. – Давай тукнем его полешком по голове и дадим деру.

– Поздно, – констатировала я, голыми руками раздвигая крапиву и уже не обращая никакого внимания на жжение. – Да и не обойтись тут одним полешком...

По улице шествовала целая процессия из пары десятков местных жителей. Вид у них был совершенно ненормальный, не имеющий ничего общего с их дневным обликом. Говоря откровенно, нынче сопянкинцы совсем не походили на живых людей, пугая горящими красным огнем глазами, огромными когтями и синюшными лицами. Тварь на крыше сиганула вниз, обернувшись шорником Иванко, встретившим нас по прибытии в деревню. Только сейчас Иванко выглядел так, словно ему уже месяца три на кладбище прогулы ставили.

– Спаси нас боги, кто же они такие? – трясаясь мелкой дрожью, спросил Бальдур, не

смея поднять головы из спасительной крапивы.

– Упыри! – спокойно пояснила я. – Вот до чего довело местных жителей проклятие колдуна Вышегора. Причем теперь они нежить, ведущие двойное существование. Днем они обычные беззубые люди, а ночью – беззубые упыри.

– Теперь я понимаю, почему ты боишься темноты! – запоздало дошло до орка.

– Ага, – кивнула я. – Тише, они подходят...

Процессия и вправду вплотную приблизилась к крапиве и остановилась...

– Где эта треклятая девчонка? – осведомился идущий впереди упырь, в коем я без труда опознала старосту Димитра. Сейчас он разговаривал четко и ясно, видимо, отсутствие зубов не влияло на упыриную дикцию. – Которая в деревню пришла да в дом Цветана вломилась? Пошто она его покой нарушила? Он еще не готов...

– Ага, недомариновался! – мрачным шепотом пошутила я, вспомнив недавнюю реплику Бальдура.

Орк укоризненно зыркнул на меня, но промолчал.

– Не могла она далеко уйти! – между тем заверещал Иванко, на четвереньках прыгая вокруг Димитра. – Я за ней с крыши следил. Тут она, где-то поблизости схоронилась...

– Эх, давно я человеческой крови не пил! – мечтательно протянул упыриный староста. – И хозяин наш не пил!

– Найдем девчонку, поймем и отдадим ее хозяину! – выкрикнул кто-то из толпы за его спиной. – Он к нам сразу подойдет и...

– Хм... – Димитр задумчиво поскреб когтем в затылке. – Может, оно и так, но сначала ее поймать надобно... Ищите, чего встали! – рявкнул он на столпившихся возле него упырей. – Все здесь обшарьте!

– Мы пропали! – в панике зашептал Бальдур мне на ухо. – Сейчас они крапиву обшарят, и нам конец!

– Огонек наколдовать сможешь? – деловито спросила я, озвучивая мгновенно возникшую у меня идею.

– Да. – Бальдур немного побряхтел, сморщился от натуги, но на его ладони заплясал крохотный огонек пламени.

– Молодец! – похвалила я, подбирая подвернувшийся под ногу камешек. – А теперь швыряй его влево на счет «три»! Раз, два, три!

Мы дружно размахнулись, и огонек вместе с камешком полетели в окно ближайшей избы...

Сверкнуло, звякнуло, а толпа упырей с воплями: «Вот она, держи-хватай!» – купилась на наш отвлекающий маневр и шумно ломанулась громить ни в чем не повинную избу.

– Деру! – Я ухватила оторопевшего Бальдура за рукав рубашки и потащила за собой. Хотя интересно – почему упыри находились настолько близко, но нас так и не почуяли? Прямо чудеса какие-то!..

Мы мчались со скоростью урагана, только пятки мелькали. Чуть притормозили на окраине деревни, возле чьей-то копильни, где надергали с веревок развешанных на просушку колбас.

– Все понял? – спросила я у Бальдура, уже подходя к кладбищу и смачно жуя кусок колбасы.

– О чем ты? – чавкнул Бальдур в ответ.

– Об упырях, – пояснила я.

– А чего в них понимать? – равнодушно пожал плечами орк. – Уходить отсюда нужно, пока они нас не задрали и кровь нашу не выпили.

– Уйдем, – пообещала я, – но сначала я с их хозяином познакомлюсь.

– С ума сошла? – шокированно вытаращился на меня Бальдур. – Зачем? Жить надоело?

– Ну, я же обещала помочь деревенским жителям, – напомнила я. – А кроме того, мне любопытно.

– И как ты его найдешь? – продолжал недоумевать парень.

– Как и все местные находят, – усмехнулась я. – Пропаду, а точнее – умру!

– Точно с ума сошла! – уже намного увереннее повторил Бальдур.

– Не нужно никому умирать, – сердито произнесла Лиззи, выслушав мое предложение.
– Я наложу на тебя заклятие глубокого сна, будешь как мертвая...

– Вот это мне и не нравится! – буркнул Зорган, собственнически хватая меня за руку. – А без этого злополучного «как» – никак?

– Не-а, – успокаивающе улыбнулась я. – Вы должны меня в гроб положить и закопать в центре кладбища. Пусть все выглядит по-настоящему.

– Неглубоко закопать, – наставительно поднял палец Вольдемар, – а в гроб натывать полые соломинки и вывести их из могилы, дабы ты не задохнулась.

– Гениально! – восхитилась Лиззи. – Так и поступим!

– Не нравится мне все это, – не сдавался Зорган. – Виданное ли дело – живую девушку в землю на кладбище закапывать? Нехорошо, примета плохая.

– Не боюсь я плохих примет, – ослепительно улыбнулась я, – пусть они меня боятся. Закопайте меня на закате, а сами к рассвету к могиле подходите, со всеми вещами. Сразу и уйдем.

– Давай я с тобой останусь? – предложил храбрый эмир. – Охранять. Стану печального жениха на могиле любимой изображать...

– Там тебя упыри и задерут, – напомнил Бальдур, – и придется нам вправдашние похороны устраивать!

– А если они Рогнеду вперед нас выкопают?! – чуть не набросился на него Зорган.

– Не выкопают, – поспешила успокоить спорщиков я. – Лиззи охранные чары наложит на мою могилу, подобные тем, которые нас в часовне охраняют. Благодаря им мы еще и живы. Упыри меня не почуют. Сможешь?

– Попробую, – не очень уверенно пообещала магичка.

– Да зачем тебе все это нужно? – нахмурилась Кайра. – Своей жизнью рисковать. Дались тебе эти Сопянки с их чокнутыми беззубыми упырями. Нам нужно своим путем идти.

– Увидите, – пообещала я, – и поймете.

На следующий день мои друзья наведались в деревню, пообщались с сопянкинцами – ничего не помнящими о своих ночных похождениях, и пожаловились народу, направо и налево со слезами рассказывая о моей внезапной кончине. Селяне им посочувствовали, но сильно не удивились. Похоже, здесь привыкли к частым и непонятным смертям. Зорган торжественно повесил на дверях дома старосты объявление о моих похоронах и удалился, предварительно приобретя в деревне новенький гроб. Я же тем временем копалась на кладбище, отыскивая подходящий участок с самыми старыми захоронениями. Именно он и требовался для воплощения моей задумки... Упырей я не опасалась. Раз уж нас никто ночью в часовне не съел и не заловил в деревне, то выходит – я почему-то им не по зубам... тьфу, вернее, не по когтям. Вот если и в третий раз меня никто не тронет, значит, не случайность это вовсе, а какая-то загадочная тенденция. Да и недремлющее чутье подсказывало, что ответ на все мои невысказанные вопросы находится где-то совсем рядом.

Последним, что я запомнила, стала чашка с сонным отваром, поднесенная мне Лиззи. Я выпила горький напиток, в голове у меня зашумело, а веки закрылись сами собой. И все – дальше наступили тишина, покой, темнота... Ну чем не смерть, а?

Глава 3

Меня разбудили голоса, раздающиеся где-то поблизости... Несколько пар ног несогласованно шоркали по сухой кладбищенской земле, звякал несомый людьми инструмент, а ведомый ими разговор то и дело превращался в перебранку. Судя по всему,

погост посетило несколько деревенских упырей, причем пожаловали они сюда именно по мою душу...

– Где эта чернявая негодяйка прячется?! – раздраженно вопрошал первый, звучно брякая чем-то металлическим, наверное, ломом и лопатой.

– Огни вроде там видели... – услужливой подсказкой пропищал полудетский голосок.

– Интересно, чью могилу она сейчас разрывает? – проворчал первый бас.

– Только бы не моего дедушки! – ахнул второй писклявый юношеский дискант.

– Ищите внимательней, под каждый куст смотрите! – приказал предводитель.

– Пожалуйста, только не моего дедушки! – непрерывно ныл дискант.

– Эй, собак сейчас спускать или когда на след встанут? – спросил кто-то третий.

– Только не дедушку! Только не его! – не умолкал нудный рефрен.

– Да что тебя так дедушка волнует? – удивился бас.

– Так если она его оживит, мне придется наследство свое возвращать! – почти взвыл жалобщик.

– Ничего тебе не придется. Мертвые не имеют права на имущество живых! – здраво пояснил третий.

– Точно?

– Как главный судья тебе говорю. Хочешь, даже закон такой примем? Только с тебя за это две бочки твоего лучшего пива.

– А если она не моего дедушку оживит, а чужого? – внезапно осенило обладателя дисканта.

– Все равно с тебя пиво! Законы так просто не издаются!

– Опять она словно сквозь землю провалилась, – донеслось до меня чье-то мрачное ворчание. – Во второй раз пытаемся ее поймать, и во второй раз она исчезает... – Кажется, этот голос принадлежал старосте Димитру. – Приютили на свою голову!

– Дык волшебница все-таки, – с уважением вставил кто-то еще. – Если ее даже Хозяин не трогает!

– Да какая она, к гоблинам, волшебница! Полночи по нашему кладбищу шарилась, а ни одного трупа так и не подняла! Только надгробия пороняла, хулиганка эдакая!

– Хорошо хоть дедушку не отрыла... – не унимался дискант.

– А кого она отрыла-то?

– Да мельника старого, – услужливо сообщил кто-то.

– Того, что с полгода назад похоронили? – развеселился Димитр.

– Ага, – уточнил бас.

– Ну и хорошо, что не оживила, при нем мельница всего-то раз в месяц работала, – произнес староста.

– И не говори, нынешний гораздо лучше! – загалдела вся компания.

– А все-таки куда эта пришлая девчонка запропастилась? Вроде все осмотрели, нету ее нигде, – напомнил бас.

– Да не пришлая она! Богами Пресветлыми вам клянусь! Кроме наших, никто эти места так хорошо не знает! – пробубнил кто-то. – Может, она из храма, может, ее сама Госпожа прислала...

– Да полно тебе ворчать, старый! – попенял дискант. – В наших краях уже лет двести даже самых заваливающих магов не водится, откуда некромансерке-то взяться?

– Ладно, упустили мы ее, – разочарованно констатировал староста. – Пошли, что ли, спать, рассвет скоро. Завтра уже придем, восстановим все, что она тут порушила...

На этом гул разбудивших меня голосов начал отдаляться, а я победно хихикнула и снова заснула – похоже, действие зелья Лиззи еще не закончилось...

Я окончательно проснулась от боли в затекшей спине. И как только упыри регулярно в своих гробах спят, неудобно же! Ладонями и коленками толкнулась в крышку домовины, отбрасывая ее в сторону. Тут же выяснилось, что друзья лишь слегка присыпали мой гроб

землей, поверх забросав увядшими цветами и травой, набранными с других могил. Умно. Села, с наслаждением вдыхая свежий воздух. Небо над кладбищем едва начинало окрашиваться в нежнейший розовый цвет, предвещая скорый рассвет. Звезды гасли одна за другой, трусливо удирая со светлеющего небосклона. На деревенском погосте не наблюдалось ни единой души – ни живой, ни неживой. Кроме меня, конечно. Ой нет, кажется, я ошиблась...

В изголовье моей импровизированной могилы стояла покосившаяся древняя скамья, не сразу мною замеченная. А на ней тихонько сидела какая-то фигура, с головой закутанная в черный плащ. Судя по расслабленной позе, сидела давно – очевидно дожидаясь моего пробуждения...

– Доброе утро! – вежливо поздоровалась я и широко зевнула.

– Ну, кому, может, и доброе... – глухо ответила фигура и откинула капюшон плаща...

Я растерянно моргнула от неожиданности. Ожидала увидеть жуткого монстра, морально готовилась к такому зрелищу, а тут... Худое бледное лицо молодого мужчины вполне интеллигентного вида. Печальные карие глаза, темные волосы, чуть тронутые брутальной сединой, подбородок скрывает повязка. М-да-а-а-а...

– Даже не верится, что это именно о вас такие страсти-мордасти рассказывают! – с жалостью сообщила я, вылезая из гроба.

– Испорченная репутация! – виновато пожал плечами мужчина, галантно помогая мне занять место на скамейке, рядом с ним. – За неимением лучшего. Спасибо и на этом. А чего прикажете ждать от необразованных сермяжных мужиков, нанявших здорового дуболома, который мой дом в щепки разнес, проклял всех и вся, да еще и меня травмировал... – Мужчина осторожно прикоснулся к своей повязке и болезненно сморщился. – Ох!

– Ох! – согласно поддакнула я. – Вернее, ага! Знаете, а я вам верю, ведь это вы наше молоко выпили, не так ли?

– Я! Низжайше прошу прощения, – не стал отпираться незнакомец. – А что прикажете делать при таком ущербе? – Он сдвинул повязку и деликатно приоткрыл рот, демонстрируя уже ожидаемое мною отсутствие зубов. – Сами понимаете, я теперь безобиднее мыши. Ем только манную кашку, дышу свежим воздухом и не имею возможности покинуть оные места, к коим привязан коряво наложенным проклятием. Короче, веду исключительно здоровый и благопристойный образ жизни, хоть к лику святых причисляй. А все благодаря злодею Зухтиму, чтоб его... – Мужчина печально покачал головой. – Развелось хулиганов... Ступить некуда!

Я не сдержалась и весело рассмеялась, очарованная наивностью своего нового знакомого и его почти детской непосредственностью. Так вот он какой – местный Хозяин, злобный и кровожадный! Собеседник посмотрел на меня с нескрываемой обидой и плаксиво скуксил.

– Не ожидал подобной черствости от такой симпатичной молодой дамы, – укоризненно произнес он. – Все меня обижают, и вы туда же...

– Да нет, – торопливо перебила я, – я очень хочу вам помочь.

– Чем? – шмыгнул носом мужчина. – Мое положение совершенно безвыходное.

– Я так не думаю. – Я одобряюще погладила его по плечу. – Итак, сейчас я озвучу свое видение ситуации, а вы меня поправьте, если ошибусь.

Мужчина кивнул.

– Вы жили в этой деревне и были...

– Травником! – подсказал инвалид. – Флору местную изучал. Составлением гербариев увлекался. Людей лечил. Но сами знаете, как случается: не смог помочь древнему деду – обвинили меня, ребенок от антонова огня¹ умер – опять я виноват. И вот я уже ославлен как черный колдун, чернокнижник! – Из груди страдальца вырвался печальный стон. – Дальше –

¹ Антонов огонь – простонародное название гангрены.

хуже. Местные на меня ополчились и пригласили прискорбно знаменитого хулигана Зухтима, почему-то считавшегося в этих краях богатырем, защитником сырых и обездоленных. А оный Зухтим мало того что к спиртному неровно дышал, так еще и грабежом с убийствами промышлял, и черной магией баловался. Заломил он за свои услуги цену невероятную, но мужички поднапряглись и требуемую сумму собрали. Зухтим напал на меня подло, без вызова на поединок. Бились мы долго, но он с его чарами оказался сильнее...

Я хмыкнула. Вот так в жизни и происходит: зло зачастую оказывается беззащитным добром, а истинное зло – носит фальшивую маску смирения и благочестия, способную ввести в заблуждение многих.

– Зухтим сумел вас победить, но вы в свою очередь сильно его изранили, – подхватила я.

Травник смущенно покраснел, не умаляя своих заслуг.

– В отместку Зухтим проклял не только вас, но и нанявших его селян, – закончила я. – Но данное проклятие опять свалили на вас?

– Я пытался как-то сгладить последствия, – развел руками травник. – Но в моем нынешнем состоянии это почти непосильная задача. Мои чары лишь частично помогли жителям Сопянок – они не стали упырями полностью, а только наполовину. Правда, я сам их боюсь – они злые. Прячусь от упырей в часовне, прикрываясь защитными чарами. Кстати, они почему-то считают меня своим Хозяином и иногда приносят мне кровь, но я такое не пью... Я вообще вегетарианец, тем более у меня язва желудка и большие проблемы с жеванием твердой пищи!

– Зато они – пьют, хотя зубов у них нет, – напомнила я, – как и у вас.

– У каждого свои недостатки! – философски изрек Вышегор, в очередной раз поразив меня своим крайне покладистым характером.

– А еще говорят, что добро должно быть с кулаками, – вспомнила расхожую фразу я. – Плохое же из вас добро получилось – хилое и беспомощное.

– Во всем этот Зухтим виноват, – принялся сбивчиво оправдываться травник. – Забрал у меня нечто важное и ушел...

– Да умер он, умер! – поспешно утешила я. – Отлились кошке мышкены слезки.

– Откуда вы знаете? – удивился мой собеседник.

– Да уж знаю, поверьте, – улыбнулась я, ибо теперь прекрасно понимала, каким именно образом оказалась связана со всей этой запутанной историей про мнимого колдуна и поддельного борца со злом.

– Туда ему и дорога, – облегченно вздохнул травник.

– Уходите вы отсюда, – посоветовала я, – начните жизнь заново!

– Не могу, – всхлипнул бедолага. – Без того, что забрал у меня тот хулиган, не получится. Я привязан к этим местам его проклятием и...

– Рогнеда! – вдруг обрадованно завопили несколько знакомых голосов. – Живая, невредимая!

– Да чего мне сделается! – Я обнялась с подошедшими друзьями. – Места здесь и вправду тихие, почти курорт.

– А он, – Зорган настороженно зыркнул на травника, – ничего тебе не сделал?

– Помилуйте, господа, как я посмею даму обидеть? – возмутился мой собеседник, поднимаясь со скамьи и воспитанно кланяясь. – Разрешите представиться – Вышегор Мирославович!

– Мимосра... чего? – нахально пискнул дракон, сидящий на плече у эмпиря.

– Малосра... где? – не поняла наивная Витка.

– Можно просто Вышегор! – поспешно уточнил травник.

Я рассмеялась и достала из сумки, которую подала мне Кайра, нечто завернутое в чистый платок.

– Вот вам ваше драгоценное... э-э-э... имущество! – Я развернула сверток и

предъявила его содержимое Вышегору. – Возвращаю. Берите и уходите из Сопянок. Надеюсь, теперь проклятие Зухтима снято, а местные жители забудут про все свои беды. Так же, как и вы...

– Откуда это у вас? – восторженно ахнул Вышегор, принимая загадочную челюсть, найденную мною в лесной яме, по наводке того самого кладбищенского сторожа, который по совместительству подвизался еще и в должности жреца при Говорящем камне. Он схватил желанный анатомический элемент, деликатно отвернулся, а когда вновь повернулся ко мне, то повязки на нем уже не было, зато сам травник выглядел абсолютно счастливым и сиял нормальной белозубой улыбкой. – Ах, как я вам благодарен, девушка! Теперь я здоров и свободен!

– Нашла в лесу, – пояснила я. – Скорее всего, в том самом месте, где Зухтим упокоился навсегда. И честно говоря, мне его совсем не жалко.

– Спасибо! – Судя по всему, только присутствие Зоргана удержало травника от попытки расчувствованно кинуться мне на шею. – Вы – моя спасительница!

– Пустяки! – смущенно буркнула я, ковыряя землю носком сапожка. – Я всегда такая.

– Ну, от скромности вы точно не умрете, – тонко улыбнулся Вышегор.

– Не-а, ее от зависти убьют, – хмуро сообщил ревнивый Зорган.

– Да кто же посмеет? – удивился травник. – При такой-то защите от самой... самой... хм... – Он сначала указал пальцем на небо, но потом передумал и многозначительно опустил его вниз.

– Поэтому нас не тронули местные упыри! – мгновенно догадалась я.

Вышегор красноречиво кивнул.

– Храните этот предмет, он вам еще пригодится, – непонятно подсказал он, и его слова сильно смахивали на пророчество.

– Какой предмет? – наперебой загалдели мои друзья, но я лишь хитро подмигнула травнику, ибо прекрасно понимала, о чем идет речь. А кроме того, Вышегор изрядно меня успокоил, ведь после прощальных речей Альки я не могла избавиться от дурных предчувствий.

– Счастливого вам пути! – Я похлопала травника по плечу. – Да и нам пора!

– Подождите. – Вышегор схватил меня за руку. – Так нельзя. Каждое доброе дело должно вознаграждаться. Возьмите это. – Он покопался в кармане и вложил в мою ладонь нечто плоское, небольшое и круглое. – Единственная оставшаяся у меня ценность. Не помню, как и когда она ко мне попала, но предчувствую – вам она пригодится...

Пригодится? Я взглянула на его подарок... На моей ладони лежала серебряная монета с изображением розы на аверсе и с профилем женщины в короне – на реверсе. Точно такая же, как и первая, бережно мною хранимая... Так это же вторая монета богов! Я обрадованно сжала пальцы. Итак, сегодня я обрела вторую монету богов, наперекор недоверию старухи с пирожками, сомневавшейся в моих способностях. И если первую монету мне отдали в награду за воссоединение влюбленных, то эту – точно подарили за возвращенную жизнь. Понять бы еще – повезло ли мне или же я сумела успешно пройти очередное испытание, специально нам подкинутое.

– Кстати, – оборачиваясь, снова заговорил уже успевший изрядно отойти Вышегор, – если вы направляетесь в Храм Смерти, то рекомендую идти на запад, по направлению к реке Забвения, отделяющей край живых от края мертвых. Как дойдете до синих камней – будьте осторожны, ибо за ними начинаются волшебные земли Таналоа, о коих рассказывают много нехорошего...

– Что именно? – недоверчиво прищурился бдительный Зорган.

– Сами узнаете! – лукаво рассмеялся травник. – Но существует легенда, будто приписываемую тем землям загадку сумеет разгадать лишь четырехрукая женщина...

– Как вы сказали? – поразила я, ибо Вышегор употребил давно известное мне выражение.

– Сам точно не знаю, – признался травник, – но читал об этом в одной старинной книге.

Вы же любите загадки, не так ли? – подначил он. – Вот и думайте над нею сами. Прощайте, удачи вам! – Он завернулся в плащ и размашисто зашагал по кладбищу, почтительно обходя могилы.

– О чем это он? – вопросительно дернул меня за косичку Зорган. – По мне, так этот колдун нес явный бред...

– Возможно, – задумчиво произнесла я. – А возможно, и нет...

– Ну-ну, – неодобрительно хмыкнул эмпир. – Чую, ты собираешься ввязаться в новые неприятности. А я, как и положено настоящему мужчине, намереваюсь тебе это запретить.

– И каким же образом? – саркастично приподняла бровь я.

– Буду плакать, умолять, валяться у тебя в ногах! – язвительно рассмеялся мой любимый злодей. – Ох, Рогнеда, – внезапно посерьезнел он, – чую, ты своими выходками меня непременно в могилу загонишь...

– Если загоню, то сама же из нее и достану! – то ли в шутку, то ли всерьез пообещала я, но мое сердце вдруг замерло, сжавшись от нехорошего предчувствия.

– Клянешься? – уже без малейшего намека на иронию переспросил Зорган.

Я коротко кивнула. Тогда я еще не знала, что с любовью и смертью шутить нельзя. Вернее – бесполезно, ведь они всегда берут свое...

Мы покидали Сопянки победным строем – впереди я, беседующая с Не знающим промаха стрелком, потом все остальные – растянувшись в цепочку, а замыкал нашу колонну Зорган, задумчиво бормочущий что-то себе под нос. Я сбавила темп и прислушалась к его бубнежу...

– Мой покойный батюшка, – шептал эмпир, – утверждал, что, когда боги хотят наградить мужчину, они посылают ему девушку, красивую телом, но скудную умом, а когда хотят наказать – наоборот. Так вот, почему-то я не уверен, что мне досталась именно награда...

Я беззвучно хмыкнула. Пусть любимый не обольщается – никогда не считала себя подарком, а уж наградой тем более.

Через два дня пути мы вышли к обещанным Вышегором синим камням, за которыми якобы начинается волшебная земля Таналоа. Пока совершенно не ясно, какие чудеса нас там ожидают, ибо на первый взгляд пейзаж перед камнями ничем не отличался от ландшафта по ту сторону обозначенной ими границы. И тут и там – небогатая на растительность и какие-либо иные достопримечательности степь, кое-где скудно посыпанная непритязательными белыми цветочками. Хотя нет, вдалеке, на горизонте, маячили невысокие деревья, окруженные туманным маревом. И эти деревья почему-то категорически мне не нравились, хотя если бы пришлось объяснять – почему именно, то я бы не смогла.

Подойдя к камням вплотную, мы задумчиво таращились на загадочные деревья. Лиззи морщила носик и водила руками так, словно пыталась нащупать нечто невидимое глазу.

– Ну, – дернула меня за рукав нетерпеливая Витка, – кого собираешься побеждать на сей раз, с каким злом сразимся?

– Для борьбы со злом должно присутствовать как минимум само зло... – неопределенно пожала плечами я. – А его на обозримом пространстве не наблюдается.

– Не скажи, – неуверенно протянула Лиззи. – Я чувствую присутствие сильной магии. Необычной, древней, но скорее всего опасной и враждебной. По ту сторону камней...

– Опять нам не повезло, – расстроено буркнул Вольдемар. – Если там опасно, то как мы доберемся до реки? Ведь, как я понимаю, к ней ведет только один путь...

– Один, – подтвердил слепец, – вот этот. Мне уже приходилось бывать в здешних местах. Но даже Бригитта с ее магическими талантами не рискнула вступить на территорию Таналоа. Она утверждала, будто, попав по ту сторону камней, мужчины теряют здоровье и свободу, а женщины – жизнь.

– Ой, – испуганно отшатнулась Витка, – давайте обойдем эту треклятую Таналоа десятой дорогой!

– Можно и так поступить, – согласился Стрелок, – два месяца кружного пути, и мы тоже выйдем к реке.

– Постойте, – в разговор вмешалась здравомыслящая Кайра, – но если эта магия такая древняя, то ей полагается со временем ослабевать. А после смерти создавшего ее чародея она и вовсе должна исчезнуть. Или не так?

– Зачастую это и случается, но не всегда, – протестующе поморщилась наша колдунья. – Вернее, так происходит чаще всего, но лишь в том случае, если магия не является посмертной.

– Как это? – не поняла я.

– Большинство сильных магов живут очень долго, – пустилась в рассуждения Лиззи. – Но маг способен покинуть наш мир добровольно, перелив свою энергию в созданное им заклинание. Тогда он умрет, а заклинание будет держаться вечно. Вот только я не представляю, чего можно настолько страстно пожелать, чтобы отдать за это свою жизнь!

– Ужас какой! – нахмурилась Кайра. – Если твой маг так поступил, то он настоящий маньяк и фанатик.

– Ничего он не мой, – обиделась магичка. – Не веришь мне, ну и пожалуйста. Проверь все на себе, сунься за камни, а мы поглядим – сколько минут ты там протянешь.

– Ах так?! – разозлилась упрямая мечница и уже подняла ногу, намереваясь шагнуть за линию камней, но я успела ухватить ее за перевязь рапиры и удержала от столь опрометчивого поступка.

– Никуда вы не пойдете, – категоричным тоном объявила я. – А если и пойдете, то только через мой труп.

Спорщики сразу замолчали, изумленно хлопая ресницами, ибо подобного заявления от меня еще никто и никогда не слышал.

– А пойдешь, конечно, как всегда одна ты, – саркастично произнес Зорган. – Только кто тебя туда одну отпустит?

Я не торопилась отвечать на этот риторический вопрос, прислушиваясь к своему внутреннему голосу, нашептывающему мне массу предостережений. Принято считать, что все враги делятся на три категории: «враг от богов», «враг – ну, с богами» и «враг не дай боги». И вот теперь интуиция мне подсказывала – мы встретились именно с таким могучим противником, с которым даже сами Пресветлые боги поостерегутся связываться. И поэтому чем меньше людей окажется втянуто в это испытание, тем лучше. Для них же самих.

– Дальше пойдем только мы со Стрелком, – медленно, взвешивая каждое слово, сообщила я. – Он немного знает эти места, поэтому пригодится. Рисковать же жизнями всех остальных я не намерена...

– Ну вот опять, – разочарованно простонал Зорган. – Опять ты лезешь в самое пекло и запрещаешь мне тебе помогать. Да сколько же можно?

– Сколько нужно! – сказала как отрубил я. – А кроме того, ты останешься защищать девушек, ибо Тай и Вольдемар – бойцы посредственные. Принц в лучшем случае кого-нибудь гитарой пришибет, но гитару жалко. Да, – поспешно добавила я, заметив нервно задержавшуюся щеку мечницы, – Кайра стоит двух мужчин, но что случится, если на вас нападут человек десять?

Эмфир несколько раз беззвучно открыл рот, но так и не смог придумать подходящий аргумент, способный меня переубедить, а посему ему не осталось ничего другого, как безмолвно наблюдать за мной и слепцом, преодолевающими линию синих камней и начинающими двигаться по направлению к загадочным деревьям...

Душа человека очень похожа на огород. Если им не заниматься – мгновенно зарастает сорняками. Такими как зависть, жадность, склочность... И очень быстро превращается в пустырь, если не прилагать усилий по его удобрению... Чем? Да хотя бы маленькими добрыми делами!

Мы шли недолго. По пути к рощице мой магический кулон повел себя как-то странно –

пару раз дернулся, но потом затих, в дальнейшем уже ничем не напоминая о себе... При ближайшем рассмотрении деревья оказались низкорослыми и ветвистыми, с пушистой кроной в виде шарообразного скопления сиреневатых листьев и сотен желтых соцветий, густо обсыпанных золотистой пылью. Это она, обширным облаком висющая в воздухе, и создавала эффект марева, видимого издалека. Пыльца сей же миг осела на наших лицах и волосах, попадая в глаза, забиваясь в уши и ноздри.

– Жжется, зараза! – пожаловалась я и звонко чихнула. Смочила платок в ручье, журчащем подле выпирающих из земли корней деревьев, и протерла им зудящие от пыли глаза. Жжение под веками постепенно утихло, а возможно, я просто к нему привыкла...

– Здесь кто-то есть! – внезапно насторожился слепец.

– Где? – удивилась я, озираясь по сторонам. – Никого тут нет.

Сразу же за деревьями степь резко переходила в поле, поросшее высокой шелковистой травой, а еще дальше начинался густой еловый лес, откуда доносился умопомрачительный свежий аромат.

– Здесь, – упрямо повторил эльф, – совсем рядом, я слышу его дыхание и стук сердца...

Я не стала с ним спорить, а просто пошла вперед, раздвигая траву извлеченной из ножен саблей... Но через несколько шагов остановилась и чуть не вскрикнула от неожиданности, споткнувшись о чью-то бессильно откинутую руку... В траве, откинувшись навзничь, лежал худой мужчина в грязной, превратившейся в лохмотья одежде, чье лицо прикрывал лоскут ткани, очевидно оторванный от его же рубахи.

– Мертвый! – констатировала я, кончиком клинка осторожно притронувшись к даже не шелохнувшемуся телу.

– Живой! – возразил мой проводник.

Я пригляделась повнимательнее и действительно заметила слабое дыхание, едва колышущее грудь мужчины. Присела на корточки, сняла лоскут с его лица, и...

– Помнишь нахального эльфа с рубиновой серьгой из лагеря паломников? – спросила я у слепца. – Так вот, это он.

– Живучий упрямец, далеко сумел зайти, – усмехнулся Стрелок. – В отличие от его подружки, пророчившей тебе смерть.

– Интересно, что с ним случилось? – Я безрезультатно похлопала пребывающего в бессознательном состоянии мужчину по щеке, а потом сняла с пояса фляжку с водой и смочила ему губы.

– Пить... – жалобно застонал эльф. – Еще, умоляю!..

Я поддержала его голову, помогая напиться истощенному паломнику. О прежнем пышущем здоровьем нахале теперь напоминала только рубиновая серьга в правом ухе, отлично мне запомнившаяся и, в отличие от своего владельца, ничуть не изменившаяся. Сам же эльф сильно исхудал, выглядел больным и изможденным, а в его темных волосах блестели седые пряди. Но самым страшным в его облике были глаза, вернее – заменившие их бельма. Мужчина ослеп.

– Не помню, сколько времени мы здесь провели, – начал рассказывать эльф, опустошив мою флягу и с наслаждением принимаясь за выданный ему ломоть хлеба с сыром. – Нас оставалось трое из всего отряда: я, Лерой и Серж. Подробности нашего путешествия совершенно выветрились у меня из головы, столько страданий нам пришлось пережить. Катерина умерла в самом начале пути, ее утащили огромные пауки...

– Та чернявая девица, пожелавшая мне смерти? – уточнила я. – Знаю, мы нашли ее труп.

– Вы столкнулись с пауками и не погибли?! – недоверчиво вскрикнул эльф. – Если это правда, то я жалею, что мы выгнали вас из своего лагеря. С вами у нас было бы намного больше шансов на успех...

– Бессмысленные рассуждения, – проворчал подошедший к нам Стрелок, – ибо зачем сожалеть о том, чего не вернуть. Я нашел твоих друзей там – чуть дальше, в траве. Они мертвы. И у обоих такие же бельма вместо глаз, как и у тебя. Что с вами случилось?

– Не знаю, – уныло повесил голову эльф. – Меня зовут Гонт-эл-лариэль, можно просто Гонт. Мы перешли через линию синих камней и отправились к деревьям, под которыми рассчитывали заночевать. Но потом началось нечто странное: сначала мы ощутили жжение в глазах, а потом свет померк и мы перестали видеть. Наверное, я много дней блуждал в высокой траве, умоляя о помощи, пока не свалился без сил, умирая от голода и жажды. Пока вы меня не нашли...

– Понятно, – удовлетворенно кивнул Стрелок, мало склонный к сочувствию и состраданию. – Помнишь, ты обещал выколоть Рогнеде глаза при вашей следующей встрече? А она еще говорила что-то вашей покойной Катерине, дескать, не желай другому беды – вернется к тебе сторицей...

Гонт виновато кивнул. Стрелок мстительно крикнул и продолжил:

– Вот в чем, получается, заключается магия, замеченная Лиззи. Пыльца волшебных деревьев вызывает слепоту. Мужчины, более сильные физически, способны выжить после такого увечья, а женщины – скорее всего просто гибнут, становясь обузой для своих спутников. На меня, давно ослепшего, пыльца не подействовала...

– В стране слепых и одноглазый – король! – иронично согласилась я. – Видно, не зря я доверилась своей интуиции, подсказавшей мне выбрать в спутники именно тебя.

– Но почему ты, женщина, до сих пор цела и здорова? – удивленно поинтересовался Гонт.

– Спасибо ему! – Я прикоснулась к медальону, висящему у меня на груди. – Он защищает от магии. К несчастью, его на всех сразу не наденешь...

– Край Таналоа воистину страшное место! – вздохнул Стрелок. – Полагаю, нам остается одно...

– Выяснить, кто и зачем создал эту чудовищную магию, – поддержала его я. – Кому она выгодна, что скрывает и как от нее можно избавиться. Идем, – я подала руку Гонту, помогая подняться на ноги, – поищем обитателей здешних мест. Я намереваюсь сполна спросить с них за все совершенные злодеяния, за твоих загубленных товарищей. И если потребуется лишить этих извергов жизни, то я сделаю оное без малейшего сожаления!

– Остановитесь! – Требовательный окрик встретил нас на опушке леса, и из кустов вышли три высокие, статные женщины, одетые в кожаные, сильно облегающие тела одежды, с луками в руках. Лично я постеснялась бы носить подобные одеяния – весьма откровенные и даже вызывающие, но все три лучницы обладали идеальными фигурами, коим можно было только позавидовать. А их лица...

– Мы идем к реке Забвения! – опередив меня, сообщил Слепой стрелок.

– Паломники! – обрадованно улыбнулась первая женщина, стоящая чуть впереди своих спутниц. – Какая радость, ведь уже многие годы никто не посещал наш мирный край и...

– Ничего себе мирный! – возмутилась я. – По вашей милости Гонт ослеп, а его товарищи и вообще погибли.

– Сожалею, примите наши искренние соболезнования, – непритворно огорчилась женщина. – Но нашей вины в том нет. Все дело в магии, оберегающей земли Таналоа по милости великого мага Айзатара, нашего спасителя и покровителя.

– Спаситель? – изумленно расширила глаза я. – Оригинальный же метод спасения он придумал. Видно, ваш Айзатар тот еще фрукт – ушлый и беспринципный. Я бы не отказалась пообщаться с ним лично...

– Это невозможно, – печально пожала плечами женщина. – Наш волшебник уже давно ни с кем не встречается.

– Прячется, скрывается? Так он еще и трус! – презрительно фыркнула я.

– Отнюдь, – покачала головой статная лучница. – Просто он умер пятьсот лет назад...

Я шокированно уставилась на нее, оторопело приоткрыв рот.

– Приглашаю вас посетить нашу деревню, – дружелюбно улыбнулась лучница. – Я – правительница здешних земель, прапраправнучка Айзатара. Зовут меня – Биче. Я хочу

поведать вам историю моего народа, и тогда, надеюсь, вы раз и навсегда измените свое негативное мнение о деяниях нашего благодетеля. А все дело в том, что волшебник специально создал защитную магию, оберегающую жительниц Таналоа от чужих глаз, ибо наша непревзойденная красота способна сделать женщин жертвами тех людей, кто посягнет на наши тела и души...

– Изменим, как же, держи карман шире, – строптиво бормотала я, следуя за Биче. – А ваш волшебник – большой оригинал. Или... – Я еще раз задумчиво взглянула на Биче, с невозмутимо-царственным видом шествующую по лесной тропинке. – Или я чего-то не понимаю!

Лагерь жительниц Таналоа располагался в самом центре леса, на обширной поляне. Симпатичных, сложенных из лиственничных бревен домиков я насчитала десятка три. Тут же бродили козы и куры, но огородов не имелось – очевидно, к сельскому хозяйству лучницы не тяготели.

– Лес дает нам все необходимое для жизни, – рассказывала Биче, поднося мне крынку с холодным молоком. – Мясо и топливо, яблоки, орехи, рыбу, кожи и меха для одежды. Дичи здесь много, а зимы – короткие и теплые, поэтому жаловаться нам не на что.

– Понятно. – Я с наслаждением выдула поднесенное угощение. – А на малочисленность своего племени не пожалуешься?

– Мы приходимся дальней родней эльфам, поэтому живем очень долго, – пожалала мускулистыми плечами Биче. – Слезы и причитания – удел слабых, а мы не привыкли богов зазря гневить.

– Эльфам? Вот, значит, как... – Я изумленно почесала в затылке и еще раз критически взглянула на лучницу. – Ага, ясно.

– Правда, есть у нас одна проблемка. – Биче снисходительно проигнорировала мои любопытные взгляды. – Мальчики у нас рождаются крайне редко. На сегодняшний день в поселке проживает всего пять мужчин. Поэтому мы предлагаем всем паломникам остаться в Таналоа и счастливо жить с выбранной женой или... – она игриво пихнула в бок Не знающего промаха стрелка, – с женами!

– Нет, спасибо, – поспешно отодвинулся тот и спрятался за мою спину. – Я непременно должен попасть в Храм Смерти.

– Ну как хочешь, – поморщилась Биче. – Наше дело предложить, а ваше дело...

– А вот я – не откажусь! – неожиданно выкрикнул Гонт. – Ибо кому я теперь, слепой да убогий, нужен?

– Нам нужен, – обрадовалась Биче. – У нас много молодых незамужних женщин, выбирай любую...

– Повезло мужику, – насмешливо осклабился Стрелок, прислушиваясь к затихающему шуму шагов уходящих Биче и Гонта. – Возможно, здесь он обретет то, что уже отчаялся найти.

– Дай-то боги, – от всей души пожелала я.

Ближе к полуночи я в одиночестве сидела возле костра и, бездумно глядя на пожирающий дрова огонь, размышляла о нелегкой судьбе обитательниц Таналоа. Мне не спалось, поэтому в голову лезли самые неожиданные предположения, порожденные избытком фантазии и недостатком информации...

Охотница Биче подошла ко мне совершенно бесшумно.словно тень, возникла из окружающей костер темноты, протягивая мне две кружки и кувшин с вином.

– Я обещала рассказать тебе нашу историю, – напомнила она. – А я свое слово держу всегда.

– В этом мы с тобой похожи. – Я отпила великолепного ягодного вина и одобрительно кивнула. – Рассказывай, чего там ваш Айзатар учудил.

– Он пришел к нам очень давно, с несколькими спутниками-паломниками. – Биче

прищурилась на огонь, вспоминая давние события. – Как и все прочие – хотел попасть в храм, искал смысл жизни и простое человеческое счастье. В то время мы жили плохо. Нас гнали отовсюду...

– Очевидно, из зависти к вашей легендарной красоте? – чуть иронично уточнила я, но Биче не заметила подвоха в моих словах и приняла их за чистую монету.

– Скорее всего, – согласилась она. – Мы долго скитались по лесам, пока не нашли это место, которое называли Таналоа – «убежище». Но, видимо, мы чем-то прогневили богов, ибо те обрекли нас на вымирание – у нас совсем не осталось мужчин. Мы пробовали оставлять у себя паломников, но те лишь оскорбляли нас и уходили своей дорогой. Так продолжалось до тех пор, пока в Таналоа не появился Айзатар. Он попал к нам израненным и еле живым. Моя прапрапрабабка долго его выхаживала, в итоге он все-таки выздоровел и женился на ней, оставшись в Таналоа навсегда. У них родилась дочь, унаследовавшая от матери красоту и долголетие.

– Ага, – я скрыла за кружкой свою ухмылку, – занятная история.

– Айзатар долго размышлял над тем, как обезопасить своих потомков, и наконец придумал, – неторопливо продолжала Биче. – Будучи почти бессмертным, он пожертвовал собой, вложив свою жизненную энергию в последнее заклинание. Так появились деревья, насылающие слепоту. С тех пор все паломники, достигшие границы Таналоа, либо слепли, либо погибали. Те из мужчин, кто не умирал, оставались в Таналоа, брали в жены наших женщин, беззаботно доживали отведенный им срок и давали нам детей, в основном – девочек.

– Идеальная ловушка, – восхищенно прищелкнула пальцами я. – Браво, здорово придумано! А ваш Айзатар – отнюдь не дурак, беспроегрышно со слепотой придумал. Куда было деваться от вас слепым мужикам? – Я подмигнула Биче, снова наполняющей наши кружки. – Вам впору памятник ему ставить...

– Уже поставили, – улыбнулась хозяйка Таналоа.

– Но скажи, – я поближе придвинулась к собеседнице и заговорщицки понизила голос, – имеется ли возможность пройти через ваши земли и не ослепнуть?

– Не знаю, – честно ответила лучница. – Но тебе стоит посетить гробницу Айзатара. Если ты хочешь найти ответ, то ищи его там. Для нас же вход в гробницу закрыт...

– Почему это? – удивилась я.

– Айзатара хоронила его супруга, – пояснила Биче, – в точности выполнив все предсмертные указания. С тех пор наш народ из поколения в поколение передает предание о том, что никто не смеет безнаказанно проникнуть в гробницу великого волшебника. А каждый, кто осмелится на подобное святотатство, умрет мучительной смертью.

– Так прямо и каждый? – не поверила я.

– Айзатар предсказал, что однажды в наших краях появится четырехрукая женщина, – так же тихо и почти испуганно шепнула мне Биче, – она сумеет пройти в гробницу и узнает самую страшную тайну Таналоа...

– Страшную? – восхищенно хохотнула изрядно опьяневшая я. – Ай да Айзатар!

– Не смешно, – обиженно надула губы Биче. – Да кто ты такая, чтобы высмеивать наши святыни и обычаи?

– Кто? – пуще прежнего развеселилась я. – Да просто я и есть та самая четырехрукая женщина, напророченная вашим волшебником.

– Ты? – Лучница осуждающе покачала головой. – Не ври. Ты самая обычная девчонка, а рук у тебя всего две...

– Завтра докажу, – самоуверенно пообещала я. – Вернее, покажу вам новый фокус. Не одному же Айзатару чудеса творить. – С этими словами я улеглась на бочок, подстелив под себя собственный плащ, и погрузилась в глубокий сон, ибо вино у жителей Таналоа оказалось забористым, крепким и буквально валило с ног. Впрочем, точно так же, как и их страшная тайна...

Глава 4

Утро красило розовым цветом кроны деревьев и вершину виднеющейся за ними горы. Странно, а вчера я ее совсем и не заметила...

– Смотри, там находится усыпальница Айзатара, – пояснила Биче, покровительственно положив ладонь мне на плечо. По губам лучницы скользнула хитрая улыбка. – Но учти, видеть эту гору может не каждый, а лишь тот, кто не способен причинить вред жителям Таналоа.

Я скептически покосилась на мускулистую воительницу, прокручивая в голове свое недавнее обещание всех тут в капусту порубить... Подумала и иронично хмыкнула. Ну и ситуация... Выходит, хозяйка Таналоа уже полностью уверена в том, что я не сделаю им ничего плохого. Эх, и влипла же я!.. А Биче – странная женщина, много чего сердцем понимает, а вот очевидного – в упор не видит! Вот уж точно – добро должно быть не только с кулаками, но и с мозгами!

Во дворике одного из домиков я увидела Гонта – чисто вымытого, принаряженного в кожаную жилетку с вышивкой, восседающего за накрытым к завтраку столом и, судя по всему, весьма довольного собой и своей новой жизнью. Рядом с ним суежилась молодая женщина, выставя на стол тарелки с едой. Оценивающе оглядев подругу эльфа, я аж икнула от неожиданности... М-да, как говорится – каждый получает то счастье, которого достоин.

– Мы идем к горе! – заявила я, без разрешения хватая со стола ломоть хлеба и жареную ногу какой-то птицы. – Не хочешь с нами?

– Никуда он отсюда не сдвинется! – решительно заявила подруга Гонта, для надежности удерживая того за хлястик жилетки. – Не пущу!

– Это моя жена, – довольно заулыбался Гонт. – Мила!

– Кому – мила? – не поняла я, задирая голову, ибо она милая девица, выразительно поигрывающая бицепсами, обладала богатырским ростом.

– Зовут ее так, Мила! – уточнил Гонт.

– А-а-а, – многозначительно протянула я. – Ну ничего так имечко, ей подходит...

– А то! – Слепец собственническим жестом обнял тонкую талию жены.

Я прикусила зубами свой указательный палец, стараясь не рассмеяться.

– Знаешь, княжна, – между тем заговорил слепой, не отпуская жену, – когда я попал на остров, то мечтал добраться до Храма Смерти и попросить у богов сделать меня счастливым. Похоже, мое желание сбылось...

– А глаза? – осторожно напомнила я.

– Для истинной любви глаза не нужны, – подсказал стоящий сзади Стрелок. – Ведь они все равно солгут и обманут. Одно лишь сердце всегда говорит правду, вот его и нужно слушать.

– Правильно, к тому же – за все нужно платить, – хмыкнул Гонт. – И это вполне справедливая цена. Многие за любовь и жизнь отдают. А я еще легко отделался. Поэтому стану-ка я крепко держаться за то, что само далось мне в руки, – Гонт с намеком стиснул талию Милы, – а не гоняться за туманными миражами. Каждый получает то, что заслужил... Я много страдал и, думаю, вполне достоин красавицы-жены, уютного дома и мирной жизни?

– Конечно, – с готовностью поддакнула я, – ты даже не сомневайся!

– Удачи тебе, – пожелал Гонт, намекая на окончание разговора, – доброго пути!

– Доброго... – задумчиво бубнила я себе под нос, покидая деревню, – доброго... С каждым днем все сильнее убеждаюсь в том, что добро может иметь весьма странный облик... Вдобавок к кулакам и мозгам.

– Не передумала уходить? – поинтересовалась шагающая рядом со мной Биче.

– Не-а, – отрицательно мотнула головой я. – Полагаю, что жизнь в Таналоа – не для меня.

– А как же предостережение Айзатара и твое обещание? – вдруг всполошилась

лучница. – Или тебе не терпится умереть?

– Еще чего! – рассмеялась я, привстала на цыпочки, приложила ладонь к уху рослой Биче и шепнула несколько слов...

– Вот это да! – Хозяйка Таналоа уставилась на меня с нескрываемым восхищением. – Все оказалось так просто и... одновременно с тем сложно...

– Так чаще всего и происходит в жизни, – философски вздохнула я. – Поэтому не переживай, думаю, с нами не случится ничего плохого. Вернее, все плохое, что могло нам угрожать, уже случилось...

– Ничем не перешибаемая наивность! – сердито буркнул Слепой стрелок, прислушивающийся к нашему разговору или точнее – не упустивший из него ни слова по причине своего острого слуха. – Знаешь, Рогнеда, я начинаю верить в то, что ты сумеешь как-то уговорить Харона. Вернее, своими шуточками-прибаутками уломаешь его, и безликий паромщик согласится перевезти нас через реку Забвения. Но потом мы попадем в лапы к гидрам, а те, увы, жалости не ведают и чувством юмора не обладают...

– И? – выжидательно спросила я, желая получить ценную информацию о предполагаемом методе борьбы с гидрами.

– И ничего, – хмуро предрек наш неисправимый пессимист. – Останутся от тебя только косички да сапожки. Ибо стражей храма невозможно победить умом или хитростью, их можно только уничтожить. – И он сделал красноречивый жест, изображая, будто натягивает тетиву незримого лука, который потерял еще при посадке на берег Ледницы. – Но, к сожалению, не из чего...

– Если передумаешь, то возвращайся. – Внимательно слушавшая наш диалог охотница сняла с плеча свой лук и подала его мне. – Прими в качестве подарка, думаю, он тебе пригодится... – Она прощально взмахнула рукой и отправилась обратно в деревню.

– Ну как, к горе? – спросил у меня Стрелок после ухода Биче.

– Точно, туда, – с облегчением вздохнула я. – Предпочитаю и дальше гоняться за миражом, чем довольствоваться своеобразным здешним счастьем!

– А что ты имеешь против него? – не понял слепец.

– Да ничего личного, просто неприглядное оно какое-то... – тихонько ответила я.

Судя по вытянувшемуся лицу слепого, стало понятно, что он меня не понял, но я уклонилась от продолжения разговора, проигнорировала его наводящие вопросы и с невозмутимым видом продолжила путь к горе.

Глазомер сыграл со мной плохую шутку, и дорога к горе оказалась намного длиннее, чем я предполагала изначально. А возможно, мне стоило винить отнюдь не себя, а оптическую иллюзию Таналоа, ставшую серьезным испытанием для наших мышц и терпения. Солнце заметно клонилось к закату, когда мы наконец-то достигли подножия горы и остановились перед зияющим входом в пещеру, ничем не защищенным и не прикрытым.

С правой стороны от грота, как я обоснованно предположила, и являющегося гробницей Айзатара, виднелся небольшой бюст, установленный в специальной выемке, вырубленной прямо в скале. Я с любопытством рассматривала скульптурное изображение мужчины средних лет, при жизни обладавшего весьма незаурядной внешностью. Высокий лоб, большие, четкого очерка глаза, прямой нос, сильный подбородок и мощная, как колонна, шея сказали мне о многом. Покойный волшебник был, без сомнения, личностью волевой и властной, но при этом отнюдь не чужд доброты и справедливости. Кстати, он отличался и вполне небанальной телесной красотой, немного грубоватой, но для мужчины это скорее преимущество, чем недостаток.

– Красивый? – любопытствовал слепой, правильно истолковав мое затянувшееся молчание и кончиками пальцев осторожно прикоснувшись к бюсту Айзатара.

– На мой вкус – очень даже красивый, – подтвердила я. – К тому же смею предположить, что дядька он был весьма суровый. Обеспечил своих дочек и внуков мужьями, вопреки выкрутасу природы, неизвестно за что на них свалившемся. Причем

жизни своей не пожалел, творя последнюю волшбу. Вот это любовь, вот это чувство долга! – Я старалась говорить ровно, но, вопреки своим намерениям, не сумела сдержать восторженных ноток.

– А ты бы смогла так же пожертвовать собой ради своих близких? – быстро спросил Стрелок, а его голос предательски дрогнул, сильно меня удивив.

– Наверное, да, – задумчиво ответила я, гадая о причине внезапного волнения незрячего эльфа. – Если встанет вопрос о жизни и смерти, то я предпочту спасти других, ибо, если честно, давно, искренне и прочно не верю в благополучный исход нашего путешествия. В благополучный исход сугубо для меня, – поспешно уточнила я, предвосхищая еще не прозвучавший вопрос. – Ибо, как справедливо упомянул Гонт сегодня утром, за все нужно платить, а самые заядлые торгаши нашего мира – это боги, никогда не упускающие собственную выгоду.

– Это ты точно подметила! – Эльф красноречиво прикоснулся к своему шраму. – Проверено на себе. Но учти, – его усмешка не сулила мне ничего хорошего, – при удобном случае я припомню тебе твое нынешнее обещание...

– Предчувствую, что подходящий случай не заставит себя ждать, – вернула подачу я. – Ладно, заматано. Как говорится, назвался эльфом – не забудь наострить уши!

Незрячий восхищенно гыкнул, отдавая должное моему самообладанию, и развернулся на каблуках, намереваясь вступить в пещеру.

– Куда? – поймала его за куртку я. – Поперек мамки в пекло? Вспомни, что говорил нам Вышегор о четырехрукой женщине...

– Нашла кому поверить! – скептически фыркнул слепой, однако решительности у него заметно поубавилось. Эльф истуканом застыл на пороге пещеры, настороженно вслушиваясь в тишину...

– Не старайся, эту ловушку не услышишь, – разочаровала его я, а затем вынула из ножен сабли, поглубже вдохнула, мысленно испросила разрешения у мертвого волшебника и шагнула в пещеру...

Сила обрушилась на меня будто шквал... Мертвой хваткой вцепившись в рукояти сабель, я крутила две «мельницы» с такой скоростью, которой не достигала ни на одной тренировке. Спасибо воеводе Нелюду, приучавшему меня с детства владеть парными уррагскими саблями. Сами уррагцы – народ кочевой, буйный, неукротимый. И именно у этого народа в ходу определение «четырёхрукий», ибо считается, что помимо двух рук – полученных при рождении, мастер боя на саблях владеет еще двумя конечностями, с которыми управляется столь же искусно. Недаром ворчал и ругался на меня Нелюд, поучая, что до звания «четырёхрукой» мне еще ой как далеко, а пока больше подходит мне другое, справедливое и обидное – «косорукая». Но, полагаю, сегодня учитель мог бы мной гордиться...

Меня осыпало тысячами ледяных игл, обдавало клубами дыма и пламени, накрывало градом камней и метательных дротиков. Покойный Айзатар оказался богат на выдумку, ибо после огня на меня вылился сначала поток крутого кипятка, а затем посыпались крупные градины. Лезвия вращающихся сабель слились в две непрерывные линии, благополучно отражая огонь, воду и град. В руках поселилась тянущая боль, я заморилась и вспотела, но ни на миг не остановила вращательного движения сабель, упрямо идя вперед. И в тот самый момент, когда пришло осознание, что силы мои истощились, а я сама готова свалиться от усталости, испытание закончилось так же внезапно, как и началось. Оглядевшись по сторонам, я с изумлением обнаружила, что очутилась в огромной пустой зале, в центре которой возвышался массивный черный гроб – высеченный из ствола векового кедра.

– Ну, здравствуй, волшебник! – устало поздоровалась я, вкладывая сабли в ножны. – Заставил же ты меня попотеть! – Ощупав себя, я выяснила – отделалась на удивление легко, получив всего лишь два неглубоких пореза на руках и ожог на лбу. – Можешь не хитрить, я уже почти разгадала страшную тайну Таналоа, но совсем не прочь ознакомиться и с твоей

версией произошедшего, – вслух произнесла я, ибо на крышке гроба лежало нечто точно предназначающееся для меня. – Признаться честно, меня сильно шокировал облик обитательниц Таналоа. Полагаю, поначалу и тебя тоже? – Я взяла цилиндрический футляр, раскрыла его, вытряхнула спрятанный внутри свиток и погрузилась в чтение...

«Здравствуй, четырехрукая! – значилось в адресованном мне послании Айзатара. – Во сне ко мне явилась королева Смерть и возвестила о том, что однажды ты прибудешь в земли Таналоа, дабы убедиться в том, что красота может стать наказанием, а уродство – благом. Вернее, в том, что красота духовная не всегда соответствует красоте телесной. И если ты сейчас читаешь мое письмо, значит, прошла очередное уготованное тебе испытание и готова вступить на ладью Харона, должную доставить тебя в Храм Смерти. А беспрепятственно пройти через земли Таналоа, закрытые магией слепоты, тебе помогут мои слезы. Береги их, ибо они способны уберечь не только от потери зрения, но и от другой, более страшной беды. Помни, наша жизнь складывается из внешне малозначительных мелочей, на самом деле – всецело между собой связанных... Научись понимать оные связи! Что же касается тайны обитательниц этого края, то она очевидна. Ибо, обладая прекрасными фигурами, будучи добрыми и простодушными, жительницы Таналоа отличаются чрезвычайно страшными лицами, являющимися их наказанием – и вместе с тем величайшим счастьем. Поэтому я ослепляю всех мужчин, попадающих в этот край, дабы подтвердить немудреную истину, заключающуюся в том, что истинная любовь слепа».

– Понятно, – хмыкнула я, бережно пряча в карман куртки небольшую бутылочку, вместе с письмом вытряхнутую из футляра. – Признаюсь, чуть не умерла со страху, в первый раз увидев жабы физиономии местных женщин, с их перекошенными челюстями, крохотными глазками, глубоко ушедшими под надбровные дуги, бугристыми носами и низкими лбами. Вот уж точно – полное несоответствие сильного духа, любящих сердец и уродливых лиц. Пожалуй, иного выхода, как слепота для их мужей, у тебя и не было. Слышишь, Айзатар? – Я панибратски похлопала по крышке гроба, и мне показалось, верю – только показалось, что изнутри донесся негромкий довольный смешок. – Ты точно знал, что любить стоит не за красивое лицо, а за красивую душу. Спасибо! – Я снова проверила, цел ли драгоценный флакончик со слезами волшебника. – Я навсегда запомню твой урок и пример. Прощай! – С этими словами я вышла из пещеры, окликая заждавшегося меня Стрелка...

– А я уже отчаялся дожидаться тебя живой и невредимой. – Эльф снял с костра пруттики с нанизанными на них жареными грибами. – Туго пришлось?

– Нормально. – Я дотронулась до ожога на лбу и зашипела от боли. – Заживет. Ведь то, что не убивает сразу, делает нас сильнее...

– Или делает нас монстрами, – скептически хмыкнул слепой, указывая на свой шрам. – Полагаю, в пещере ты нашла то, что поможет нам без ущерба для здоровья пройти через земли Таналоа?

– Ага. – Я выразительно щелкнула пальцем по карману, скрывающему подарок мертвого мага. – Слезы волшебника. И много информации для размышлений... Но признайся, ты ведь тоже сразу почувствовал неладное, встретившись со здешними обитательницами?

– Единственное сильное чувство, в котором мужчина охотно признается женщине, это чувство голода! – хмыкнул незрячий, с аппетитом уминая грибы. – Но если ты подразумеваешь уродство местных женщин, то этот секрет так явно лежал на поверхности, что не нужно обладать зрением, дабы раскрыть его почти немедленно...

– Да? – Я изумленно приподняла брови.

– Ха, – незрячий самодовольно ухмыльнулся, – мужчины любят глазами. Вернее, так почему-то принято считать среди глупцов. А чтобы мужчина поумнел и научился правильно оценивать женщин, всего-то и нужно лишить его настолько недостоверного источника информации, как орган зрения. Тогда он сразу научится понимать женщин сердцем...

– Ясно, – уважительно сказала я. – И что говорит твое сердце?

– Что ты скорее всего действительно сумеешь добраться до Храма Смерти, – нехотя признал Стрелок. – Но поверь моему личному опыту, Рогнеда, лучше бы ты туда не стремилась...

– Почему? – оторопела я.

– Потому, что именно в храме ты огребешь на свою неумную голову такие проблемы, по сравнению с которыми все предыдущие испытания покажутся тебе безобидными цветочками, – предостерег меня Стрелок.

– Не верю, куда уж больше, – легкомысленно отмахнулась я. – Согласно пророчеству жреца, вступив в храм, каждый из нас обретет желанную награду и избавление от всех забот...

– Ага, смотря еще какое избавление, – язвительно буркнул эльф. – Ну подумай сама, какую награду можно получить от Смерти? – И, поскольку я молчала, уточнил: – Ухоженное кладбище, чеканную оградку вокруг могилки и красивый гробик...

– Мрачная перспектива, – неуютно передернула плечами я. – Хочется верить, что, в пику твоим страшилкам, все сложится хорошо.

– Вот только осталось выяснить, у кого и когда... – подытожил эльф, подхватил сумку и, не оглядываясь на меня, потопал по тропинке, прочь от горы...

За синие камни мы вышли ранним утром, когда предрассветный туман еще не успел рассеяться, эффектно замаскировав наше прибытие в лагерь. Почти все мои друзья еще спали, лишь оставленный в карауле принц сидел возле костра, подкручивая колки гитары.

– Правда такие страшные? – заинтересованно переспросил он, выслушав мой рассказ. – Брр, а я-то думал – куда уж страшнее моих несостоявшихся невест!

– Подходящая тема для баллады, – заявил дракон, вскарабкиваясь ко мне на колено. – Помнится, слышал я однажды старинную сказку про принца и Золушку...

– А-а-а, про прекрасного принца и красавицу Золушку? – вспомнила я. – Читала о них в собрании легенд, хранящемся в Нарронской библиотеке...

– Наверное, тебе попалась адаптированная версия, предназначенная для наивных барышень на выданье, – язвительно хихикнул Трей. – На самом же деле принц настолько не отличался красотой, что все невесты от него просто сбегали, наплевав на его прекрасную душу. А причина в том, что принц Оттон уродился хромым и рябым, с бельмом на правом глазу и высохшей левой рукой, его голову покрывала короста и...

– Хватит, хватит! – брезгливо застонал принц, ладонью зажимая себе рот. – Меня же сейчас стошнит.

– А Золушка? – спросила снедаемая любопытством я.

– Сирота-бесприданница с дальней фермы, – увлеченно разглагольствовал дракон, щеголяя своей осведомленностью о событиях давно прошедших дней. – Тоже та еще красotka, тощая дылда, синий чулок, тайком перечитавшая все книги из библиотеки покойной маменьки. Повезло ей, что в троюродных тетках у нее значилась знаменитая волшебница Юдашка – непризнанный дизайнер в области женской моды и экстремального гужевого транспорта. Ну, там и тыква пригодилась, и крысы в дело пошли... Волосешки, особой густотой не отличающиеся, Золушке та волшебница начесала, туго затянутым корсетом создала подобие бюста, благо рост у девицы модельный, подучила завести разговор об особенностях второго уровня некромантии, коей Оттон увлекался от безделья, и вуаля, наш принц уже заполошно мечется по провинции в поисках таинственно пропавшей обладательницы хрустальной туфли. Сорок пятого размера, между прочим... И спрашивается, кому такой башмак еще кроме Золушки подойдет, если все мало-мальски симпатичные девицы по домам затихарились и даже нос наружу высунуть боятся, дабы принцу на здоровый глаз не попасться? Зато потом...

– Хватит, хватит! – давясь хохотом, взмолилась я. – Убедил, больше никогда не поверю ни в одну слезливую любовную историю! Чтобы не разочароваться...

– То-то же! – наставительно поднял коготь дракон. – Это не любовь зла, это просто

козлов вокруг много!

– Печально... – вздохнул Тай и запел:

Жизнь, братцы, жестокая штука,
Порою бывает зла:
У Золушки грубые руки,
А на лице – зола.
С утра и до вечера – стирка,
Уборка – тяжелый крест.
Истерты ботинки – в дырках,
На туфли не хватит средств.
Редко, когда смеется,
Чаше, когда в слезах.
У Золушки спутаны косы,
Погас огонек в глазах.

Она так устала, братцы,
До петухов вставать,
Горошины не приметя,
Она прилегла бы спать.
А Принц все искал Принцессу,
Не находя своей,
Была чтоб открыта сердцем
И чтоб голубых кровей,
С восторженностью ребенка,
Потребностью в чудесах,
С кожей нежнее шелка
И с ленточкой в волосах.
Он мимо прошел, не заметив,
Случайно потупив взор...
И не было доброй феи,
И не было злых сестер...
Жизнь, братцы, жестокая штука,
Что ж, Принц, ты отвел глаза?
У Золушки грубые руки,
А на лице – зола...

– Очаровательно! – выдал пару снисходительных хлопков Трей. – Наш трубадур опять умудрился талантливо облагородить неприглядную истину. Честь ему и хвала...

– Хватит развлекаться, – строго оборвал его слепой. – Давайте используем по назначению слезы Айзатара и выступим в путь. А то расслабились, понимаешь. Не рекомендую терять бдительность, впереди нас ждут новые испытания...

– Да чего ты ждешь? Закапывай, пока спит!.. – Бальдур подначивающе пихнул меня локтем в бок.

Я согласно кивнула, склонилась к сладко похрапывающему Зоргану, и...

– Рано меня закапывать... Тело еще не остыло! – спросонья буркнул эмпир, садясь и чуть не выбивая флакончик со слезами у меня из рук. – Как же меня бесит твое кольцо! – Он попытался сдернуть обручальный артефакт у меня с пальца, но кольцо не желало покидать свою владелицу, сидело крепко.

– Ладно хоть ты против кольца настроен, а не против меня, – негромко прокомментировал Тай.

– Ты тоже не сахар, – криво ухмыльнулся Зорган, но развивать тему не стал, послушно разрешил мне закапать себе в глаза слезы Айзатара и, пока мы по краешку обходили территорию Таналоа, внимательно слушал мой рассказ о тайне покойного волшебника.

– Куда теперь? – только и спросил он, после того как опасные деревья остались далеко позади.

– Нужно найти реку Забвения, – подсказал Слепой стрелок, идущий на десять шагов впереди нас, но благодаря своему острому слуху не упустивший ни одного произнесенного мною слова. – И если Рогнеда сумеет убедить Харона переправить нас на другой берег, то...

– А что, этот Харон настолько важная птица, если княжна должна перед ним шапку ломать, кланяться в пояс и умолять перевезти нас через реку? – кисло улыбнулся эмпир. – Или проще его того... – Он выразительно провел ребром ладони себе по горлу.

– Пробовать, конечно, не запрещено... – язвительно фыркнул незрячий эльф. – И поговаривают, будто подобные дураки уже находились... Да только где они теперь...

– Где? – не понял Бальдур, торопливо записывающий в свой блокнот все откровения Стрелка.

– На речном дне! – сообщил слепец. – Ибо Харон, он, он... Эх, да чего там, сами скоро увидите!.. – И он махнул рукой, намекая на многое.

– Ой, не нагнетай, пожалуйста. Вряд ли этот остров еще способен нас чем-то удивить, – неосмотрительно брякнула Кайра и, как выяснилось в скором времени, оказалась совершенно не права.

После того как мы пересекли Таналоа, погода испортилась напрочь, взамен ласкового тепла и яркого солнечного света вывалив на наши головы вязкую сумеречность, порывы холодного ветра и целые горы снега. Возможно, мы просто покинули одну из теплых зон Ледницы, а возможно – это боги сердились на уворотливую добычу, в очередной раз сумевшую без потерь улизнуть из их цепких лап.

Мы топали целый день без передышки, но река Забвения так и не показалась. Наконец, полумертвые от усталости, мы добрались до какой-то крохотной, полузаметенной снегом деревушки, состоящей из нескольких десятков хилых, покосившихся, до самых окон вросших в землю хибар. Честно говоря, я абсолютно не представляла, кто способен жить, нет – выживать в таких суровых условиях, абсолютно не пригодных для сносного существования. Скрюченными от холода пальцами я попробовала деликатно постучать в чьи-то щелястые ворота, но подозреваю – мой стук прозвучал излишне требовательно и агрессивно. Ой, кажется, я сейчас опять накосячила, практически зашла в деревню с левой ноги... Я задумчиво смотрела на свою руку, пытаясь спрогнозировать последствия совершенного поступка. Ну да, все верно: если пальцы на руках плохо гнутся, а руки растут прямо из... Хм! Значит, это не руки, а ноги!..

– Кто там? – вскоре донеслось со двора.

– Паломники! – жалобно проблеяла я. – Идем в Храм Смерти, пустите обогреться и переночевать, богов ради.

– Идите мимо! – сурово ответствовали из-за ворот. – Нам нынче не до вас.

– Выдающийся пример человеколюбия, – пискнул высунувшийся из моего кармана дракон, клацающий зубами и шмыгающий посиневшим носом. – Если мы вусмерть замерзнем у них под воротами, то селяне нас даже не заметят.

– Заметят, когда наши тушки весной из-под снега оттают и вонять начнут! – процедила Кайра.

– Мило, – хмыкнул Трей, из зеленого уже целиком превратившийся в синего. – Спасибо за обрисовку перспективы, добрая девушка!

– Бальдур, стучи тоже, – попросила эльфийка, проигнорировав подколку дракона. – У тебя рука твердая.

– Твердая рука – верный признак трупного окоченения! – мстительно хихикнул Трей. Кайра показала мелкому пакостнику кулак.

– Не перевирай мои слова, кузнечик. Я имела в виду, что Бальдур у нас – парень здоровый. А в здоровом теле...

– Здоровые сопли! – проказливо закончил за мечницу дракон.

– А-а-а, послать бы вас всех куда подальше, юмористы недоделанные, – с отчаянием пожелала эльфийка. – Да только посылать-то уже некуда... Вы уже везде были!

– Это точно! – печально согласилась Витка.

– Эй! – Зорган возмущенно заколотил в ворота рукоятью меча. – Уважаемые селяне, прекратите нам последнее здоровье вымораживать, оно нам еще пригодится, ибо мы – доблестные воины, жаждущие отведасть вашего гостеприимства.

– Щаз собак спущу с цепи, враз и отведаете! – пригрозили из-за ворот.

– С нами путешествует знаменитый менестрель! – выкрикнула Кайра. – А от холода он может лишиться своего волшебного голоса!

– А нам-то какое до этого дело? – изумился невидимый оппонент.

– А его сопровождает самая прекрасная в мире дева! – добавил уже сам принц Тайлериан, поглядывая на Витку – скукожившуюся, сопливую, трясущуюся мелкой дрожью, а посему весьма мало соответствующую столь пышному определению.

– Да разве мы девок не видывали? – искренне удивились с той стороны ворот. – У самого таких пятеро по лавкам, одна другой смазливее...

Мы приуныли, зябко переминаясь с ноги на ногу, а вьюга вызверилась еще пуще, со свистом забираясь к нам под плащи и куртки.

– Зато мы привели к вам великую целительницу, исцеляющую любые болезни! – окончательно отчаявшись, вдруг выдал Бальдур.

«Совсем парень сдурел! – Я шокированно охнула, осознав, что он подразумевает именно меня. – Да как бы мне не попасть в неудобное положение, ибо на самом деле какая же из меня цели...» – Но додумать я не успела, ибо загремел отодвигаемый засов, ворота распахнулись и перед нашими взорами предстало грубое мужское лицо, конопатое и бородатое.

– Целительница, говорите? – Он испытующе зыркнул на нас, протянул руку и поводил ею перед нашими носами. – Которая? Она-то нам и надобна!

Не сговариваясь, друзья дружно толкнули меня вперед. Мужик тут же сграбастал меня за воротник куртки и потянул во двор.

– А ну, подь сюды! – обрадованно прогудел он.

– Одна не пойду! – испуганно заверещала я. – Мало ли чего вы со мной сотворить удумаете. Всех принимайте... – И столь же крепко ухватила за руку стоящего за мной Зоргана.

– Еще чего! – возмутился мужик, упрямо затягивая меня во двор. – На кой ляд нам все?

– Всех! – придушенно требовала я, ибо предельно натянувшийся воротник здорово мешал мне дышать.

– Тебя! – стоял на своем мужик, не переставая упражняться в удушающих манипуляциях.

Я хрипела, воротник трещал...

Положение спас дракон, внезапно высунувшийся из нагрудного кармана моей куртки и цапнувший мужика за палец...

– А-а-а! – Селянин с воплем улетел в глубь двора, где смачно приземлился на пятую точку и громко выругался, наградив своего обидчика несколькими весьма нелестными эпитетами.

– Сам такой! – величественно парировал Трей, вновь скрываясь в недрах кармана.

Я прокашлялась, и мы ровным строем вступили во двор...

– И правда великая целительница! – продемонстрировал странную логику мужик, поднимаясь, отряхивая штаны и низко кланяясь. – Соблаговолите пожаловать к нам в гости!

– И соблаговолю! – все еще похрипывая, согласилась я, поднимаясь на крыльцо и проходя в услужливо распахнутую передо мной дверь...

Я очутилась в чисто прибранной горнице, полной народу. Мужчины, женщины и подростки обоих полов чинно сидели на скамьях, расставленных вдоль стен комнаты, храня напряженное молчание. Глядя на их печальные, торжественные лица, я поняла, что попала на какую-то церемонию, весьма неприятную и, возможно, даже траурную. В центре горницы, на возвышении, лежал мужчина средних лет, одетый в белую рубаху и до пояса укрытый погребальным покровом. Закрытые глаза, изможденное лицо с ввалившимися щеками наводили на мысль о тяжелой болезни, а единственным признаком еще не угасшей жизни являлось слабое дыхание, чуть колыхавшее грудь страдальца.

– Староста наш, Ронк! – на ухо шепнул мне хозяин избы. – Год уже как болеет, да никто так и не сумел определить, чем именно. Есть не может, пить не может, дышит и то с трудом. Много лекарей его лечили, да все без толку. А нынче Ронку совсем худо стало. Вот сидим, значит, ждем – когда он богам душу отдаст...

Тут на правой лавке кто-то горестно всхлипнул. Я пригляделась и обнаружила молодую женщину, красивую и статную, к которой прижимались двое детей – мальчик и девочка. Девочка – хрупкая блондиночка с прелестным личиком, а мальчик – вылитый Ронк.

– М-да, – глубокомысленно протянула я, подходя к умирающему. – Прискорбно. Где у тебя болит-то, сердешный?

Ронк медленно открыл глаза, выпростал из-под покрыва худую руку и сделал неопределенный жест, охватывающий расстояние от носа до коленей.

– Зашибись, точный диагноз! – хмыкнула я. – Эй, красавица, – я пальцем поманила к себе жену старосты, – скажи, что ему лечили?

– Сердце, почки, легкие, желудок, – зачастила торопливо подошедшая женщина. – Даже от геморроя лечили, ничего не помогло...

– Чудесно! – Я задумчиво потерла лоб, а потом подхватила со стола горящую свечу и без слов подала ее женщине, подразумевая – посвети. Вытащила из сумки ложку, с усилием втиснула ее между зубами умирающего и раскрыла тому рот... С моих губ сорвался довольный, ироничный смешок. – Пинцет найдется? – спросила я у жены Ронка.

– Найдется! – Баба метнулась куда-то и, вернувшись, с поклоном подала мне требуемый инструмент.

Я засунула его в горло Ронка и тотчас вытащила обратно...

Больной староста охнул, икнул, широко распахнул глаза, а затем вдруг мощно задышал, откинул погребальный покров и легко спрыгнул с возвышения.

– Не болит! – обрадованно закричал он. – Ничего уже не болит!

– Целительница! – хором возопили селяне, взирая на меня с благоговейным восторгом.

– И что это ты тут сейчас исполнила? – удивленно приподнял бровь Зорган.

– А, так, ерунда! – смущенно ответила я. – Ты зубы чистишь? – Вопрос был адресован Ронку.

– Ага! – кивнул головой староста.

– В следующий раз осторожнее чисти, – посоветовала я и показала ему крохотный белый волосок. – Это у тебя щетинка от зубной щетки в горле застряла...

Домишки в деревне не блистали размерами, поэтому для ночлега нам пришлось разделиться. Нас с Зорганом впустил к себе угрюмый золотушный мужичок, до самых глаз заросший рыжей нечесаной бороденкой, более смахивающей на вонючий козлий хвост. Казалось бы, подобная характеристика не предвещала ничего обнадеживающего, но в избе у него оказалось неожиданно тепло и чисто. Умяв предложенные хозяином горшок простокваши, кольцо колбасы и полковриги хлеба, мы с эмпиром критически обозрели шаткие лавки и комфортно разместились прямо на полу, расстелив выданные хозяином одеяла и подушки. Сам мужик протяжно зевнул, помолился королеве Смерти и с кряхтением забрался на печку, вежливо пожелав нам спокойной ночи. И я совсем уже задремала, когда Зоргана некстати пробило еще на одну попытку...

– Давай стоя! – нетерпеливо командовал Зорган.
– Давай!
– Эх, не получается! – Эмпи́р взбешенно скрипнул зубами. – Садись на лавку и упрись в печку...
– О-о-ох!.. Ты мне чуть руку не оторвал, – окрысилась я. – И печка как-то подозрительно поскрипывает...
– Прости, но и так ничего не выходит! – повинился любимый. – Вставай на колени...
...На печке послышалось заинтригованное шебаршение, и вниз свесилась лохматая голова хозяина, похоже разбуженного нашими бесплодными попытками.
– Да не напрягайся ты так! – с рычанием потребовал Зорган, его красивое лицо побагровело от тщетных усилий, на челюсти вздулись желваки.
– А ты меня не дергай резко! – парировала я, прикусив губу от нестерпимой боли. – Ой!
...Голова хозяина свесилась еще ниже...
– Есть хоть какое-то движение? – Зорган сорвался на крик.
– Нет!
– Эх!
– Ах!

Но тут раздался жуткий грохот, и на наши упревшие от тщетных усилий головы поочередно свалились сначала дубовый ушат, к счастью – пустой, потом железный котелок, затем – связка вяленых лещей, а напоследок – и сам хозяин...

– Мужик, ты чего? – оторопело спросила я, потирая ушибленный нос.
Зорган смачно ругался, стаскивая с головы гулкий котелок...
– Да ничего! – Разочарованно почесывая отбитый бок, явно обиженный нами хозяин полез обратно на печку. – Просто любиться надо проще, по-людски, а не с таким извращенным переподвыподвертом – как вы...

Я растерянно хлопала ресницами, не понимая – о чем это он? Мой распухший, посиневший палец отзывался острой, пульсирующей болью. Зорган виновато подул на мою истерзанную руку, нашептывая слова извинения и утешения. Мы повторяли свои безуспешные попытки ночь за ночью, но пока, увы, так и не сумели снять с моего пальца треклятое волшебное обручальное кольцо...

Спустя полчаса в избе воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным храпом хозяина и посвистыванием ветра в неплотно задвинутой печной вьюшке. Внезапно со стороны хозяйской лежанки донесся громкий стук и бряк. Мужик подхватился повторно, испуганно хватаясь за грудь в тщетной попытке усмирить заполошно колотящееся сердце...

– Демон! – с подвыванием всхлипнул он. – Хвостатый, с красными глазами и когтями... прямо по печке моей пробежал!

– Окстись, дядя, откуда в вашей глуши демону взяться? – протяжно зевнул эмпи́р, призывно щелкнул пальцами, и на ладонь к нему прыгнул Трей, взбудораженный ночной охотой. – Это просто наш дракон твоих тараканов гоняет!

– Управы на вас нет, хулиганы малахольные... – сердито ворчал мужик, укладываясь обратно на лежанку. – Надобно вас в лесной дом отправить, на перевоспитание да колдунье на съеденье, вот тогда прыти у вас сразу поубавится!

– В какой дом? К какой колдунье? – Я заинтересованно приподняла голову с подушки, но мужик уже спал, не обращая ни малейшего внимания на мое несвоевременное любопытство...

Глава 5

Утром, едва рассвело, я вышла из избы и решительно зашагала к дому старосты Ронка, стоящему в центре деревни и выделяющему среди всех построек своими внушительными размерами и нарядным видом. Вообще, я уже привыкла, что, если ищешь дом местного

власть имущего, выбирай самый солидный – точно не ошибешься. Зорган и Трей наотрез отказались принимать участие в моей утренней вылазке, увлеченные иным, куда более интересным занятием. Дело в том, что золотушный мужичок собрался печь блины, намереваясь угостить нас вкусным завтраком, и поэтому эмпир и дракон чинно сидели на лавке, замороженно наблюдая за его манипуляциями. Стоило лишь мужику отвернуться к печи, как они тут же по очереди запускали то коготь, то палец в стоящий на столе горшок сметаны... Боюсь, что такими темпами блинами нам придется лакомиться без приедка...

Снегу на улице за ночь намело немало. Я обмахнула сапоги специально привешенным к перилам крыльца веничком, вежливо постучала в дверь и вступила в горницу...

– Спасительница! – Ронк чуть ли не бежал ко мне навстречу, призывно распахнув объятия. – Чем тебя отблагодарить?

– Обычного спасибо вполне достаточно. – Я деликатно уклонилась от его растопыренных рук.

– Присаживайтесь к столу, целительница. – Жена Ронка спешно вытащила из шкафчика приличных размеров граненый штоф¹, явно не с молоком. – Отметим...

– Да я, собственно, не чаи или чего покрепче распивать пришла! – с намеком кашлянула я. – А с просьбой...

– Только пожелай, – широко заулыбался староста, – все, чего изволишь...

– Хочу попасть в лесной дом, к колдунье! – откровенно выдавала я.

– Чего? – У Ронка аж рот от страха перекосялся. – Зачем? – Мужчина испуганно шагнул назад, скамья подбила его под колени, и староста неловко плюхнулся на сиденье, взирая на меня так шокированно, словно я попросила его собственноручно закопать меня на кладбище. А сидящие за столом дети с визгом юркнули вниз и спрятались под скатертью.

– Для общего развития, – улыбнулась я, – расширения кругозора и всего такого...

– Шутить изволишь? – неуверенно предположил Ронк.

– Ни-ни, – отмела его предположение я. – Я вполне серьезно. Проводи меня к ней...

– Разве ты для того меня к жизни вчера вернула, чтобы сегодня на съедение колдунье отдать? – пригорюнился Ронк. – Но поскольку я перед тобой в долгу, то... – Он встал, сдернул с вбитого в стену гвоздя тулуп и принялся туго подпоясываться, храня многозначительно молчание...

– Тятя! – Дети со слезами выскочили из-под стола и вцепились в отцовский тулуп. Но так как Ронк хранил траурное молчание и продолжал одеваться, они с воем повалились ко мне в ноги, умоляя помиловать тятю, а не вести его на верную погибель, не скармливать ведьме.

– Тьфу на вас, паникеры! – негодуяще фыркнула я. – Да кто же на него покушается? Никаких жертв мне не нужно. Просто расскажите, как найти лесной домик, тогда я в одиночку до него доберусь...

– Не совались бы вы туда, госпожа целительница! – неодобрительно покачала головой жена старосты. – Много путников в лесной дом заживало, да никто обратно не вернулся... Поговаривают, будто у живущей там колдуньи дурной глаз, поэтому она способна убить человека одним взглядом.

– И нет от нее никакого спасения? – скорее удивилась, чем испугалась я.

– Нет, – с сожалением вздохнула женщина. – Но досталась мне от бабушки по наследству некая волшебная вещь... – Она вынула из шкафа небольшой сверток и подала мне...

Я развернула тряпицу, и на мою ладонь выскользнул осколок зеркала. Стекло тусклое, почти черное, необычайно толстое... Видать, зеркало-то отнюдь не простое!

– Берите, вдруг оно вам поможет! – расщедрилась женщина, встретившись с моим вопросительным взглядом. – А попасть в дом колдуньи просто. Как выйдете за деревенскую околицу, ступайте вправо, через лес. Никуда не сворачивайте – и упретесь прямо в ее

¹ **Штоф** – четырехгранная бутылка для вина, объемом 1/10 ведра.

избушку.

– А река Забвения где находится? – продолжала допытываться я.

– Так еще дальше, – подсказала женщина. – За избушку пойдете, и все прямо, прямо...

– Спасибо! – Я сунула сверток с осколком за пазуху и без лишних промедлений да размышлений отправилась в лес.

Искренне считала, что после встречи с ледяным демоном и битвы с Охотниками опасаться мне уже нечего. Уж если даже это пережила!.. Значит, и сейчас ничего плохого со мной не случится. Ведь если худшее осталось позади, то лучше пореже оглядываться... А о том, что своей безалаберностью я могу навредить кому-то другому, совсем не подумала...

Шла я недолго. Пока не наткнулась на некое сооружение, которое назвать не только домом, но даже избушкой – язык не поворачивался. Скорее землянкой, выкопанной в склоне холма, поросшего густым ельником. Два круглых окна, затянутых бычьим пузырем, и неряшливая разошедшаяся дверь, сколоченная из изъеденных жучком досок. Я брезгливо, кончиками пальцев взялась за веревочную петлю и потянула дверь на себя. Та нехотя растворилась с негостеприимным скрипом...

Я очутилась в некоем подобии норы, лишь отдаленно смахивающем на человеческое жилище. Убогая комнатуха, из мебели в ней лишь стол, кровать и роскошное резное кресло, в котором сидел... давно засохший труп! Я не без содрогания всмотрелась в лицо хозяина, вернее – хозяйки этой убогой берлоги. Мумифицированное лицо отнюдь не старой женщины еще хранило отпечаток былой красоты. И тем ужаснее смотрелись на нем черные, будто выжженные, пустые провалы глазниц... Я отшатнулась, потрясенная.

«Кто это сделал?» – заполошным вихрем пронеслось у меня в голове. Возможно, легенда о чьем-то убийственном взгляде действительно имеет реальную подоплеку...

Я с любопытством озиралась по сторонам, дав себе обещание во что бы то ни стало разрешить древнюю загадку лесного дома. Напротив мертвой колдуньи высилась глухая стена, сплошь затянутая паутиной. Я подхватила с кровати какую-то тряпку, смахнула паутину, и... Моему взору предстало темное, словно потухшее зеркало продолговатой формы, напоминающее глаз. Я довольно хмыкнула – так вот чей взгляд поразил колдунью. Ее убило зеркало!

В правом верхнем углу зеркала имелся изъяз, выбитый кусок... Я достала сверток, подаренный мне женой старосты, извлекла осколок и тут же поняла – он идеально встанет на место скола, восстановив целостность волшебного зеркала. Однако я не желала погибнуть столь же нелепо, как и лесная колдунья, повторив ее судьбу. Уверена, для каких бы целей ни использовали это загадочное зеркало, должен найтись и безопасный способ его применения...

Я прошлась по норе, внимательно разглядывая непритязательный интерьер. Взялась за стоящую в углу метлу и тщательно подмела пол, на коем обнаружила ряд углублений, расположенных в определенной последовательности.

«Демон меня заberi! – напряженно размышляла я, сидя на уже чистом полу. – Зачем они здесь и для чего предназначены? Если есть углубления – значит, в них нужно что-то поместить, что-то вставить, положить... Но что конкретно и с какой целью? Очевидно, именно эти углубления и являются защитным барьером, ограждающим смотрящегося в зеркало от его пагубного влияния. Хотя, полагаю, это зеркало – совсем не зеркало... – Мое любопытство стало нестерпимым. Я задумчиво тыкала пальцем в отверстия на полу, ломая голову над предназначением странных углублений. – Их тут предостаточно... А чего вообще не хватает в темной лесной берлоге?.. – Тут я обрадованно хлопнула себя по лбу, озаренная догадкой. – Правильно, и как же я раньше не догадалась!..»

Я наколола довольно толстых лучин от спинки кровати, воспользовавшись найденным в берлоге топориком, и разместила их в углублениях на полу. На мой взгляд, в этом полупещерном жилище не хватало самого главного – света! Зажгла все лучины, вставила на место осколок и уселась на пол, возле ног мумии, вознамерившись взглянуть в зеркало под

тем же самым ракурсом, как и погибшая колдунья. Если моя догадка не верна – значит, жить мне осталось недолго, от силы несколько минут...

Свет горящих лучин переплетался, образуя нечто вроде сетки, отделяющей меня от зеркала. Я сидела затаив дыхание, выжидательно впившись взглядом в его темные глубины... Ожидание казалось невыносимым. Лучины разгорались все ярче. Внезапно зеркало посветлело и словно бы приобрело объем. В его глубине прорезался коридор или туннель, производящий впечатление бесконечного. Сначала он был пуст, но вскоре в нем нарисовалась человеческая фигура, идущая по направлению ко мне. Вот она приблизилась, приобретя четкие очертания, и я вскрикнула, потому что в зеркале появился...

Чернокнижник Гедрон лла-Аррастиг, сидящий возле волшебного котла и напряженно всматривающийся в поверхность заполняющего его зелья, злобно выругался, вскочил и забегал кругами, сбивчиво выкрикивая обрывки заклинаний. Проклятая девчонка, это чего же она удумала!.. Решила пробудить давно заснувшее зеркало связи с Нижним уровнем, вызвать к себе кого-нибудь из демонов! Нет, он не допустит подобного, не позволит ей обзавестись столь могущественным союзником. Только этого еще не хватало! Нужно срочно ей помешать. Но как, как? Чернокнижник давно уже смирился с победами треклятой княжны, убедившись в собственном бессилии, в неспособности помешать ее продвижению в глубь острова. Но сегодняшнее деяние девчонки исчерпало лимит его терпения, став последней каплей в почти переполненной чаше черной души, до краев налитой завистью, жадностью и жаждой мщения. Ну сейчас он ей покажет... Всем им покажет!

Гедрон наконец-то вспомнил нужное заклятие, опустил в котел увесистую поварешку и завел монотонный речитатив, перемешивая густую зеленоватую жидкость. И словно подчиняясь напеву колдуна, зелье послушно закипело и взвихрилось, закручиваясь в тугую спираль назревающего урагана...

Лиззи сидела на лавке в домике приветливой вдовы, пустившей их с Вольдемаром на ночлег, и размышляла – не прогуляться ли ей по окрестностям? Волшебница случайно взглянула на окно, да так и ахнула. От кромки леса на деревню надвигалась даже не туча, а бескрайняя, взрытая зарницами стихия черно-сливового цвета. Экая страсть! Низкие тучи неслись с такой стремительностью, что становилось ясно – еще несколько мгновений и небо затянет до края, вот тогда-то на деревню и прольется даже не ливень, а настоящий водопад. Какая уж тут прогулка!

Солнце юркнуло за фиолетово-черную глыбу набрякших облаков, на улице стемнело, а ветер поднялся такой, что не только заборы – дома мог снести. Стихия набирала силу. Засохшие кусты бузины под окном клонились до самой земли, ветер остервенело рвал с них бурые листья и уносил неведомо куда. В разбухших тучах вспыхивали яркие молнии.

«С чего бы это погода так внезапно испортилась? – подумал Лиззи. – Ох, не верю я в естественное происхождение грядущего урагана. От него так и веет магией, сильной и темной. Никак удружил нам в очередной раз наш неведомый противник – колдун. Но ведь он не знает, где мы сейчас находимся... Или знает? Тогда такая непогода опаснее вдвойне».

Увы, гроза, надвигающаяся на деревню, не являлась заурядным ненастьем. Таких туч Лизелотте не доводилось видеть ни разу. Черная волна катилась по небу. На здешние земли вот-вот грозило обрушиться самое настоящее бедствие, и наслано оно было вовсе не для того, чтобы испортить крыши домов или разметать и без того хилые заборы. Нет. Приближающаяся стихия несла с собой такую силу, для коей небрежно разметать хилые деревенские домики, лишить людей крова и даже жизни являлось делом пустяковым. И уж чего-чего, а подобного поворота событий допустить было никак нельзя.

Вон то голубое мерцание в нежных переливах бирюзы и темных разводах пепельных бликов – это вскипающая перед грозой река. А вот, далеко на горизонте, там, где черно-изумрудным цветом вспыхивает лес... Да, точно! Это уверенное лилово-фиалковое сияние и есть тот самый колдовской натиск – чужая, до крайности упрямая воля, что гнала на здешние

земли бушующую стихию! Лиззи напряглась, готовясь противостоять враждебной магии, а между ее ладонями начал набухать большой огненный шар. Вот по аметистовой полоске грозовой стихии прошло волнение – всплеск темно-фиолетовых волн, – стало быть, даже из своего далека колдун заметил противницу. Интересно, какой ему сейчас видится Лиззи с ее чистой аурой? Белой? Черной? Желтой?

Вольдемар, сидящий рядом с Лиззи и тоже зачарованный зрелищем бушующей стихии, наконец оторвал взгляд от окна и реющих в темноте белоснежных занавесок. Эмпир посмотрел на возмутительно безучастную к происходящему волшебницу. Она была сосредоточенна и неподвижна, а по ее бледным вискам катился пот. Юноша, который уж точно не был бестолковым, сразу понял, что к чему. И тут же, словно в подтверждение его правоты, за окнами стих ветер, тучи остановили свой стремительный полет, и даже гром больше не разбивал с треском волглое небо.

Люди на улице замерли, не понимая, что творится, – из прорехи в низких тучах к свинцово-серой реке протянулась, да так и зависла в воздухе кривая полоса огромной молнии. Ослепительный свет залил деревню. Но молния не гасла, и тяжелые грозовые облака не меняли очертаний. Непогода застыла, будто нарисованная. Впрочем, деревенские не стали ломать голову над этой диковиной – мало ли чего природа учудит, пользуйся заминкой да спасай добро.

А вот Бальдур, не будь дураком, сразу сообразил, в чем дело. От ночевавшего в том же доме орка не укрылось побледневшее от напряжения лицо волшебницы. Парень подскочил к Лиззи, схватил девушку за руку и начал по мере умения вливать в нее свою силу, растерянно бормоча: «Надорвется же девчонка, как есть надорвется. Беда... ой беда!..»

Окаменевшая волшебница по-прежнему сидела возле окна. Она целиком сосредоточилась на том, чтобы сдержать силищу свирепого чернокнижника. Отражать его безумствующую волю, неумно рвущуюся вперед, оказалось непросто. Лиззи казалось, будто она удерживает тяжелую дверь, в которую ломится разъяренный силач. Собственно, именно такой образ она себе и выдумала (а чего выдумывать – все затвержено еще на первых уроках магии) – так легче справиться с натиском. Вымышленная дверь сотрясалась от сокрушительных ударов, неведомый колдун обладал прямо-таки ужасающей мощью. Он рвался вперед, силился разрушить преграду, выпустить стихию на волю. Лиззи, весьма к месту, вспомнилась сейчас любимая шутка ее наставницы фрау Оссы про неудержимую силу, которая встречается на своем пути непреодолимую преграду. Да, сегодняшнее противостояние весьма красочно живописало этот абсурд.

Но все-таки то была настоящая битва, хотя и невидимая посторонним взглядам. Противники не стояли лицом к лицу, не размахивали грозным оружием, а пытались одолеть друг друга при помощи собственных магических сил. Никогда в жизни Лиззи еще не доводилось участвовать в таком поединке. Только теперь она поняла, к чему на самом деле готовила ее строгая учительница, обучая концентрировать энергию и управлять ею на расстоянии. И в какой-то момент Лиззи осознала – она начинает побеждать...

– Пусти! – вдруг истерично закричало злобное нечто глубоко в ее сознании, пытаясь пробить волю соперницы. – Пусти, маленькая дрянь!

Лиззи вздрогнула от неожиданности, и этого оказалось достаточно для того, чтобы шаткое равновесие сил было уничтожено. В голове ликующе захохотало, а где-то далеко и в то же время совсем рядом, в мире людей, небеса расколол оглушительный гром, а на крыши домов обрушился поток воды.

Лиззи гневно прикусила нижнюю губу и ответила ударом на удар...

– Ну уж нет! – рявкнул неведомый колдун. – Чтобы какая-то ведьма...

И он устремил вперед всю силу, которую имел...

– Беги, зови всех на помощь! – Бальдур хлопнул по плечу напряженно замершего Вольдемара, не сводящего с любимой испуганно расширенных глаз. – Одной ей не справиться!

Эмпир глубоко вздохнул, приходя в себя, коротко кивнул и кинулся на улицу, громко выкрикивая имена друзей...

Первым на его зов откликнулся Зорган, выскочивший из избы с горшком сметаны в руках и визжащим драконом, лихо восседающим на плече эмпиря, вцепившись в его камзол. Виконт грязно выругался, узрев в небе над своей головой ослепительно сияющее пятно смерча, в центре коего угадывалось уродливое мужское лицо, злорадно хохочущее во все горло...

– Бей! – подзуживающе визжал дракон в ухо Зоргану. – Мочи негодяя!

Плохо соображая, что он делает, эмпир плеснул в сердце смерча сметаной, а следом запустил и сам увесистый глиняный горшок... Посудина полетела точно в хохочущую колдовскую морду! Смерч мгновенно всхлипнул, схлопнулся и пропал...

Неожиданно Лиззи поняла, что в окружающем ее пространстве произошло какое-то необратимое изменение. Голова волшебницы чуть не раскололась от внезапной боли, к горлу подкатила тошнота, затылку стало холодно, телу жарко, а тут еще перед глазами промелькнуло искаженное ненавистью уродливое мужское лицо, облепленное мокрыми от пота волосами и густо уляпанное чем-то белым...

– Пожалеешь, – пообещал напоследок охрипший от усилия голос. – Вы все пожалеете, клянусь, чтоб мне к демонам провалиться!

А потом неизвестный колдун (которого Лиззи так и не успела толком разглядеть) отступил. Просто исчез, и все. Последний натиск волшебницы растворился в пустоте. Чувство было такое, словно она взяла замах, да промазала и теперь закручивается в тугую спираль. Если сейчас не остановится – уничтожит сама себя. «При должном коварстве и из отступления можно извлечь победу...» – еще успела подумать Лиззи, а потом рванула силу обратно – в укромные уголки сознания. Новая вспышка боли пронзила голову одновременно со вспышкой молнии. Волшебница подавилась вдохом и распахнула глаза...

Такого унижения Гедрон не испытывал еще никогда в жизни. Сначала ему в глаза выплеснули поток густой, жирной сметаны, а затем прямо в лоб чернокнижнику угодил тяжеленный горшок, едва не раскроивший ему череп. Колдун ахнул от возмущения, взвыл от боли и отступил, поклявшись отомстить... Сейчас он неловко, подвернув под себя ногу, полулежал в луже зелья, растекшегося из перевернутого котла, прижимал ко лбу холодную поварешку и ругался самыми страшными словами, какие только знал. Призывал кару богов на головы унизивших его сопляков, обещал самому себе или расквитаться с обидчиками, или провалиться к демонам, плакал и всхлипывал. На лбу Гедрона медленно наливался огромный лиловый синяк...

Я сидела с отвисшей чуть ли не до пола нижней челюстью, ибо в зеркале, вернее, в коридоре, в который оно превратилось, отделенный от меня прозрачным стеклом, стоял мужчина невероятной красоты...

– Так-так... – Красавец озабоченно нахмурился. – А я-то считал, будто этот модуль связи давно пришел в негодность. Ошибался, получается! Нужно как-нибудь самому прибыть на Ледницу, провести техобслуживание модуля, в настройках покопаться, микросхемы перепаять...

– Чего-чего? – оторопело переспросила едва вышедшая из ступора я. – Микро... как?..

– А-а-а, не заморачивайся, – великодушно махнул рукой мужчина. – Все равно не поймешь. У тебя ведь технического образования нет?

– Э-э-э... Нарронская академия благородных девиц, – нашлась я и скромно уточнила: – Училась там. Чему-то. Недолго, правда... Начальный общий курс, потом еще полсеместра...

– Заметно! – снисходительно усмехнулся красавец-блондин. – Танцы-шманцы-обжиманцы. Читать-то хоть умеешь, благородная девица?

Я обиженно надула губы.

– Читать, писать, считать, крестиком вышивать и на саблях немного того-с... – Я многозначительно притронулась к рукояти сабли, намереваясь произвести на красавца самое выгодное впечатление.

– Спортивная, значит, – довольно кивнул головой он. – Это хорошо. Вот и чеши поэтому...

– Чего чесать? – опять чуть не впала в ступор я, и правда едва удерживаясь от острого желания почесать «тыковку». Мы с красавцем говорили вроде на одном языке, но я его совершенно не понимала!

– Отсюда чеши! – рассмеялся мужчина. – Беги то есть. Как можно быстрее и дальше. Пока не вернулась та, которая включила модуль связи и не выпорола тебя за хулиганство, ибо лезешь куда не следует и грубо вмешиваешься в судьбу всего нашего мира. А это чревато крупными пробле...

– Да я сама кому хочешь запросто рыло начищу, – буркнула я, невежливо прерывая наставительный монолог красавца. – А штуку эту, как ее... модуль, я и включила!..

– Сама? – не поверил красавец.

Я горделиво кивнула.

– Одна? – уточнил он.

Я кивнула повторно, чувствуя, как мое самомнение вырастает до небес, грозя снести потолок хибарки.

– Дела-а-а... – изумленно присвистнул красавец, вытянул откуда-то из темноты шикарное кресло и непринужденно уселся, закинув ногу на ногу. – Тут без бутылки точно не разберешься! А знаешь, ударю-ка я, пожалуй, метилкарбинолом¹ по уровню своей транспептидазы²...

– Ыть? – не поняла я, судорожно дернув кадыком от раздражающего звучания непривычных слов.

– Выпить мне нужно, – доходчиво пояснил блондин, и в его руке неизвестно откуда появился хрустальный бокал, наполненный каким-то золотистым напитком. – Белого эльфийского. Тебе вина не предлагаю, детям пить вредно! А ну-ка рассказывай, полусеместровая девица, откуда ты тут взялась и чего ищешь...

Последующие минут десять я пространно, с подробностями и лирическими отступлениями излагала красавцу свою историю, всю без утайки, исподтишка его рассматривая. Нет, ну до чего же хорош мужик, просто слов нет! Кудри блондинисто-серебристые ниже плеч, глаза янтарно-золотистые, уста вишневые сахарные, темная ниточка усиков над верхней губой идеальной формы, фигура, как, как... Как у бога! Рубашка из голубого атласа расстегнута на груди, неназойливо открывая шикарную мускулатуру... А вот ногти на длинных пальцах, коими красавец задумчиво барабанил по подлокотнику кресла, скорее похожи на когти... И под пухлыми алыми губами виднеются аккуратные такие клыки, эротично мелькающие в завлекательной усмешке... Мамочка родная, так ведь он – не человек!..

– Забавная история, – прокомментировал красавец, дождавшись конца моего повествования. – Спрашивается, и почему же я сразу два и два не сложил, запутался? Получается, ты и есть та милая девочка, мечтающая спасти наш мир, за коей безуспешно охотится один мой весьма несимпатичный знакомый! Забавно...

– Разве плохо, что я мечтаю спасти мир? – обиженно насупилась я.

– Плохо? – Брови блондина поползли на лоб. – Слушай, девочка, не лезь во взрослые дела, а?.. Огрёбешь ведь проблем, потом не расхлебашь! Лучше мечтай о чем-нибудь более... э-э-э... девичьем.

– Например? – не поняла я.

¹ Метилкарбинол – алкоголь.

² Транспептидаза – один из ферментов крови, отвечающий за степень усвоения алкоголя человеческим организмом.

– Ну, о шубке, например! – предложил красавец. Он щелкнул пальцами, и, взявшись буквально ниоткуда, на колени мне тут же свалилась шубка из богатого серебристого меха.

– Дарю! – широко улыбнулся мой собеседник. – Забирай меха и проваливай с острова...

– Как? – оторопела я.

– Да запросто, – игриво подмигнул красавец. – Если дашь согласие выйти из игры, я мигом доставлю тебя обратно домой...

«Домой? – В моей голове царил настоящий сумбур. – Мне можно пойти домой? Бросить все эти испытания, избежать гибели, уткнуться в мягкое плечо няньки Матрены и забыть обо всех бедах! Как же это здорово! Но...»

– А мои друзья? – внезапно дошло до меня.

– Ну уж извини, я тоже не всемогущ! – виновато развел руками прекрасный блондин. – Всех оптом за раз телепортировать не смогу, а второго захода мне никто не позволит. Да и потом, не могу же я оставить богов без их законной добычи. Поэтому спасу лишь тебя одну. Давай решайся быстрее... – Он выжидательно наклонился ко мне.

– А ты кто вообще такой, – испытующе прищурилась я, – если смеешь делать мне подобное предложение?

– Гранд-мастер демонов, принц Астор! – гордо выпятил грудь красавец. – Понравился? – Он подмигнул мне почти заигрывающе.

– А знаешь что, принц... – вкрадчиво начала я. – На-кася выкуси! – И показал ему увесистую фигу. – Подаvisь своей шубой! – Я метнула меха в сторону зеркала, и они исчезли в яркой вспышке, соприкоснувшись со стеклом. – Никуда я не поеду, не сбегу и друзей своих не брошу!

– Ну и дура! – спокойно сообщил Астор. – Смотри, пожалеешь еще о своем решении, но будет поздно. Гедрон все равно до вас доберется. А если не он, то или Харон – тот еще мизантроп¹ – в речке притопит, либо гидры сожрут. Всех тебе не победить.

– Ну это мы еще посмотрим, – хвастливо пообещала я, мысленно уцепившись за странное имя Гедрон. Похоже, именно так зовут преследующего меня колдуна.

– Знаешь, а ты мне нравишься, – одобрительно рассмеялся принц. – Глупая ты, конечно, зато смелая и бесшабашная. Жаль, что это не тебя я во сне видел...

– Во сне? – удивилась я.

– Ну да! – Демон подпер прекрасный подбородок не менее прекрасной рукой и пустился в откровения: – Приснилось мне, будто я увижу в подобном зеркале девушку, должную стать моей судьбой...

– Меня? – против воли обмерла я, хотя даже с учетом всей харизматичной красоты принца демонов Зорган казался мне во сто крат милее и надежнее.

– Нет, – усмехнулся гранд-мастер, – рыжую, зеленоглазую... А ты, ты похожа на меня. Да и твое сердце уже не свободно...

– Что значит похожа? – насторожилась я.

– Ты тоже демон! – брякнул принц.

У меня голова закружилась от ужаса, а во рту появился тошнотворный привкус то ли желчи, то ли страха.

– Ничего подобного, – протестующе замотала головой я. – Я человек, вернее – тролька!

– Ну, это тебе так кажется! – язвительно усмехнулся он. – Скоро сама убедишься в правдивости моих слов!

– Спасибо, но не надо! – быстренько отказалась я.

Астор вновь развел руками, на сей раз насмешливо, намекая, что против судьбы не попрешь.

– Значит, тебе хватило ума правильно воспользоваться модулем моей наставницы... – между тем вслух размышлял Астор. – Думаю, такая сообразительность заслуживает награды.

¹ **Мизантроп** – личность, испытывающая неприятие, неприязнь или ненависть к людям.

А знаешь, я, пожалуй, тебе помогу...

– Какой наставницы? – спросила я, стремясь утвердиться в страшной догадке, зреющей у меня в душе.

– А у нас с тобой она общая! – красноречиво подмигнул принц, словно услышав мои мысли.

Внезапно поверхность зеркала потемнела и пошла рябью...

– Ого, – принц прислушался к чему-то, недоступному моему слуху, – а ведь снаружи идет нешуточная битва. Вон как энергетический фон нарушился... Твои друзья дерутся не на жизнь, а на смерть...

– Я должна им помочь! – Я вскочила на ноги, моментально забывая обо всем.

– Стой, дурочка! – остановил меня требовательный окрик принца. – Помереть раньше срока хочешь? Я же обещал помочь...

– Ах да, – притормозила я. – Чем?

– Запомни: спасти умирающих может лишь то, что принадлежит умершей, – пафосно изрек Астор.

– Мило, – хмыкнула я. – Вместо помощи ты выдал мне загадку.

– Жить захочешь – разгадаешь, – ультимативно заявил гранд-мастер. – Уверен, мы с тобой еще встретимся...

– Ну-ну, – только и ответила я, направляясь к выходу из хибарки, как меня вновь остановил повторный окрик принца.

– Скажи, гений малолетний, за что тебя из академии выперли? – с неприкрытым любопытством попросил он. – И не смей врать, я же сразу понял, что именно выперли!..

Я смешливо фыркнула, припоминая ту давнюю историю.

– Отправил, значит, батюшка меня на учебу и как-то сидит в палатах за накрытым столом, вечеряет, – начала без утайки рассказывать я. – И тут вдруг с похоронным лицом заходит в палату ближний батюшкин боярин и докладывает: дескать, прибыл к нему гость... «Впусти!» – коротко командует батюшка. В палату вваливается огромный небритый детина, держащий под мышкой средних размеров гробик... «Князь, ты дочку к нам на учебу в Нарронскую академию отправлял?» – гулким басом вопрошает амбал. «Отправлял», – хватаясь за сердце, отвечает батюшка. «Тогда на, держи, это она... – Амбал протягивает батюшке гроб. – На уроке по домоводству сделала!...»

Гранд-мастер хохотал так, что чуть не выпал из кресла...

– Ну, ясно дело, из академии меня выгнали... – мрачно закончила я. – После того как батюшка оклемался, накостылял по шее сторожу академии, доставившему домой мою поделку, и чуть не объявил войну Нарроне... Скандал еле замяли!

Все еще хохоча, принц Астор исчез в полумраке потускневшего зеркала, а я выскочила из землянки и опрометью бросилась в деревню...

Деревня выглядела так, словно по ней прошелся ураган. Несколько крыш сорвало с домов и унесло в неизвестном направлении. Заборы повалило. На завалинке возле дома старосты собрались все мои друзья. Лиззи – бледная и вялая – прижимала ко лбу мокрую тряпку. Кайра взволнованно расхаживала туда-сюда, держась за рапиру. Бальдур с умопомрачительной скоростью что-то строчил в блокноте. Тай пытался привести в сознание Витку, пребывающую в обмороке. Вольдемар отпаивал волшебницу молоком из крынки. А слепой выглядел совершенно невозмутимым. Зорган что-то доказывал остальным, взбудораженно размахивая руками, а дракон на его плече вертелся волчком, постоянно перебивая эмпира и возбужденно повизгивая...

– Что тут произошло? – спросила я, подходя.

– Живая! – удивленно всплеснула руками жена Ронка, стоящая рядом с завалинкой и держащая кувшин молока. Молоко полилось на землю.

Лиззи отвела руку Вольдемара, совавшего ей кружку, и принялась рассказывать мне о своем поединке с колдуном...

– Дела! – вздохнула я, дослушав. – И почему он так внезапно убрался?
– А это Зорган его горшком со сметаной уконтрапупил! – хвастливо сообщил Трей. – Причем по моей подсказке и наводке!
– Уж не врал бы! – усмехнулся виконт. – Ты просто орал: «Мочи его!», и все. А с горшком у меня импровизация получилась...
– И весьма удачная! – похвалила Кайра.
Все остальные согласно закивали.
– Ничего удачного! – заявила я, вызвав всеобщее недоумение. – Наоборот, все очень плохо и несвоевременно.
– Да ты чего такое говоришь, Рогнеда! – возмутилась едва пришедшая в себя Витка. – Радоваться нужно. Врага победили, свою силу показали...
– Мы его не убили, – резко оборвала я, – а только разозлили. И это на самых подходах к реке Забвения. Уверена, колдун скоро соберется с силами и вернется обратно, дабы отомстить. Постарается не подпустить нас к реке. А значит...
– Значит? – переспросил Зорган.
– Времени у нас в обрез. Нужно торопиться. Собираемся и уходим прямо сейчас!..

– Не кипешуй! – насмешливо посоветовал принц Астор, наблюдая за мечущимся по комнате Гедроном лла-Аррастигом. Демон сидел в кресле, в излюбленной позе – картинно закинув ногу на ногу, и занимался маникюром. – Подумаешь, в лоб горшком засветили! Фигня какая. Не ночным же...

– Не смешно! – огрызнулся чернокнижник, вываливая на пол содержимое обширного шкафа. – Больно и обидно.

– Бьют – значит любят! – подмигнул гранд-мастер. – Твой рейтинг популярности неожиданно заиграл новыми красками... – Астор оценивающе прищурился на синяк чернокнижника и иронично фыркнул. – Красота-то какая!

– А уж как я их люблю... – злобно прошипел Гедрон. – До смерти залюбить готов!

– Хочешь отомстить? – предположил принц, лениво пройдясь пилкой по своим ухоженным когтям. – Мстить детям и животным? Фи... Недостойно настоящего мужчины!

– Это они-то дети? – негодуя окрысился чернокнижник. – Шайка распоясавшихся бандитов под предводительством отъявленной авантюристки! Ну ничего, подожди и увидишь, я их в бараний рог согну... – И он вновь чуть ли не по самые плечи закопался в шкаф. – Где же оно? А, вот... – В руках у колдуна появилась крохотная скляночка и толстенный фолиант. – Прелесть ты моя! – Гедрон нежно побаюкал скляночку на ладони. – Сейчас я им такую веселуху устрою, мало не покажется!

– И что это за дрянь? – поинтересовался принц, искоса взглянув на склянку.

– Кровь эмпир! – важно сообщил лла-Аррастиг.

– Того самого, который тебя горшком приголубил? – уточнил Астор.

– Хорошо приголубливает тот, кто приголубливает последним! – горделиво повел тощими плечами чернокнижник. – Осталось найти нужное заклинание, залезть в сознание негодяя Зоргана и вскипятить ему мозги! – Он осторожно наклонил склянку над котлом, дождался, пока одна из двух хранимых в ней капель крови Зоргана скатилась в кипящее зелье, и забормотал заклинание...

«Кажется, скоро моей полусеместровой нахалке придется несладко, – размышлял Астор, наблюдая за манипуляциями чернокнижника. – Интересно, справится ли она с Гедроном? Возможно – да, но вероятнее всего – нет. Помочь ей? – Он иронично хмыкнул. – Пожалуй, не стоит. Гораздо интереснее со стороны понаблюдать за грядущим поединком между мстительным чернокнижником и самоуверенной девицей. А если она и в самом деле победит, то... То вот тогда и стоит оказать княжне реальную помощь: вытащить ее из затянувшейся передраги, пусть даже насильно вытащить, и отправить домой! А если и на сей раз не получится ее вразумить, то хотя бы помочь ей управиться с гидрами!»

Дорога, ведущая к реке Забвения, оказалась засыпана снегом так же, как деревня и окрестные леса. Над странными местными землями по-прежнему висели недобрые сумерки. Солнце не поднималось над горизонтом, а по сугробам скользили знобкие синие тени, какие увидишь только на рассвете. И рассвет плыл над лесом. Плыл, но никак не мог превратиться в день...

Внезапно Зорган, размеренно шагающий чуть позади Лиззи и замыкающий отряд, остановился и со стоном схватился за голову.

– Что с тобой? – испугалась волшебница, роняя сумку в снег и подскакивая к эмпире.

– Больно! – почти рыдал виконт, падая на колени. – Такое ощущение, будто кто-то чужой лезет ко мне в голову, пытаюсь вскрыть черепную коробку и прочитать мои мысли!

Лиззи судорожно прикусила губу, не зная, что предпринять, как помочь Зоргану. Итак, подозрения Рогнеды подтвердились! Магичка ни на миг не сомневалась в том, что это униженный ими колдун пришел в себя, собрался с силами и нашел возможность отомстить!

Глава 6

Ужасные ощущения! Зоргану казалось, будто неведомый чужак вторгся в его разум и принялся беззастенчиво изучать не принадлежащие ему воспоминания. Неизвестный колдун словно искал что-то важное, но при этом не знал, где это «что-то» спрятано. Виконту представилось, будто его память – огромная толстая книга с цветными гравюрами и подписями к каждому изображению. И к этой книге получил доступ какой-то незнакомец. Вот он берет увесистый томик чужих впечатлений, взвешивает его на ладони, удовлетворенно кривит губы, а затем открывает на первой попавшейся странице, быстро прочитывает подпись к одному из рисунков, переворачивает несколько листов, бегло читает следующий комментарий, рассматривает недолго гравюру... А затем поспешно перелистывает книгу, уже не всматриваясь и не вчитываясь, просто разыскивая определенную тему.

Ошеломленный присутствием чужака, эмпир сжал ладонями виски. Словно это могло как-то помочь! Безжалостный незнакомец по-прежнему ловко делал свое дело. Зорган почти физически ощущал его бесцеремонные прикосновения к самым потаенным глубинам своего сознания. Эмпире даже померещилось, будто его самого уже не существует. Лихорадочные, нервные поиски приносили телесную и нестерпимую душевную боль. Казалось, будто его лишают самого главного – возможности самостоятельно думать, возможности *подчинять* себе свое же сознание. Подобной беспомощности виконту еще никогда не доводилось испытывать.

«Черный колдун – на метле летун! Мыслесос, мыслежор, ты чужого счастья вор!» – Это пели, приплясывая и корча гримасы, дети в Эйсене. Мальчишки и девчонки заключили беспомощно ревущего Зоргана в круг и теперь дразнили с несказанным упоением. Лет до шести Зорган никогда не мог за себя постоять – ибо рос слабым, болезненным и тщедушным. А тут еще угораздило его прийти искупаться на реку, когда на берегу играла местная ребятня – дети городских бедняков. Конечно, едва нескладный мальчишка со смуглым лицом и крючковатым носом увидел такое количество детворы, как сразу же бесславно пустился наутек. Но для загорелых сорванцов было делом чести нагнать тихоходного и неловкого малыша-колдуна. Вот и нагнали, окружили и принялись выкрикивать обзывалки. А затравленный пятилетний Зорган стоял в кругу кричащих подростков и рыдал...

Между тем взрослый Зорган, охваченный сумятицей самых разных воспоминаний, точно так же стоял сейчас среди метели, бессильно опустив руки и уронив в сугроб сумку с пожитками... В полной мере ментальные способности развиваются у эмпиров лишь в подростковом возрасте, поэтому в детстве они почти ничем не отличаются от обычных детей. И вот теперь он, взрослый мужчина, вновь ощутил себя беспомощным ребенком, ибо тот, кто сейчас пытался овладеть сознанием Зоргана, обладал невероятной силой, во много раз превосходящей возможности виконта...

Я шла самой первой и поэтому не увидела и даже не услышала (очень уж завывал ветер), а скорее почувствовала, что идущие следом за мной друзья остановились. Я обернулась, но в снежной мешанине трудно было что-либо разобрать. Зло плюнув, я устремилась обратно... За сугробом, посреди заметенного снегом поля, словно пригвожденный к месту, застыл Зорган. Я раздраженно махнула ему рукой – мол, чего замер, пошли. Однако эмпир не сдвинулась ни на шаг. Тогда я почувствовала недоброе и, бормоча проклятия, поспешила к виконту.

– Чего встал? Пойдем! – прокричала я сквозь завывание ветра.

Ни один мускул не дрогнул на лице эмпир. Темные глаза Зоргана безучастно смотрели в пустоту. На губах и щеках таяли снежинки.

– Зорган! – Я сильно встряхнула любимого за плечо. – Хватит считать ворон! Да что такое с тобой приключилось?..

– Это месть униженного нами колдуна! – испуганно подсказала Лиззи. – Зорган – эмпир, а значит, его сознание наиболее восприимчиво к ментальным атакам. До сегодняшнего дня он еще никогда не воевал с телепатом, превосходящим его по силе, вот и расслабился. К тому же, точно так же как и любую другую магию, остров ощутимо блокировал его способности...

Я громко выругалась. Да, в Эйсене я уже не раз видела такие стеклянные глаза у некоторых прохожих, ставших жертвами местных эмпиров. Полагаю, Зоргану и самому доводилось приводить людей в подобное состояние. Проникнуть в человеческий разум нетрудно, а умеючи можно это сделать так, что жертва вообще не поймет произошедшего. Однако сейчас, судя по перекошенному от боли лицу Зоргана, чернокнижник выворачивал наизнанку его воспоминания без всякой щепетильности.

Досадуя, я снова встряхнула эмпир. Может, незнакомый чернокнижник не успел забраться глубоко? Увы, Зорган по-прежнему не приходил в себя, никого не видел и ничего не замечал.

Как всегда происходит со мной в таких ситуациях, паника мгновенно отступила под натиском хладнокровия. Если чернокнижник докопается до глубин подсознания эмпир, тому точно не выжить. Если колдун найдет самое уязвимое воспоминание, то ударит по нему – уничтожив волю и сознание Зоргана, доведет его до сумасшествия! Но интуиция подсказывала мне: этот чужак был не очень опытен – виртуоз своего дела перевернул бы память жертвы за пару мгновений. Здесь же трудился новичок, трудился беспринципно и поспешно. Обмануть такого – дело несложное и благодарное.

Итак, нужно действовать без промедления. С детства я помнила наставления воеводы Нелюда о том, что самый лучший способ вывести человека из ступора – сделать что-то неожиданное. Если чужак не проник достаточно глубоко, хватило бы простой пощечины, но в данной ситуации требовалось нечто иное, гораздо более действенное.

– Зорган, – я сжала в ладонях искаженное мукой лицо любимого, – ты меня слышишь?

Я очень надеялась, что он меня слышит. Если виконт не отреагирует на спокойный, ровный голос, это будет означать только одно – помощь опоздала.

Безмятежный, лишенный интонаций вопрос вошел в сознание испуганного эмпир только потому, что в нем отсутствовали эмоции. Зорган кивнул, не ощущая самого себя. Собственно, ему казалось, будто его уже нет. А как еще прикажете себя чувствовать, когда вам не подчиняются собственные мысли?

– Слушай внимательно, – с прежним спокойствием продолжила я. – Посмотри мне в глаза. Ты меня видишь?

Эмпир собрал остатки воли в кулак, судорожно вздохнул и попытался сосредоточиться на просьбе любимой. Странно, но усилие подействовало – перед глазами прояснилось, и Зорган смог-таки увидеть девушку, даже рассмотреть иней на ее ресницах и снег в черных волосах. Эмпир кивнул.

– Зорган, *что* ты видишь? – Мне нужно было доподлинно знать, что он действительно

видит, а не кивает от безысходности.

– Иней, – выдохнул виконт. – У тебя на ресницах иней.

Понимая, что нельзя больше терять ни мгновения – еще пара секунд, и Зорган снова растворится в безотчетных фрагментах воспоминаний, – я нежно вытерла холодными ладонями мокрые щеки эмпир и коснулась замерзших губ поцелуем. Я почувствовала вкус талого снега и прерывистое дыхание любимого мужчины.

– Ты нужен мне, – прошептала я. – Ты очень нужен мне. Чужака можно прогнать, главное, делай все, как я скажу. Понял?..

Неожиданный поступок Рогнеды на время вырвал эмпир из западни, в которую угодил его разум. Виконт не чувствовал ни холода, ни летящих в лицо колючих снежинок, ни рук любимой у себя на плечах – только усилие воли, напряжение всех сил. Чужак в его голове неуклюже ворошил память, но никак не мог добраться до чего-то важного, значимого. Искал слабину, но не находил. То ли Зорган, сам того не ведая, сопротивлялся, то ли чернокнижник был неумелым в подобных манипуляциях и потому тщетно копошился в слишком давних воспоминаниях, увязая в них, словно в болоте.

– Смотри мне в глаза, – потребовала я.

Зорган послушно поймал пристальный взгляд девушки. Мысли вымело из головы. Даже чужак отступил под неведомым натиском.

А я пристально вглядывалась в неподвижные глаза виконта и нараспев говорила то, чему много лет назад научилась у воеводы Нелюда. «Не сдавайся! – словно молитву твердила я. – Борись, сражайся за себя!» Ведь воля к победе – сродни магии, а любовь – сильнее любого колдовства. Тогда я не знала, получится ли у Зоргана одолеть чернокнижника. Но иного выбора не оставалось, а надежда, как известно, живуча.

– Видишь комнату, Зорган? Большая комната, в которой нет окон и очень темно? Видишь распахнутую дверь?

Виконт на миг опешил от этой странной речи, а в следующее мгновение зрачки темно-синих глаз любимой девушки, заглядывающих, казалось, в самую его душу, разверзлись, заполнив мир тьмой. Только теперь эмпир с ужасом понял, что *действительно* находится в мрачной пустой зале. Высокая двухстворчатая дверь комнаты оказалась распахнута и открывала путь к освещенным ярким солнцем покоем. Анфилада светлиц уходила куда-то вдаль и манила прочь из темноты, в которой находился Зорган. Странно, но даже здесь – в коридорах собственного сознания – мужчина слышал спокойный девичий голос, указывающий ему путь:

– Беги на свет и захлопывай двери...

За спиной эмпир что-то тихо и настойчиво скреблось. Как будто десятки мышей пытались процарапать коготками каменную кладку. А еще через мгновение раздался безобразный грохот. Виконт испуганно оглянулся и увидел, как позади него ломится в закрытые двери что-то огромное и злобное. Высокие створки сотрясались и дрожали под ударами. Вот одна из петель не выдержала – вылетела из стены... Зорган не стал дожидаться последствий и рванул прочь. Он не чувствовал усталости, не задыхался от бега – здесь отсутствовали все привычные человеческие ощущения, но страх... глубокий животный страх, от которого вставали дыбом волосы... этот страх никуда не делся. Напротив, лишь стал сильнее.

Он успел выбежать вон из комнаты до того, как дребезжащие створки с грохотом распахнулись и в открывшийся черный проем по стенам, потолку и полу устремились извивающиеся черные щупальца. Будто растущие с огромной скоростью гибкие лозы, они заполнили пространство и ползли следом за жертвой.

– Зорган, закрой двери, – отозвался эхом уже едва слышный голос Рогнеды.

Виконт в панике обернулся, захлопнул высокие створки и навалился на них всем телом. Двери, тяжело сотрясаясь, били его в спину. Несколько щупальцев со змеиным шелестом успели проскользнуть снизу, а те, что потоньше, тянулись к жертве через замочную

скважину. Чужак по-прежнему пытался завладеть сознанием эмпиря.

Долго удерживать чудовище виконт не мог и снова кинулся наутек, ища спасения в следующей зале. Створки за спиной Зоргана хлестнули стены, и хищный чужак устремился по его следу. Беглец захлопнул двери очередной комнаты, с упоением прищемив рвущегося вон гада. Вполне осязаемый крик боли и удивления, явно не принадлежащий эмпире, эхом разнесся по коридорам. Одно из гибких щупальцев мстительно ухватило жертву за щиколотку и дернуло...

Вот теперь виконт почувствовал боль, но не в теле, а в собственном рассудке, будто кто-то с жадностью рванул из него кусочек воспоминаний. Зорган вскрикнул и свободной ногой придавил живую петлю. Новый вопль изумления разлетелся по залам. Щупальце отпустило вожака и стремительно скрылось под дверью. Виконт воспользовался временным отступлением врага – во всю прыть помчался дальше. Но солнечные залы, по которым во весь дух бежал мужчина, стремительно темнели от присутствия чужака, щупальца заполняли пространство и кишели безобразным месивом. Один раз преследователь плотоядно лизнул эмпиря между лопатками, но беглец вовремя увернулся и не позволил ловцу захлестнуть себя петлей.

– Убирайся! – всей силой рассудка прокричал Зорган. – Убирайся прочь!

Впереди ждали очередные двери. Закрывать створки было бессмысленно – засовы на них отсутствовали, удерживать не хватало сил. Как быть? Неужто мчаться от погони до скончания веков? И тут на эмпиря снизошло прозрение. «Как смеешь ты бежать от врага? – спросил он себя. – И тебе не стыдно? Ведь ты же воин, остановись и сражайся!» – Он понял, что все еще остается хозяином своего разума. А значит...

Торжествуя близкую победу, Зорган захлопнул двери. Но теперь уж не руками, как делал это раньше, а могучим мысленным приказом. Створки с грохотом ударились о дверную притолоку, и широкий засов, появившийся неведомо откуда, задвинулся сам собой. Виконт услышал, как скребутся с обратной стороны скользкие мысли чужака, и сломя голову бросился в следующую комнату. Душа эмпиря преисполнилась ликования. Огромные двери с грохотом закрывались следом за Зорганом, засовы щелкали, словно капканы. Он бежал, каждым нервом ощущая гнев и бессилие отторгнутого им чужака. Наконец мужчина вновь очутился в пустой темной комнате, а еще через несколько секунд окружающая тьма превратилась в черные зрачки напряженно глядящих синих девичьих глаз...

Меня замело снегом – на плечах и голове уже выросли небольшие сугробы, но я не чувствовала холода, ибо впивалась взглядом в лицо любимого, наблюдая за его внутренней борьбой. Наконец взор Зоргана обрел осмысленность, он вздрогнул, расслабился и тяжело повис у меня на плечах, всхлипывая от облегчения. Онемевшими от холода руками я неловко похлопала эмпиря по спине, но отдыхать не позволила – снова встряхнула.

– Хватит. До каких воспоминаний он добрался? Не узнал ли о тебе чего-то важного, не обрел ли власти над тобой? – Я требовательно тормошила виконта за плечо.

Он закрыл глаза и отрицательно покачал головой.

– Нет, увяз в детстве...

– Ты молодец, – скупно похвалила я, устало наклонилась и подхватила с земли брошенную сумку. – Идем, время не ждет. – И я неуверенной походкой зашагала вперед.

Зорган отер со щек застывающие на морозе слезы, накинул капюшон и устремился следом.

И все же, как ни старались путники идти быстрее, за четверть часа они едва смогли преодолеть несколько сотен метров. Вьюга разыгралась нешуточная, противиться ветру и снегу становилось все сложнее...

Принц Астор жалостливо бинтовал синие, опухшие, явно придавленные чем-то тяжелым пальцы Гедрона. Чернокнижник безвольно обмяк на табуретке, морщился и временами негромко постанывал...

– Я же тебя предупреждал! – сердито произнес демон, закрепляя конец повязки. – Не

связывайся с детьми. С кем угодно – монстрами, покойниками, привидениями... С этими всегда пожалуйста, если экстрима захочется! Но только не с детьми! Ни в коем случае! Ибо не ведают, наивные, чего творят!..

– И как с ними воспитатели в детских садах управляются? – озадачился лла-Аррастиг, рассматривая свои перебинтованные пальцы, похожие на белые сосиски. – Вкалывать на серебряных рудниках – и то легче!

– Красавец! – объективно подытожил принц, оказав первую помощь и усаживаясь в любимое кресло. – Лоб – синий, пальцы – белые! Хватило, успокоился?

– Не-а! – отрицательно замотал головой чернокнижник, забывшись, схватился больной рукой за больной лоб и застонал уже с надрывом. – Я им все равно отомщу!

– Ну и упертый же ты! – осуждающе вздохнул гранд-мастер. – Тебе все еще мало?

– Лучше скажи, – вместо ответа попросил Гедрон, – могу ли я самолично попасть на остров?

– Теоретически – да! – нехорошо усмехнулся демон. – Отправляешься в порт, нанимаешь быстроходный корабль, и если тебе повезет, если не попадешь в шторм, не угодишь в плен к ликерийским пиратам или не станешь рыбьим кормом (что примерно одно и то же), то месяца через два ступишь на берег Ледницы. А там пожалуйста – гоняйся на здоровье за своими малолетними обидчиками по всему острову!..

– Долго! – поморщился чернокнижник. – Должен быть другой способ...

– Быстро даже кошки не котятся! – укорил его принц.

– Не верю, – продолжал упираться Гедрон, – должен быть другой способ...

– А он и в самом деле есть! – Обычно улыбчивое лицо Астора посерьезнело. – Но за спасибо я никому такие услуги не оказываю...

– Согласен на все! – возбужденно закричал лла-Аррастиг. – На любые условия!

– Хорошо-о-о! – задумчиво протянул принц. – Тогда поклянись, что, когда попадешь на Нижний уровень, исполнишь одно мое желание...

– Как – на Нижний? – изумленно расширил глаза чернокнижник. – Мне же на остров нужно!

– Неисповедимы пути богов! – рассмеялся Астор. – Не зарекайся. В нашей жизни возможно все, а если очень постараемся, то и все остальное. Просто поклянись...

– Клянусь! – торжественно вскинул забинтованную руку Гедрон.

– У тебя, кажется, осталась еще одна капля крови того эмпиря? – небрежно напомнил принц.

– Ага!

– Ну тогда все элементарно! – проказливо подмигнул демон. – Выпиваешь ее и произносишь заклятие перемещения через портал Тьмы. И тотчас попадешь туда, где в данный момент находится обладатель крови... Портал я, так и быть, открою, но чисто ради спортивного интереса и удовольствия посмотреть, как эта нахальная девчонка в очередной раз надерет тебе задницу!

– И как же я раньше насчет портала не догадался! – Чернокнижник хлопнул себя ладонью по лбу. – Ой!..

– Больно? – участливо спросил принц. – Так вот предупреждаю: будет еще больнее. Может, передумаешь?

– Нет! – Гедрон вскочил с табуретки и начал копаться в шкафу, разыскивая склянку с кровью...

– Сначала завещание напиши! Помойся и чистую рубашку надень! – поддел его Астор, но чернокнижник не обратил ни малейшего внимания на предостережение демона. Он по-прежнему самозабвенно копался в шкафу, бормоча угрозы вперемешку с ругательствами. Похоже, совсем умом двинулся на почве мести...

– Ну, если что – то сам виноват. Ибо наше дело предложить! – пожал плечами принц, поднимаясь с кресла, щелчком пальцев раскрывая портал и шагая в темноту. – Пожалуй, девочку и в самом деле пора вытаскивать с острова, пока там настоящая бойня не началась,

пока не стало совсем уже поздно... А отправлю-ка я за ней новых ученичков своей любимой наставницы, пусть вытащат княжну с острова. Живой и невредимой!.. Эх, и почему я такой добрый? Никогда равнодушно мимо несправедливости не пройду – всегда остановлюсь, постою, повздыхаю...

Внезапная боль вонзилась в мой висок, перед глазами все поплыло, и в сознании возник чей-то тоненький голосок:

- Смотри, они идут за тобой!
 - Кто? – удивилась я.
 - Два некроманта из Храма Смерти! – уточнил голосок. – Их послали за тобой.
 - Да нет, ты кто? – переспросила я.
 - Злючка! – хихикнуло у меня в голове, и только сейчас я узнала голос куклы-оберега.
- Хранительница твоя!

- Зачем я понадобилась некромантам? – Мое изумление возросло многократно.
- Сама скоро узнаешь! – пообещала кукла и замолкла.

Каюсь, я уже так привыкла носить ее за пазухой, что практически позабыла о существовании Злючки. И вот теперь она почему-то решила прийти мне на помощь. Возможно – во благо, а возможно – и во вред. Впрочем, ответ на этот вопрос не заставил себя ждать...

– Стойте все, – со спокойной отрешенностью попросила я и устало привалилась к облепленному снегом стволу дерева, пытаясь хоть немного отдышаться и собраться с мыслями перед грядущим боем. В том, что некроманты намереваются со мной не в лапту играть, я была уверена на все сто. – Они взяли след. Как ни плутай, все равно догонят...

Сквозь вой пурги Зорган сначала не разобрал моих слов, а потому крикнул, придерживая капюшон плаща:

- Чего встала? Идем!
- Я отрицательно покачала головой:
- Они взяли след.

Зорган побледнел от страха за меня и вновь прокричал сквозь непогоду:

- Что же делать? Ты примешь бой?

Я горько усмехнулась и, избегая смотреть в глаза любимому, ответила:

- Нет.

Виконт устремился ко мне, проваливаясь в сугробах. Резкий порыв ветра сорвал с головы Зоргана капюшон и мигом насыпал за ворот снега, но мужчина этого не заметил.

- Почему? Почему нет?!
- Их двое, они сильнее, – сказала я и не соврала. Преследователей действительно было двое, и они действительно во всем превосходили меня – вымотанную и опустошенную.

Эмпири замер, глядя в ту сторону, откуда должна была появиться погоня. Зорган все никак не мог поверить в то, что княжна, еще недавно столь рьяно боровшаяся за его жизнь, княжна, на которую они все уповали, так легко капитулировала.

– Но ты же не сдашься, сделай хоть что-нибудь! – Он затряс меня за плечо. – Чего встала как пень?! У тебя есть сабли в конце-то концов!

На последних словах эмпири сорвался на крик... Я раскрыла утомленно смеженные веки и посмотрела в пылающее от гнева и страха лицо любимого. От страха за меня. Кипящая волна, нет, не злости, а свирепого бешенства, поднялась в моей душе. Бешенства на себя саму. И впрямь, какая же я предводительница отряда, если не могу защитить не то что своих друзей, но даже себя? От досады защемило сердце. Что же теперь, действительно покорно сдаваться на милость преследователей? Хороша же из меня оказалась заступница – спасительница всего мира, ничего не скажешь. Горячая ярость полыхала в крови. И тогда я дала ей выход наиболее привычным для себя способом.

– Знаешь что... ты, – прошипела я, даже не пытаясь подбирать слова, – дурак деревенский, хватит на меня орать, иначе я оторву твою бестолковую голову раньше, чем это

сделают те некроманты! Понятно? – Я знала, что он прав. Прав совершенно. Должно быть, именно поэтому мне и хотелось развеять эмпиря в пыль...

Зорган оторопело отпрянул. Эта самая девушка, которая еще недавно целовала его, стала, как и прежде, излишне самоуверенной, да еще и неожиданно свирепой.

– Значит, ты хочешь сдаться? – как-то вяло поинтересовался он у меня, вытирая рукавом мокрое от снега лицо. – Просто сдаться? В двух шагах от победы? Ну если это твой выбор, то я согласен...

Видеть его смирение перед неизбежной гибелью оказалось еще тошнее, и я проорала:

– Нет! Но мне нужно хотя бы немного побыть в тишине и собраться с мыслями, а не выслушивать твои упреки! Понял?

– Да! – с такой же яростью крикнул Зорган мне в лицо. – Да! Я понял! Ты *ничего* не можешь сделать! Так что собирайся с мыслями как следует! – Теперь виконт был готов выхватить из ножен свой меч и в первую очередь зарубить им саму Рогнеду, а там под раздачу попали бы и колдуны. Да чего уж! Сейчас Зорган чувствовал себя способным умерщвлять взглядом, не то что оружием...

Я – имейся у меня достаточно свободного времени – должно быть, задушила бы вздорного эмпиря собственными руками. Разорвала бы в клочки! Но в тот самый момент, когда в моей голове звенело от отчаяния и неистовой ярости, я ощутила странное покалывание на кончиках пальцев. Через миг в онемевшие от стужи руки словно вонзились сотни иголок – будто я стиснула ладонями ежа. Я не успела изумиться, как пришло понимание – меня и моих преследователей разделяет совсем незначительное расстояние. Еще миг, и они появятся в поле зрения...

– Уходите, быстро! – повелительно скомандовала я. – Они уже совсем рядом!

– Чего? – Зорган опешил от столь резкой смены настроения – лицо Рогнеды, минуту назад плававшее гневом, вдруг сделалось сосредоточенным и спокойным.

– Прячьтесь за сугробы, – напряженно вглядываясь в метель, подсказала я. – Они пришли за мной, им нужна только я. Вы мне ничем не поможете, лишь помешаете.

– А я? – слабо вякнула Лиззи.

– Уходи, – повторила я. – Ты с ними не справишься. И не стоит позволять им завладеть твоей жизненной энергией.

Мои друзья быстро смекнули, что лишних вопросов задавать не стоит, и резво бросились врассыпную. К счастью, тащиться в сугробах пришлось недалеко – несколько десятков шагов, аккуратно до какого-то почти полностью сгоревшего дома, невесть когда и зачем выстроенного посреди поля. Его черный остов оказался самым близким укрытием. Судя по всему, огонь на пепелище погас уже очень давно, но и сейчас пожарище выглядело страшно.

Зорган нырнул в закоптелый дверной проем и с ужасом вдохнул дымную горечь. Самый страшный запах, который преследовал его с недавних пор, запах его преступлений, чуть не стоивший жизни невинной Лиззи, – запах костра. По головешкам мужчина пробрался в глубь развалин и опустился на колени возле черной стены, мысленно вызывая к богам и умоляя их спасти Рогнеду. Лишь после этого виконт выглянул на улицу. В мешанине снежинок он увидел, как девушка невозмутимо поправляет сапог. Ветер иступленно рвал полы ее плаща...

Хладнокровие вернулось само собой – теперь мое сердце стучало размеренно и спокойно. Внезапно обострившимся внутренним взором я отлично видела обоих преследователей и откуда-то знала, что через пару десятков шагов они достигнут конца утоптанной тропки и повернут налево, в точности повторяя путь, уже проделанный нами. Лишь только путники обойдут сгоревший дом, я неизбежно окажусь в их поле зрения. Итак, отступать – уже поздно, прятаться – некуда, остается мужественно принять неизбежное...

Я сделала глубокий вдох и наклонилась поправить голенище сапога. Преследователям намеренно подставила свою беззащитную спину, четко зная – сразу не набросятся. Как-

никак они ищут именно меня, а я сейчас – единственный человек, умудрившийся так близко подойти к реке Забвения. А уж это чего-нибудь да значит.

Через пару секунд я почувствовала – они меня заметили! Не спеша выпрямилась и, по-прежнему не поворачиваясь, простерла к земле порядком окоченевшую ладонь. Покалывание усилилось, а потом застывшие пальцы приласкало тепло, и в ладони у меня начал закручиваться небольшой огненный шарик...

– Я же не владею магией! – шокированно прошептала я.

– Зато я владею! – насмешливо сообщила Злючка. – Не бойся, доверься мне...

Я почувствовала, как зубы-щепки впиваются в кожу на груди, доходят до вены, и... В моей крови словно вспыхнуло бушующее пламя! Зрение стало острее в сотни раз, по мышцам разлилась сила – прежде мне недоступная. Я играючи перебросила сгусток огня из ладони в ладонь и хрипло рассмеялась чужим, властным голосом...

Лишь после этой небрежной, но весьма впечатляющей демонстрации силы я обернулась к преследователям. Честно говоря, с детства любила покрасоваться, ибо прекрасно знала – ничто не пугает и не очаровывает сильнее эффектного выхода. Преследователи, нужно отдать им должное, бесстрашно устремились мне навстречу. Две не шибко высокие, худощавые фигуры в черных одеяниях. Капюшоны плащей, низко надвинутые на лоб, скрывали лица колдунов. Но я была абсолютно уверена в том, что каждый из преследователей едва ли старше двадцати пяти лет. А значит, магического опыта у них пока еще маловато, и поэтому у меня имеется возможность выйти из этой передраги живой.

И вот я стояла и ждала, когда преследователи подойдут ближе. Ждала, ничем не выдавая глубокого внутреннего напряжения и, чего там скрывать, трепета. Я уже определила, что в этой паре сильнее тот, кто шел справа, но, когда некромант отбросил с головы капюшон, я не без удивления признала свой промах относительно его возраста. Преследователю едва ли исполнилось семнадцать лет, однако сила, волнами исходящая от него, впечатляла. Конечно, как таковое наличие мощи вовсе не означало наличие мастерства, но главенствовал в их паре, вне всяких сомнений, именно этот рыжий субтильный юноша с веснушками на лице.

– Как нога? Не замерзла? – светским тоном поинтересовалась я.

– Чего? – Озадаченный, некромант замер, а ветер между тем трепал его длинные ржавые волосы.

– Нога не замерзла, спрашиваю? – насмешливо повторила я. – Ты же недавно в сугроб провалился. Наверное, окоченел совсем?

Преследователи напряженно переглянулись. Второй некромант последовал примеру своего напарника и тоже откинул капюшон. Я едва удержалась от изумленного выдоха – второй юноша оказался точной копией первого. Близнецы... Некроманты-близнецы! М-да, чего только не увидишь в этом мире...

– Не окоченел, – между тем ответил первый из братьев. – Но как ты об этом узнала?

Я перевела взгляд со своего собеседника на сгусток ярко-красной силы, по-прежнему пляшущий в моей согретой ладони.

– А зачем тебе? – И я легким движением перебросила огненный шарик в руки некроманту.

Брать чужое нехорошо. А уж присваивать чужую силу – вообще дурной тон...

Колдун ловко выдвинул вперед призывно раскрытую ладонь, и сгусток, сверкнув багрянцем, растворился на кончиках его пальцев.

Я равнодушно проводила глазами сгинувшую силу и спросила:

– Лучше скажи, чего ради вы тащитесь за мной уже битые полчаса?

Братья снова переглянулись. Они-то шли по следу *загоняемой* жертвы. А жертва, оказывается, давно почувствовала облаву и не убоялась. Да и, если подумать, такая ли уж она на самом деле жертва? Как бы охотникам и дичи не поменяться местами. Иными словами, лихие чернокнижники оконфузились так, как могли оконфузиться только не в меру

самонадеянные юнцы.

Наконец тот из колдунов, кто был сильнее, ответил:

– Нам приказали остановить тебя и любым способом убрать с острова!

Я склонила голову к плечу, внимательно всмотрелась в тонкие, прямо-таки аристократические черты двух одинаковых лиц и подытожила:

– А если я не захочу?

Близнецы вновь переглянулись, словно мысленно совещаясь между собой.

– Соглашайся добром, деточка! – с угрозой предложил один из юношей. – Иначе нам придется действовать грубо. Но ты – девушка, а мы бы не хотели причинить тебе боль... Ведь мы – сильнее!

Я мысленно улыбнулась. Умные ребята. Не врут. Не хотят быть уличенными во лжи более слабым противником. Я покачала головой:

– Меня ваше общество не устраивает. Я остаюсь здесь, ибо вы ошиблись и моя сила намного превосходит вашу. А вы, уважаемые колдуны, идите своей дорогой.

И тут я поймала неосторожно брошенную мысль второго близнеца – прикрытие у него было слабее, чем у брата. «Она нам врет», – поделился тот подозрением с напарником. И не успел мысленный посыл достигнуть второго близнеца, как некромант нахмурился:

– Не много ли ты на себя берешь, дерзкая девчонка?

– Все что беру – мое! – ослепительно улыбнулась я в ответ. – А вы не суйте свои длинные носы в мои дела – укорочу!

Второй некромант вспыхнул от возмущения, аж веснушки просияли, а его брат сокрушенно покачал головой:

– Нахальна ты не в меру, девушка, и самоуверенна! Позволишь ли задать тебе еще вопрос?

Я пожала плечами, мол, валяй.

Некромант спрятал окоченевшие пальцы в рукава одеяния и спросил:

– Почему ты так рвешься в Храм Смерти?

Я усмехнулась в ответ:

– А силенок-то хватит отличить правду от лжи?

Уши некроманта запылали от негодования, и юноша вперил в меня пронзительный взор. От напряжения на его висках вздулись жилы, а веснушчатое лицо стало багровым. Некромант изо всех сил напрягался, обостряя внутреннее видение. Я же стояла расслабленная и заинтересованная. Несколько мгновений колдун тщетно пытался пробить мою защиту, а потом сдался.

Я удовлетворенно кивнула и заключила:

– Тогда какой смысл отвечать на ваши вопросы?

Братья в очередной раз беспомощно переглянулись, не зная, что делать. Оба понимали – лезть в драку опасно.

– Скажи хотя бы, откуда ты? – без особой надежды спросил сильнейший из братьев.

Я смахнула с лица капли талого снега:

– Кто вас прислал, мальчики? И зачем вы меня ловите?

Некромант дернул уголок рта, совершенно справедливо обидевшись на «мальчиков». Собственно, меня это не взволновало, пусть обижается.

– Мы не можем сказать, – сухо ответил колдун.

– Ну, раз ответить вы не можете, что толку беседовать? – развела руками я. – А коли так, я иду своей дорогой.

С этими словами я спокойно зашагала прочь. Не знаю, как долго продлится «приступ» магических способностей, дарованных мне Злючкой, и поэтому предпочла уносить ноги. И даже наивно понадеялась, что братья позволят мне уйти. И конечно, эти надежды не оправдались. Молодые колдуны все одинаково амбициозны и глупо ретивы.

Не успела я сделать и пяти шагов, как обжигающая петля энергетической удавки захлестнула мои плечи. Интуиция подсказала – за этим броском последует рывок, который

выдернет из моего тела всю имеющуюся силу. Очень опасный прием, требующий от колдуна огромного опыта – чуть переусердствуй и вместе с силой вырвешь саму жизнь. Погубишь противника, погибнешь и сам, как-никак аркан связывает нападающего и жертву, словно пуповина. Но разозленные юноши от горькой обиды совсем позабыли про возможные последствия такого удара. На их счастье, мы со Злючкой готовились к подобному нападению и поэтому не оплошали...

Зорган и все остальные с ужасом наблюдали за происходящим из своего укрытия – эмпир высунулся в окно и припал щекой к закоптелой стене дома, совсем позабыв о том, что должен прятаться. Впрочем, виконт мог бы не таясь подняться во весь рост. Да что там подняться – спляши сейчас Зорган на обуглившемся подоконнике какой-нибудь затейливый танец, его все равно не удостоили бы вниманием! Двум некромантам и девушке, стоявшим сейчас посреди оледенелого поля, было, мягко говоря, не до эмпира – ведь эти трое вступили в схватку!

Из своего укрытия Зорган не слышал, о чем говорили противники, а потому не понял, с чего вдруг колдуны выбросили вперед одну правую, а другой левую руку. С их разведенных ладоней рванул в пургу искрящийся золотой поток... Крик ужаса застрял в горле эмпира. О Рогнеда, глупая девушка, ну зачем, зачем ты повернулась к ним спиной?!

Конечно, доведись мне услышать мысленный вопль любимого, я бы ответила, что подобный бросок чужой мощи опытный волшебник чувствует заранее – столь велико в этот момент напряжение силы. Но, к сожалению, я находилась далеко и не могла утешить перепуганного виконта, который уже практически видел, как я корчусь на снегу в предсмертных судорогах...

И тут произошло странное. Морозный воздух уплотнился, будто изготвился обратиться в кисель. Из-за этого все вокруг сделалось медленным и величавым: снежинки едва двигались, ветер ослаб, точно на его пути возникло неведомое препятствие. Чудовищный аркан, неторопливо вращаясь, пролетел через эту вязкую пургу и плавно осел на плечи княжны. В своем мягком торжественном полете колдовской бросок растерял не только скорость, но и силу. У Зоргана вырвался облегченный вздох и словно гора свалилась с плеч. Эмпир видел могучее усилие близнецов-чародеев, видел напряженное дрожание золотой нити, изливающейся из двух белых ладоней, видел легкую усмешку, тронувшую губы Рогнеды, а потом... все застыло.

Снежинки повисли в воздухе, ветер прекратил тоскливые завывания, и воцарилась тишина. Зоргану даже показалось, что он оглох, но в этот самый момент безмолвие нарушил спокойный голос:

– Нельзя же быть такими олухами.

Рогнеда сказала это со скукой. Она по-прежнему не поворачивалась к противникам. Золотистый аркан, объявший плечи девушки, вибрировал от напряжения, а потом Зорган услышала звук рвущегося колдовства. Как будто кто-то дернул в разные стороны кусок плотной ткани. Пронзительный хруст разнесся над полем – петля, захлестнувшая княжну, рассыпалась искрами.

И вот тогда девушка повернулась к преследователям. Рогнеда простерла к земле открытые ладони, и к ним тотчас же устремились клочья янтарно-золотой нити. Близнецы замерли, признавая право победителя на невозбранное изъятие силы, и лишь с ужасом следили, как неизвестная волшебница стремительно поглощает все то, что они создали. Удар невероятной мощи словно прошел мимо жертвы. Братья угробили на сокрушительный бросок почти все энергетические ресурсы, которые имели, и теперь оказались совершенно беспомощны перед лицом грядущей опасности. И какой опасности!..

Колдуны, смирившись со своей участью, запоздало гадали, почему *никто* не знал о том, что на Леднице находится столь сильная магичка? Почему *никто* не знал о том, что в пределах владений богов появилась столь сильная волшебница? Откуда она взялась и что сейчас сотворит с ними за дерзость? Первый некромант всматривался в бесстрастное лицо

чародейки и тщетно пытался прочесть на нем хоть какие-то мысли относительно дальнейшей судьбы двух незадачливых братьев. Юноша понимал, что сопротивляться бессмысленно. Искушение пуститься наутек было отброшено как позорное. И некромант лишь надеялся, что сможет принять смерть с достоинством, не опускаясь до мольбы. В свою очередь второй близнец собрался было кинуть брату прощальную мысль, но не нашелся что сказать, а потому лишь беспомощно промолчал. Жаль, что их жизнь оказалась такой короткой...

Глава 7

Я увидела, как смертельно побледнели братья – веснушки на их меловых лицах казались ржавыми кляксами. Ребята, по всей видимости, прощались с жизнью и друг с другом. Я подавила рвущийся с губ смехок. Пускай немного потрясутся – впредь неповадно будет.

На засыпанном снегом поле воцарилась тишь. Время словно перестало существовать. Ветви дерева, наклоненные порывом ветра, так и замерли, неестественно выгнувшись. Вихрь поземки тоже оцепенел в сиреновом воздухе, не успев достигнуть земли. Окаменели и колдуны, да только эти больше от страха и почтения. Но тут глубоко под землей что-то дрогнуло, заворчал, будто там повернулся, просыпаясь, огромный зверь. Близнецы в безотчетном порыве кинулись друг к другу и обнялись, словно испуганные дети. Они, видимо, решили, что разгневанная ими волшебница призывает из темных глубин подземья неведомых и страшных тварей.

Я же и в мыслях не держала звать на помощь каких-то потусторонних существ. Я лишь сделала небрежный жест рукой, и внезапный толчок, идущий из-под земли, разметал близнецов в разные стороны. Первый некромант приложился затылком о каменную кладку сгоревшего домика, второй впечатался лбом в толстый ствол каштана, единственного дерева на всем поле. Тут-то из сугроба и брызнули в близнецов огромные черные комья. Наблюдающий за сражением Зорган запоздало понял, что это по прихоти Рогнеды взметнулись из-под земли увесистые камни.

Наказуемые, которым предстояло умереть от абсурдного камнепада, жалко скорчились на снегу. Зорган печально улыбнулся и закрыл руками лицо. Он не хотел видеть гибель несчастных мальчишек, про коварство которых уже забыл. Эмпир не ожидала от своей возлюбленной подобной жестокости...

Но жестокости не последовало. Камни, которым, судя по всему, полагалось лавиной обрушиться на колдунов, в самый последний момент мягко опустились на землю. Но Рогнеда не была бы Рогнедой, если бы ограничила воспитательный процесс одним лишь страхом. Поэтому один из увесистых булыжников мстительно рухнул на ногу некроманту. Юноша вскрикнул и смешно задергался в сугробе. Другая каменюка, гораздо меньшая по размерам, но летящая куда резвее первой, угодила точнехонько в плечо его брата. Колдун охнул и кувыркнулся в снег.

Девушка слишком уж пристально следила за происходящим, из чего Зорган и сделал вывод, что камни отыскивали свои цели не случайно, а строго по приказу разгневанной княжны. Близнецы кое-как приходили в себя. Оба недоумевали унижительному, но пустяковому наказанию, которое учинила над ними противница. Оба ждали продолжения экзекуции.

– Идите своей дорогой, – вдруг приказала странная чародейка и наставительно добавила: – А в следующий раз не бейте в спину того, кого не знаете в лицо.

Только тут некроманты наконец поняли, что незнакомка и впрямь не намерена их убивать. А ведь могла бы запросто вытянуть всю силу из жертв и бросить их издыхать прямо здесь, в рассыпчатых сугробах. Потихоньку близнецы поднялись на ноги, не забывая с боязливым благоговением коситься на девушку...

Я равнодушно наблюдала за тем, как юноши отряхиваются от снега и бочком-бочком,

хромая и корчась от боли, обходят меня по крутой дуге. Наконец первый некромант, который неуклюже ковылял в снежно-каменном месиве, пристыженно опустил голову и попросил:

– Прости нас, госпожа. Мы были не правы.

Я любезно кивнула, то ли соглашаясь, то ли даруя прощение.

– Спасибо, что оставила нам жизнь, – едва слышно вторил брату второй близнец. – Но теперь мы знаем, кто ты есть на самом деле. Ты – демоница, ведь в нашем мире лишь демоны способны управлять стихией земли.

– Да что же это такое? – возмущенно всплеснула руками я. – Вторым раз в демоны без причины записывают! Поняла, вас подослал ко мне тот красавец – принц Астор! – Некроманты молчали, но я знала, что не ошибаюсь. – Вот и передайте своему хозяину: я с острова не уйду, своих друзей не брошу и непременно попаду в Храм Смерти!

– Напрасно вы упорствуете, госпожа! – несмело укорил меня первый некромант. – Даже сам великий гранд-мастер боится ужасных кровожадных гидр, охраняющих храм. А перевозчик через реку Забвения Харон не слушается никого, даже нашу уважаемую наставницу. Вам не победить Харона и гидр...

– Посмотрим! – самоуверенно заявила я, повторив хвастливое обещание, уже данное мною Астору.

– Госпожа, гранд-мастер велел кое-что передать вам на словах, – едва слышно шепнул младший из братьев. – В том случае, если вы не соизволите покинуть остров...

Я благосклонно кивнула, дескать, ваяй, говори.

– Существует старинная легенда, согласно которой избранный воин имеет право загадать гидрам три загадки и получить столько же загадок от них. Отгадав их загадки, он избежит смерти, – рассказал колдун.

– Спасибо, очень интересно, я обдумываю слова принца! – озабоченно нахмурилась я.

Тем временем оба колдуна отвесили мне почтительные поклоны, круто развернулись и сквозь пелену неподвижно замерших снежинок побрели туда, откуда пришли. И сразу же окружающий мир пришел в движение – зашумел ветер, зашуршал снег... Только теперь я наконец позволила себе перевести дух, понимая, что каким-то неведомым чудом осталась жива. Некроманты-подранки уже скрылись за сугробами. Больше не придут. А я теперь терялась в догадках, что же за странная сила пришла ко мне на помощь, оберегая и спасая? Бросок близнецов мог свалить с ног почти любого. Но я-то выстояла. Каким образом? Неужели моя кукла Злючка настолько сильна? Кто же она на самом деле?..

Тут я, погруженная в свои мысли, неожиданно очутилась в чьих-то крепких объятиях – Зорган вцепился в меня, словно в единственную радость на свете, и беспощадно тискал. Я жалобно пискнула от мощи его объятий, мгновенно снова став той, кем и являлась на самом деле – обычной девчонкой. Лицо виконта, мокрое от снега, было перемазано жирной копотью, а темные глаза сияли от радости и восхищения.

– Ты их прогнала! Ты их прогнала!

И Зорган снова стиснул меня в объятиях. Я согласилась, с некоторым удивлением в голосе, сама не веря случившемуся:

– Прогнала...

На чумазом лице эмпиря цвела счастливая белозубая улыбка. Я попыталась вытереть грязные щеки любимого, но лишь еще сильнее размазала копоть. Сейчас Зорган больше походил отнюдь не на всесильного эйсенского дворянина, а на восторженное огородное пугало. Я чуть было сама не начала глуповато улыбаться, но вовремя спохватилась и сурово сказала:

– Идти надо. Где остальные?

Друзья немедленно выбрались из развалин сгоревшего дома и затормозили меня, донимая расспросами и похвалами. Но я только улыбнулась и как ни в чем не бывало зашагала в пургу. При этом я чувствовала себя так, будто только что обежала по кругу весь остров. А потом перед глазами у меня вдруг все поплыло, ноги подкосились, и я рухнула в

снег, перестав ощущать свое тело, мысли и чувства...

Я не понимала – жива ли, где нахожусь и что делаю... Мысли путались, память – подводила, напрочь отказываясь воспроизводить картины недавнего прошлого... Интересно, в какую переделку я опять умудрилась впутаться? Этого я не помнила... Руки казались стеклянными. Они до того замерзли, что чудилось: ударь их друг о дружку посильнее – разобьются. Лицо онемело. Я судорожно вздохнула. Ледяной воздух встал поперек горла, а потом, обжигая, пролился в легкие. Когда же удалось разлепить смерзшиеся веки, я увидела над собой сиреневое небо, в котором плыли низкие тучи и черные макушки засыпанных снегом сосен. Сверху мягко сыпались белые хлопья. Огромные снежинки торжественно оседали на деревья, сугробы и, попутно, в мои распахнутые глаза. Крахмально и зябко скрипели сугробы. Удивительно, но меня кто-то куда-то тащил. И кажется, не особенно церемонясь – волоком. Зорган? Я слышала где-то у себя за плечами его упрямое сопение. Все происходящее воспринималось безучастно. Полагаю, я лежала на куске какой-то ткани, наверное, это был плащ эмпиря, который он сам и тянул по сугробам. В глубине усталой души шевельнулась нежность к упрямому виконту, который стремился разделить любую мою беду. Куда он меня тащит? Зачем?

Пыхтение изредка прерывалось сердитой руганью. Мне очень хотелось ободрить Зоргана, подать голос, но тут кроны сосен, что парили в сумеречном небе, закружились, и меня снова поборола сонливость...

– Магический откат, вот что с тобой произошло! – рассказывала Лиззи, осторожно поднося к моим губам кружку с горячим травяным отваром. – Обычное дело для любого мага. Ты потратила слишком много сил на поединок с братцами-некромантами, вот и вырубилась. Ничего страшного, восстановишься. А остальное – вопрос привычки...

– Не хочу привыкать ни к какой магии... – протестующе шепнула я.

– А придется! – хмыкнул Тай. – Ты ведь теперь у нас великая волшебница, укротительница некромантов и все прочее. Знаешь, я начинаю верить в то, что ты сможешь победить всех и вся, даже саму судьбу!

– Преувеличиваешь, – поморщилась я. – И вообще, предсказания – не твой профиль. Лучше спой...

– Запросто! – Принц расчехлил гитару, взял несколько пробных аккордов и запел:

Сто путей перед тобою, сто дорог,
Все ведут они в какой-то дальний край,
Остается лишь шагнуть через порог —
А потом не заробей и выбирай.
Эта камнем мощена, а эта – нет,
Третья тонкая, как шелковая нить,
И никто тебе не в силах дать совет —
На которую разумней заступить.
Аромат цветов доносится с полей,
Звуки леса непонятны, непросты,
Жизнь подталкивает в спину: Ну, скорей —
Начинай реализовывать мечты.
Скакуны там войско вынесут вперед,
Искры высекут в сражении мечи,
Каждый путь тебя куда-то приведет —
Выбирай же, не тушуйся, не молчи.
Но когда ты отобьешь победный такт
Или раненый к богам взовешь в бреду,
Ты поймешь, что выбирал не просто так —
Ведь не путь себе ты выбрал, а судьбу!

– О, оклемалась! – У меня перед глазами возникла забавная драконья мордочка. – А здорово ты их приложила, словно горох о стенку!

– А Зорган где? – уже более уверенно спросила я, чувствуя, как постепенно возвращаются ко мне и голос и силы.

– Вон, на берегу стоит! – неопределенно махнул лапой Трей. – Ты уж его прости, не смог он, и сам измотанный, так долго тебя на руках нести. А нам – не доверил. Тащил на своем плаще... Сам чуть не помер, но тебя до берега все равно дотащил... Упрямый он! – В голосе дракона промелькнули нотки восхищенного уважения. – Верный и надежный!

– Этого у него точно не отнимешь! – согласилась я, и тут до меня наконец-то дошло... Я приподнялась так резко, что голова снова закружилась и к горлу подкатил приступ тошноты...

– Осторожнее! – ворчала Лиззи, придерживая приткую меня. – Не торопись...

– На каком берегу? – с замиранием сердца спросила я, повернула голову и увидела...

Оказывается, я лежала на берегу реки, в нескольких метрах от воды. А вдоль невысокого обрывчика катились черные волны, принося с собой странный запах пепла, крови и чего-то еще... Над водой висел плотный, молочно-белый туман, скрывающий как противоположный берег, так и ширину реки.

– Ну поздравляю, – насмешливо сказал Слепой стрелок, неслышно подходя ко мне, – мы до нее добрались!

– Это и есть река Забвения? – спросила я, не смея поверить собственным глазам.

– Она самая! – уточнил слепец.

– А чем это от нее так противно пахнет? – спросила я, вставая. – Уж точно не водой...

– Смертью! – нехотя буркнул Стрелок. – А чего еще ты ожидала?

Честно говоря, я ничего не ожидала. Не верила в шанс живыми и невредимыми добраться до реки Забвения. Надеялась, мечтала, но не верила... Через весь остров, пройдя столько испытаний, преодолев столько препятствий! И вот теперь, стоя на берегу, я отказывалась верить собственным глазам – хотя вопреки и назло всему река Забвения величаво катила черные волны возле самых моих ног, и не было ей до меня никакого дела. Я приставила руку козырьком ко лбу, вглядываясь в даль... Ничего! Только густой белый туман, полностью закрывающий обзор. И можно фантазировать сколько влезет, пытаюсь угадать: какой же он, противоположный берег?

– Там начинается земля мертвых! – словно прочитав мои мысли, подсказал Стрелок. – Живых людей на том берегу не встретить.

– И кто же тогда населяет тот берег? – удивилась я.

– Те, кто сознательно или против собственной воли предались во власть смерти! – хмыкнул слепец. – А ты намерена уподобиться им, княжна. Разумно ли это?

– Но ведь ты уже однажды побывал в Храме Смерти и остался жив! – напомнила я.

– Приблизился к храму, но так и не вступил под его своды, – уточнил эльф. – И разве это – жизнь? – Он прикоснулся к шраму на своем лице, пересекающему пустые глазницы от виска к виску. – Такого будущего ты жаждешь?

Я содрогнулась телом и душой, напуганная подобной перспективой. Уж лучше умереть...

– Мой тебе совет, – торопливо зашептал Стрелок, приблизив губы к моему уху, – пока еще не стало слишком поздно – беги прочь от реки Забвения. Забирай всех своих друзей и беги. Спасайте свои жизни, ибо обратного пути из земли мертвых нет. Пока вы еще живы. Но, едва ступив на противоположный берег, вы перестанете являться таковыми, даже если будете ощущать себя по-прежнему – продолжите есть, пить, спать, любить и ненавидеть, испытывать страх и боль. Даже при сохранении всех привычных чувств и эмоций вы все равно станете мертвецами. Такова плата за приобщение к тайнам богов!

– А какой он, Храм Смерти? – с любопытством спросила я. – В одном старинном трактате, найденном мною в библиотеке Нарронской академии, упоминалось о том, будто

этот храм – прекраснейшее сооружение в мире, не имеющее равных себе даже в прославленных эльфийских городах. Правда ли?

– Да о чем же ты думаешь! – негодуяще всплеснул руками слепец. – Гоняешь за миражом, за обманом...

– Ну ответь, как выглядит храм! – не отставала упрямая я.

– Тьфу на тебя, дурочка! – Сейчас обычно невозмутимый слепец не на шутку разозлился. Пожалуй, еще ни разу за все время нашего путешествия я не видела его настолько взбудораженным. – Не о храме думай, а о своей жизни. Пока еще не поздно, поворачивай назад и...

– Поздно, – вдруг спокойно сказал Зорган, опуская руку мне на плечо, – уже поздно. Смотрите! – И он указал на гладь реки, по которой, вынырнув из белого тумана, плыл небольшой челнок. Едва слышно хлопало по воде весло, коим весьма умело орудовал высокий человек, стоящий на корме челнока и с головы до ног закутанный в черный плащ...

Услышав звуки, издаваемые веслом, слепой эльф отшатнулся с криком ужаса, оступился и упал.

Челн приближался к берегу...

Челн уткнулся носом в берег, а правящий им человек небрежно бросил весло, жалобно скрипнувшее в уключине, повел плечами, откидывая плащ и являя нашим любопытным взорам мускулистую фигуру прекрасно сложенного мужчины. Сапоги до колен, кожаные узкие штаны и кожаная же жилетка на голое тело, не скрывающая, а скорее – подчеркивающая его могучий торс. Я хмыкнула, разглядев татуировку на правой руке: вокруг бицепса изящным шрифтом, стилизованным под эльфийскую вязь, было выведено «Не забуду родной погост». Но мое несвоевременное желание посмеяться тут же увяло, ибо мужчина отбросил капюшон, обнажив идеально голый, выбеленный годами череп, в глазницах коего горели алые угли. Нижняя челюсть черепа противно щелкнула, и откуда-то из пустоты прозвучал сочный, неожиданно приятный баритон:

– Переправу на тот берег заказывали? Девушек транспортирую бесплатно, а за мужчин придется заплатить...

– Чем? – испуганно пискнула Витка.

– Деньгами, чем же еще, – почти удивился вновь прибывший персонаж. – В твердой валюте. Принимаю все: эльфийские шамули, орочьи орины, трольи лыхсы, золотые и серебряные монеты любого человеческого государства...

– А если у нас нет денег? – озвучила остро стоящую перед нами проблему Витка.

– Могу и натуроплату принять, красавица! – похотливо хохотнул кормчий, и уголек в его правой глазнице игриво мигнул. – Потом расскажешь подружкам про любовь с Хароном, пусть позавидуют!

– Ой! – едва смогла выдать шокированная девушка и тут же сделала единственное, что она умела, – упала в обморок.

– А как вам в прошлый раз удалось переправиться через реку? – вопросительно зашипела я, пихая Стрелку локтем в бок.

– Благодаря магии Бригитты, – сбивчиво ответил тот. – Она сумела внушить Харону мысль, что он обязан перевезти нас через реку Забвения...

– Бесплатно? – Я недоверчиво скосилась на слепого.

– Ага! – кивнул эльф. – Но не надейся, тебе этот фокус повторить не удастся...

– Не верь слепцу! – вдруг еле слышно шепнул кто-то, и я узнала голос Злючки. – Он слеп во всех отношениях. Поговори с Хароном, но предупреждаю – не верь и ему!

– Мило! – фыркнула я. – Не верь никому, значит! Придется верить в собственное вранье... Эй, любезный! – Я помахала рукой, привлекая к себе внимание Харона. – В нашей компании – главная я, поэтому все переговоры вам придется вести со мной!

– Ты тоже ничего, – сообщил Харон, нахальным взглядом обшаривая мою фигуру. – Хотя блондиночка мне больше по вкусу...

– Не продается! – собственническим тоном отрубил принц Тай, удерживая в объятиях не приходящую в сознание Витку.

– Наменяешь, типа Рогнеда продается? – возмущенно оскалил зубы Зорган, начиная многозначительно засучивать рукава.

Харон довольно хохотнул, схватил весло, поставил стоймя – воткнув в дно мелкой у берега реки, и оперся подбородком на его конец, намереваясь понаблюдать за назревающей дракой.

– Цыц! – сердито прикрикнула я на своих задиристых друзей. – Довыпендриваетесь ведь, пешком на тот берег пойдете...

Тай и Зорган сконфуженно вздохнули и успокоились.

– Эх, такую развлекуху обломала мне, девушка! – укоризненно проворчал переправщик. – На этой реке от скуки помереть можно.

– Вот перевезешь нас на тот берег, а я тебе песню спою... – предложил Тайлериан, выразительно потряхивая гитарой. – Авось и повеселее станет!

– Петь я и сам мастак, – пожал плечами Харон и затянул начальную строку какой-то песни: – «Люди гибнут за портал...» Кхм, короче, довелось как-то перевозить одного знаменитого барда, вот он и дал мне парочку уроков по вокалу. Как же его звали?... – Смуглые пальцы задумчиво потерли костяной лоб. – Еффей? Орсей?

– Орфей? – с благоговением в голосе подсказал Тай. – Вы и правда встречались с самим Орфеем?

– Ага, – по-простецки подтвердил Харон. – Забавный такой парнишка – щуплый, кучерявый, конопатый. Без штанов ходил, в одной рубахе до колен и сандалиях на босу ногу. Тьфу, срамота! – Страж реки бесцеремонно сплюнул прямо в черную воду. – Он жену свою искал в царстве мертвых. Предупреждал я его, забей и забудь, другую найдешь, но он меня не послушал. И зря, ибо ничего хорошего из той затеи не вышло. Да и виданное ли дело – ради бабы лезть в мертвячьи земли? – с риторической задумчивостью спросил он.

– А ради чего стоит лезть? – тут же уцепилась за случайно оброненную фразу я.

– Ну, не знаю, так навскидку и не соображу даже! – снова задумался Харон. – Сейчас народ к нам почти не захаживает, а раньше буквально табунами ломился. Не поверишь, милашка, каждый день кого-то перевозить приходилось, только и успевал веслом вертеть – до мозолей на руках упахивался. И ведь кто за чем перся... Помнится, два мужика со странными именами Леонардо и Рафаэль – собирались поработать над фресками в Храме Смерти. Истеричная блондинка, представившаяся как Мата Хари, все выпрашивала о каких-то разведанных. Смешной коротышка Чарли – изображал танцующих человечков с помощью вилок и котлет. Пара бородачей – Маркс и Энгельс, занудно талдычили об экономике, чего-то там «товар – деньги – товар». Я ничего в их рассуждениях не понял, но голова у меня потом еще долго болела. Да много народу я перевидал, чего уж там... – И Харон протяжно вздохнул. – Но, пожалуй, ни у кого из них не имелось по-настоящему серьезной причины для того, чтобы отправиться в гости к моей Хозяйке...

– Что и следовало доказать! – наставительно подняла палец я. – А у нас – имеется!

– Да ну? – не поверил переправщик. – Милая, а ты, случаем, не врешь?

– Не вру, – оскорбилась я. – Мы – Воины Судьбы! Да мы вообще имеем льготное право на бесплатную переправу, и...

– Спасибо за напоминание, – вдруг забеспокоился Харон, полез в карман жилетки и вытащил крохотный, изрядно замызганный блокнотик. – И как же я мог забыть?... – Он торопливо перелистывал густо исписанные страницы. – Список Хозяйки: льготники, халявшики, блатники и инвалиды... Так, чего тут у нас? Адольф Гитлер, Антонио Бандерас, группа «Бандерас» – наверное, родственники? – Харон растерянно поскреб макушку черепа, отозвавшуюся противным звуком. – Вольфганг Амадей Моцарт, Ван Дамм Клод... Хм... – Харон достал из кармана карандашик, послунывил кончик грифеля, исправил «Ван» на «Вам», присмотрелся, вздохнул и исправил обратно. – Баскервиль с собакой – две персоны, Винсент Ван Гог, Виннету и Винни Пух... Странные имена, может, один из них тоже собака?

– Он вопросительно посмотрел на нас, но мы не знали. – А-а-а, вот, нашел: Воины Судьбы – шесть штук плюс сопровождающие. По общему тарифу! – Страж довольно хмыкнул и спрятал блокнот и карандаш. – Нет, милая, придется вам заплатить сполна!

Я приуныла.

– Сколько? – агрессивно поинтересовалась Кайра, хватаясь за рукоять рапиры.

– И не советую делать резких движений! – буркнул Харон, выразительно постукивая пальцем по веслу. – Мы тоже не робкого десятка, можем и сдачи при необходимости дать. Всего три монеты...

– Да-а-а? – обрадованно удивилась Кайра. – Ну, столько мы наскребем...

– Не наскребем, – печально усмехнулась я. – У меня всего две...

– А у меня... – Мечница вытащила из кармана несколько медяков. – Еще несколько. Поехали?

– Не пойдет. – Харон глянул ей в ладонь и презрительно рассмеялся. – Принимаю только монеты королевы!

– А говорил – любые! – обиженно напомнила Кайра.

– Извиняйте, пошутил. – Переправщик иронично развел руками. – Ну так как?

– Две! – Я предъявила ему две монеты, полученные от Речной невесты и Вышегора. – Договоримся насчет скидки?

– Нет! – Весло снова плеснуло по воде, и челн заскользил прочь от берега, увозя с собой отнюдь не нас, а только наши мечты и надежды. – Со мной не торгуются. Сказано три – значит три...

Друзья с отчаянием смотрели на меня, и я поняла – если сей же момент не придумаю нечто действенное, не совершу нечто судьбоносное, способное изменить реальность, то все пойдет прахом!

– Постой, Харон! – закричала я, приставив ко рту сложенные в виде рупора ладони. – Ты жить хочешь?

– А я не живой! – насмешливо ответил уплывающий вдаль переправщик. – И не мертвый!

– Но ты ведь не хочешь исчезнуть полностью и навсегда? – не сдавалась я. – Перестать существовать в этом пространстве и времени?

Неожиданно плеск весла стих, сменившись напряженной тишиной.

– Нет, не хочу! – долетело до меня из тумана. – А к чему ты клонишь, девушка?

– К тому, что если ты сейчас же не переправишь нас на противоположный берег, то исчезнешь не только ты, но и весь мир! Наступит конец света! – пафосно объявила я, а между тем мое сердце так и замирало от сладостного предчувствия – неужели у меня получилось и я смогла его убедить?

Спустя мгновение плеск весла по воде возобновился, но теперь он становился все громче и отчетливее, словно Харон плыл в обратном направлении. Он возвращался! Вот нос челна уткнулся в берег, и я увидела заинтересованное, нет – скорее обеспокоенное лицо речного стража, хотя раньше даже и не представляла, что подобные сложные эмоции способны отражаться на лишенном плоти и кожи черепе.

– Не пудри мне мозги, девушка, – сердито закричал переправщик, – чего это еще за страшная сказка про конец света и всеобщую гибель? Ведь даже моя Хозяйка не способна погубить всех и сразу...

– Она тут ни при чем, – спокойно пояснила я. – Я же говорила – у меня имеется веская причина для того, чтобы попасть в царство мертвых. Я должна найти способ усмирить Ветер Инферно, иначе он поглотит весь мир и все мы исчезнем!

– Хм... – озадачился Харон. – Признаюсь, мне и раньше доводилось слышать о таком Ветре. Не помню, что именно, – но точно ничего хорошего... А знаешь, отвезу-ка я вас на тот берег, и пусть Хозяйка сама разбирается и с вами, и с вашими проблемами, – внезапно решил он. – Бесплатно отвезу, от греха подальше. Но с одним условием... – И алые уголья его глаз выжидательно уставились на меня.

– Согласна! – с готовностью кивнула я, ибо понимала – Харон может и передумать и уж точно дважды ничего предлагать не станет.

– Ну-ну. Тогда попробуй пройти и через мое испытание, – хитро усмехнулся переправщик и подал мне руку, помогая спуститься в челн. – Девушка, честное слово, ты и мертвого из могилы поднимешь!..

– Да, почитай, доводилось уже... – под нос себе бормотнула я, осторожно ступая на борт верткого плавучего средства, так и норовящего выскользнуть из-под ног.

Нижняя челюсть Харона ошеломленно отвисла, но он мгновенно справился с моральным потрясением и вернул себе прежний невозмутимый вид.

– Загружайтесь. Все. И Воины Судьбы, и их попутчики. Хотя... – Страж реки Забвения нерешительно теребил вновь извлеченный из жилетки блокнот. – У меня четко указано – среди вас должен быть дракон! Где дракон? Не вижу.

– Вот он я, тютючки! – пискнул Трея, спешно покидая карман Зоргана и вскарабкиваясь к нему на плечо.

– Эта тощая ящерица и есть ваш дракон? Маленький какой, наверное, болел в детстве! – Харон бесцеремонно поднял Трею за хвост, немного подержал на весу – недоверчиво рассматривая, и опустил в лодку. – М-да, какие-то вы все неправильные, сплошное недоразумение, а не Воины Судьбы! Ладно, уговорили – засчитаю этого заморыша за дракона! – И он ногой задвинул Трею под лавку.

От такой наглости у дракона задергался глаз, но Харону все было нипочем. Он протяжно вздохнул, очевидно досадуя на проявленную доброту, оттолкнулся веслом от берега – и мы отчалили...

Черная вода монотонно плескалась о борт челна. От нее так и веяло каким-то не поддающимся осмыслению холодом, первородным и непреодолимым, внушающим панический ужас. Мы испуганно жались друг к другу, испытывая скорее душевный, чем физический дискомфорт, поскольку нынешняя фаза нашего путешествия протекала со всеми возможными удобствами. Сейчас нас не мучили снегопад или сильный ветер, к тому же – мы вполне уютно разместились на пустых мешках, брошенных на дно лодки. Невзирая на свои внешне скромные размеры, внутри челн оказался неожиданно просторным, легко вместив нас всех. Харон стоял на корме, мастерски орудовал веслом и временами начинал насвистывать что-то мелодичное. Короче, все тихо, мирно, культурно – плыви себе да радуйся. Но на душе у меня было беспокойно...

Покинутый нами берег почти скрылся из виду, со всех сторон нас окружала пелена плотного тумана, и стало трудно различать – где же мы находимся. В царстве живых или в мире мертвых, во сне или в реальности, на земле или под землей... Река журчала завораживающе умиротворенно, навевая сон. Я широко зевнула, веки мои смыкались сами собой. Глянула на друзей, но они уже дремали, прижавшись друг к другу.

«Спи, спи вечным сном! – нашептывала река, и в ее шелест гармонично вплетался негромкий напев Харона. – Отдайся забвению. Усни и умри, дабы попасть во владения королевы Смерти. Туда, где нет боли и страданий, страстей и болезней, испытаний и разочарований. Там ты обретешь вечную безмятежность...»

Моя голова свесилась на грудь, веки казались чугунными плитами, и уже не осталось никаких сил сопротивляться колдовской власти сна...

«Не спи, княжна! – Гневный голосок куклы Злючки вернул меня в сознание, а ее острые зубы-щечочки больно впились в кожу. – Тебе что, жить надоело?»

– Жить?! – С испуганным вскриком я вскочила на ноги.

На корме не было ни Харона, ни его весла. Челн замер посреди тумана, за бортом плескалась речная вода... Хотя нет, уже не только за бортом! На дне челна я увидела небольшую пробоину, через которую быстро заливалась черная жижа!

– Просыпайтесь! – закричала я. – Мы тонем!

Мы вычерпывали воду всеми подручными средствами: котелком, кружками, мисками и

даже шапкой Бальдура. Нам очень хотелось жить! Но вода все прибывала, а челн уже почти до краев погрузился в речные волны, вот-вот грозя уйти на дно.

– Это конец! – обреченно простонала Витка, утирая потный лоб. – Это проклятое корыто сейчас утонет!

– А ведь я вас предупреждал, – почти злорадно каркнул слепой эльф, не участвующий в нашей борьбе с заливающей челн водой. Стрелок одиноко сидел на прежнем месте и вполне успешно делал вид, будто наша суетливая деятельность его совершенно не касается. – На Леднице нет ничего, кроме мучений и смерти!

– Рогнеда, – Зорган подбадривающе сжал мое плечо, – как думаешь: Харон намекал именно на такое испытание?

– Возможно, – устало вздохнула я. – Но согласишься, как же это глупо и неинтересно – утопить нас на полпути...

– Не выдумывай лишнего, он отнюдь не собирается нас топить, – сердито одернул меня виконт. – Проанализируй все происходящее, дорогая, и посуди сама: разве испытания придумываются не для того, чтобы их преодолевали?

– Думаешь... – растерянно начала я.

– Думаю, что наша ситуация не является безвыходной, – подсказал эмфир. – И ты должна знать, как нам выбраться из треклятой дырявой лодки. Ну же, Рогнеда, напряги мозги и спаси нас всех. Не позволяй Харону взять верх над собой и всеми нами. Иначе через несколько мгновений мы станем мертвецами!

«Мы все умрем, – размышляла я, напряженно хмурия лоб. – И никто, кроме нас самих, нам не поможет. Ведь здесь нет живых, а мертвые не имеют привычки приходить к кому-то на помощь... Хотя почему же я так решила? Помнится, тот белокурый красавец-демон обещал мне помочь, а вместо того загадал странную загадку... Как там она звучала? Кажется, «спасти умирающих может лишь то, что принадлежит умершей». Да-да, именно так! Что же это означает?» – И тут меня наконец-то осенило. Я повернулась к отстраненно сидящему на сиденье слепцу, схватила его за отвороты куртки и прошептала, подтянув к себе:

– Немедленно отдай мне платок Бригитты!

– Еще чего! – возмутился Стрелок. – Ни за какие коврижки! Ты же сама мне его подарила, а теперь требуешь вернуть. Размечталась!..

– Ты жить хочешь? – прямо спросила я, понимая: тут не помогут ни угрозы, ни грубая сила. Наоборот, слепой лишь сильнее ожесточится и окончательно замкнется в себе. Нет, мне следует воззвать или к его здравому рассудку, или, наоборот, к эмоциям.

– Не хочу! – злорадно оскалил зубы несговорчивый упрямец. – Зачем мне жизнь? Она давно ушла вместе с любимой.

– Хочешь, чтобы мы все умерли? – зашла с другой стороны я.

– Велика беда! – равнодушно пожал плечами наш замшелый эгоист. – Мы и так уже находимся в царстве мертвых. Значит, к живым не принадлежим...

– Скажи, у тебя есть заветная мечта? – не сдавалась я.

– Есть, – печально усмехнулся слепец, – но она невыполнима, и...

– Выполнима! – перебила я. – Если отдашь мне платок, то обещаю – я верну тебе Бригитту. Верну живой, молодой и здоровой!

Эльф смотрел на меня с сочувствием и брезгливостью, словно на умалишенную врунью, не отдающую себе отчета в том, какую белиберду она несет.

– Лжешь! – со вкусом, интонацией выделяя каждую букву, парировал он. – Это – невозможно!

– Тай, напомни, пожалуйста, удалось ли Орфею вернуть свою Эвридику из царства мертвых? – попросила я, дергая за рукав принца, который с бешеной скоростью вычерпывал из челна все прибывающую воду.

Тайлериан выпрямился, отложил кружку и задумчиво пожевал губами, вспоминая древнюю легенду.

– Вернул, – уверенно сообщил он. – Орфей отправился в царство мертвых, заключил со Смертью договор и повел Эвридику к свету. Правда, по пути...

– Хватит! – Я ладонью зажала болтливый рот менестреля, отнюдь не желая, чтобы слепой узнал конец той скорбной истории, ведь Орфей вновь потерял свою жену по причине собственной глупости. – Ну как, удостоверился?

Стрелок медленно кивнул, очевидно проникаясь какой-то навязчивой идеей.

– Разве не для этого ты прибыл на остров, не за исполнением своей мечты? – напирала я. – Обещаю, я помогу тебе вернуть Бригитту, если ты сейчас отдашь мне ее платок. Ты мне не веришь? Ну и зря! Сам же знаешь, до сегодняшнего дня мне удавалось все задуманное. Все! Даже самое невероятное и невозможное!

– Точно, удавалось! – подтвердил Стрелок, полез за пазуху, достал шелковый платок умершей волшебницы, немного подержал в ладони – словно прощаясь, а затем вложил в мою руку. – Бери! Но помни, если ты не вернешь мне Бригитту, я тебя убью...

Друзья с недоумением наблюдали, как я схватила платок Бригитты и заткнула им дыру на дне челна... К моему восторгу, шелк словно бы потек и расплавился, идеально запечатав пробоину! Мы с удвоенным энтузиазмом схватились за кружки, и вскоре в лодке не осталось ни капли заборной воды.

– Bravo! – Вновь неизвестно откуда появившийся Харон несколько раз хлопнул в ладоши, занимая прежнее место на корме и опять налегая на весло. – Не понимаю, как именно, но ты это сделала, девушка. Прошла через мое испытание. Ну да ничего, Медуза тебе за меня отомстит... – Из черепа Харона вырвался злорадный смешок, больше смахивающий на клекот голодного коршуна-стервятника.

Я растерянно прикусила нижнюю губу. «Медуза, кто она вообще такая? Ни разу о ней не слышала. Вроде бы о такой не упоминали ни жрец, ни Бальдур...» Но Харон не оставил мне времени на размышления, ибо наше плавание подходило к концу...

– Поздравляю! – Еще несколько сильных гребков веслом, и челн ткнулся в берег. – С прибытием! – Харон саркастично раскланялся. – Вот мы и дома!

Я вертела головой по сторонам, рассматривая этот новый мир. Берег земли мертвых покрывала какая-то серая субстанция, при ближайшем изучении оказавшаяся пеплом. Ни малейшей травинки, ни птиц, ни животных. Только пепел, а над ним такое же серое небо, наливающееся чернотой. Похоже, на царство мертвых опускалась ночь. И та же самая картина, уже виденная нами ранее, – противоположный берег однообразно скрывается в тумане, словно отрезая нас от прежней жизни. А мы смотрим на него и понимаем, вернее, проникаемся ужасной мыслью – обратного пути уже нет. Остается одно: упрямо идти до конца, каким бы он ни был!

Харон заботливо ссадил нас на берег.

– Это что еще за дрянь? – брезгливо скривилась Кайра, зачерпывая пригоршню пепла, высыпая его обратно и торопливо вытирая ладонь о куртку.

– Пусть дрянь, – насмешливо сообщил слепой. – Зато смотри, как много... Ты же именно о таком и мечтала – получить много счастья? Вот оно, твоё счастье: дрянь, пыль и тлен!

Мечница ничего не ответила, лишь отвернулась и зашагала по пеплу, уязвленная объективностью слов нашего проводника.

Но не успели мы сделать и несколько шагов, как нас остановил громкий голос Харона.

– Эй, девушка! – Переправщик обращался ко мне. – А знаешь, я передумал. Тебя я не отпущу, ты останешься со мной. Всегда мечтал встретить настоящую женщину. И вот встретил... – Из его ладони вырвался тонкий светящийся луч, похожий на веревку, который обвил мои плечи.

Я остановилась, не способная сделать ни шагу дальше. Петля держала крепко!

– Я убью его! – зарычал Зорган, хватаясь за свою рапиру.

– Тише, не суетись. – Я успокаивающе подняла руку, усмиряя порыв взбалмошного

эмпира. – Харон, ты ошибаешься. Хочешь, я научу, как найти нужную тебе женщину, намного лучше и красивее меня? Настоящую воительницу.

– Хочу, – кивнул переправщик, и удерживающий меня аркан бесследно исчез.

– Записывай, – лукаво улыбнулась я, и Харон тут же достал свой блокнот, готовый в точности следовать моим указаниям. – Разгони коней в галоп, запали избу... И жди!

Я отошла на несколько шагов и снова обернулась. Харон в недоумении сидел на носу челна.

– Жди! – наставительно повторила я и спокойно зашагала в глубь земли мертвых...

Глава 8

Ночь, сгустившаяся над царством мертвых, оказалась неожиданно красивой. Такого обилия ярких звезд я не наблюдала еще нигде и никогда. И причем висели они так низко над землей, что, казалось, протяни руку – и сияющий алмаз ночного светила покорно опустится тебе в ладонь. Но, естественно, это только казалось.

Даже находясь в царстве мертвых, мы по-прежнему ощущали себя безупречно живыми и нестерпимо голодными. Поэтому, едва отойдя от берега реки Забвения, решили остановиться для ночлега и ужина.

– Негусто, – печально констатировал Бальдур, вытряхивая продуктовый мешок на заботливо подстеленную куртку. – Если в самое ближайшее время не разживемся жратвой, то дней через пять мертвецов в этих землях прибавится...

Я согласно кивнула, вороша небольшую горку съестных припасов. Полковриги хлеба, два круга колбасы, головка сыра и большое краснобокое яблоко. Плюс несколько флажечек с питьевой водой. И правда негусто.

– Ой, давайте его разделим и съедим! – обрадовалась Витка, хватая яблоко. – Оно, наверное, очень сладкое и сочное.

– Предлагаю приберечь яблоко на самый крайний случай. – Я убрала соблазнительный плод обратно в мешок, убежденная одной лишь мне слышимым предостерегающим ворчанием Злючки. – Чую, оно нам еще пригодится!

– Как хочешь! – обиженно надула губки Витка.

Несытно поужинав, мы улеглись спать, устроившись прямо на мягком пепле. Странно, но тут нас не донимали ни холод, ни жара, над нами не чувствовалось ни единого дуновения ветерка, а ночь не наполнилась ни шорохами, ни звуками. Вокруг только тишина, спокойствие и темнота, нарушаемая сиянием звезд. Этот мир словно застыл в абсолютной пустоте, а скорее всего – одновременно являлся ее началом и концом. Хотя разве подобное возможно?..

Мне не спалось. Я на несколько шагов отошла от лагеря и уселась, спиной привалившись к какой-то присыпанной пеплом возвышенности. В мыслях царил разброд... Трудно признавать совершенные тобой ошибки, но еще труднее признавать ошибки еще не совершенные! А я уже почти раскаивалась в том, что притащила своих друзей в оные проклятые земли, подвергнув их жизни страшной угрозе. Скоро рассветет, но новый день не принесет с собой ничего хорошего, опять одни лишь проверки на прочность и проблемы. Смогу ли я спасти их всех, уберечь от грядущих бед, пройти через новые – куда более трудные – испытания? Этого я не знала и поэтому чувствовала себя виноватой, изнемогая под тяжестью взваленного на себя груза тотальной ответственности за всех и за все. Мне было страшно, безумно страшно!

Внезапно сильная рука Зоргана опустилась на мое плечо, и эмпиры сжал меня в объятиях – утешая и успокаивая.

– Глупенькая! – ласково бормотал он, зарываясь губами в мои всклокоченные волосы. – Даже не догадываешься, какая же ты на самом деле хорошая, умная, несгибаемая, смелая и находчивая. Ты лучше всех. Я тебя люблю!

– И я тебя, – ответила я, а мое сердце замерло на миг и затрепетало снова, еще сильнее, чем прежде, яростно забившись от простоты и красоты этих слов. – Навсегда!

– Да, даже если это «навсегда» окажется очень коротким! – подхватил Зорган, покрывая мое лицо страстными, горячими поцелуями...

На несколько мгновений мы позабыли обо всем на свете, занятые только собой... Но потом я мягко отстранилась, убеждая себя не терять голову и не совершать глупостей. Сейчас не время и не место для нежности. Со всех сторон нас окружает смерть – и, возможно, жить нам осталось совсем немного...

– Ну вот, – разочарованно произнес виконт, нехотя выпуская меня из объятий, – опять ты думаешь о чем-то постороннем.

– О смерти! – уточнила я. – Пожалуйста, не обижайся, но еще никогда за все дни нашего путешествия мы не подходили к ней так близко...

– Или она к нам! – философски обобщил Зорган. – Печально, ведь именно теперь мне очень хочется жить. Я полностью отказался от своих прежних мечтаний и заблуждений, раскаиваюсь в совершенных злодеяниях и надеюсь стать достойным твоей любви. Я даже готов искупить все совершенные грехи, каким бы тяжким ни стало назначенное за них наказание...

– Подозреваю, что все мы не избежим уготованной нам судьбы, – печально вздохнула я. – Кто-то удостоится награды, а кто-то...

Уточнения не потребовалось, ибо Зорган отлично понимал ход моих мыслей. Он просто протянул руку и ободряюще сжал мои пальцы в своей ладони. Итак, мы оба прошли моральное очищение и готовились с достоинством принять свое неизбежное будущее. Конечно, не теряя надежды изменить его в лучшую сторону...

– Знаешь, меня очень беспокоит упоминание о какой-то Медузе, вскользь оброненное Хароном, – призналась я. – Я уже поговорила со Слепым стрелком и выяснила – он ни с чем подобным не сталкивался. Советом помочь не может, догадок на ее счет не имеет. А ведь все неизведанное и неизвестное пугает вдвойне. Видимо, придется полагаться на интуицию и импровизировать на ходу...

– Я уверен, ты с ней справишься, – кивнул Зорган. – А если нас настигнет смерть или кое-что похуже, помни – ты обещала найти меня даже в могиле! – Он улыбался, но его глаза оставались серьезными.

– Помню! – не стала отпираться я. – Вместе и в беде и в радости, и в здравии и в болезни, и в жизни и в смерти...

– И даже в посмертии! – уточнил он, еще крепче сжимая мои пальцы. – Еще бы вот это с тебя снять, – он покрутил мое обручальное кольцо, а в его голосе явственно прозвучали ненавидящие интонации, – и стало бы совсем замечательно!

– Кстати, – поспешно сменила тему разговора я, стремясь уберечь свои пальцы от перелома, – помнится, я ведь читала о какой-то Медузе в архивах Нарронской академии. Правда, там она называлась горгоной Медузой. А история ее жизни – весьма незавидная...

– Расскажи, – насторожился Зорган.

– Жила-была на свете прекрасная девушка, – начала я, вспоминая поразившую меня легенду. – Много тысяч лет назад, еще до Мертвой зимы. И настолько ярко сияла ее красота, что затмевала общепризнанную прелесть главных богинь того времени. Так сияла, что боги поголовно влюблялись в красавицу, бросая ради нее своих жен. Тогда завистливые богини сговорились и наслали на Медузу страшное колдовство – превратили девушку в ужасное чудовище со змеями вместо волос. А чтобы Медузу больше не полюбил ни один мужчина, они еще и покарали несчастную девушку изощренным проклятием – наделили ее колдовскими глазами. Отныне на кого бы Медуза ни посмотрела и кто встречался с ней взглядом – каждый умирал на месте, превращаясь в каменную статую!

– Омерзительная история! – Зорган содрогнулся всем телом. – Ай, какая-то дрянь впиалась мне в бок... – Он вскочил.

На том месте, где еще мгновение назад сидел эмпир, пепел немного осыпался, обнажая нечто странное... Заинтригованные, мы начали разгребать россыпи серой субстанции, и вскоре нашим потрясенным взорам предстало освобожденное от пепла то, что прежде мы

сочли просто за возвышенность! На самом деле это оказались вовсе не холмы или иные особенности здешнего ландшафта, а ряды и ряды ранее засыпанных пеплом статуй необычайной красоты и реалистичности! Воины с луками и мечами, застывшие в необычных позах... Женщины и дети... Зрелые мужи и едва расцветшие юноши, юные девы и матроны солидного возраста...

– Какой же гениальный ваятель сумел создать все эти шедевры?! – воскликнул Зорган, очарованный идеальными формами скульптур.

– Да есть тут, похоже, один, – саркастично хмыкнула я, внимательно рассматривая гримасу смертельного ужаса, искажающую и уродующую черты всех без исключения скульптур. – Вернее, одна...

– Неужели горгона Медуза? – догадливо предположил эмпир.

– Она самая, – уверенно кивнула я. – И полагаю, вскоре мы с нею встретимся!

– Дерево! – изумленно ахнула Витка, показывая пальцем. – Там – дерево!

Я прищурилась, не доверяя ни ее заявлению, ни собственному зрению. Стоящее в зените солнце палило немилосердно, а раскаленный его лучами пепел поднялся в воздух, превратившись в белесое марево, ничуть не способствующее хорошему обзору. Но Витка не ошиблась, ибо впереди и впрямь виднелось одинокое дерево – тонкое, белое, искривленное, изрядно смахивающее на кем-то обглоданную кость. Причем на его ветвях даже сохранилось несколько листочков – пожухлых, свернувшихся в трубочки. Но намного сильнее, чем само дерево, меня заинтересовала обнаружившаяся под ним фигурка хрупкой девушки, спавшей, свернувшись клубочком, и укрытой широким плащом. Ее длинные волосы волной стекали на землю, полностью скрывая лицо спящей, но подчеркивая пленительные изгибы ее стройного тела...

– Девушка! – ошеломленно потер глаза Бальдур и рванулся вперед, но я вовремя остановила парня, ухватив за подол рубахи. – Отпусти! – как бешеный вырывался орк. – Видишь, она одна. Возможно, ранена и нуждается в помощи. Молоденькая совсем и красивая!

– Совсем без надзора жены умом тронулся! – язвительно рассмеялся Зорган. – Вот вернемся, расскажу Бине, как ты за всеми встречаемыми девками приударял!

– Врешь, не за всеми! – справедливо обиделся наш летописец. – Но подумайте сами, какое же это чудо – встретить в царстве мертвых беспомощную, беззащитную, живую девушку!

– Поменьше бы ты полагался на местные чудеса! – критически скривилась Кайра, не привыкшая доверять никому, кроме собственной интуиции и любимой рапиры. – С чего ты взял, будто она беззащитная?

– И живая? – хихикнул дракон, высунувшийся из кармана куртки Зоргана.

– И красивая? – высокомерно фыркнула Витка.

– И безвредная... – протянула я, многозначительно переглянувшись с насторожившимся эмпиром. Похоже, нас посетила одна и та же догадка, и нам очень не хотелось, чтобы она оказалась верной.

– Это не я с ума сошел, а все вы! – обиженно выкрикнул Бальдур, уязвленный нашими намеками. – Во всех видите врагов, каждого готовы убить...

– А что, отличная идея, – перебил его Зорган. – Сначала убьем ее, а потом разберемся – кто такая и зачем тут разлеглась!

– Идиоты!... – обреченно простонал орк, хватаясь руками за голову и садясь в пепел. – Толпа озверевших, одичавших идиотов. С кем я связался?!

– Помолчи! – вдруг резко перебила его Лиззи. – Кем бы ни оказалась та девушка, но не советую соваться к ней с разговорами.

– Почему? – удивился орк, отнимая руки от лица.

– Магией от нее тянет, – пояснила наша волшебница, – непонятной, но точно нехорошей.

– Пойду разведу, кто она такая, – решила я и покопалась в сумке, проделав несколько совершенно непонятных для моих друзей манипуляций. – А вы тут обождите, в сторонке. И чего бы там между мной и этой девицей ни случилось, к нам – ни ногой... Ясно?

– Опять одна? – возмутился Зорган. – Не пущу... А то мы все время так по этому острову ходим: то я позади, то ты впереди. – Эта фраза должна была сойти за шутку, но никто даже не улыбнулся, ибо правда имеет мало общего с юмором.

– Пусть идет! – вдруг мрачно буркнул Слепой стрелок. – Без нас. Уж если она сумела Харону мозги запудрить, то эту девицу точно уделает как боги черепаху. А вам к ней лучше не приближаться, не выживете, сердцем чую.

– Молодец! – Я благодарно похлопала его по плечу. – Спасибо. Остаешься за главного, и смотри... хм, извини, бди, чтобы никто к дереву не совался.

– Не за что! – язвительно хмыкнул слепец. – Если ты раньше времени помереть желаешь, то я тебе мешать не стану.

– Договорились! – понимающе улыбнулась я и, вынув из ножен сабли, начала осторожно подкрадываться к беззаботно спящей под деревом девице...

Пепел предательски поскрипывал под сапогами, но идти не мешал. Солнечный свет расплывался в слепящие круги, радугой играл между ветвями мертвого дерева. Уютно пристроившаяся под ним девушка не шевелилась, очевидно ничуть не озабоченная проблемой собственной безопасности. И как-то слишком нарочито все это выглядело, излишне постановочно и пасторально, чтобы поверить в неподдельность всего происходящего. Солнце, дерево, разомлевшая на жаре красавица... Нет, я напрочь отказывалась поверить в искренность ее намерений, подозревая, что нарвалась на умелую, вдумчиво расставленную ловушку. Так оно и оказалось!

До дерева оставалось не более пяти шагов, когда девица – словно почуяв мое приближение – внезапно откинула прикрывающий ее плащ и села... Длинные волосы, заплетенные в десятки толстых кос, образовали темное пятно на пепле вокруг своей хозяйки. Я пристально рассматривала незнакомку, любясь ее почти прозрачным, бескровным худощавым личиком, ослепительно контрастирующим с черными косами, тонкими бледными губами и сиреневым хитомом под кожаным плащом. На ногах красавица носила легкие сандалии, узкую талию перетягивал золоченый пояс. Глаза девушки по-прежнему оставались закрытыми, словно красавица не спешила вырываться из объятий сна...

– Кто ты и зачем сюда пожаловала? – спросила она неожиданно низким и звучным голосом.

– Я паломница, прибывшая на Ледницу в поисках своей судьбы! – привычно ответила я, подивившись странной манере девушки – вести беседу не открывая глаз.

– Значит, добро пожаловать! – приветливо мурлыкнула незнакомка. – Скажи, не желаешь ли ты обрести вечное спокойствие, навсегда остаться молодой и красивой?

– Кто же не желает подобного счастья? – усмехнулась я, поудобнее обхватывая пальцами рукоятку сабель. – По сути с этой целью мы все сюда и стремимся...

– Тогда радуйся, ибо ты обрела искомое! – ликующе закричала девушка и открыла глаза...

В следующий миг я ощутила волну нестерпимого жара, ударившую мне в грудь и отбросившую на несколько шагов назад. Выронив сабли и неловко распластавшись на спине, я шокированно наблюдала за ужасной метаморфозой, произошедшей с томной красавицей. Личико девушки вытянулось и исказилось, превратившись в уродливую морду. В разверстой пасти виднелись огромные клыки, ногти стали кривыми когтями, косы зашевелились, обернувшись шипящими змеями. Но страшнее всего были ее глаза! Два омута синего пламени, льющегося непрерывным потоком и уничтожающего все вокруг. Пепел под моими руками плавился, превращаясь то ли в камень, то ли в стекло. Трещала затвердевшая куртка, и корбились задубевшие сапоги. Однако, хоть и изнемогая от жара обращенного на меня пламени, я все равно осталась жива и здорова...

– Горгона Медуза! – гневно вскричала я, приходя в себя, вскакивая на ноги и поднимая сабли. – Убийца, обманом приманивающая своих жертв! Скольких же людей ты погубила?!

– Сотни и тысячи! – самодовольно рассмеялась Медуза. – Однако еще никогда я не встречала подобных тебе. Скажи, почему на тебя не действует сила моего взгляда? Неужели ты обладаешь каким-то неведомым мне секретом?

– Просто одна стерва нарвалась на вторую, более сильную стерву, вот и весь секрет! – не осталась в долгу я. – И знаешь, дорогая, я больше не позволю тебе убивать ни в чем не повинных людей, губить их из какой-то твоей глупой прихоти...

– Не бывает безвинных! – заорала Медуза и, расправив плащ, оказавшийся огромными крыльями, взмыла ввысь. – На наш остров безвинные не приходят! – С бешеной скоростью она устремилась ко мне, выставив вперед кривые когти.

– Пусть так. – Я не отступила, и атака твари захлебнулась, ибо ее лапы встретились с моими клинками, и на пепел посыпались обрубки черных когтей. – Но подобной участи они не заслуживают. Ты уже никого не превратишь в статуи...

– Сдохни! – визжала Медуза, вновь пикируя на меня.

Я дождалась мгновения, когда она очутилась совсем близко, а потом резко отпрянула в сторону, уходя с линии ее виража. Бойцом горгона оказалась неважным, видимо, всегда излишне надеялась на колдовскую силу своего взгляда, не причиняющего мне ни малейшего ущерба. Не уследив за мой маневром, она со всего маху врезалась в ствол дерева и рухнула на землю. Одним прыжком я вскочила на ее беспомощно распростертое тело, придавив противницу своим весом. В несколько ударов обрубила разевающих пасти змей и схватила Медузу за горло...

– Древнее пророчество, – придушенно засипела та, – вспомни древнее пророчество!

– Какое? – нахмурилась я, не ослабляя хватки.

– Тот, кто меня убьет, станет преемником моего проклятия, – шептала Медуза. – Он превратится в источник бед для самого себя и для своих близких. Он будет вынужден убивать людей точно так же, как и я!

– Еще только этого мне не хватало! – потрясенно ахнула я, разжимая пальцы. – Напекаешь, я должна тебя пощадить?

На тонких губах Медузы появилась злорадная улыбка.

– Выбор за тобой, – усмехнулась она. – Но поверь, моя жизнь – намного хуже смерти. И врагу такой не пожелаю...

«Не слушай ее! – неожиданно шепнули мне в ухо, и я узнала голос Злючки. – Проклятия над тобой не властны, ибо свою судьбу ты творишь сама. Убей Медузу!..»

– Я тоже так считаю! – вслух ответила я и одним ударом снесла горгоне голову.

Потом поднялась, тронула ногой мертвое тело, никак не отреагировавшее на такую проверку, и отряхнула пепел с колен. Немного подумала, раскрыла брошенную на землю дорожную сумку и подобрала отрубленную голову убиенной мною твари. Посмотрела на ее бледное лицо, закрытые глаза и... сунула свой трофей в сумку, крепко зашнуровав оную. Вскинула груз на плечо и отправилась обратно...

– Я думала, она тебя убьет! – громко причитала Витка, нервно косясь на сумку с останками Медузы. – Когда взлетела над деревом. Со стороны это выглядело просто кошмарно!..

– Отличный удар! – восхищалась Кайра. – Пожалуй, я бы так не смогла – голову с плеч одним ударом...

– Слушай, а почему на тебя не подействовал ее взгляд? – подрагивающим от пережитого волнения голосом спросил Зорган. – Когда она на тебя уставилась, я думал – все, тебе конец. Сам чуть от ужаса и горя не умер. Хотел бежать к тебе на помощь, но Бальдур и Тай меня удержали...

– И правильно сделали, спасли тебе жизнь! – сообщила я, извлекая из кармана пустой флакончик и вкладывая его в ладонь эмпиря. – Помнишь слезы волшебника Айзатара из земли Таналоа? В его письме говорилось, будто они способны уберечь не только от слепоты,

но и от другой, куда большей беды. Я решила проверить их в деле, но у меня оставались всего лишь две последние капли... На тебя бы не хватило... Поэтому я и отправилась к дереву одна!

А на следующем привале Зорган взбунтовался...

– Хватит, – эмоционально заявил эмпир, кругами расхаживая подле меня, спокойно сидящей на земле, – натерпелись женской диктатуры. Наелись досыта. Никогда не считал себя поклонником матриархата. – Черные глаза любимого испытующе зыркнули на меня, но я хранила невозмутимое молчание. – Блин, мужчина я или нет?

– Нас спрашиваешь? – лениво вякнул дракон, растянувшийся у меня на коленях, с высунутым от жары языком и по-лягушачьи распластанными лапами. – Так мы ведь не проверяли...

– Молчи, кузнечик, пришибу! – взорвался эмпир.

– Маленьких все обидеть норовят! – демонстративно вздохнул дракон, покровительственно обнимая жмущихся к нему крысу и паучиху. – Не бойтесь, девочки, у дяденьки эмпиря просто приступ неврастения случился. От жары и нереализованной мании величия...

– И правда жарко тут, как в пекле... – простонал принц Тай, плюхаясь на живот и пытаясь укрыться в крохотной тени, отбрасываемой воткнутой в пепел гитарой.

– Почему «как»?.. – удивился слепой. – А мы, по-твоему, где сейчас находимся?

– Поняли, с жарой придется смириться. – Дракон уныло прикрыл глаза и пустил из пасти струйку слюны, проделав оное настолько комично, что я не удержалась и прыснула со смеху. – Остается мания величия... Тоже потерпим или как?

– Или как! – гневно отрезал Зорган, подхватил свою рапиру и размахисто зашагал прочь...

– И куда это он намылился? – не понял размякший от жары дракон.

– Бороться с манией величия! – не оборачиваясь и не сбавляя шагу, выкрикнул виконт. – Я не подкаблучник. Я подвигов хочу, славы и почестей. Короче, я – на разведку!

– Синдром непризнанного героя ни к чему хорошему не приводит, – осуждающе покачал головой Трей. – Рогнеда, умоляю, останови его, пока не поздно. А то ведь накосячит опять, а тебе снова придется расхлебывать заваренную им кашу!

– Скорее всего, – спокойно согласилась я. – Но что поделаешь, если даже самые умные и смелые из нас предпочитают учиться на собственных ошибках.

– Лишь бы не на фатальных... – мрачно буркнул слепой, и на душе у меня стало беспокойно...

К несчастью, Зорган слишком быстро передвигался по пепельной пустыне, и нам никак не удавалось его догнать. И разглядеть тоже, ибо глаза болели и слезились, раздраженные диким сочетанием двух неизменно присутствующих в этом мире цветов – белого и серого. Выдохшись и тяжело дыша, мы просто придерживались цепочки следов, ведущей нас к недостижимой линии горизонта. Туда, где дрожащее марево раскаленного воздуха незаметно перетекало в расплывчатую пелену солнечного света. И казалось, будто этот мертвый мир не имеет ни границ, ни пределов...

– Сдурел мужик! – осуждающе бормотал Тай. – Такой бешеный темп взял, так недолго и дышалку себе сорвать...

– Чего не сделаешь ради восхищения любимой! – философски изрек Трей, вольготно развалившийся у меня на плечах. – Любовь и голод движут миром.

– Насчет голода ты прав, – поддакнул Бальдур. – Еще день-два, и нам придется обглаживать голову Медузы, припрятанную у Рогнеды в сумке...

– Фу, – дружно скривились Витка и Кайра, – прекрати. А то нас сейчас стошнит...

– А я тут вовсе и ни при чем, – развел руками орк. – Кто виноват, если в этой треклятой пустыне даже обглоданной кости не найдешь...

Я хотела встрять в их завлекательную беседу, но не успела, ибо до моего слуха внезапно донеслись чьи-то громкие крики.

– Зорган! – мгновенно опознал принц, благодаря своей музыкальности способный безошибочно отличить шорох песка от шепота ветра.

– И это крик боли... – поняла я, бесцеремонно скинула вяло шлепнувшегося в пепел дракона и помчалась вперед...

Еще несколько десятков шагов, и моим полуослепшим глазам открылось жуткое зрелище. Истекающий кровью Зорган корчился на земле, обеими руками держась за рассеченную грудь, а возле него толпилось несколько скелетов, вооруженных мечами, копьями и палицами. Совершенно голых, лишенных плоти скелетов, прикрывающихся щитами, в шлемах, напаянных прямо на черепа! Хотелось бы поверить, что зрение подвело меня окончательно, но, увы, – оное фантазмагорическое зрелище оказалось правдой!

– Ого, – почти обрадованно хмыкнул догнавший меня Бальдур, – а вот и кости!

Но у меня не нашлось времени, дабы ответить на его дурацкую шуточку. Я пихнула под ребра первого попавшегося на пути скелета, пнула по лодыжке второго, кулаком заехала в челюсть третьему – разорвала их строй и упала на колени подле Зоргана, ладонью приподняв его голову.

– Не смей, – то ли приказала, то ли прорыдала я, – не смей умирать! Иначе я найду королеву Смерть и учиню ей дикий скандал!

– Это ты можешь! – На бледных губах эмпиря появилось слабое подобие обычной улыбки. – Прости, что создал тебе столько проблем... Какой же я дурак...

– Эй, братва, – неожиданно проскрежетало у меня над плечом, – надеюсь, насчет скандала она пошутила?

Я подняла глаза и встретила взглядом с красными угольями, пылающими в глазницах ближайшего скелета.

– Нет, Мосол, не пошутила! – ответил за меня другой костяной воин. – Поостерегись ее злить, ибо она – госпожа демонесса!

– Ого! – глубокомысленно присвистнул Мосол.

– Ага! – хором повторило все мертвячье войско.

И тут меня прорвало.

– Как вы посмели на него напасть?! – заорала я. – На моего мужчину!

– Предупреждать надо! – строптиво буркнул Мосол.

– На нем ведь не написано, что он – твой! – более вежливо ответил другой скелет, в ржавом шлеме, увенчанном кривыми рогами.

– Идиоты! – продолжала бушевать я. – Ходячие экспонаты из музея, отходы крематория. Да я вас в костную муку растолку!

– Эй, Хрящ, – Мосол испуганно вцепился в плечевой сустав товарища, – как думаешь, правда растолчет?

– Запросто! – с видом знатока кивнул Хрящ. – Я же тебе сказал: она – госпожа. На ней благословение Хозяйки!

Мосол покрутил головой, словно к чему-то принюхивался, и издал красноречивый свист.

– Точно, – констатировал он, – сожри меня плесень! И как я сразу этого не почувял?! – Он вежливо склонил передо мной покрытую шлемом голову, и его примеру поспешно последовали все остальные неживые воины.

– Чего – этого? – совсем запуталась я, бережно опуская на землю голову эмпиря, то ли впавшего в бессознательное состояние, то ли готовящегося отдать душу богам. – Прекратите говорить загадками, а иначе я за себя не ручаюсь! – И выразительно потянулась к рукояткам сабель.

– Ой, мамочки, не надо нас убивать! – просительно пискнул низкорослый, subtilный скелетик, вместо меча сжимающий в руке здоровенную рогатку. – Помилуйте нас, госпожа демонесса...

– Не бойся, Свищик, она нас не убьет! – весело щелкнул зубами Хрящ, очевидно не хуже меня понимающий всю нелепость моей угрозы, ибо как можно убить мертвых. – Госпожа – добрая!

– При чем тут добрая, при чем тут госпожа? – визгливо завопила окончательно выведенная из себя я, чувствуя – еще немного и мой мозг откажется нормально функционировать. Честно, тут недолго и в самом деле с ума сойти: Зорган – умирает, солнце – жарит, а подобострастно кланяющиеся мне скелеты – несут откровенную чушь. И вдобавок меня опять причислили к демонам! Зачем, за что?..

– В нашем поведении нет ничего странного! – словно угадав мои мысли, торопливо разъяснил Хрящ. – Ты – демон! А демоны есть высшая раса Нижнего уровня, темная аристократия!

– Я не демон! – возмутилась я.

– Возможно, госпожа, ты пока еще сама не осознаешь свою силу! – принялся дипломатично убеждать меня Мосол. – Но придет время, ты прозреешь, и все тайное станет явным.

– Спасибо за пожелание, – криво улыбнулась я. – В гробу видала такое прозрение!

– Ну зачем же сразу в гроб? – хохотнул Мосол. – Достаточно спуститься на Нижний уровень и...

– Заманчивое предложение, но лучше я воздержусь, – быстренько отказалась я. – Никогда не испытывала желания отправиться в столь экзотическое место. И, откровенно говоря, даже понятия не имею, как туда попадают...

– Помочь? – услужливо пискнул Свищик.

– Нет! – почти испуганно дернулась я. – И вообще, откуда столько внимания к моей скромной персоне?

– Ты общалась с нашей Хозяйкой, получила ее благословение и носишь на себе дарованную ею вещь. Поэтому ты наша госпожа, и мы должны тебе повиноваться... – коротко отрапортовал Хрящ.

– Тогда нечего было на Зоргана нападать! – печально напомнила я.

– Задиристый шибко, – гневно клацнул челюстями Мосол, – сам первый на нас наскочил, с криком «Всех победю!».

– И что теперь делать? – по-детски хныкнула я. – Он ведь умрет...

– Вещь, принадлежащая Хозяйке, излечивает любые раны! – радостно подсказал Свищик. – Его жизнь в твоих руках.

Несколько мгновений я пыталась понять, о чем он говорит, а потом озаренно хлопнула себя по лбу, вытащила из сумки платок, оставленный мне старухой с пирожками, и крепко перебинтовала им разрубленную грудь Зоргана. К моему величайшему изумлению, трупная синева тут же сошла с губ эмпира, он перевернулся на бок, сунул под щеку ладонь и... громко захрапел!

– Слава богам! – облегченно вздохнула я, убедившись – эмфир не умрет. Во всяком случае, не сейчас. – Спасибо за подсказку. Чем еще порадуете?

– Приказывай, – по-военному щелкнул костями щиколоток Мосол, дисциплинированно вытягиваясь передо мной «во фронт», словно перед своим главнокомандующим. – Выполним все, чего пожелаешь, госпожа демонесса!

– Заманчиво, – устало улыбнулась я, уже не обращая внимания на это буквально навязшее в зубах ненавистное обращение. – А вы случайно не подскажете, как можно победить гидр и попасть в Храм Смерти?

– Никак, – печально покачал черепом Хрящ. – Еще никому и никогда не удавалось справиться с гидрами, ибо они не ведают жалости и сострадания, неподкупны, свирепы и лишены эмоций. Хотя при всем этом весьма хитры и умны. А потому не связывайся с ними, госпожа, не губи себя!

– Веселенькая перспектива!.. – задумчиво протянула я. – Получается, братцы, ваша помощь мне пока без надобности...

– Хорошо, как пожелаешь, – кивнул Хрящ, – мы подождем. Уверен, рано или поздно ты о нас вспомнишь. – Он покопался у себя в спине и протянул мне отлично отполированный позвонок. – Не откажи в милости, демонесса, прими наш дар. А если тебе когда-нибудь понадобится наша помощь, просто надень его на палец, и мы явимся в тот же миг. Естественно, если ты будешь находиться на Нижнем уровне...

– Вот заладил, уровень да уровень, – рассердилась я. – Зачем мне туда, к кому?

– К главному демону в гости, – обрадованно запрыгал вокруг меня малолетний балбес Свищик. – Он знаешь какой красивый! И веселый, и бессмертный, ибо смерть его скрыта в игле, игла – в яйце, яйцо – в утке, утка – в зайце, а заяц...

– А заяц в шоке! – внезапно подсказал знакомый голос.

Я уронила подарок Хряща и изумленно обернулась...

Абсолютно живой и здоровый Зорган расслабленно сидел на песке и с удовольствием наблюдал за разыгрывающейся перед ним сценой.

– Нет, а чего? – многозначительно приподнял брови он. – Зайца тоже понять можно! Вот если бы в меня утку засунули, я бы не только в шок впал, но и копыта сразу же отбросил!

– Не вздумай! – почти закричала я. – Не вздумай умирать, хватит и одной попытки.

– Ладно, ладно. – Эмпир успокаивающе поднял руки в красноречивом жесте «сдаюсь».

– Уговорила: утка – отменяется! Живем дальше.

Я осторожно размотала импровизированную повязку, охватывающую грудь виконта, и потрясенно присвистнула. От огромной рубленой раны не осталось практически ничего, только тоненький как ниточка белый шрам на смуглой коже. А на самом платке не обнаружилось ни капли крови. В общем, расскажи кому о подобном чуде – точно не поверят!

– Невероятно! – бормотала я, сворачивая драгоценный платок и запихивая его обратно в сумку, авось еще пригодится. – Хрящ, скажи, ты с таким уже сталкивался?

Но ответом мне стала тишина. Я подняла взгляд, досадуя на молчание собеседника, но подле меня уже никого не было. Мы с Зорганом оказались здесь одни, конечно, если не считать жары, песка и всепроникающего солнечного света. Да еще подаренного скелетом позвонка, валяющегося на земле. Я подобрала косточку и заботливо убрала в карман. А вдруг и вправду пригодится? И пусть не собираюсь я спускаться на Нижний уровень, но уже ни от чего не зарекаюсь, ибо кто знает, куда еще заведут нас неисповедимые пути судьбы?

– Расхлебала? – обрадовался дракон, после того как мы с Зорганом вернулись к остальным членам отряда.

– Живой? – удивился Слепой стрелок, прислушиваясь к нашей тяжелой поступи. – Ну надо же, опять этого придурка то ли смерть помиловала, то ли женщина выручила...

– Смерть – тоже баба! – язвительно уточнила Кайра, пожимая руку эмпиру, что со стороны выглядело как поздравление везунчику, в очередной раз вернувшемуся с того света.

– Да никак вы подружились? – изумленно прищурился Бальдур. – Глазам своим не верю...

– Ничего подобного, но наконец-то я встретила личность, превзошедшую меня умением влипнуть в неприятности, – с коротким смешком пояснила мечница. – На его фоне я выгляжу почти нормальной! – Она саркастично кивнула эмпиру и первой зашагала дальше, следуя нашим прежним маршрутом – просто идти туда, куда приведут ноги.

– Разумное решение, – пробурчал вечно чем-то недовольный слепец и отправился следом.

Так мы и шли... Вздывая клубы пыли и пепла, закрыв рты и носы обрывками собственных рубаш, прикрывая сторевшие лбы и полуослепшие глаза капюшонами плащей. Изредка прикладывались к полупустым флягам, строго экономя воду, ибо пополнения все истощающихся запасов не предвиделось. Впереди нам не светило ничего хорошего, поэтому настроение у всех упало практически до нуля. Окружающая нас пепельная пустыня выглядела бесконечной, и мы отлично понимали, что если судьба не побалуует нас очередным

подарком или подачкой (это смотря как относиться к ее ежедневным выкрутасам), то нам не избежать гибели. Умирать же в каком-то конкретном месте казалось глупой и неинтересной затеей, поэтому мы просто шли и шли, пока еще оставалась вода во флягах и сила в мышцах. Сдаваться мы не собирались, да и умирать никому не хотелось, а посему, не сговариваясь и словно соревнуясь в упрямстве, мы иногда поглядывали друг на друга, будто гадая – кто же выдохнется первым и упадет на землю. Признается в бессилии и проигрыше. Но таковых пока не находилось...

– Боишься? – спросил у меня Зорган, и его голос прозвучал невнятно, приглушенный закрывающей рот материей.

Я лишь философски пожала плечами, намекая: ничего не бояться лишь дураки и мертвые. Кстати, здесь предостаточно и первых – в нашем лице, и вторых... Поэтому ответ на его вопрос очевиден.

– Отступать нам некуда, да и поздно, – сказал вместо меня слепой, шедший на несколько шагов позади нас, но как обычно не пропускающий ни слова и ни звука. – Повернем обратно – погибнем от жажды и голода. Продолжим путь – список возможных причин нашей грядущей гибели обязательно расширится, но итог все равно останется прежним...

– Пессимист! – упрекнула его Кайра.

– Скорее реалист! – поправил ее Стрелок. – Ты не желаешь признавать очевидных фактов, девушка. Это признак либо глупости, либо храбрости, что чаще всего является противоположными сторонами одной медали.

– В смысле? – заинтересовался Бальдур, любопытный как кошка. – Подразумеваешь, что настоящая смелость редко обходится без глупости?

– Смелым помогает сама судьба, – упрямо набычилась мечница, уязвленная насмешками слепого, – а глупых она не любит.

– Нет, не так, – развеселился Стрелок. – Смелому дураку подвластно многое, а умному трусу – ничего. Поэтому смелого дурака даже смерть боится настолько, что убивает только в порядке самообороны...

Последняя произнесенная им фраза показалась нам настолько забавной, что мы дружно захохотали, а потом не менее дружно закашлялись, сбив свои повязки и наглотавшись пепла.

– Оригинально звучит, но здоровое зерно в твоих рассуждениях все-таки имеется, – подытожила я, ибо доводы слепца произвели на меня огромное впечатление. Уж если даже самый слабый и обездоленный из нас не страшится смерти, так пристало ли бояться ее нам – крепким и здоровым? – А посему предлагаю не отступать и не сдаваться, уповая на то, что в подобном случае отступить придется нашим противникам, кем бы они ни были!

– Договорились, – улыбнулся Зорган. – К тому же близится вечер, жара спадает, а солнце клонится к закату. И возможно, если мы пережили этот страшный день, то дальше нам придется легче...

– Ага, надейся! – криво ухмыльнулся слепой, пиная какой-то предмет, подвернувшийся ему под ногу. – Они вот тоже надеялись...

– Кто? – не понял принц Тай.

– Имен назвать не могу, – язвительно хмыкнул Стрелок, – но, судя по останкам, среди них были люди, эльфы, орки и даже драконы...

Принц вздрогнул и витиевато выругался, признавая правоту слепца, ибо, увлекшись беседой, мы забрели на огромное поле, густо усеянное костями, выбеленными ветром и временем.

– Кто же их убил? – спросила Кайра, наклоняясь, дабы рассмотреть оные весьма красноречивые свидетельства чьего-то злодеяния. – Хм... многие из костей раздроблены и разломаны. И при всем своем опыте я не представляю оружия, способного нанести подобные травмы...

– Зубы! – подсказал слепой. – Эти раны нанесены зубами гидр, охраняющих вход в Храм Смерти. Мне уже приходилось бывать в здешних местах, я их помню. Мы попали на

Поле костей, в преддверии святилища главной Хозяйки всего царства мертвых...

– Но где же тогда сам вход в храм?! – нетерпеливо вскричала я, озираясь по сторонам. – Ничего не вижу!..

– Не суетись и смотри внимательнее, ибо все тут происходит по воле богов. Если будет на это их милость, то ты его сразу же узришь, – посоветовал слепой, простирая вперед указующе вытянутую руку. – Ну, разве я не прав? Скажи, теперь-то ты его увидела?

Глава 9

И правда, словно по какому-то приказу свыше, яркий солнечный свет моментально сменился на приглушенный вечерний сумрак, пыль и прах, витающие в воздухе, улеглись на землю – и нашим изумленным взорам явилось воистину грандиозное зрелище. Посреди поля высилась огромная полукруглая арка, сложенная из серых гранитных глыб. Больше на поле не было ничего – ни стен, ни каких-либо зданий или сооружений, просто одна-единственная подковообразная арка высотой в сотню человеческих ростов, величественная в своей тривиальности и безыскусности.

Потрясенная и очарованная, я подошла к входу в храм, намереваясь проникнуть внутрь. Но едва я прикоснулась к черному мерцанию, разлитому между внутренними краями арки, как ощутила сначала болезненное покалывание в кончиках пальцев, а затем – сильный удар, отбросивший меня на пару шагов назад...

– Эх, если бы все было так просто! – укоризненно ворчал слепец, помогая мне подняться. – Без разрешения гидр мы не сумеем пройти сквозь арку. Придется нам ждать их появления...

– И когда гидры соизволят пожаловать сюда? – Я с кряхтением потирала ушибленную спину.

– Скоро. Вот почуют запах свежего мяса и прибегут со всех ног, – «утешил» меня слепой. – Хотя ног у них нет, но передвигаются они с весьма большой скоростью. К тому же гидры всегда голодны. Сама скоро все узнаешь... – Он недобро усмехнулся и уселся на землю. – Предлагаю устроиться со всем возможным комфортом и хорошенько выспаться, ведь это наш последний ночлег перед смертью... – откровенно сообщил он, начиная расстилать свой плащ. – Тихой нам ночи! – После чего преспокойно улегся на бок и демонстративно засопел...

– Здорово! – восхищенно рассмеялся Зорган. – Вот это выдержка! Предлагаю для начала осмотреться, а затем последовать примеру нашего морально устойчивого друга.

Так мы и поступили...

К нашему величайшему изумлению, справа от арки протекал небольшой ручеек, в котором даже водилась какая-то странная живность.

– Соленая, – с разочарованием констатировал Бальдур, попробовав воду из ручья, – для питья не пригодна. А такую жуткую рыбку лично я не рискнул бы съесть! – Он пальцем указал на плещущуюся в ручье уродину – пучеглазую, зубастую, покрытую длинными шипами. – Думаю, она и сама не прочь нами подзакусить.

Мы поспешно отошли от необычного ручья и продолжили свои исследования, но больше на Поле костей не обнаружилось ничего интересного. Поэтому мы опустошили свои фляги и улеглись спать на голодный желудок, рассудив, что утро вечера мудренее, а ночи здесь короткие. Вот и правильнее будет не тратить время попусту, а использовать эту ночь по прямому назначению, даже если ей суждено стать последней в нашей жизни...

Я проснулась оттого, что кто-то бесцеремонно гладил меня по лицу холодными мокрыми пальцами. Причем пахло от этих пальцев тухлой, недавно потрошенной рыбой. Ничего не скажешь, приятненькое пробуждение! Во-первых, я уже со счета сбилась, пытаюсь припомнить, сколько раз за все время пребывания на острове богов меня будили столь же невежливо, а во-вторых, грязными пальцами по лицу – это уже чересчур!.. Я только

собралась открыть глаза и предметно разобраться с оной хамской личностью, как внезапно услышала ее голос и передумала...

– Как думаешь, чего могло понадобиться демонице на нашей территории? – Красивый грудной, богатый интонациями контральто¹ без сомнения принадлежал женщине.

– Шпионка? – ответили ей, причем второй собеседник тоже оказался женщиной.

– Сомневаюсь... – задумчиво протянула первая. – Чужие здесь не ходят. А демоны хоть и не относятся к числу наших врагов, но и особой симпатии к нам не испытывают. К тому же они не настолько глупы, чтобы без предупреждения соваться к храму...

– Точно! – поддакнула вторая женщина. – Может, она просто заблудилась?

– А не проще ли спросить у меня, чем спорить да гадать? – сердито произнесла я, распахнула глаза и... так и осталась лежать на земле, ибо из-за открывшегося мне зрелища временно лишилась дара речи и утратила способность двигаться.

А все потому, что надо мной, переговариваясь красивыми женскими голосами, нависли две самые ужасные твари на свете! Их змеиные хвосты гигантской величины переходили в толстые туловища и далее разветвлялись подобно кронам деревьев, оканчиваясь шестью головами на длинных шеях. Прямо из тел чудовищ вырастали тонкие, длинные щупальца, с которых капала какая-то вязкая жидкость. Первая тварь обладала зелено-болотным окрасом, вторая – блекло-коричневым. Из зубастых пастей высовывались длинные языки, принятые мною за мокрые пальцы. Двадцать четыре пары разноцветных глаз взирали на меня с откровенным любопытством...

– Э-э-э, доброе утро! – неуверенно проблеяла я, садясь и вновь обретая способность внятно излагать свои мысли. – А вы кто такие?

– Гидры! – спокойно представилась зеленая. – Я – Эмма!

– А я – Энни! – игриво щелкнула клыками коричневая.

– Очень приятно познакомиться. Я – Рогнеда! – не осталась в долгу я, едва сдерживаясь от того, чтобы не хлопнуться в обморок. – А почему мои друзья не просыпаются? Или вы их убили?

– Пока еще нет, – приблизив одну из голов к моему уху, доверительно сообщила Эмма. – Но собираемся. А сейчас мы просто наложили на них заклятие крепкого сна, дабы они не мешали нам говорить с тобой. Все равно ты у них главная.

– А без убивания – никак? – робко спросила я.

– Извини, дорогуша, регламент, инструкции и все такое, – почти виновато вздохнула Энни. – Мы же тут на службе. В общем, все это неинтересно и сложно, тебе не понять.

– А я и не претендую, – сговорчиво улыбнулась я. – Куда уж мне до таких умных и красивых женщин, как вы!

– Красивых? – удивилась Эмма и смущенно захлопала двенадцатью комплектами пушистых ресниц. – Правда? Нам еще никто и никогда комплиментов не делал...

– И зря! – совершенно искренне посочувствовала я. – Шкура у вас – чешуйка к чешуйке, шеи – лебединые, глаза – огромные, зубы – белоснежные! – При этом я тактично умолчала о том, что из-за этих зубов нестерпимо разило тухлой рыбой, посчитав оную деталь несущественной.

– Вау! – восхитилась Энни, изгибая все шеи и пытаясь оглядеть себя одновременно со всех сторон сразу. – Спасибо!

– Пожалуйста! – пожала плечами я. – Я всегда говорю правду, и только правду.

– Вот это и печально, – шумно вздохнула Эмма. – Ибо мы тоже ответим тебе правдой: девушка, нам придется тебя убить...

– За что? – искренне удивилась я. – Я ведь не сделала вам ничего плохого, и к тому же я – демон!

– Не важно, регламент для всех один! – печально кашлянула Энни. – Мы охраняем вход в Храм Смерти. И всех, кто попытается в него проникнуть, убиваем. Впрочем, тебе мы

¹ **Контральто** – самый низкий женский голос, глубокого грудного бархатистого тембра.

готовы сделать одолжение – уходи отсюда, и будем считать, что тебя здесь не было.

– Спасибо, но не получится, – отказалась я, – мне обязательно нужно попасть в храм!

– Три монеты! – потребовали сестры. – Именно столько стоит безопасный проход.

– У меня только две, – честно призналась я. – Значит, я пройду туда бесплатно!

– Вот упрямица! – возмущенно заворчала Энни. – Соглашайся на наше условие. Мы готовы тебе жизнь подарить, а ведь можем и убить...

– Я тоже могу вас убить! – нахально заявила я, достала из кармана два наконечника для стрел – Когти Хаоса, первый принадлежал Стрелку, а второй я нашла в шкатулке матери, – и предъявила их гидрам...

Сказать, что твари онемели от изумления, значит не сказать ничего. На всех их двенадцати мордах нарисовалось такое изумление, подобного которому я не видывала никогда в жизни!

– Ну и дела! – ахнула Энни через несколько минут, еле справившись с обуревающими ее эмоциями. – Выходит, наши силы практически равны, ибо убить нас способен лишь избранный воин, обладающий именно этим оружием!

– А я не хочу вас убивать! – продолжила проявлять нелогичность я, убирая наконечники обратно в карман. – Вы редкие, красивые и умные существа, к тому же – приятные собеседницы. Без вас этот мир станет намного хуже и скучнее. Я не хочу вас убивать!

Гидры выслушали мое заявление и шокированно переглянулись.

– Сестра, мы не можем ее убить! – эмоционально вскричала Энни. – Она так похожа на нас.

– Да, – согласно закивала Эмма. – Но как же нам поступить?... Предлагаешь открыто нарушить регламент?

– Стойте, не нужно ничего нарушать, – вмешалась я. – Слышала как-то одно древнее предание, в котором говорилось о том, что человек, сумевший разгадать три загадки гидр, получает право пройти в храм...

– А-а-а, первый вариант инструкции, – усмехнулась Эмма. – Существует такой, подтверждаю. Потом его переработали, а исходный вариант забыли отменить...

– Значит, он действует до сих пор? – обрадовалась я.

– Да, – без энтузиазма подтвердила Энни. – К несчастью, в нем имеется и другой, весьма неприятный для нас пункт...

– Какой? – насторожилась я.

– Ты тоже должна загадать нам три загадки. И если мы не ответим хотя бы на одну из них, тебе разрешается нас убить, – через силу пробурчала Эмма.

– Вы меня боитесь? – не поверила я.

– Конечно нет! – гордо вскинули головы обе гидры. – Но ты настолько необычная и непредсказуемая девушка... Мы опасаемся...

– А я думала – вы смелые! – наигранно вздохнула я, вспомнив недавние изречения Слепого стрелка.

– Смелые! – наперебой закричали гидры. – Ты сомневаешься в нас?

– Сомневаюсь! – провокационно хихикнула я, убедившись: смелость и глупость в самом деле ходят рука об руку.

– И зря! – обиженно надулась Энни.

– Мы тебе докажем! – хвастливо пообещала Эмма. – Мы принимаем твое условие: три загадки в обмен на три загадки.

– Могу задавать любые? – не верилось мне.

– Любые, – коварно ухмыльнулась Эмма. – Все равно в этом мире нет ничего такого, о чем бы мы не знали. Поэтому полет твоей фантазии ничем не ограничен. Но учти, если победим мы – то съедим и тебя, и всех твоих друзей.

– А если победа окажется на моей стороне? – деловито спросила я, переживая, вдруг они сейчас передумают и откажутся.

– Тогда вы пройдете в храм! – пообещала Энни.
– И ты получишь право нас убить, – сгоряча выдала Эмма. – Клянусь, мы не станем сопротивляться.
– А если наш интеллектуальный поединок закончится ничьей? – предположила я.
– Это исключено! – Щупальца Эммы сплелись в гневный клубок. – Никто не сможет сравниться с нами в мудрости и хитрости. А тем более – превзойти!
– И все-таки?.. – не отступала я.
– В случае ничьей разойдемся полюбовно, – любезно заулыбалась во все пасти Энни. – Типа, мы тебя и видывать не видывали, и ты тут ни при чем – случайно мимо проходила.
– По рукам! – согласилась я. – Жду вашу первую загадку.
– Да пожалуйста, – дружно хихикнули обе сестрицы. – Завтра, в это же время, ты должна выйти сухой из воды!
И, не дожидаясь моего ответа, гидры шагнули во тьму, мерцающую внутри арки, где тотчас растворились без следа...

Вечером мы дружным кружком уселись возле арки и принялись горячо обсуждать придуманный мною план.

– Считаешь, они клюнут на твою уловку? – спрашивал Зорган, с сомнением заглядывая в котелок, содержимому коего мы посвятили большую часть дня.

– Иначе мне не выкрутиться! – пояснила я. – Ты ведь не хочешь умирать?

– Конечно, не хочу, – неоригинально ответил эмпир. – Но твоя задумка не внушает мне доверия...

– А я верю в Рогнеду! – перебил виконта Слепой стрелок, который занимался тем, что прикреплял Когти Хаоса к стрелам, подаренным нам воительницей Биче. – Еще никогда и никому не удавалось даже вступить в беседу с гидрами, а уж заключить с ними соглашение – тем более. Поэтому план княжны просто обязан сработать!

– Слишком уж он необычный! – продолжал упорствовать в скептицизме Зорган. – Я тоже верю в находчивость и смелость Рогнеды, но, по-моему, она пытается обмануть судьбу...

– Невозможно обмануть судьбу, – покачала головой я, – но с ней можно попробовать договориться. Именно этого я и добиваюсь. Сами увидите, – тут я невесело усмехнулась, – если у меня все получится и мы останемся живы.

– Получится! – Слепец протянул руку и подбадривающе похлопал меня по плечу. – Ты их победишь, поэтому я и готовлю стрелы. Много лет я мечтал об этом моменте, когда снова встречу гидр и отомщу им за смерть Бригитты. Ну и за себя тоже... – Калека злорадно усмехнулся, указывая на свой страшный шрам. – Ради этого стоило вытерпеть все испытания, выпавшие на мою долю!

– Ответишь злом на зло? – Я критически прищурилась, не одобряя его идею.

– А как же иначе? – удивился Стрелок. – В великих скрижалях нашего народа, высеченных на золотых плитах Храма Розы, записано: око за око, зуб за зуб. Вот я и собираюсь убить гидр, причем выстрелю им прямо в глаз!

– А попадешь ли? – засомневался Бальдур. – Ты же слепой...

– А месть всегда слепа! – хмыкнула я. – Этот точно попадет... – И добавила едва слышно: – Если я предоставлю ему такую возможность! – Эти заключительные слова не разобрал никто, кроме Зоргана, заинтересованно на меня покосившегося, но ничего не сказавшего.

Ночью нам не спалось. С первыми утренними лучами солнца гидры вновь появились из арки, изрядно напугав моих друзей. К счастью, я была готова к встрече с ними.

– Ну, девушка, ты намерена показать нам, как нужно выходить сухой из воды? – громко спросила Эмма, с высоты своего гигантского роста плотоядно поглядывая на моих друзей, испуганно жмущихся друг к другу. – И побыстрее. Не заставляй нас ждать...

– Ибо мы – голодны! – шумно сглотнула Энни и расхохоталась. – Сегодня мы наедемся

досыта!

– Не торопитесь! – не менее нахально заявила я, вброд переходя неглубокий ручей, протекающий возле арки. – Вот ответ на вашу загадку! – И я протянула гидрам котелок, который несла в руке. В котелке булькала бурая жижа...

– Что это? – Обе твари с любопытством склонили головы и принялись к мутному содержимому нашей походной посуды. – Фу, ну и гадко же из него воняет!

– Это уха! – торжественно заявила я. – Так на моей родине называют рыбный суп. Я провозилась полдня, но все-таки сумела выловить из вашего ручья парочку симпатичных рыбок, потом зачерпнула оттуда же водички, а Лиззи разожгла магический огонек и помогла мне сварить из них супчик. Пробовать будете? – Я приглашающим жестом подняла котелок повыше, подставляя его прямо под морды гидр. – Получается, я выполнила ваше первое условие – вышла с ухой из воды!

– М-да... – Энни растерянно почесала шупальцем одну из своих шести голов. – Кажется, ты нас перехитрила!

– Ничего я не хитрила! – наигранно возмутилась я. – Сами же просили – с ухой!

– Ага. – Эмма с отвращением взирала на двух вареных пучеглазых уродцев, плавающих в вонючем бульоне, а потом решительно махнула хвостом и опрокинула котелок. – Спасибо за угощение, конечно, но меня не прельщает перспектива заполучить диарею. А ты умна, девушка, – одобрительно хмыкнула она, – ибо «с ухой» и «сухой» звучит совершенно одинаково. Нашла интересный выход из ситуации. Не подкопаешься!

– Ладно, будем считать, что с первой загадкой ты справилась! – вынесла вердикт Энни.

Мои друзья, стоящие чуть поодаль, но прекрасно слышавшие весь разговор, обрадованно закричали «ура» и бросились обниматься.

– Твоя очередь, – небрежно разрешила Эмма, – загадывай свою загадку.

По правде говоря, никакую загадку я не придумала, ибо не верила в честность гидр. А сейчас устыдилась своего предвзятого к ним отношения и растерялась. Ничего умного в голову не лезло. Придется импровизировать. Я набрала побольше воздуха в легкие и решительно выпалила:

– Ответьте мне на такой вопрос: что надето на меня против моей воли и не снимается даже по огромному моему желанию?

Гидры переглянулись и громко захохотали.

– Пустяковая загадка! – отсмеявшись, заявила Энни. – Ответ на нее: твое обручальное кольцо из сапфира – «Звезда ночи».

– А второе носит он, – поддержала сестру Эмма, указав на принца Тайлериана, – кольцо из изумруда, называемое «Душа леса». Глупо спрашивать о том, что известно богам, а значит, и нам...

Я уныло сгорбилась, рассердившись на саму себя. Ну надо же было так опозориться!

– Один – один, девушка! – радостно констатировали гидры.

– А теперь, если ты хочешь бороться за свою жизнь дальше, то мы загадаем тебе вторую загадку. Но коли разочаровалась в своих силах, то не упорствуй понапрасну и не мучай себя оттягиванием неминуемой гибели. – И Эмма многозначительно щелкнула огромными клыками.

От этого ужасного звука у меня буквально мороз прошел по коже. И жить захотелось во сто крат сильнее!

– Не пугай, пуганая уже! – рассмеялась я демонстративно беззаботным смехом. – Загадывай вторую загадку, а там увидим, кому суждено жить, а кому – умирать!

– Ты очень смелая девушка! – признала Энни с уважительными нотками в голосе. – Но, увы, эту загадку тебе не отгадать...

– Посмотрим! – самонадеянно отрубил я. – Итак?

– Завтра, в это же время, ты должна явиться к нам не сытой, но и не голодной! – потребовала Эмма.

– Не одетой, но и не раздетой, не пешком, но и не верхом! – поддержала сестру Энни. –

А не выполнишь этих условий – умрешь!

После чего гидры переглянулись, издевательски захохотали и скрылись в черном проходе арки.

Но даже после ухода сестер злорадный смех оных хитроумных тварей еще долго напоминал о себе визгливым, протяжным эхом...

– Не потянут! – заявил Зорган, выслушав мою очередную бредовую идею. – Ты для них слишком тяжелая, они же пупы себе сорвут!

– Не сорвут, – успокоила его я, – если Лиззи поможет им магией. – А волокушу соорудим из твоей походной сумки, она самая большая из всех имеющихся. Лямки вещмешка как раз сойдут за постромки...

– По-моему, это садизм чистейшей воды. – Зорган скептически оглядел крысу, дракона и паучишку, смирным рядочком сидевших перед нами.

– Издевательство над животными! – поддержал эмпира Трей. – Я буду жаловаться...

– Куда? – заинтересовался Бальдур, ошеломленный моими новаторскими задумками. – Держи. – Парень закончил копаться у себя в сумке и протянул мне небольшую рыболовную сеть, кою рачительный орк спер в какой-то деревне. – Но не понимаю, на кой ляд она тебе понадобилась?

– Я в нее оденусь, – скромно потупила глаза я, – на голое тело, поэтому, чур, не подглядывать.

– Понятно! – кивнула Лиззи. – Действительно, весьма подходящий наряд, полностью удовлетворяющий требованию гидр. Я бы сама никогда до такого не додумалась!

– А я бы не отказался увидеть тебя в этой сетке... очень хочется... – мечтательно протянул Зорган и тут же получил от меня болезненный щелчок по носу.

– Хочется – перехочется! – менторским тоном отрезала я. – Вы отойдете подальше от арки и не станете меня смущать. Хотя жаль, что вы не увидите выражения морд гидр в тот момент, когда я к ним заявлюсь... Надеюсь, с ними инфаркта не случится?

Сцену, разыгравшуюся следующим утром, и правда стоило видеть!..

Точно на рассвете гидры пунктуально вышли из арки и ошеломленно уставились на меня, неторопливо приближающуюся к условленному месту встречи. При этом я не шла, а сидела на сумке – которую, надрываясь, волокли впрягшиеся в лямки крыса, дракон и паучиха, чьи силы немного увеличились благодаря наложенным Лиззи чарам.

– Эх, ухнем! – подбадривающе выкрикивал Трей, налегая на лямку.

Вместо одежды на мне красовалась рыболовная сеть, а сама я с наслаждением уписывала наш последний продуктовый запас – сочное красное яблоко...

– Ик! – оторопела выдала Эмма, рассматривая меня в шесть пар обалдело вытаращенных глаз. – Это что еще такое?

– Я! – На моих губах играла победная улыбка. – Выполнила ваше задание дословно, на сей раз без всяких хитростей и увиливаний: явилась не сытой, но и не голодной, не одетой, но и не раздетой, не пешком, но и не верхом!

– Ик! – ошеломленно повторила Эмма. – Но как же ты до такого додумалась?

Я скромно пожала плечами, намекая – то ли еще будет!

– Сестра, а ведь эта девушка нас сделала! – восхищенно ахнула Энни. – Чистая победа, не подкопаешься!

– Ага! – уныло кивнула Эмма. – Чему ты радуешься, дурочка, жить надоело?

– Проигрывать тоже нужно уметь, – важно надула щеки Энни. – Не теряя чувства собственного достоинства.

– Предпочитаешь потерять головы? – язвительно прищурилась Эмма. – Ну извини, это твой выбор, а мне мои головы дороги...

– У нас еще осталась третья попытка отыгаться, – успокоила паникершу сестра. – Гарантирую, нашу последнюю загадку она ни за что не отгадает. Итак...

– Стоп! – бесцеремонно оборвала ее я. – Сейчас ведь моя очередь загадывать.

– Валяй, – небрежно разрешила уже вновь обретшая хорошее расположение духа Эмма. – Напряги свои скудные мозги и загадывай.

На сей раз я приготовила загадку заранее и поэтому пребывала в уверенности, что гидрам она окажется не по зубам.

– Ответьте мне, кто долго жил во тьме, но потом обратился к свету? – спросила я, надеясь на то, что гидры окажутся неосведомлены в подробностях, касающихся моей личной жизни.

– И когда ты только поумнеешь, дорогуша? – высокомерно прищурилась Эмма. – Запомни, мы в курсе всего происходящего в этом мире. Ответ на твою загадку – Зорган. Ведь именно он отказался от своих темных наклонностей ради твоей любви.

– Правильно, – разочарованно подтвердила я. – Опять ничья. Общий счет два – два.

– Наша очередь! – обрадовались гидры. – Завтра утром, в это же время, ты должна явиться к нам не живой, но и не мертвой. А иначе мы съедем и тебя, и всех твоих друзей! – С этими словами злобные твари демонстративно развернулись ко мне спинами и величественно заскользили к арке, оставив меня растерянno сидеть на земле.

– Ничего себе заданье! – ошеломленно шептала я, потирая лоб. – Как же такое возможно: стать не живой, но и не мертвой? Ох, похоже, на этот раз я проиграю!..

Весь день я ломала голову над последней загадкой гидр, но так и не придумала ничего путного. Обладающие магическими способностями Лиззи и Бальдур тоже ничем не могли мне помочь. Конечно, в этих краях проживали удивительные существа, одновременно являющиеся и живыми и мертвыми, но все они служили королеве Смерти, а я же ее милости пока не удостоилась. И, говоря откровенно, но очень-то к этому стремилась, ибо считала, что умирать в столь молодом возрасте – глупо и неинтересно.

Ночь почти прошла, приближалось утро, а искомая отгадка все не находилась. Переживая за безопасность друзей, я снова попросила их отойти подальше от арки и затаиться, дабы не попадаться на глаза голодных гидр. В глубине души я очень надеялась на то, что твари удовольствуются только одной мною, пощадив всех остальных. И тогда, возможно, мои друзья сумеют вернуться на морской берег, а там их подберет какой-нибудь проходящий мимо корабль, и...

– И не мечтай! – печально улыбнулся Слепой стрелок. – Еще никто и никогда не возвращался с Ледницы.

– А ты? – оторопело приоткрыла рот Витка.

– Я... – Калека призадумался. – Иногда мне кажется, будто все произошедшее с нами тогда случилось либо не со мной вовсе, либо принадлежит какой-то иной жизни. Я мечтал подарить Бригитте бессмертие, чтобы мы всегда были вместе. В каком-то заброшенном святилище она нашла старинный лук – оружие из Храма Смерти. Тогда у нас и родилась идея отправиться на Ледницу, как выяснилось впоследствии – крайне неудачная. Монет мы не собрали, но магия Бригитты ничуть не пострадала от власти острова и не уменьшилась. Мы вышли к реке, и моя любимая навела на Харона чары послушания – он без слов перевез нас через реку Забвения, поклонился и услужливо высадил на берег...

«Обман, – внезапно подсказал мне чей-то тихий голосок, – все это обман!»

«Зачем Стрелку меня обманывать?» – мысленно удивилась я, ибо уже узнала внезапно пробудившуюся куклу Злючку.

«Не тебя, – строптиво фыркнул мой оберег. – Обманывали их. Иллимара и Бригитту...»

«Иллимара?» – не поняла я.

«Настоящее имя слепца – Иллимар, – пояснила кукла. – Их заманили на остров и позволили беспрепятственно добраться до входа в храм, дабы они выполнили возложенную на них миссию. Задачей Бригитты стало охранять Иллимара...»

«А заданием самого Иллимара?» – нетерпеливо перебила я.

«Привести на Ледницу всех вас! – мстительно хихикнула Злючка. – Согласись, он прекрасно справился с доверенным ему поручением!»

– Мы подошли к арке, – между тем продолжал рассказывать калека, – и перед нами появились гидры. Чары Бригитты не оказали на них ни малейшего воздействия. Одна тварь схватила мою любимую и растерзала, а вторая напала на меня. В те дни я всегда носил при себе две стрелы с наконечниками Когти Хаоса, коими меня снабдила Бригитта. Хранил в колчане за спиной, не разлучаясь с ними ни днем ни ночью. Оберегал как величайшую ценность, способную спасти нас обоих... Я выстрелил, но промахнулся – впервые в жизни... Наконечник не попал в глаз гидры, он ударился о ее морду и сломался. После чего тварь хлестнула меня по лицу ядовитым щупальцем, и я ослеп... Произошедшего со мной дальше я не помню. В памяти сохранилось лишь ощущение полета в темноте, чьи-то прохладные пальцы, снимающие изматывающую боль, и красивый женский голос, нашептывающий: «Приведи ее ко мне!» И все... Очнулся я уже в крохотном домике на окраине городишка Рюнге, где и прожил несколько лет, убивая время либо сном, либо попойками в портовой таверне. Деньги у меня не переводились, ибо каждое утро я находил на столе кем-то наполненный кошель. Я мало задумывался о смысле своего тогдашнего существования, мучительно тоскуя по погибшей Бригитте и поджидая ту, которую должен был привезти на остров. Правда, иногда я выходил в море на «Мавиэли», тоже неизвестно кем мне подаренной, но вполне понятно для чего. А затем в таверне появились все вы, возглавляемые Рогнедой... – Калека замолчал, повернув ко мне ужасное, безглазое лицо. – Я выполнил возложенное на меня задание. Теперь все зависит от тебя, княжна...

– Понятно! – коротко кивнула я. – Если так, то мы не имеем права бессмысленно умереть в шаге от исполнения собственной мечты. Полагаю, должно произойти нечто способное избавить нас от гнева гидр...

– Не верю! – закричал Зорган, бессильно сжимая кулаки. – Я не верю в чудеса. Все это только красивые слова, а реальность намного суровее и беспощаднее. И вскоре нам предстоит столкнуться с нею лицом к лицу. Гидры явятся сюда, к тебе, дорогая... Они протянут свои мерзкие щупальца и засунут их к тебе в глазницы...

– Тогда я резко дерну головой и сломаю их! – дерзко рассмеялась я. – Как бы там ни случилось, но сдаваться я не собираюсь. Даже если это станет моим последним боем! А теперь – уходите! – приказала я.

Друзья послушно побрели по пеплу, вытянувшись в цепочку. Последним шел Зорган. Через несколько шагов любимый оглянулся и жалобно посмотрел на меня. Я подняла руку и помахала ему, постаравшись проделать это как можно беззаботнее. Зорган не сказал ничего, только дернул щекой и заторопился вслед остальным, понуро сгорбив спину. Похоже, он считал, что сегодня мы виделись в последний раз...

– Наконец-то мы от них избавились! – обрадованно заверещала Злючка после того, как мои друзья скрылись из виду. – Избавились от бесполезной обузы. Теперь мы вместе навсегда. И нам предстоит совершить много чего интересенького...

– О чем ты говоришь? – удивилась я. – Друзья никогда не становятся обузой, ведь они подобны огоньку в ночи, освещающему наш путь и согревающему душу.

– У демонов не бывает друзей! – наставительно заявила кукла, обрывая мои сентиментальные излияния. – К тому же с друзьями приходится делиться всем: пищей, кровом, удачей, счастьем. А оное недопустимо. Ибо всех – много, а счастья – мало!

– Эгоистка! – сердито попеняла я ей. – Но учти, я такой никогда не стану...

– А придется, – злорадно хихикнула Злючка. – Если хочешь выжить, если хочешь стать демоном, то придется!

– Как же вы все меня достали с этим своим демоничеством! – Я в отчаянии всплеснула руками и опустила на землю. – Да с чего вы взяли, будто я – демон?

– В этих землях выживают только демоны, – спокойно пояснила кукла. – Пройдя через уготованные тебе испытания, ты уже вступила на необратимый путь трансформации своей сущности. Теперь нам предстоит ее закончить, после чего ты обретешь нужную тебе силу, способную усмирить Ветер Инферно...

– Значит, придется отрашивать рога и копыта? – невесело рассмеялась я.
– Глупости! – фыркнула Злючка. – Ты же не корова. Рога и копыта нам без надобности. Тебе придется совершить другое: стать не живой и не мертвой!

– Ага! – дошло до меня. – Так ты поможешь мне перехитрить гидр?
– Помогу, – подтвердила кукла. – И не только в этом. Мы с тобой давно уже стали неразрывным целым. Моя магия потихоньку проникает в твою кровь и плоть, преобразая тело и душу обычной девушки, обращая ее в могучую демоницу.

Я вспомнила, какое бессчетное количество раз ощущала укусы ее зубов-щечек, и понимающе кивнула. Так вот зачем она это делала!

– Моя магия стала твоей, и поэтому мы победили некромантов! – напонила Злючка. – Ты выстояла в поединке с Медузой, познакомилась с самым гранд-мастером демонов и прогнала чернокнижника из сознания Зоргана. Подобные деяния не под силу обычному человеку, даже очень смелому и сильному. Ты почти уже превратилась в демона. Осталось совершить последний шаг...

– Какой? – с готовностью спросила я, убежденная логическими выкладками своего оберега. – Я – готова! Готова стать демоном и спасти своих друзей...

– Э нет, так не пойдет! – вдруг рявкнула кукла. – Да, спасти их ты можешь, но потом тебе придется от них отказаться, ибо демоны не имеют права дружить с людьми, эльфами или эмпирями. А любить их тем более. Нарушишь оное правило – и в мире воцарится хаос. Все живое собьется с жизненного пути и погибнет...

– Ты принуждаешь меня к выбору? – печально спросила я. – Или спасти Зоргана и отказаться от него, или безучастно смотреть на его смерть?

– Точно! – сурово конкретизировала Злючка. – Нельзя иметь все и сразу. Выбирай!

– Ладно, я готова. Спасу их всех и тут же от них откажусь! – со слезами в голосе пообещала я.

– Отлично! – обрадовалась кукла. – Сейчас я завершу превращение в демона, замедлив ход твоего сердца. В отличие от людей демоны обладают чрезвычайно медленным сердечным ритмом. Поэтому их кровь холодна, кожа – бледна, а магические способности – почти безграничны. Они практически бессмертны, ведь являются и живыми и мертвыми одновременно. Они умеют проходить через порталы и обладают равными с богами возможностями. Впрочем, сама скоро все узнаешь... – И ее острые зубы неожиданно впились в мою шею в области сонной артерии...

Я ощутила резкий приступ головокружения, свет перед глазами померк, а земля ушла из-под ног. Покачнулась и хотела упасть, но внезапно поняла, что еще никогда ранее не ощущала себя такой сильной и полной жизни. В один миг зрение обострилось настолько, что я увидела не только своих друзей, спрятавшихся за барханом из пепла, но даже то, что находилось по ту сторону бытия, за клубящейся в арке темнотой. Мой взгляд словно обрел способность проникать сквозь предметы, пространство и, кажется, даже само время! Окружающие меня запахи стали четче, мышцы будто налились расплавленным металлом, а собственное тело повиновалось мне безупречно. Взамен прежней непрерывной человеческой толкотни мое сердце билось теперь столь редко и слабо, что я едва его слышала. Мысли приобрели поразительную ясность и отлаженность, а кроме того – я поняла, что помню наизусть невероятное множество различных заклинаний и магических формул. А еще помимо всего прочего...

Но в этот самый момент до меня вдруг донесся отзвук могучей поступи, исходящий с той стороны арки... Это гидры спешили сюда, чтобы хоть сегодня наконец-то утолить терзающий их голод! «Ну что же, пришло мое время пообщаться с ними на равных!» – Я мысленно усмехнулась и спокойно зашагала им навстречу...

Я никогда не пела песен и не питала склонности к поэзии. Конечно, если не считать сочинения провокационных частушек, призванных позлить моего державного батюшку. Но сейчас я шла навстречу своей новой жизни, а слова, рождающиеся в душе, сами

складывались в строки и четверостишия. Возможно, причиной тому стала моя демоническая сущность, обострившая не только мысли и возможности, но и чувства и эмоции? Только теперь я поняла: добровольно принять смерть – отнюдь не самое трудное решение в жизни каждого из нас. Намного труднее собственноручно убить выстрадавшую любовь, пусть даже и во имя благой цели... Любовь, так и не ставшую реальной, не шагнувшую за порог надежды и мечты...

Умирает любовь, не шагнув за порог...
Хоть бы чья-то вина обернулась спасеньем,
Грустно в сердце теперь без напрасных тревог,
На душе пустота, нас не ждет час весенний.
Мы мечтали, да только, увы, – не сбылось,
Я твои поцелуи уже позабыла,
В этом мире мы вместе, но все-таки врозь,
И слеза на щеке словно льдинка застыла.
Уголек дотлевают в остывшей золе,
Вместо жаркого пламени – теплая студа.
Умирает любовь... Никому на земле
Не спасти это странное, смертное чудо...

Я остановилась, не дойдя до гидр всего пару шагов. Стояла и смотрела на них, глотая жгучие слезы радости и отчаяния. Знала, что спасаю своих друзей, своего любимого, но вместе с тем понимала – нам никогда уже не быть вместе.

– Госпожа! – Эмма низко склонила все свои головы, словно покорно подставляла шеи под мои сабли. – Мы сразу, еще находясь по ту сторону арки, почуяли произошедшее с тобой изменение. Теперь ты высший демон, госпожа Нижнего уровня. Равная по силе великому гранд-мастеру и его ближним родичам. Ты не жива и не мертва. Значит, наше условие выполнено...

– Разойдемся по-хорошему! – предложила Энни. – Мы не имеем права покушаться на тебя. Извини нас за все. Прощай!

Обе гидры развернулись и шустро заскользили в сторону арки, торопясь убраться подобру-поздорову.

– Куда? А ну, стоять! – громко расхохоталась я, хватая тварей за хвосты и без малейшего усилия удерживая на месте. – Сбежать захотели? Не получится, дорогие мои! Сначала разгадайте мою последнюю загадку...

– Ой, мамочки! – испуганно верещала Эмма, хлеща щупальцами по земле и тщетно пытаясь вырваться. – Спасите, убивают!

– А может, не надо? – робко спросила Энни.

– Надо, дорогие мои, надо! – мстительно хохотнула я. – А станете возражать – я вас обеих узлом завяжу. А теперь быстренько отвечайте на мою последнюю загадку: как усмирить Ветер Инферно?

Гидры панически переглянулись, а затем обреченно обвисли у меня в руках.

– Госпожа, мы не знаем ответа на этот вопрос! – зарыдала Эмма.

– И никто тебе на него не ответит, даже боги! – вторила ей Энни. – Признаем, ты намного умнее, хитрее и сильнее нас. Мы – проиграли. Убивай же нас скорее, не мучай!

– Дурочки! – фыркнула я, отпуская уже не сопротивляющихся тварей, готовых безропотно принять уготованную им участь. – Зачем мне ваши смерти? Да живите вы себе спокойно, только пообещайте, что больше не сожжете ни одного паломника...

– Так ты нас пощадишь? – не поверила Эмма, шокированно хлопая ресницами. – Правда?

– Помилуешь? – потрясенно выдохнула Энни.

– Дурочки, – повторила я, пожимая плечами, – зачем мне вас обманывать? Просто

помните о моих словах и не творите зла.

– Мы все запомним, – шепнула Эмма, пристыженно опуская головы, – и спасибо тебе за милосердие!

– Клянемся, мы тебя не подведем, – пообещала Энни, а затем махнула хвостом, и на ладонь ко мне упала третья серебряная монета, подобная тем двум, кои я уже получила от Речной невесты и колдуна Вышегора. – Возьми, она должна принадлежать тебе. Скажи, чего еще ты желаешь, и мы все исполним...

Я только хотела открыть рот, как меня опередили громкие крики:

– Хотим есть! Хотим пить!

Оказалось, это мои друзья незаметно подобралась поближе – нарушая данное мне обещание, и подслушали мой разговор с гидрами.

Гидры услужливо закивали, метнулись обратно в арку и вскоре вернулись, таща корзины со съестными припасами, кувшины с вином и водой.

Расположившись прямо на земле, мы устроили праздничное пиршество.

– А как же Ветер Инферно? – спросила я напоследок, видя, что гидры отнюдь не горят желанием пировать вместе с нами, а печально посматривают в сторону арки. – Идите, я вас не держу, но неужели вы совсем ничего о нем не знаете?

– Ищи ответ на свой вопрос на другом уровне мироздания, демоница! – посоветовала Эмма.

– На своем родном – Нижнем, – поддакнула Энни.

– Каким же образом я туда попаду? – еще сильнее растерялась я. – Да я туда и не собираюсь, чего я там забыла... Нижний уровень кишмя кишит демонами, жизнь не стоит там ничего, а смерть поджидает за каждым углом.

– Не зарекайся, девушка, – иронично хмыкнула Эмма. – Иногда ради того, чтобы обрести истинный смысл жизни, нам приходится искать его в смерти.

– И хорошо еще, если в своей! – зловеще добавила Энни.

После этих странных слов гидры поспешно скрылись в арке, даже не попрощавшись, а я стояла и задумчиво глядела им вслед, переполненная неясной тревогой.

– Как ты себя чувствуешь, дорогая? – спросил Зорган, подходя и украдкой пожимая мои пальцы. – Никогда еще не видел тебя такой бледной. А твои пальцы, – его голос дрогнул от волнения, – холодны словно лед.

– Со мной все в порядке, – отводя взгляд, соврала я. – Это все от пережитого, скоро пройдет.

Но Зорган явно мне не поверил. Он печально покачал головой, справедливо подозревая, что я скрываю от него нечто важное.

После того как голод был утолен, мы собрали вещи и подошли к арке.

– Ну вот, сегодня наш поход подходит к концу, – почти с сожалением констатировал Бальдур. – Знаете, я даже не радуюсь этому факту. Не хочу расставаться со всеми вами. И потом, я уже почти привык к постоянным приключениям и опасностям...

– Трудно снова приспособливаться к спокойной жизни! – со смехом поддержала его Кайра. – Страшно даже представить – вот сейчас все наши мечты исполнятся. И что же ждет нас дальше?

– Сытая старость! – улыбнулась Лиззи.

– Жирные бока, вторые подбородки, отвисшие животы! – поддразнивающе выкрикнул дракон.

– Ой нет, только не это! – шокированно схватила за щеки Витка.

– Одиночество... – вполголоса подсказал Зорган, не глядя на меня.

– А может, у каждого из нас должна оставаться одна нереализованная заветная мечта, дабы ему было к чему стремиться? – несмело предположил слепой, нерешительно топчась на месте.

– Значит, вы передумали и уже отказываетесь идти в Храм Смерти? – насмешливо предположила я.

– Ну уж нет – идем, идем! – протестуя закричали все. – Обидно ведь, когда твои мечты сбываются у других!

А затем мы понимающе переглянулись и дружно шагнули в темный проем арки...

Глава 10

Мерцающая чернота, подобная ночному небу с мириадами сияющих звезд, находящаяся внутри арки, поглотила нас лишь на одно краткое мгновение, а затем по глазам резанул ослепительный свет, заставивший меня инстинктивно зажмуриться... Я скрипнула зубами от раздражения и с трудом разлепила мокрые от слез ресницы, медленно привыкая к жарким солнечным лучам, отвесно падающим с небес... И тут же ахнула от изумления, ибо мы очутились в пустыне! Под сапогами поскрипывал белый песок, образуя барханы, простирающиеся до линии горизонта. Воздух плыл и плавился от нестерпимой жары, каленым железом обжигая легкие. Но больше здесь не было ничего! Только песок, жара и пустота...

– А где же обещанный Храм Смерти? – разочарованно закричала Кайра.

– О-ля-ля! – насмешливо прокомментировал Зорган.

– Нас опять надули? – почти не удивился Бальдур.

– Тише! – Слепой вскинул руку, призывая нас проявить терпение. – Никто не знает, как выглядит этот храм. Поэтому предлагаю просто пойти вперед, полагаясь на удачу. А если нам повстречается какое-то сооружение, хоть отдаленно похожее на храм, то мы его точно не пропустим, обязательно опознаем!

Поскольку выбирать не приходилось, мы решили последовать совету калеки и упрямо зашагали по песку, увязая в нем чуть ли не по колено. Фляги с водой, наполненные гидрами, успели опустеть наполовину, а с нас самих сошло не менее семи потов, прежде чем мы сумели найти нечто стоящее...

– Смотрите!.. – Кайра пальцем указала на странные предметы, выступающие из песка, забавно шурясь из-под импровизированного тюбана, на который пустила свою последнюю сменную рубашку. – Что это там такое?

– Их много, – уточнил Зорган, начиная считать и вскоре сбиваясь, – очень много!

Он оказался прав, ибо выступающие из песка объекты, пусть и не отличающиеся особо большими размерами, внушали изумление своим количеством, явно превосходящим все мыслимые и немыслимые пределы.

– Я даже числа такого не знаю! – ахнул Бальдур, хватая меня за рукав. – Рогнеда, куда же нас занесло?

– В сад камней, – пояснила я, прислушавшись к тихому голосу Зюльки, выдавшему очередную подсказку. – Личные владения королевы Смерти, ее тщательно лелеемый сад, составленный из мертвых камней...

– А разве бывают живые камни? – хмыкнула скептическая Кайра. – На мой дилетантский взгляд – камни все и везде одинаковы.

– Только не здесь, – улыбнулась я. – Ибо на каждом из этих камней-надгробий высечена дата смерти и имя, а их количество соответствует числу разумных существ, в данный момент живущих в нашем мире.

– А как же... – недоверчиво начала мечница, но ее слова прервал негромкий шум, и ближайший к нам камень рассыпался в пыль.

– Ого, полагаю, кто-то умер! – понял Зорган. – Причем, судя по всему, очень зрелищно и быстро. Наверное, убили... Знаете, не хотел бы я оказаться на его месте!

– Ужас! – содрогнулась впечатлительная Витка.

– А если хорошенько поискать, то найду ли я свой камень? – заинтересовался Бальдур.

– Не советую, – язвительно фыркнула Кайра. – А то найдешь еще, и придется сидеть остаток жизни с ним в обнимку – пылинки с него сдувать...

– Давайте пойдем дальше, – напомнил Слепой стрелок, отвлекая нас от размышлений о

скоротечности и бренности бытия. – Не стоит принимать близко к сердцу все особенности данного места. Ведь оно создано не нами, не для нас и посему – совершенно от нас не зависит.

– Справедливо подмечено, – подхватил Зорган и, посвистывая с деланой небрежностью, прогулочным шагом пошел мимо камней, бравируя завидной силой воли и даже на них не глядя.

Мы поспешно последовали его примеру, хотя, если честно, лично мне стоило огромных усилий игнорировать выбитые на камнях надписи и не останавливаться подле каждого надгробия – дабы вчитаться в имена и зловещие даты. Впрочем, оное занятие явно не имело никакого смысла, ибо сей странный сад выглядел бесконечным, а количество размещенных в нем камней не поддавалось исчислению.

Вопреки собственной убежденности через некоторое время мы все-таки прошли сад насквозь, оставив надгробия далеко позади. И похоже, из груди каждого из нас вырвался невольный вздох облегчения, вызванный осознанием того факта, что даты наших будущих смертей все же остались для нас загадкой.

Следующим таинственным объектом, повстречавшимся на нашем пути, стал длинный, частично разрушенный сарай с обвалившейся крышей. Окна здания скрывались под досками, забитыми крест-накрест, а на двери красовался увесистый ржавый замок.

– Заброшенная лаборатория древних демиургов, создавших наш мир, – сообщила я в ответ на вопросительные взгляды друзей. – Здесь они проводили опыты, экспериментируя над интерпретациями различных форм жизни. Помещение уже сильно обветшало, но все еще отнюдь не безопасно. И не рекомендую вам туда соваться...

– Ясно. – Любопытный Бальдур отшатнулся от крыльца лаборатории, на которое уже собирался подняться. – Не хватает еще вляпаться там в какую-нибудь гадость...

Мы обошли лабораторию стороной, правда, я, идущая последней, заметила тонкий ручеек голубоватой жидкости без запаха, вытекающий из под северной стены сарая, и не удержалась от того, чтобы наполнить ею свою давно опустевшую фляжку – деревянную баклажку, обтянутую непромокаемой змеиной кожей. А зачем я это сделала – сама не знаю.

День начинал клониться к вечеру, жара заметно ослабела, а мы изрядно подустали. И я уже намеревалась объявить привал, как вдруг запнулась и чуть не упала, налетев на некую каменную глыбу, лишь слегка присыпанную песком. Подковка моего каблука звонко цокнула по каменной плите, высекая яркие искры...

– Камни посреди пустыни? – удивился Зорган, вовремя подхватив меня под локоть и уберегая от падения. – Интересно!

– Проверим? – предложила я, сбрасывая куртку и используя ее в качестве подручного инструмента для разметания песка. – Возможно, они находятся тут отнюдь не случайно.

Друзья присоединились ко мне, и вскоре нашим взорам предстала освобожденная от песка каменная площадка идеально круглой формы.

– Потрясающе, – прокомментировал Бальдур, испытующе рассматривая площадку. – Рогнеда, обрати внимание – этот каменный круг разделен на шесть равных секторов, в каждом из которых имеется некий знак... Ты что-нибудь в них понимаешь?

– Вижу и понимаю, – кивнула я. – Мне уже приходилось встречать такие символы раньше – на картах Расклада Судьбы. Вот этот, – указала я, – обозначает Деву. Второй – Чудовище, далее идут Урод, Ведьма, Вампир и Злодей. А всего их шесть...

– Как и вас, Воинов Судьбы... – задумчиво протянул орк, а потом его лицо озарилось счастливой улыбкой, и парень звучно хлопнул себя ладонью по лбу. – Уверен – эта площадка для вас и приготовлена!

– Без сомнения, – подтвердила я. – А посему предлагаю поступить так, как подсказывает мне логика. Каждый из нас должен встать на свой сектор.

– А потом? – настороженно спросил Зорган.

– А потом суп с котом, – усмехнулась я и первой вскочила на каменную плиту, торопясь разгадать предложенный нам ребус. – Узнаем, когда попробуем.

Нехотя, ворча и пререкаясь – дракон Трей, принц Тай, Лиззи, Вольдемар и Зорган тоже заняли предназначенные для них места.

– И? – насмешливо прищурился виконт, ибо с площадкой ничего не происходило.

– Предлагаю замкнуть круг, взявшись за руки, – посоветовала я.

Так мы и поступили.

Сначала все оставалось по-прежнему, но потом площадка вдруг пришла в движение. Камни со скрежетом вышли из удерживающих их пазов и раздвинулись в стороны, открывая зубчатый провал подземного хода. Перед нашими взорами предстали начальные ступени каменной лестницы, уводящей куда-то вниз – в холод и темноту.

Ничего не говоря, я спрыгнула со своего сектора и первой ступила на лестницу, по моему мнению – являющуюся последним этапом на нашем долгом пути к Храму Смерти...

Лиззи щелкнула пальцами, и крохотный огонек, сорвавшийся с ее ладони, поджег факел, висящий в скобе на стене. Волшебница вынула его из крепления и молча подала мне. Я благодарно кивнула и продолжила спуск, стараясь не обращать внимания на все усиливающееся покалывание в икрах и дрожь в коленях.

– Интересно, что произойдет раньше: мы умрем от старости или эти ступени закончатся? – вполголоса проворчал слепой у меня за спиной.

Я ничего не сказала, ибо не знала ответа на его вопрос, а Злючка почему-то не торопилась делиться со мной нужной информацией. Возможно, она и сама ничего не ведала об оном подземелье. Теперь мы с тоской вспоминали о жаркой пустыне, ибо промозглый холод, царящий здесь, давно проморозил нас до самых костей, вынуждая кутаться в куртки и громко стучать зубами. Стены подземелья – гладкие и ровные на ощупь – сочились влагой, на низком потолке серебрился толстый слой изморози. А тихо и необъяснимо страшно здесь было так, что мы начали всерьез опасаться за свое психическое здоровье и поэтому развлекали себя как могли. Тай попытался рассказывать Витке пошлые анекдоты, но смех девушки откликнулся таким зловещим эхом, что мы тут же попросили принца замолчать. В паре шагов позади меня Кайра увлеченно спорила с Бальдуром, обвиняя его в плохом знании математики, ибо сама она насчитала уже двадцать две тысячи ступеней, а орк уверял девушку, что она ошибается и мы прошли всего лишь двадцать одну тысячу девятьсот девяносто восемь...

– Наверное, мы скоро достигнем центра земли, – шепнул Зорган мне на ухо, одной рукой держась за стену, а второй придерживая сидящего у него на плече дракона, надоедливо жалующегося на приступ клаустрофобии. – А потом выйдем с другой стороны и очутимся дома...

– Хорошо бы! – улыбнулась я. – Это лучше, чем попасть на Нижний уровень, к демонам...

– А где он находится? – заинтересовался Бальдур, которому не терпелось избавиться от изрядно надоевшей ему Кайры.

– Понятия не имею, – пожала плечами я. – Правда, в одном из хранимых в Нарронской библиотеке трактатов мне довелось читать о том, что наш мир имеет несколько измерений, связанных между собой энергетическими порталами. Автор книги утверждал: Нижний уровень находится на земле, просто лежит в иной реальности...

– Мудрено! – уважительно качнул головой орк. – Но абсолютно недоказуемо!

– Возможно, нам вскоре предстоит проверить его теорию на практике... – начала я, но тут же осеклась, ибо лестница закончилась так же внезапно, как и началась, а вместо унылого серого камня под моей ногой оказалась отнюдь не очередная ступенька, а пол из красивого белого мрамора.

– Кажется, пришли! – враз охрипшим от волнения голосом констатировал Зорган. – О-ля-ля, братцы, быстренько вспоминайте все приготовленные желания!..

Факел ярко вспыхнул на прощание и погас, но непроницаемая тьма подземелья сменилась приглушенным сиянием, исходящим от мрамора. На полу четко виднелась

неширокая дорожка, ведущая вперед...

– Посчитаем это за приглашение! – ухмыльнулся виконт и ускорил шаг, ведомый любопытством.

Светящаяся дорожка привела нас в огромный зал, похожий на карстовую пещеру, естественным способом образовавшуюся в недрах подземных пустот. Белоснежные алебастровые сталактиты свисали с потолка, местами соединяясь со сталагмитами, растущими им навстречу. Эти природные колонны изящно поддерживали свод пещеры, где-то в немыслимой выси легко парящий над нашими головами. Светились синеватые кристаллы, вкрапленные в стены сего подземного храма, мягко флюоресцировали колонии грибов, нашедших приют у оснований сталагмитов.

– Красиво! – восторженно ахнула Витка, задирая подбородок и любуясь сияющими сводами. – Никогда ничего подобного не видела.

– А это что такое? – спросила Кайра, носком сапога небрежно пиная какие-то тряпки, сваленные возле ближайшей колонны. – Похоже, здесь кто-то живет и даже...

Внезапно раздавшийся звук колокольчика заставил меня мгновенно метнуться к лучнице и зажать ладонью ее болтливый рот. Звон приближался...

– Тсс! – требовательно шепнула я, призывая Кайру к молчанию. – Не шуми, не стоит привлекать к себе внимание, мало ли что может случиться...

Поверх моих пальцев эльфийка испуганно и согласно похлопала ресницами, сигнализируя, что поняла и полностью разделяет мои опасения. А между тем звон колокольчика становился все громче, приближаясь... Действуя интуитивно, я нагнулась и поворошила найденные Кайрой тряпки, оказавшиеся несколькими серыми плащами из грубой мешковины...

– Надевайте! – потребовала я и первой облачилась в плащ, свободно окутавший меня с головы до ног, затем накрыла макушку капюшоном и смиренно скрестила руки на груди.

Мы едва успели преобразиться в серые тени и спрятаться за сталагмитом, как неожиданно звук колокольчика стих и из-за ряда колонн показалась вереница людей, облаченных в точно такие же одеяния. Они двигались непринужденно и невесомо – словно плыли по воздуху, легко перемещаясь между разбросанных на земле камней. Брели как сомнамбулы, низко склонив покрытые капюшонами головы, выстроившись в цепочку, ведомые парой воинов в черных и белых доспехах, освещающих свой путь несомыми в руках черепами, в глазницах коих горели раскаленные угли. Белый воин иногда прикасался к привешенному на шею колокольчику, издающему тонкий жалобный звук.

– Это мертвые души, – вдруг шепнула мне Злючка, словно выныривая из небытия. – А ведут их ингвы – хранители мирового равновесия.

– Куда ведут? – не разжимая губ, спросила я.

– К алтарю Смерти! – пояснила кукла. – Следуйте за ними.

– Понятно! – Я призывно махнула рукой друзьям, и мы благополучно пристроились в конце вереницы, вполне успешно подражая покачивающейся, размеренной походке мертвых душ.

Ингвы не обратили на нас ни малейшего внимания, продолжая безмолвно возглавлять странную процессию. Решив не торопить события, я спокойно шла по подземным чертогам, справедливо полагая, что рано или поздно хранители все равно нас куда-нибудь да выведут...

Всем известно, что каждая дорога где-нибудь да заканчивается. Вопрос лишь в том – каким именно окажется этот самый конец... Следуя за ингвами, мы неспешно добрались до округлой пещеры, похожей на грот, в центре коей плескалось небольшое озерцо, наполненное молочно-белой, непрозрачной жидкостью. На середине озера, выступая из воды, возвышался огромный полупрозрачный камень, окруженный загадочным сиянием. Повинуясь жесту хранителя, мертвые души одна за другой достигали берега и беспрекословно ныряли в озеро, исчезая из виду. Похоже, навсегда...

– Извините, но я на такое безобразие не подписывалась! – нервно зашипела Кайра у меня за спиной. – Глядите, этих несчастных топят в озере, как котят, а те даже не пикнут!

– А зачем им пикать? – усмехнулся Зорган. – Если они – мертвые.

– Ну, я-то пока еще вполне живая и в ближайшее время умирать не собираюсь, – известила нас мечница. – Рогнеда, срочно придумай, как нам избежать купания в озере, или я за себя не ручаюсь... – И девушка угрожающе звякнула рапирой, припрятанной под плащом.

– Намек понят, – сквозь зубы процедила я, – попытаюсь...

Между тем все мертвые души уже скрылись в озере, и на берегу осталась только наша компания, нерешительно топчущаяся недалеко от кромки воды. Только теперь ингвы обратили внимание на столь необычное поведение части своих подопечных и возмущенно замахали руками, призывая нас поторопиться...

– Придется нам вас разочаровать, – вызывающе рассмеялась я, отбрасывая плащ и вытаскивая сабли из ножен, – ибо к водным процедурам мы не расположены.

– Неоригинальное решение, – фыркнула Кайра, тоже обнажая клинок и становясь рядом со мной. – К тому же подраться – моя идея, а воровать чужие идеи нехорошо!

Трудно судить, впечатлила ли ингвов именно эта произошедшая с нами метаморфоза, ведь их лица закрывали опущенные забрала шлемов, но внешняя реакция хранителей выглядела устрашающе. Они одновременно взмахнули руками, в коих появились огромные огненные мечи, а затем издали громоподобный рык и синхронно бросились на нас...

– Ну ничего себе! – изумленно крикнул Зорган, едва успев отбить удар черного ингва. – Вот это скорость! Слушайте, а ведь нам против них не выстоять...

К своему величайшему сожалению, спустя всего несколько мгновений мне пришлось с ним согласиться. Хранители атаковали без передышки, тесня нас к озеру. Похоже, они во что бы то ни стало намеревались загнать нас в воду...

– Не вздумай вступить в озеро! – предупредила меня Злючка. – Оно заполнено не водой, а первородной материей, поглощающей все живое.

– Мы все равно погибнем, – печально вздохнула я. – Или под клинками ингвов, или как-то по-другому...

– Твоя фляжка, – напомнила мне кукла. – К счастью, ты набрала в нее не что иное, как ихор – кровь богов, созданную демиургами. Она охранит вас от ингвов, но берегись...

Не выслушав Злючку до конца, я выхватила баклажку из кармана, раскрыла и выплеснула часть ее содержимого под ноги хранителям. Едва коснувшись пола пещеры, ихор вспыхнул ярким синим пламенем. Ингвы сразу же отступили и замерли на месте, не смея прикоснуться к стене холодного огня, пляшущего подле нас. Несколько капель крови богов попали ко мне на ладонь, и я тут же ощутила спонтанный приступ головокружения, а перед глазами замелькали странные, туманные видения, не похожие ни на сон, ни на явь... Я увидела две армии – сошедшиеся на поле брани, состоящие из прекрасных эльфийских воинов в синих и белых доспехах. Но бойцы внезапно прекратили сражение и начали превращаться в камень... Затем мне явилось изображение огромного вулканического жерла, из коего вырывался черный смерч, несущийся над землей и, подобно стае саранчи, пожирающий все на своем пути. А еще – смутные очертания уродливой твари женского пола, скачущей на мертвой лошади, и...

– Хватит! – Чей-то возмущенный крик, внезапно раздавшийся совсем близко, вырвал меня из волшебного полусна и вернул в нормальное состояние. – Немедленно прекрати испытывать мое терпение, девушка! Ты и так уже увидела слишком много...

– И что это было? – спросила я, подрагивающей от слабости рукой утирая влажный лоб, покрытый холодной испариной. – Я ничего не поняла...

– Не стремись проникнуть в тайны богов, – неприязненным тоном посоветовали мне, – ибо они тебя не касаются!

Я подняла взгляд... Перед нами стояла молодая, ослепительно прекрасная женщина, облаченная в черный шелк. Темные, цвета воронова крыла кудри рассыпались по ее плечам, спускаясь до талии. Черные глаза смотрели сурово и осуждающе. В правой руке красавица

держала черную розу, усыпанную каплями алой крови. На голове женщины красовался серебряный венец с крупными алмазами.

– Госпожа! – Я учтиво опустила на одно колено, ибо сразу поняла, кто именно предстал перед нами. – Простите меня, я зарвалась...

– Так-то лучше, – кивнула королева Смерть, и на ее губах расцвела снисходительная улыбка. – Вижу, ты не безнадежна, девочка. Возможно, тебе еще удастся исправить допущенные ошибки и заслужить мое расположение.

– Приказывайте, прекрасная госпожа! – Зорган галантно раскланялся перед королевой, вспомнив свои аристократические манеры.

– Вы все заслужили награду, – милостиво сообщила королева. – Прошли через задуманные мною испытания, не причинив никому вреда, проявив бескорыстие, благородство и великодушие. Поэтому я готова вас вознаградить.

– И вы исполните все наши желания?! – с трепетом в голосе пискнула Витка.

– В разумных пределах, – хитро усмехнулась Смерть. – И, конечно, лишь в том случае, если вы сможете заплатить за мои благодеяния...

– А разве мы уже за них не заплатили? – насупилась строптивая Кайра.

– О, пока вы просто заслужили право попасть в мой храм и полюбоваться его красотами, – небрежно проронила королева. – А прочие мои подарки стоят дорого. Сможете ли вы за них заплатить?

– Нет, – расстроено буркнула Кайра и демонстративно вывернула карманы, вытряхнув несколько медяков. – Нечем...

– Получается, мы пришли сюда напрасно? – повесил голову Бальдур.

– Вы называете напрасным чудесное путешествие, полное новых впечатлений и сюрпризов? – Кажется, королева открыто над нами смеялась. – Согласитесь, вы удостоились удивительного приключения...

– Ага, как же! – хмыкнул слепой, прикасаясь к своему изуродованному лицу. – Офигеть, как нам всем сейчас весело.

– Тогда отпустите нас домой... – робко попросила Витка.

– Пожалуйста, – широко развела руками королева, – я вас не держу. Если сумеете выбраться из храма, вновь преодолете реку Забвения, вернетесь на берег и привлечете внимание проходящего мимо судна, то, возможно...

– Прекрасная идея! – криво ухмыльнулся Зорган. – Даже дураку понятно, что наши шансы на успешное возвращение с Ледницы практически равны нулю...

– Ну а чего вы хотели? Ведь я вас сюда не звала и не приглашала! – равнодушно пожала плечами королева. – Удачного пути. Прощайте. – Она отвернулась, намереваясь уйти...

– Стойте! – коротко приказала я, и в моем голосе прозвенел металл.

– Это ты мне говоришь? – удивилась королева, снова оборачиваясь ко мне. – Да как ты смеешь, дерзкая девчонка?

– Я могу заплатить за исполнение наших желаний! – пояснила я, разжимая ладонь, на которой блеснули три серебряных монеты с профилем королевы. – Поэтому вы просто обязаны их удовлетворить!

– Умница! – похвалила меня повелительница жизни и смерти. – Ты добыла эти монеты честным путем, дословно выполнила условия, озвученные моим жрецом, – получив их за возвращение любви, за дарованную жизнь и за проявленное милосердие. Ты не растратила их по пустякам, а сберегла для самого важного момента. Поэтому проси чего пожелаешь, я все исполню.

– Он! – Я дрожащим от радости пальцем указала на слепого Иллимара. – Этот мужчина уже достаточно страдал, верни ему зрение, госпожа. Я плачу за него! – И я вложила первую монету в руку королевы.

Услышав мои слова, калека потрясенно ахнул и схватился за чудовищный шрам на своем лице, не смея поверить в собственное везение.

– Да запросто! – рассмеялась королева и провела черной розой по руке эльфа. – Отныне ты снова можешь видеть, Иллимар!

Стрелок медленно отнял руку от шрама... Затаив дыхание, мы следили за свершающимся перед нами чудом. С белокожего, прекрасного лица Иллимара на нас удивленно взирали настороженно расширенные миндалевидные глаза поразительного серебристого цвета...

– Я вижу! – вскричал эльф, благодарно бросаясь мне на шею. – О, я вижу!

– Кстати, не вздумай просить меня о Бригитте, – насмешливо прищурилась королева. – Ведь это ты, а не я обещала ему вернуть Бригитту из царства мертвых, а посему придется тебе самой отвечать за свои слова. В этом деле я тебе не помощница...

– Хорошо! – согласилась я и торжественно сжала пальцы едва прозревшего Иллимара. – Обещаю, я помогу тебе вернуть любимую в мир живых...

– Договорились! – растерянно прошептал эльф. – И пусть твои слова звучат так неправдоподобно, но я тебе верю.

– Дальше! – почти выкрикнула Смерть, подстегивая меня резким словом. – Чего ты еще хочешь, девушка? Поторопись, ибо меня ждут дела.

– Они. – Я указала на Вольдемара и Лиззи. – Сделай их счастливыми.

– Принимаю такую просьбу как второе ваше желание, – кивнула королева. – Вольдемар станет правителем Эйсенвальда, а Лиззи – его супругой и со временем великой волшебницей Лизелоттой Эйсенской, охранительницей тех земель. Если, конечно, Зорган не против... – подмигнула она.

– Ничуть! – Виконт крепко обнял брата на прощанье. – Пусть благословят вас боги. Прости меня за причиненное тебе зло.

– Прощаю! – хрипло выдохнул растроганный до слез Вольдемар. – Прощаю от всей души, брат. Надеюсь, ты тоже найдешь свое счастье...

– Хотелось бы верить! – многозначительно покосился на меня Зорган.

– Забери ее с собой. – Я поцеловала Лиззи в щеку и передала ей крысу Грымзу. – Пусть живет в мире и сытости. – Я также хотела отправить с Лиззи паучишку и дракона, но Огонек мертвой хваткой вцепилась мне в волосы, отказываясь расставаться. А Трей мстительно показал язык и перепрыгнул на плечо Зоргана, где и расселся с самым беззаботным видом.

– Отправляйтесь домой! – Королева взмахнула розой, и Лиззи с Вольдемаром мгновенно исчезли, будто их и не было. А я отдала королеве вторую монету.

– Дальше! – потребовала Смерть. – У тебя осталось последнее желание, девушка...

И вот тут-то я призадумалась, не зная, как поступить...

– Не меня! – вдруг шепнула Кайра, дергая меня за рукав. – Не трать последнее желание на меня. Я уже смирилась с тем, что Тай меня не любит и никогда мне не достанется. Я подожду. Сердце подсказывает, что я когда-нибудь встречу своего суженого. Но это произойдет не здесь и не сейчас...

– Рогнеда, отдай последнюю монету нам, – неожиданно взмолилась Витка, прижимаясь к принцу Таю. – Мы соединены с ним судьбой, я это чувствую...

Принц нерешительно шмыгнул носом, не осмеливаясь озвучить свои мысли, но его глаза оказались красноречивее уст, безмолвно поддерживая просьбу Витки...

– Нет! – Королева разгневанно топнула ногой, и пол пещеры закачался. – Нет! Не бывать этому! Принц женат на Рогнеде, и лишь вместе они сумеют спасти наш мир от надвигающегося Ветра Инферно. Тай и Рогнеда связаны навечно...

– Но как же я? – шокированно ахнула Витка.

– Ты ничем его не заслужила! – Уперев руки в боки, королева наступала на несчастную девушку, подталкивая ее к озеру. – Ты здесь лишняя...

– Я никогда не стану женой Тая! – внезапно заявила я, решительно отталкивая Витку, закрывая ее своей спиной и становясь перед королевой. – Я люблю Зоргана. А последнюю монету отдаю Бальдуру. Скажи, чего ты хочешь? – Я повернулась к растерявшемуся орку.

– Путешествовать, – справившись с волнением, выдавил Бальдур. – И написать об этом

книгу, описать весь мир, все его чудеса!

– Молодец! – похвалила Смерть. – И ты ее напишешь, клянусь! Величайшую книгу нашего мира, названную «Хроники Бальдура». А однажды она спасет жизнь кое-кому, и... Впрочем, оное вас не касается. – Она взмахнула розой, и орк пропал, растворившись в облачке сиреневого тумана.

– Слушай, ты, – Смерть наставительно погрозила пальцем, пытаясь вразумить непокорную меня, – не вздумай мне перечить. Вспомни, я спасла твоего дракона, едва не рухнувшего в море, а ты пообещала исполнить любое мое приказание, каким бы страшным или неприятным для тебя оно ни оказалось. Не становись же клятвопреступницей, девушка! Одумайся... Не рискуй благополучием всего мира.

– Пусть, – упрямо мотнула головой я. – Да, я сознательно нарушаю клятву, данную богам, но никогда не стану женой Тая. Я люблю другого. Я лучше провалюсь на этом месте, отправлюсь в Нижний мир к демонам, но никогда не брошу Зоргана. Ибо тот, кто не сумел сделать счастливым себя, никогда не сможет сделать счастливым кого-то другого!

– Ты! – задохнулась от негодования Смерть. – Как смеешь ты идти против меня, бросать вызов судьбе и менять установленное богами будущее?

– Смею! – отчаянно рассмеялась я. – И, если нужно, готова ответить за свои поступки!

Королева онемела от возмущения, безмолвно хлопая ресницами и раскрывая рот, словно выброшенная из воды рыба.

– Пожалеешь, – спустя пару минут, собравшись с силами и вновь обретя дар речи, пророчески каркнула она. – Ты пожалеешь о своей наглости и глупости, безмозглая девчонка. Заплатишь за все. Захлебнешься собственной кровью, но будет поздно...

– Пусть! – повторила я. – И если даже...

Но мои слова неожиданно прервал какой-то грохот, сопровождающийся резкой вспышкой. А потом за нашими спинами распахнулось мерцающее окно портала, из коего вывалилась фигура облаченного в черный плащ мужчины, вооруженного двумя боевыми серпами...

Гедрон лла-Аррастиг все-таки нашел нужное заклинание! Выпив последнюю каплю крови эмпиря, принц демонов произнес короткое заклинание – и перед чернокнижником распахнулся сияющий прямоугольник портала Тьмы. Не думая о последствиях, сжигаемый жадой мести, прихватив лишь два боевых серпа, Гедрон шагнул в темный провал межпространственного перехода... Его тут же завертело и задергало, к горлу подкатила тошнота, на глаза так давило изнутри, что казалось – сейчас они лопнут и колдун ослепнет навсегда. Мимо с невероятной быстротой проносились стены широкого черного туннеля, усеянные сотнями ярких звезд. Лла-Аррастиг понимал, что попал в место, созданное кем-то великим и могучим, обладающим такими знаниями, заполучить кои он даже и не мечтал.

На один краткий миг он словно прозрел, осознав, на какие, в сущности, пустяки растратил свою жизнь, сейчас способную прерваться в любой момент. И он почти уже пожалел о своей запальчивости и суетности, мелочных устремлениях и корыстных целях, но внезапно его полет прервался... Впереди показалось светлое пятно выхода из портала, чернокнижника закружило в потоках ледяного воздуха и втянуло во второй светящийся прямоугольник. В голове мелькнуло нечто странное – какая-то путаная информация о законах термодинамики, сверхсветовой скорости, реактивной тяге, многомерности пространства... Мелькнуло и погасло – ибо времени, проведенного Гедроном в портале, оказалось недостаточно для кардинального изменения его примитивного сознания. А затем чернокнижника резко швырнуло вниз, он покинул туннель и, к своему величайшему изумлению, мягко приземлился точно на ноги, очутившись на берегу небольшого озера...

Светящийся прямоугольник, возникший за нашими спинами, схлопнулся столь же неожиданно, как и появился. Вывалившийся из него мужчина ловко приземлился на обе ноги и выхватил из-за пояса два боевых серпа. Кончиком одного из своих необычных клинков он

откинул закрывающий голову капюшон плаща, являя нам ужасающе уродливое лицо, сплошь покрытое рубцами и ожогами...

– Ты! – гневно выдохнул он, уставившись на меня. – Дрянная девчонка, постоянно разрушающая все мои планы. Наконец-то я до тебя добрался. Готовься, сейчас ты умрешь!

– Чернокнижник, колдун, главный враг, напророченный мне картами из Расклада Судьбы! – поняла я, обнажая сабли. – Это ты устраивал нам ловушки, напал на Лиззи, чуть не убил Зоргана...

– Гедрон! – мстительно осклабился мужчина. – Меня зовут Гедрон. Хотя правильнее называть меня тем, кто заберет твою никчемную жизнь...

– Ах ты урод! – рявкнул Зорган, бросаясь между нами. – Да я тебя...

– Не вмешивайся, – вдруг резко вскидывая руку, приказала королева Смерть, и виконт послушно замер на месте. – Это не твоя битва, эмфир. И я хочу посмотреть, чем она закончится. Пусть никто не вмешивается! – Она скрестила руки на груди, а в черных глазах Смерти зажегся слабый огонек интереса.

Обрадованный неожиданной помощью королевы, Гедрон взмахнул серпами и прыгнул на меня. Я легко парировала его удар и перешла в наступление, тесня врага к самому краю берега. Чернокнижник оказался неважным бойцом, к тому же он быстро понял, насколько я превосхожу его в скорости и умении обращаться с холодным оружием. Но колдун не растерялся... Взыв от разочарования, он отбросил ставшие бесполезными серпы, выкрикнул короткое заклинание, и на его ладонях начали наливать жаром два огненных шара, все увеличиваясь в размерах. Короткий замах – и вот уже огонь устремился ко мне, неся с собой неминуемую гибель...

Я зажмурилась от испуга, не находя в себе возможностей противостоять его магической атаке. Неожиданно, кулон на моей шее слабо завибрировал, полыхнул багровым светом, а вокруг меня возникла голубоватая сфера, полностью закрывающая все мое тело с головы до ног. Огненные шары врезались в сияющий купол и с шипением погасли...

– Будь ты проклята, колдунья! – вскричал чернокнижник, потрясая кулаками. – Как же я мог забыть о твоей защите?.. Но ничего, сейчас я... – Однако договорить он не успел.

Я вовремя вспомнила о том, что теперь являюсь демоном и мне подвластно многое. Подняла обе руки, толкая энергетическую сферу от себя, и она с шорохом устремилась вперед, подобно лавине надвигаясь на моего противника.

Гедрон побледнел от ужаса. Его пальцы сплелись, словно лапки паука, выписывая в воздухе сложные руны, и моя сфера столкнулась с клубами черного дыма, окутавшего фигуру чернокнижника. Громыкнуло... Кокон моей защиты прощально вспыхнул и погас, а магическое поле Гедрона стало еще темнее и плотнее на вид.

– Ага, получила?! – ликующе закричал колдун, торопливо взращивая новые огненные шары. – Вкусила моей мести?! Готовься к смерти, ведьма... – Но его хвастливую речь неожиданно прервал легкий звон тетивы, и в правое плечо колдуна впилась стрела...

Я удивленно обернулась.

Получается, Не знающий промаха стрелок совсем не зря получил такое громкое прозвище, ибо выпущенная им стрела сумела не только пробить защитное поле Гедрона, но и ранила самого волшебника. А теперь, стоя чуть позади меня, Иллимар снова натягивал тетиву, на которую наложил вторую стрелу, тоже снабженную наконечником Коготь Хаоса!

Мою щеку обдало дуновением ветра – и, не встретив на своем пути никакого препятствия, вторая стрела также настигла чернокнижника, вонзившись ему в горло.

Брызнула черная кровь. Гедрон застонал и схватился за шею. Окутывающий его черный туман исчез, огненные шары погасли.

– Ты... – Колдун покачулся, протягивая ко мне окровавленные пальцы. – Ты еще не победила, девчонка. Мы еще встретимся!.. – Его голос становился все тише, по лицу разлилась предсмертная бледность, глаза тускнели. – Помни, мы еще...

Неожиданно за спиной чернокнижника распахнулось окно портала, и, сделав короткий шаг, он почти рухнул туда, скрывшись из виду...

Я шумно перевела дух, ощущая, как с моих плеч спадает огромная тяжесть. Подумать только, мы наконец-то избавились от грозного противника, от неминуемого рока, преследовавшего нас так долго! От врага, едва нас не погубившего!..

Иллимар победно рассмеялся и повесил лук себе на плечо. По выражению его красивого лица я сразу поняла – сегодня эльф spolна расквитался с обидчицей-судьбой, вернув себе прежние удачу и везение!

– Ну ничего себе! – ахнула Кайра. – Получается, мы его угрохали?

– Нет! – сердито рыкнула королева Смерть. – Я не вижу Гедрона среди мертвых. Сейчас он находится в единственном месте, недоступном моей власти. А ты, – она устремила палец в грудь Иллимару, – как посмел вмешаться в не касающийся тебя поединок?

– Это называется дружбой! – иронично пояснил Стрелок. – Хотя вам этого и не понять.

– А у меня прямо мурашки пошли по коже от его обещания, – сообщил пришедший в себя Зорган. – Рогнеда, я бы не советовал тебе пренебрегать последними словами того колдуна... – И виконт осторожно приблизился к медленно потухающему окну портала. – Странно это все, не находите?

– Эй, брателло, – дракон, сидящий на плече эмпир, укусил его за ухо, – не лезь к этой черной дыре, она мне не нравится...

– Зорган, – насторожилась я, – прошу, не подходи к portalу так близко...

Но мое предостережение опоздало.

Из почти погасшего портала молниеносно высунулась скрюченная черная рука, крепко ухватила Зоргана за воротник куртки и дернула, увлекая виконта внутрь межпространственного перехода... Эмпир громко вскрикнул, скорее от неожиданности, чем от испуга, головой вперед рухнул в портал и исчез... Сияющий прямоугольник схлопнулся с тонким звоном, насмешливо отозвавшимся у меня в душе...

– Нет! – закричала я, кидаясь к тому месту, где всего лишь мгновение назад стоял мой легкомысленный возлюбленный. – Нет! Зорган, вернись!

Но мои кулаки молотили по пустоте. Зорган пропал, причем пропал вместе с драконом! Я опустила на землю и зарыдала от отчаяния...

– Вот мы от него и избавились! – с удовлетворением в голосе констатировала королева Смерть. – Он ведь всегда был лишним в вашей компании и всем мешался. Отвлекал тебя от реализации моего плана. А теперь все встало на свои места: ты соединишься с принцем Таем и спасешь мир от Ветра Инферно!

Я слушала эти слова, но не верила собственным ушам. Мне казалось, что подобная черствость недопустима даже для королевы Смерти! Молодой мужчина пропал, исчез, отправился в другой мир – на верную гибель, а ей – все равно... Вернее, пропали двое: молодой мужчина и молодой дракон. Ну скажите, как можно демонстрировать такую бездушность? Хотя разве у Смерти есть душа?!

– Ни за что! – Я подняла залитое слезами лицо и смерила королеву презрительным взглядом. – Никогда не стану участвовать в ваших интригах. Я вам не игрушка!

– А как же мир? – потрясенно ахнула властительница наших судеб. – Тебе на него наплевать?

– Ага! – решившись блефовать, нахально заявила я. – Со-вер-шен-но! Гори оно все синим пламенем. Я дала Зоргану обещание, что никогда его не покину. Найду всюду – куда бы он ни попал, даже в могиле. Поэтому имейте в виду, именно этим делом я и собираюсь заняться в самое ближайшее время. А вам счастливо оставаться, желаю не кашлять!.. – Я поднялась с колен, картинно помахал ручкой и неспешно зашагала прочь от озера.

– Стой! – хрипло завопила Смерть, очевидно попавшаяся на эту уловку и принявшая за чистую монету мое с блеском разыгранное перед нею представление. – Ты не имеешь права пренебрегать общими интересами, бросив нас тут. Как ты вообще смеешь уходить?

– Как-как... Ножками! – рассмеялась я, не оборачиваясь и не сбавляя шага. – Свои проблемы важнее! А ваши – оставлю на потом, когда у меня появится свободное время.

– Так ты меня шантажируешь? – внезапно дошло до Смерти. – Знаешь, это... это вообще уже ни в какие ворота не лезет. Это же несусветная наглость, настоящий беспредел!

– У вас учусь! – с деланой скромностью сообщила я. – Как вы со мной, так и я с вами.

– Хорошо, – враз осипшим голосом неожиданно произнесла Смерть, – я поняла. Вернись, пожалуйста. Признаю, ты меня победила. Прошу, давай поговорим серьезно и придем к разумному компромиссу...

– Давно бы так! – негромко проворчала я, возвращаясь. – И чего вы от меня хотите?

– Спаси мир, заклинаю тебя! – почти взмолилась королева. – Никто, кроме тебя, не способен совершить подобное. Лишь избранный воин, прошедший все испытания богов, имеет достаточную силу, дабы противостоять Ветру Инферно.

– Ладно, уговорили, – довольно улыбнулась я. – Но учтите, никакой свадьбы с Таем.

– Согласна! – нехотя буркнула Смерть.

– А сначала я найду Зоргана, – выдвинула второе условие я. – И только потом займусь Ветром.

– Но... – начала королева.

– Мудрые гидры дали мне ценный совет, – поспешно добавила я. – Подсказали, что лишь на Нижнем уровне я обрету тайные знания, необходимые для борьбы с Ветром.

– Убедила! – скрипнула зубами Смерть. – Я не вижу Зоргана и чернокнижника среди мертвых. Значит, в каком бы состоянии они ни пребывали, их нынешнее местонахождение – земли демонов. Они недоступны моему взору.

– Тогда переместите меня туда! – потребовала я.

Королева злорадно расхохоталась:

– Порталы Хаоса или Тьмы мне не подвластны. Я могу открыть для тебя лишь портал Смерти, но не гарантирую, в каком конкретно облике ты из него выйдешь. Живой, мертвой или...

– Не важно, – перебила ее я. – Проблемы нужно решать по мере их поступления. Сначала попаду на Нижний уровень, а уж там стану оценивать свои потери...

– Как знаешь! – хмыкнула Смерть. – Это твой выбор. Но сделай милость, не опозорь меня там, все же я лично знакома со многими обитателями Нижнего уровня, а ты в какой-то мере моя протеже. Поэтому не порти мне репутацию. Не ударь в грязь лицом и...

– И всеми прочими частями тела! – уточнила Кайра, крепко меня обнимая. – Иди, Рогнеда, спасай Зоргана и Трея. За нас не переживай. Обещаю, мы еще встретимся!

Я наспех попрощалась с Таем, Виткой, Иллимаром и Кайрой, мучимая чувством вины. Все-таки я нечестно поступаю, бросая их на Леднице. Но выбирать не приходится...

– Поспеши! – напомнила мне королева, вырисовывая в воздухе цепочку рун. – Сейчас портал раскроется, но останется в стабильном состоянии совсем недолго...

– Ой, а как же заклинание перехода? – вдруг дошло до меня. – Я же его не знаю!

– Зато я знаю! – шепотом подсказала Злючка. – Не бойся, подруга, прорвемся!

Раздалось негромкое шипение, и передо мной возник сияющий прямоугольник портала Смерти. Пospешно подхватив сумку с личными вещами и крикнув: «До встречи!» – я головой вперед нырнула в межпространственный переход, направляемая голоском Злючки, бубнящей что-то непонятное...

И тут же вокруг меня сомкнулся смертный холод. Руки мгновенно онемели, в волосах зазвенели льдинки, на губах образовалась корка из наста, ресницы запорошило инеем. Все наши прежние блуждания по снежным полям острова оказались ничем по сравнению с этим безумным, каким-то загробным холодом, способным заморозить не только тело, но и душу. Меня несло по бесконечному, тускло светящемуся коридору, наполненному тысячами теней. То были разумные существа, кто прежде меня попал в портал, но так и не сумел из него выйти. А самым страшным оказалось то, что я не только видела призраки давно умерших людей, но и слышала их голоса, воспринимала мысли, сопереживала их эмоциям.

В моей голове словно защелкал какой-то механизм, отсчитывая непонятные для меня числа и события. Перед глазами мелькали пестрые видения чужих городов и земель, катили

свои волны реки и шелестели ветвями деревья, плыли фигуры людей и неведомые сооружения... Год 1375 до н. э. – дата смерти фараона Эхнатона, 15 апреля 33-го года по григорианскому календарю – распятие Христа, 891 год – отравление князя Олега, прозванного Вещим, 30 апреля 1709 года – Полтавская битва, 22 ноября 1963 года – убийство Кеннеди, 11 марта 2057 – начало войны между Китаем и США, 14 эра 2289 года – крушение первого космического корабля, вылетевшего к альфа Центавра... Я догадывалась, что вижу величайшие смерти, ставшие значимыми вехами на пути мирового развития. Смерть окружала, поглощала меня, растворяя в себе. А туннель портала все никак не заканчивался...

Я перестала ощущать себя как разумное существо, уподобившись звездочке на его стене, снежинке в его безграничности. Невыразимый, неизмеримый ужас начисто выедал душу, превращая меня в ничто. Так вот какой ужасный конец пророчила мне провидица Алька! Жаль только, что реальность оказалась хуже, намного хуже ее видения...

Я осознавала, что спасения – нет. Точно так же как нет выхода из этого чудовищного портала, уничтожившего мое настоящее, стершего прошлое и отобравшего будущее. У меня не осталось ничего. У меня не осталось никого. И тогда, осознав свою беспомощность перед вечностью, я устало смежила ресницы, отдавшись во власть судьбы.

Я поняла, что умираю...

Эпилог

Я пришла в себя от ощущения тепла и покоя... Все мои нервные окончания трепетали от наслаждения, подсказывая – чудовищный полет через портал Смерти закончился. Причем закончился вполне благополучно. Я уже никуда не лечу. Просто лежу на чем-то мягком, постепенно приходя в себя. Я – жива! И честно говоря, еще никогда, вплоть до сегодняшнего дня, я не испытывала столь огромного удовольствия от настолько банальных эмоций. От того, что мне уютно, тепло, немного хочется пить, у меня почти ничего не болит и дико чешется правая пятка...

Я открыла глаза. Прищурилась, привыкая к неяркому свету. Выяснила, что лежу на спине, удобно угнездившись в куче мягкого серого пепла, а полноценному обзору здорово мешает нечто выпуклое и огромное, навязчиво нависающее у меня над головой. Повернула голову и обнаружила – это огромное волосатое нечто опирается на восемь здоровенных, колонноподобных лап. А само это волосатое нечто – является брюхом гигантского паука, собственнически раскорячившегося точно надо мной!

С паническим визгом я выскочила из-под паука и схватилась за сабли... Но ничего не успела натворить, ибо паук склонил монументальную башку и нежно погладил мою щеку своими жвалами, по размеру значительно превосходящими мои клинки. Его восемь кроваво-красных глаз с обожанием уставились на меня. Из паучьего чрева доносилось любовное бурчание, сильно напоминающее мурчание ласковой домашней кошечки... И тут до меня наконец-то дошло...

– Огонек! – восхищенно расхохоталась я. – Радость моя, и с чего это тебя вдруг так расперло? Я тебя кормила, конечно, но ведь не настолько же обильно!

– На ней сказались волшебные свойства Нижнего мира, в который мы попали! Ну вот мы и дома! – оповестила меня Злючка. – Здесь все приобретает свою истинную форму и содержание! – Ее голос теперь звучал намного приятнее и приятнее.

– Замечательно! – усмехнулась я, огляделась по сторонам, обнаружила свою сумку и начала проверять ее содержимое. – Весь мой скарб на месте, даже голова горгоны Медузы не потерялась. Интересно, на кого здесь похожа я сама?

Я осмотрела себя в маленькое карманное зеркальце. М-да, ничего не скажешь – хороша красотка! Рога, хвост и копыта, правда, не выросли, но в остальном – тот еще видок. Волосы всклокочены, на лбу – кровотокающая ссадина, под правым глазом наливаются здоровенный

фиолетовый фингал. А в целом ничего страшного. И треклятое волшебное обручальное кольцо по-прежнему как влитое сидит на пальце, никуда не делось. Эх, как говорится, бывает и хуже. Но – реже...

– Прогуляться не желаешь? – подначивающе спросила меня Злючка. – Полюбоваться на местные красоты и достопримечательности. На демонов посмотреть, себя показать...

– Отчего же не желаю? – обрадовалась я. – Раз никто нас здесь с хлебом и солью не встречает, то придется самим позаботиться о ночлеге и пропитании. Ибо где наша не пропадала? – Вопрос прозвучал явно риторически.

Кукла ничего не ответила, поэтому я взобралась на спину Огонька и тронула каблуками округлые бока своего необычного скакуна. Паучиха шумно вздохнула и зашагала вперед. Поступь у нее оказалась нетряской, а сидеть на широкой спине было удивительно удобно.

«Ну что, поехали! – подумала я, из-под ладони по-хозяйски обозревая широкое поле, засыпанное серым пеплом. – Так вот ты каков, значит, Нижний уровень – обиталище всяческой нечисти! Здравствуйте, демоны дорогие! Ха, а вы меня и не ждали?»

За полем показались черные скалы, на одной из которых высился мрачный замок. Я подтянула перевязи сабель, готовая к новым приключениям, которые – в этом я уверена на все сто – не заставят себя ждать. Ну что же, пусть, я ведь не против. Эй, держитесь, демоны, – «красота» идет спасать мир!

А если кто не спрятался, то я не виновата...